4
4-85

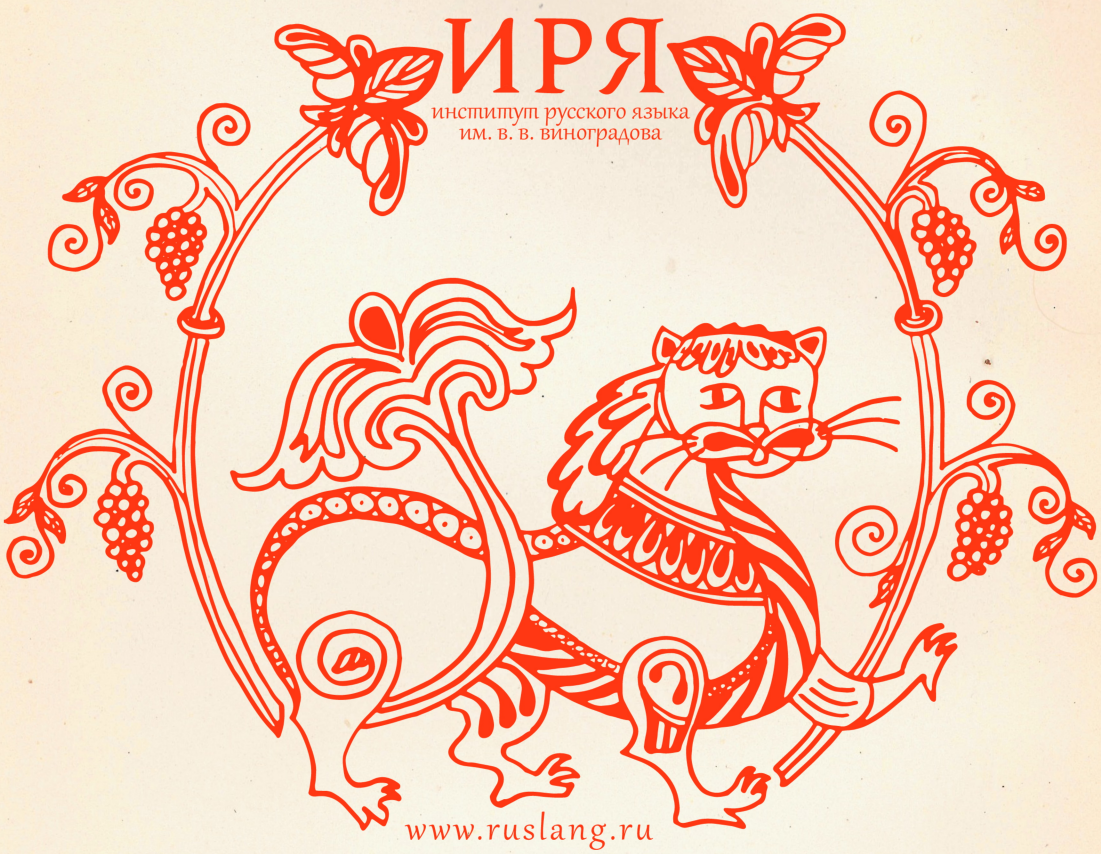
А. В. ИСАЧЕНКО

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

МОРФОЛОГИЯ

I

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

VYDAVATEĽSTVO
SAV

A. V. ISAČENKO

GRAMATICKÁ STAVBA RUŠTINY V POROVNANÍ SO SLOVENČINOU

MORFOLÓGIA

I

DRUHÉ VYDANIE

VYDAVATEĽSTVO
SLOVENSKEJ AKADÉMIE VIED
BRATISLAVA 1965

А. В. ИСАЧЕНКО

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С СЛОВАЦКИМ

МОРФОЛОГИЯ

I

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
БРАТИСЛАВА 1965

SLOVENSKÁ AKADÉMIA VIED

Vedecký redaktor

dr. Štefan Peciar, CSc.

4
И-85
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
62987

© A. V. ISAČENKO 1965

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

За десять лет, отделяющих выход в свет второго издания настоящей книги от первого, наука о языке проделала стремительное развитие. Введением математических методов в языкознание были открыты новые перспективы разработки основных вопросов лингвистики. По-новому были поставлены проблемы классификации языковых явлений, их моделирования и их интерпретации. Плодотворные идеи современной структурной лингвистики несомненно приведут к коренному пересмотру многих традиционных и, казалось бы, отстоявшихся положений в нашей науке. Однако на данном этапе развития структурного языкознания преждевременно было бы приступать к разработке одного конкретного языка в полном объеме и строить грамматику в совершенно новых, еще не полностью проверенных категориях. Во всяком случае введение новейших научных методов в педагогический обиход требует серьезной и упорной подготовки студентов на курсах по введению в языкознания, требует внедрения математического мышления в программы университетских курсов по отдельным лингвистическим дисциплинам.

Поскольку новые взгляды на язык пока иллюстрируются лишь на ограниченном материале, а подготовка студентов по русскому языку неизбежно требует систематического показа весьма обширного языкового материала, автор считает возможным приступить ко второму изданию I-го тома «Морфологии» без существенных изменений в трактовке приводимого материала. Автор учел многие ценные указания своих рецензентов[1] и в отдельных случаях пытался устранить некоторую несогласованность между первым томом «Морфологии» (1954) и вторым (1960).

Автор надеется, что и предлагаемое второе издание поможет в первую очередь чехословацким русистам ориентироваться в ряде сложных и спорных вопросов русской морфологии.

---

[1] J. Popela — M. Kubík, *Naše první vysokoškolská mluvnice ruštiny*, Sovětská jazykověda 5 (1955), 306—319. — R. Zimek, *K morfologii prof. A. V. Isačenka*, Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci, Jazyk a literatura 3 (1956), 173—189. — В. О. Unbegaun, Revue des études slaves 33 (1956). — S. Karolak, *Niektóre zagadnienia struktury języka* (Z powodu książki prof. A. Isaczenki, Grammaticzeskij stroj russkogo jazyka w sopostavlenii s słowackim, Morfologia I), BPTJ Kraków XVII (1959), 147—170.

ГЛАВА I

МОРФОЛОГИЯ И ЕЁ МЕСТО В КРУГУ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Грамматический строй языка как предмет грамматики

Совершенно ошибочно думать, что языки различаются между собой тем, что́ каждый из них способен выразить. В основном, любой язык может выразить теми или иными средствами всё то, что может быть выражено на любом другом языке. Этим и объясняется принципиальная возможность перевода с любого языка на другой.

В действительности каждый язык характеризуется всем тем, что в данном языке не может остаться невыраженным. Грамматический строй языка заставляет говорящего соблюдать определённые правила, которые для члена данного языкового коллектива остаются обычно неосознанными. Эти правила заставляют говорящего придерживаться определённых языковых моделей, накладывают на него определённые ограничения. Так в русском или в словацком языках любое существительное должно быть отнесено либо к единственному, либо ко множественному числу. Говорящий не может употребить существительное, стоящее «вне категории числа». В единственном числе говорящий на русском или словацком языке связан категорией грамматического рода и падежа: любое существительное, употребляемое в единственном числе, должно относиться к одному из трёх родов (мужскому, женскому или среднему) и должно стоять в одном из падежей. Говорящий не имеет возможности игнорировать грамматический род или падеж существительного. В пределах существительных мужского рода говорящий стоит перед выбором между существительными «одушевлёнными» и «неодушевлёнными» (в словацком языке): в целом ряде высказываний разница между «одушевлёнными» и «неодушевлёнными» существительными должна быть выражена формально. Именно эти и подобные грамматические свойства и являются характерными для наших языков.

Грамматический строй современных нам языков является результатом длительного исторического развития.

О наличии изменений в грамматическом строе свидетельствует хотя бы

тот факт, что славянские языки, развившиеся из одного относительно единого языка-основы с общим грамматическим строем и с общим словарным фондом, отличаются друг от друга не только в словарном отношении, но и в отношении грамматического строя. Правда, грамматические расхождения между такими языками, как русский, с одной стороны, словацкий и чешский — с другой, не так велики: в основном эти языки сохранили большинство грамматических категорий почти без изменений. Сохранился общий «флективный» тип славянских языков, т. е. изменения имени и местоимений по падежам и изменения глагольных форм по лицам при помощи флективных окончаний,[1] сохранилась категория грамматического рода, сохранились почти без изменений и многие окончания. Более того: развитие отдельных славянских языков протекало в общих чертах в одном направлении. Замечательно, что почти все славянские языки на протяжении своего многовекового развития независимо друг от друга претерпели ряд параллельных изменений в области грамматического строя. Во многих славянских языках (в том числе в русском, словацком и чешском) была утрачена категория двойственного числа (у имени, местоимения и глагола); некогда богатая парадигматическая система имени существительного, базирующаяся на чётком разграничении «основ», была заменена более простой парадигматической системой; беспредложный местный падеж был устранён и заменён новым «предложным» падежом; в области глагола были устранены имперфект и аорист и заменены во всех случаях формами прошедшего сложного; развилась категория глагольного вида; возникли новые формы деепричастий; обогатилась система неизменяемых частей речи и т. д. Вместе с тем, в отдельных славянских языках возникли особенности, не повторяющиеся в других языках и связанные, стало быть, с внутренними законами развития этих языков. Так, например, объём и состав категории «одушевлённости» в русском, словацком и чешском языках далеко не тождествен. Имеются значительные расхождения в трактовке «категории лица». Была утрачена категория «определённости — неопределённости» имени существительного, выражаемая в древнем языке формой прилагательного, выступающего в качестве определения (напр. *чюжь конь*). Краткие формы прилагательного употребляются в современном русском и чешском языках исключительно в качестве сказуемого *(он бблен, je netosep)*. Словацкий язык утратил почти полностью краткие формы прилагательных. С другой стороны, в чешском и словацком сохранились и развились энклитические слова (формы местоимений слов. *ma, mi, ťa, ti, sa, si, ho, mu*, формы вспомогательного глагола *som, si*), утрачен-

[1] Только болгарский и македонский языки утратили, до некоторой степени, флективность в области склонения.

ные в русском языке, широко развилась система «многократного» вида глаголов типа *holievať*, *brávať*, *vyberávať*, не получившая в русском языке широкого распространения и т. д.

Из всего сказанного следует, что на каждом конкретном этапе развития языка внутри грамматического строя следует отличать более устойчивые элементы от элементов более подвижных. Способность грамматического строя в его наиболее подвижных пластах претерпевать изменения, обогащаться и совершенствоваться, должна быть полностью учтена при изучении грамматического строя конкретного языка в любую эпоху его развития. На каждом конкретном отрезке времени язык и, следовательно, его грамматический строй, подвергается известным изменениям. На каждом конкретном отрезке его развития происходит борьба между новым, жизнеспособным и развивающимся и старым, отмирающим. Истинный историзм в языкознании должен полностью учитывать эту борьбу, вскрывать процессы её вызывающие и сопровождающие. Живые, продуктивные элементы грамматического строя проявляют себя в качестве активных, продуктивных грамматических правил и приёмов; отмирающие, непродуктивные элементы сохраняются в языке в качестве «окаменелостей», «исключений» из общих правил. Здесь с особенной наглядностью сказывается взаимосвязанность основных компонентов языка, его грамматического строя и его основного словарного фонда. Дело в том, что наиболее устойчивые элементы словарного фонда, слова, наиболее тесно связанные с жизненными потребностями общества и выражающие элементарные понятия, и являются как раз носителями «архаизмов» в грамматическом отношении. Именно они и представляют обычно «исключения» из общих грамматических правил. Это вполне естественно: сохраняясь в языке весьма продолжительное время и являясь исходным материалом для создания новых слов, архаические элементы словарного фонда отражают зачастую более древнее состояние грамматического строя языка. Слова типа *лес*, *рука́*, *мать*, *и́мя*, глаголы типа *идти́*, *печь*, *сесть* и т. п. несомненно относятся к древнейшим пластам славянской лексики. Все эти слова имеют ряд отклонений от общих правил: существительное *лес* образует особую форму предложного падежа с местным значением на *-ý (в лесу́)*, особую форму родительного падежа на *-у (и́з лесу)*, форму именительного падежа множественного числа на *-á (леса́)*; существительное *рука́* сохраняет акцентологические особенности, свойственные лишь нескольким именам существительным женского рода (ср. *рука́ — ру́ку — за́ руку — на руке́ — ру́ки — рука́м)*; существительные *мать* или *и́мя* склоняются по особым образцам; в области «первичных» глаголов наблюдаются значительные нерегулярности (ср. *я иду́* при прошедшем времени *я шёл*, чередование основы типа *я пеку́, ты печёшь*, чередования в основе типа *сесть — я ся́ду* и т. п.).

Борьба между старым и новым в пределах грамматического строя продолжается и в наши дни. На каждом отрезке времени в языке бытуют разные «дублеты», конкурирующие между собой. Одна из форм представляет собою более старую стадию развития, другая — более новую. Так объясняется в словацком языке наличие дублетов типа *čísel* и *čísiel*, *sestár* и *sestier*, *očú* и *očí*, *môjho* и *mojeho*, *tohto* и *tohoto*, *vypäl* и *vypol*.[1] В русском языке формы именительного падежа множественного числа типа *сектора́*, *цеха́*, *клевера́*, *корма́* являются новшествами, в то время как формы *се́кторы*, *цеха́* должны быть признаны консервативными. Акцентологический тип, представленный существительными *кни́га*, *шко́ла*, *вагон*, *завод*, *боло́то*, вполне продуктивен, в то время как акцентологические типы, представленные существительными *голова́*, *овца́*, *гвоздь*, *окно́* и т. п., непродуктивны.

Историзм в изложении системы современного языка не состоит в историческом комментировании отдельных грамматических явлений. Отожествление форм современного языка с формами более древних эпох развития на основании чисто формального признака должно быть признано неисторичным и антинаучным. Если наречие *пешко́м* в историческом плане и является застывшей формой творительного падежа единственного числа, то, с точки зрения современного языка, эту форму уже нельзя отожествить с формой творительного падежа хотя бы уже потому, что неизвестно, от какой формы именительного падежа она образована. Точно так же словацкие наречия *dupkom*, *cícerkom* не являются уже формами творительного падежа, т. к. существительные, от которых они были образованы, в современном языке утрачены. В изложении системы современного языка историзм сводится к раскрытию живых и продуктивных законов и приёмов и к их отграничению от законов и приёмов непродуктивных, мёртвых.

Итак, предметом грамматики является всестороннее изучение грамматического строя, установление закономерностей, обусловливающих его структуру, прослеживание процессов отмирания архаических элементов и накопления новых элементов на данном этапе развития, и выявление обобщённых правил, характерных для данного этапа развития языка.

Взаимосвязанность между грамматическим строем и звуковой стороной языка

Грамматические явления не существуют сами по себе, вне связи с звуковой реализацией. Средства, которыми располагает грамматика для выражения тех или иных отношений, связаны с звуковой оболочкой языка.

---

[1] Ján Horecký: Prehľad tvaroslovných zmien v návrhu na nové Pravidlá, Slovenská reč XVIII, č. 4, 1952—1953, 110—115.

В славянских языках грамматические отношения чаще всего выражаются аффиксами, имеющими своё определённое звучание, свою фонетическую форму. Поэтому вполне естественно, что фонетические изменения, охватывающие язык в целом, могут иметь серьёзное влияние на развитие не только отдельных грамматических форм, но и на судьбы целых грамматических категорий.

Потеря так называемых основ на *-и* мужского рода связана во всех славянских языках с тем, что старые основы на *-и* получили, в результате фонетического развития, в имен.-винит. падеже единственного числа то же окончание *-ъ*, как и старые основы на *-о*. Старое окончание основ на *-и* (< **-us*) совпало в результате действия фонетических законов с окончанием *-ъ* основ на *-о* (< **-os*); таким образом, существительные типа *столъ* и *сынъ* приобрели ещё в праславянском языке в известных падежах одно и то же окончание. В таких условиях существительные, относящиеся к старым основам на *-и*, не смогли удержаться как самостоятельная парадигма и подверглись влиянию основ на *-о*, что в конечном итоге привело в русском языке к утрате самостоятельного типа склонения старых основ на *-и*.

Особо важную роль для выражения тех или иных грамматических отношений играют так называемые «просодические» свойства гласных (количество, место ударения, интонационные оттенки). В чешском и словацком языках широко использовано количество гласных для отличия тех или иных грамматических форм, ср. словац. *raz* ~ *ráz*, *mesta* ~ *mestá*, чеш. *jistá* (полная форма) ~ *jista* (краткая форма) и т. п. В русском языке, не знающем свободной долготы, решающую роль играет место ударения. Целый ряд грамматических форм отличается друг от друга в первую очередь местом ударения: *вóлос* »vlas« ~ *волóс* »vlasov«, *ногú* (род. п. ед. ч.) ~ *нóги* (им.-вин. п. мн. ч.), *узнаю́* (несоверш. вид) ~ *узна́ю* (соверш. вид), *бóльшие* (положительная степень) ~ *бóльшие* (сравнительная степень). Акцентологические особенности слова тесно связаны с образованием отдельных форм и должны изучаться наряду с системой окончаний.

Интонация играет важную роль в синтаксисе, где в зависимости от интонации мы имеем дело с разными видами предложений (утвердительных, побудительных, вопросительных). Само понятие «предложение» связано с наличием единого интонационного движения голоса. Отсюда следует, что звуковая сторона языка неотделима от всех остальных сфер языка: от его грамматического строя, от лексики, от стилистики.

В ряде пособий фонетика, как учение о звуковой стороне языка, включается в отдел грамматики. Как мы видели, грамматика пользуется фонетическими средствами, но этими же средствами пользуется и лексика и стилистика. Поэтому фонетика, как особая языковедческая дисциплина, не может быть включена в состав грамматики.

Грамматический строй и словарный состав

Специфической чертой грамматических явлений является их абстрактность, их обобщённость. Если сопоставить слова вроде *карандаша́, косте́й, высо́кого, двух, э́того, говоря́щих*, то окажется, что у всех этих слов имеется одна общая черта: все они выражают известное грамматическое отношение — родительный падеж. «Родительный падеж» является понятием чисто грамматическим, не связанным с конкретным материалом, с конкретным значением слов. Падеж может быть выражен именем существительным и именем прилагательным, местоимением, числительным или причастием, он может быть выражен в единственном или во множественном числе, сохраняя при этом во всех случаях специфичность своего грамматического значения, свою «генитивность». Слова типа *карандаша́, косте́й, высо́кого* и т. п. не встречаются, однако, в нормальной речи в изолированном виде. Они выделяются нами из состава предложения или другого синтаксического целого низшего порядка, напр. *у меня́ нет карандаша́, суп из косте́й, провода́ высо́кого напряже́ния.* Слово, выделяемое в определённой форме, как единица в составе предложения (или синтагмы), мы назовём словесной формой,[1] в отличие от слова, как единицы словарного состава, которое некоторые лингвисты называют «лексемой».

«Лексемой» является слово, как носитель определённого значения, как название самостоятельного предмета мысли, как единица словарного состава, в который она, эта единица, входит во всей совокупности своих грамматических форм. У слов изменяемых (склоняемых или спрягаемых) лексема является сложной системой взаимосоотнесённых форм. Так, например, для членов словацкого языкового коллектива слова *krátky, krátka, krátke, krátkeho, krátkemu, krátkym, o krátkom, krátkej, krátkou, kratší, kratšia, kratšie, kratšieho..., najkratší, najkratšia, najkratšie* и т. д. объединяются в границах одной лексемы. Словесные формы — это видоизменения лексем в интересах грамматики.

Взаимосвязанность и взаимообусловленность грамматического строя языка и его лексики очевидна. Нет слов, грамматически не оформленных (в самом широком смысле этого термина), так же, как и нет грамматических фактов, не проявляющихся на конкретном словарном материале. Однако в интересах теоретического разграничения компетенции основных лингвистических дисциплин — грамматики и лексикологии — не бесполезно

---

[1] Ср. А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова: Образования *stone wall, speech sound* в английском языке. Институт языкознания. Доклады и сообщения. II. Москва 1952, стр. 105. Примечание 1.

принципиально различать между фактами, относящимися по своему существу к области грамматики, и явлениями, связанными с проблематикой лексики.

Предмет морфологии как особого раздела грамматики

Морфология является учением о формах слова. Такое, казалось бы, ясное определение предмета морфологии позволяет, однако, несколько толкований, поскольку понятие «форма слова» понимается отдельными авторами по-разному. В чехословацкой лингвистической традиции понятие «формы слова» покрывает чаще всего явления флективного словоизменения (ohýbanie), т. е. охватывает склонение и спряжение. В таком понимании морфология (tvaroslovie) является каталогизацией и систематикой флективных форм и ограничивается анализом изменяемых (склоняющихся и спрягающихся) частей речи.

В русской лингвистической традиции предмет морфологии понимается значительно шире. В неё входит и учение о морфологических классах слов (т. е. о «частях» и «частицах» речи), и учение о наиболее общих грамматических понятиях, лежащих в основе склонения, спряжения и всех приёмов грамматического формообразования, т. е. учение о морфологических категориях.

Ядром морфологии является, несомненно, изучение приёмов словоизменения и формообразования на фоне тех общих правил, которые и определяют частные приёмы образования грамматических форм. По словам акад. В. В. Виноградова, «формообразование со всеми относящимися к нему морфологическими категориями, ... и составляет главный предмет морфологии».[1] Но наряду с этим морфология изучает также наиболее общие грамматические разряды слов, так называемые «части речи» и «частицы речи», причём оказывается, что далеко не все части речи обладают формами словоизменения и формообразования. В связи с этим встаёт вопрос, допустимо ли относить учение о предлогах, союзах, частицах к морфологии или целесообразнее и правильнее изучать их в синтаксисе. Понимая термин «грамматическая форма» в широком смысле, мы считаем, что и такие «служебные» разряды слов, как предлоги и союзы, имеют свою форму, проявляющуюся в потенциальной сочетаемости их с теми или иными разрядами слов, в способности или неспособности выражать те или иные грамматические значения. Вот почему учение о неизменяемых

[1] В. В. Виноградов: Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии. Вопросы теории и истории языка, Москва 1952, стр. 110.

частях речи (в том числе и о «служебных» словах) относится нами к морфологии.

Некоторые авторы понимают морфологию ещё шире. К отделу морфологии относят не только вопросы словоизменения (obýbanie) и формообразования, но и вопросы словообразования (kmeňoslovie). Морфология в таком понимании становится общим учением о слове.

Включение проблематики словообразования в отдел морфологии обыкновенно обосновывается тем, что в русском языке приёмы словоизменения и формообразования, с одной стороны, и приёмы словообразования (kmeňoslovie), с другой, — формально однотипны: приёмы парадигматических изменений и деривативных образований сводятся в основном к аффиксации. Авторы Академической грамматики признают, что «предметом морфологии в строгом смысле слова является изучение правил изменения слов, иначе говоря, выяснение способов образования разных форм одного и того же слова».[1] Тем не менее, они последовательно включают в морфологию и вопросы словообразования (деривации) на том основании, что в русском языке слова образуются «в основном» посредством особых морфем,[1] т. е. посредством таких же формальных приёмов, как и грамматические формы слов. Поэтому авторы Академической грамматики считают возможным объединить в одном отделе грамматики — морфологии в широком смысле слова — и образование форм и образование слов.

Нельзя, однако, забывать, что словообразование при помощи особых морфем (суффиксов, префиксов) является в русском языке, да и во всех славянских языках, лишь одним из существующих приёмов пополнения словарного состава. Признавая чисто формальный параллелизм между некоторыми приёмами русского формообразования и словообразования, исследователь не может не обратить внимания на принципиальное различие между этими двумя областями. В результате применения формообразовательных приёмов возникают, как мы уже говорили, грамматические формы слова; форма 2-го лица единств. числа настоящего времени *ты хо́дишь* входит в состав лексической единицы («лексемы») *ходи́ть*. В результате применения словообразовательных приёмов, напр. *ходи́ть* ~ *приходи́ть* возникает новая «лексема», т. е. новая единица словарного состава, являющаяся в свою очередь новой системой грамматических форм (*прихожу́*, *прихо́дишь*, *приходи́л*, *приходи́*, *приходя́*, *приходя́щий* и т. д.). Слова, полученные в результате применения словообразовательных приёмов (напр. *ходи́ть* → *приходи́ть*), подвергаются правилам грамматики так же, как и исходные слова, глагол *приходи́ть* является таким образом не особой формой глагола ходить, а новым словом, новым элементом словарного

[1] Грамматика русского языка. Академия наук СССР. Москва 1952, стр. 15.

состава языка. Поэтому словообразование как одна из глав, трактующих о приёмах образования новых слов, рассматривается нами как один из разделов лексикологии, т. е. учения о словарном составе языка.

Не может быть сомнения в том, что «образование новых слов» является одним из приёмов расширения и обогащения словарного состава и что учение о словообразовании, таким образом, всецело относится к лексикологии. Это признаётся и рядом советских исследователей. Так К. А. Левковская в своей статье «О словообразовании и его отношении к грамматике» подчёркивает, что «словообразование (представляющее собой средство обогащения словарного состава языка) входит в область лексики».[1] Если это так, то нет никакой надобности включать словообразование в морфологию. Специфика приёмов словообразования, систематизация его формальных средств, его отношение к грамматике могут быть рельефно показаны на фоне специфических черт остальных приёмов пополнения словарного состава (словосложения, «лексикализации» грамматических форм и т. п.).

Обыкновенно указывают, что словообразование соприкасается с грамматикой не только формально (общность внешних приёмов — суффиксов, префиксов), но ещё и тем, что словообразовательные морфемы обладают значительной степенью абстракции, приближаясь, таким образом, к формообразовательным морфемам, известным из парадигматики. Правда, по словам акад. В. В. Виноградова, «словообразовательные категории никогда не достигают такой широты обобщения и грамматической абстракции, как, например, грамматические категории падежа, числа или времени».[2] Подобную мысль высказывает К. А. Левковская: «Формообразование, а особенно словоизменение, ... представляет собой по сравнению со словообразованием в целом высшую форму абстракции».[3] На наш взгляд разница между приёмами грамматическими (формообразовательными, словоизменительными) и лексическими (словообразовательными) вовсе не состоит в большей или меньшей степени абстракции. Отличительной чертой грамматической абстракции является её «категориальность», т. е. её несвязанность с конкретным лексическим материалом, в то время как отвлечённость словообразовательных приёмов всегда так или иначе связана с конкретным значением исходного словарного материала и словообразовательных

---

[1] К. А. Левковская: О словообразовании и его отношении к грамматике. Вопросы теории и истории языка, Москва 1952, стр. 165. (Разрядка моя, *А. И.*)

[2] В. В. Виноградов: Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии. Цит. сборник, стр. 123.

[3] К. А. Левковская: О словообразовании и его отношении к грамматике. Там же, стр. 173.

средств. В результате применения грамматических правил, в частности, в результате применения правил словоизменения или формообразования, не возникает новое конкретное значение, новое конкретное слово. Такие слова, как *карандаша́*, *ходя́щий*, *но́вому*, *шёл* не являются самостоятельными словами: им нет места в словаре, поскольку они явно представляют собою грамматические формы лексем, условно помещаемых в словари в форме именительного падежа единственного числа или инфинитива. С другой стороны, в результате применения словообразовательных (т. е. лексических) приёмов неизбежно возникают новые «слова», новые предметы мысли, новые «лексемы», даже в том случае, если словообразовательные морфемы, при помощи которых образовано данное слово, имеют весьма «отвлечённое» значение. Взять хотя бы образование существительных женского рода от существительных мужского рода со значением «одушевлённости» или со значением «лица». Этот приём в словацкой грамматике называется «prechyľovanie», латинским термином — motio. На первый взгляд разница между существительным *учи́тель* и существительным *учи́тельница* состоит, как будто, лишь в грамматическом роде. Если это так, то соотношение *учи́тель* ~ *учи́тельница* можно было бы признать соотношением чисто грамматическим. Однако основная разница между существительным *учи́тель* и существительным *учи́тельница* состоит не в формальном грамматическом признаке рода, а в весьма конкретном признаке пола. В результате словообразовательного приёма (в данном случае, в результате присоединения суффикса *-ница*) возникла не форма существительного *учи́тель*, а новое слово, новый предмет мысли. С точки зрения грамматической слово *учи́тельница* представляет собою целую систему грамматических форм (*учи́тельницы*, *учи́тельницу*, *учи́тельницами* и т. д.), являясь, таким образом, конкретным словом, располагающим таким же полным составом грамматических форм, как и существительное *учи́тель*, а не грамматической формой соответствующего мужского рода.[1]

Относя изучение словообразовательных приёмов к грамматике, некоторые авторы ссылаются ещё и на то, что словообразование управляется грамматикой, поскольку все возникающие в языке слова подводятся под активные грамматические категории. Но ведь не только словообразование, а вообще вся лексика управляется грамматикой. Под активные грамматические категории подводятся не только новые слова, возникающие в ре-

---

[1] На этой точке зрения стоят теоретически и авторы учебника «Современный русский язык. Морфология», выпущенного Московским университетом в 1952 г. Слова типа *волк* и *волчи́ца*, *лев* и *льви́ца* рассматриваются как «разные слова» (стр. 32—33). Практически же названная грамматика включает словообразование в морфологию как отдел грамматики.

зультате применения словообразовательных (деривативных) приёмов, но и все новые слова вообще, тем или иным путём попадающие в язык, в том числе и сложносокращённые слова, и сложные слова, и даже слова иностранного происхождения. В этом отношении словообразование не проявляет какой-либо особенной близости к грамматике.

Если в подавляющем большинстве случаев не может быть сомнения в том, следует ли данное явление отнести к формообразованию (т. е. к грамматике), или к словообразованию (т. е. к лексике), то в языке имеется ряд случаев, когда затруднительно решить, идёт ли речь о грамматическом или о лексическом явлении. Трудно, например, сказать, являются ли приёмы образования степеней сравнения приёмами грамматическими или лексическими. Являются ли слова типа словац. *bratov*, *susedov*, *učiteľov*, *matkin*, *sestrin* «формами» слов *brat*, *sused*, *učiteľ*, *matka*, *sestra* или же самостоятельными словарными единицами. Отнесённость конкретного явления к грамматике или к лексике колеблется от языка к языку. Так отглагольные имена существительные на *-ие* со значением отвлечённого действия (nomina actionis) в русском языке несомненно являются самостоятельными словами, в то время как в словацком языке они, очевидно, входят в общую глагольную систему. Эти вопросы будут подробно изложены в соответствующих главах. Здесь необходимо подчеркнуть лишь то, что никаких незыблемых границ между приёмами словообразования и формообразования нет, что абстрагирующая работа человеческого мышления проявляется в области грамматики между прочим в том, что втягивает в круг максимально обобщённых категорий всё новые и новые конкретные явления.

62987

Итак, вовсе не отрицая специфику словообразования, как относительно самостоятельной лингвистической дисциплины, мы относим весь комплекс словообразования к лексикологии. Если предметом лексики или лексикологии является изучение словарного состава языка в его движении, то к лексикологии следует отнести все приёмы пополнения и обогащения лексического состава новыми лексемами. Считаем возможным выделить следующие разделы лексикологии, имеющие дело с процессами пополнения словарного состава языка:

А. Морфематические приёмы словообразования:

1. Суффиксальное словообразование типа *учи́тель — учи́тельница*, *песо́к — песо́чный*, *му́дрый — му́дрость* и т. п.

2. Префиксальное словообразование типа *оце́нка — недооце́нка*, *нау́чный — антинау́чный* и т. п.

3. Смешанное суффиксально-префиксальное словообразование типа *окно́ — подоко́нник*, *вред — обезвре́дить*, словац. *hrad — podhradie*, *kotva — zakotviť*.

Б. Приёмы словосложения или композиции:

4. Единооформленное словосложение типа *водока́чка, земледе́лие, углеперегру́зочный, обоюдобстрый* и т. п.

5. Разнооформленное словосложение типа *вагон-рестора́н, изба́-чита́льня, очки́-консе́рвы, фа́брика-ку́хня* и т. п.

6. Разные типы сложносокращённых слов типа *МТС, вуз, медсестра́, комсомо́л* и т. п.

В. Семантическое объединение двух или нескольких слов в пределах разного рода фразеологических единиц:

7. Комплексные лексические единицы, состоящие из двух или нескольких относительно полнозначимых слов типа *вы́сшее уче́бное заведе́ние* »vysoká škola«, *каре́та ско́рой по́мощи* »sanitka«, *Министе́рство наро́дного просвеще́ния* »Ministerstvo školstva«.

8. Комплексные лексические единицы, состоящие из относительно полнозначимого и «формального» слова типа *го́рное де́ло* »baníctvo«, *печа́тное де́ло* »kníhtlač«, *вое́нное де́ло, газе́тное де́ло* »novinárstvo«; *сбо́рный пункт* »zhromaždište«, *наблюда́тельный пункт* »pozorovateľňa«, *медици́нский пункт* »ošetrovňa«, словац. *dať pozor, dať do poriadku, dať do obehu.*

9. Разного рода фразеологические обороты типа *ро́вным счётом, как раз* »práve«, *у чёрта на кули́чках* »pánubohu za chrbtom«.

Г. Пополнение словаря путём «лексикализации» отдельных грамматических форм и перехода слов из одной части речи в другую:

10. Отрыв грамматической формы от парадигмы типа *ве́чером, второпя́х, сра́зу, на́зло, бегом, ка́жется* и т. п., словац. *úchytkom, náhodou, dokonca, bezmála, hádam.*

11. Переход целых лексем из одной части речи в другую с сохранением флексии: субстантивация прилагательных *(рабо́чий, мостова́я, прида́ное)*; переход причастий в прилагательные *(жа́реный, настоя́щий, недопусти́мый)*; переход прилагательных и причастий в местоимения *(да́нный, определённый, после́дний)* и т. п.

Д. Семантическое расщепление слова:

12. Возникновение омонимов типа *кула́к*[1] »päsť« — *кула́к*[2] »kulak«, *отнести́*[1] »odniesť« — *отнести́*[2] »zaradiť, pokladať«, словац. *list*[1] «лист» — *list*[2] «письмо» и т. п.

Е. Возникновение новых слов под влиянием иностранных языков:

13. Переводы-заимствования или кальки типа *впечатле́ние* — фр. *impression, сочета́ть* — лат. *combinare, самостоя́тельный* — нем. *selb-*

ständig, чеш. *vteřina* — лат. *secunda*, словац. *tvrdošijný* — нем. *hartnäckig*, чеш. *schváliti*, словац. *schváliť* «одобрить», лат. *col-laudare*.

14. Заимствования иностранных слов типа *комба́йн* — англ. *combine*, *ло́зунг* — нем. *Losung*, словац. *žemľa* — нем. *Semmel* и т. п.[1]

Все эти приёмы обогащения словарного состава языка должны быть рассмотрены и систематически изучены в пределах лексикологии как науки об одном из главных компонентов языка — науки о словарном составе языка. Это, конечно, не значит, что морфология как наука о частях речи, о морфологических категориях и о парадигматике может полностью игнорировать те отделы лексикологии, которые наиболее тесно связаны грамматикой. Вопросы перехода слов из одной части речи в другую (напр. субстантивация имён прилагательных, переход причастий в имена прилагательные, переход деепричастий в наречия, многочисленные случаи перехода синсемантических частей речи из одной категории в другую и т. п.) должны быть учтены в рамках морфологии, ибо здесь лексика наиболее тесно соприкасается с проблематикой грамматической. Возникновение наречий типа *места́ми*, *времена́ми*, *поро́ю* является ничем иным, как отрывом грамматической формы от парадигмы, лексикализацией грамматической формы. Необходимо, однако, отметить, что процессы переходов слов из одной части речи в другую не являются процессами грамматическими по своему существу, что они сохраняют свою лексическую специфику, но в то же время связаны с грамматической проблематикой. Точно так же в рамках морфологии должны быть рассмотрены некоторые (но не все!) приёмы словообразования, так или иначе связанные с грамматическими категориями, напр. образование наречий от имён прилагательных, образование притяжательных прилагательных на *-ов (-ев)* и *-ин (-ын)*, образование приставочных глаголов, образование глаголов типа *ходи́ть* ~ *ха́живать*, образование так называемых «сингулятивов» от собирательных имён существительных типа *пыль* ~ *пыли́нка*, *же́мчуг* ~ *жемчу́жина* и т. п.

Итак, резюмируя наши взгляды на предмет морфологии как особого отдела грамматики, мы приходим к выводу, что в морфологию могут быть включены следующие основные разделы:

1. Учение о частях речи;
2. Учение о морфологических категориях;
3. Учение о классификации форм слова, или парадигматика.

---

[1] Систематика приёмов обогащения лексики дана в статье А. В. Исаченко: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков, Slavia 27 (1958) 3, 234—352.

Учение о частях речи

Грамматический анализ слова обычно исходит из общего значения слова. Именно на основании семантического анализа устанавливаются такие разряды или классы слов, как имя существительное, имя прилагательное, глагол и т. д. Имя существительное является той частью речи, которая объединяет слова, обозначающие лица, живые существа, предметы, явления или отвлечённые понятия. Имя прилагательное объединяет слова, обозначающие качества или свойства предмета, глагол объединяет слова, обозначающие процессы и т. п. Но грамматический анализ не может довольствоваться установлением и выделением семантических групп. Для установления грамматической, в частности морфологической категории, необходимо наличие формальных признаков, объединяющих все слова, подпадающие под ту или иную категорию. О морфологических категориях мы вправе говорить лишь в том случае, если мы имеем в виду группу слов, объединённых не только самым общим значением, но и общими формальными признаками.

Сам термин «грамматическая категория» или «морфологическая категория» употребляется в двух значениях. Грамматическими категориями называются наиболее общие разряды или лексико-грамматические классы слов, так называемые «части речи» (partes orationis, části řeči, druhy slov). Такие классы слов, как «имя существительное», «глагол», «наречие», «союз», позволительно назвать грамматическими категориями высшего порядка. С другой стороны, такие обобщённые грамматические значения, как грамматический род, грамматическое число, глагольный вид, залог, время и т. п., характеризующие отдельные части речи, позволительно будет назвать морфологическими категориями низшего порядка. В этой главе нас в первую очередь интересуют грамматические категории высшего порядка, т. е. части речи.

Наличный состав частей речи определяется в каждом языке на основании комплексного анализа, сочетающего точку зрения семантическую с точкой зрения формальной. Нельзя, например, на основании одного только семантического признака считать в русском языке глаголом все слова, обозначающие действие или состояние, т. е. довольствоваться только семантическим признаком. При таком подходе глаголом (или глагольными формами) оказались бы не только слова типа *писа́ть*, *ходи́ть*, *спать*, но и слова типа *ходьба́*, *сти́рка*, *обрабо́тка*, *уко́л*, *проры́в*, *уче́ние*, а также слова типа *трах* («он трах его́ по голове́»), *бац*, *брысь* и т. п., ибо все эти слова обозначают так или иначе действие или состояние.

Для установления наиболее общих разрядов слов, т. е. для установления частей речи, небезразлично, какими формальными признаками, какими

морфологическими категориями (низшего порядка) выражаются те или иные обобщённые значения. Для выделения глагола как особой части речи в русском языке важно не столько его общее значение (действие или состояние, т. е. процесс), как то, какими грамматическими средствами выражено это общее значение. Оказывается, что в русском или словацком языках глагол объединяет все слова, обозначающие процесс и выражающие этот процесс в морфологических категориях вида и залога.[1] Там, где эти морфологические категории отсутствуют (напр. в словах *ходьба́*, *уко́л*, *трах*), не приходится говорить о глаголах.

В процессе морфологического анализа словарного состава языка значительную роль играет также учёт синтаксических функций того или иного слова. Так, например, морфологическая категория «предикативов» (так называемая «категория состояния») охарактеризована, в первую очередь, своей специфической синтаксической функцией: предикативы (типа *мо́жно*, *нельзя́*, *пора́*, *не́зачем*, *налицо́*) стоят исключительно в качестве сказуемого. Особенно важен учёт синтаксических функций, сочетаемость слова с теми или иными словами, у так называемых «служебных слов».

Вопрос о частях речи, их составе и числе, не решён окончательно в современном русском языке. Не решён он и в словацкой и чешской грамматической теории. Если традиционная грамматика довольствуется выделением десяти частей речи (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частицы и междометия), то в теоретических трудах выделяются помимо того еще «категория состояния» как особая часть речи, «вводные или модальные слова», «связки и связочные слова». Иногда в особые разряды выделяются и группы слов, стоящие на грани между двумя морфологическими категориями, как, например: деепричастие, сочетающее в себе некоторые признаки глагольности с некоторыми признаками наречий.

Расхождения в понимании сущности отдельных частей речи объясняются тем, что современная грамматика продолжает пользоваться старыми терминами, возникшими ещё в древности и закреплёнными многовековой традицией. При делении словарного состава языка на «части речи» не соблюдается единый принцип деления. Необходимость учитывать и обобщённое значение слов, и их формальный состав, и их синтаксическое функционирование приводит к выделению весьма неоднородных разрядов — частей речи.

Если при определении морфологической категории «глагола» мы исходили из его обобщённого значения («процессуальность»), выражаемого морфологическими категориями вида и залога, то при определении не-

---

[1] Ср. «Морфология», том II, стр. 11 сл.

которых других частей речи, например, местоимения или числительного, мы, по-видимому, должны отказаться от формальных признаков, общих всем местоимениям или всем числительным, и довольствоваться лишь семантическим признаком. Академическая грамматика даёт, например, такое определение местоимений: «К разряду местоимений относятся такие слова, которые указывают на предметы и на их признаки, но не называют их и не определяют их содержания. Конкретное значение местоимения получают только в условиях связной речи».[1] Такое определение следует признать чисто семантическим. Дать общую формальную характеристику местоимений трудно, ибо в этом разряде объединяются такие слова, как *я*, *ты*, *кто*, *не́кто*, выступающие в функции местоименных существительных, а также слова как *мой*, *твой*, *наш*, *э́тот*, выступающие в функции местоименных прилагательных. Но раз местоимения могут быть включены — по формальному признаку — в разряд «существительных» (пусть «местоименных существительных») и в разряд «прилагательных» (пусть «местоименных прилагательных»), то, казалось бы, нет никакой необходимости выделять их в особую часть речи. Если же у большинства грамматистов местоимения всё же оказываются выделенными в особый разряд, то это имеет место исключительно на основании их специфического значения, в силу их своеобразной «указательной» семантики, а не в силу тех или иных формальных признаков.

То же самое следует сказать и об имени числительном. По определению Академической грамматики, «имя числительное является названием отвлечённого числа *(три и пять — во́семь)*, количества предметов *(семь челове́к, три́дцать лет)* или же называет порядок предмета по счёту *(тре́тий переу́лок, со́тый спекта́кль)*».[2] Совершенно очевидно, что в разряд числительных входят, в понимании традиционной грамматики, формально совершенно разнородные слова типа *три* и *тре́тий*, *сто* и *со́тый*, объединённые исключительно только общим отвлечённым значением, а не какими-нибудь формальными признаками. Вот почему акад. В. В. Виноградов относит слова типа *второ́й*, *тре́тий*, *деся́тый*, *со́тый* не к имени числительному, а к имени прилагательному.[3] Местоимения или числительные по своему общему значению отличаются от остальных полнозначимых («автосемантических») частей речи. Если имя существительное, имя прилагательное, наречие, предикативы, глаголы называют какой-то отрезок действительности, то местоимения лишь указывают на него, а числительные

---

[1] Грамматика русского языка, Издательство АН СССР, 1952, стр. 387.

[2] Там же, стр. 368.

[3] В. В. Виноградов: Русский язык, стр. 233 («Группа порядковых относительных прилагательных»).

позволяют подвергнуть счёту то или другое явление действительности.

В теоретических трудах по русской грамматике часто употребляются такие термины, как «относительные слова», «количественные слова» и т. п. К относительным словам относят обыкновенно слова типа *котóрый*, *что* («дом, *что* стои́т у реки́»), *когдá*, *где* («я не знáю, *где* он живёт») и т. п. К количественным словам относят слова типа *мнóго*, *мáло*, *немнóго* и т. п. Хотя эти слова и обладают некоторыми специфическими особенностями, отличающими их от традиционно принятых частей речи, они обыкновенно включаются в разряды местоимений, наречий и числительных.

В ряде случаев чрезвычайно трудно определить, к какой части речи следует отнести данное слово. Так, например, слово *скóлько* можно рассматривать и как наречие, и как количественное слово, и как относительное слово, и даже как местоимение. Дело в том, что это слово соединяет в себе функции всех перечисленных разрядов слов.

Если у изменяемых (склоняемых, спрягаемых) частей речи мы наталкиваемся на значительные затруднения при выяснении principium divisionis, то у неизменяемых, т. е. несклоняемых и неспрягаемых частей речи, дело обстоит ещё сложнее. Ведь у неизменяемых частей речи полностью отсутствует критерий парадигматический, эти слова не обладают формами словоизменения. Вот почему традиционная грамматика склонна относить к одной общей группе слова́, по своей функции совершенно разнородные, как наречия *краси́во*, *интере́сно*, *прия́тно* и предикативы *на́до*, *ну́жно*, *мóжно*. Для выделения неизменяемых частей речи в особые разряды слов, в особые части речи, должны быть учтены и их специфические оттенки обобщённого значения, и их сочетаемость с другими словами, и их синтаксическая функция. Наречия типа *краси́во* выступают в качестве определения к глаголу *(краси́во писа́ть)*, в то время как предикативы типа *на́до*, *мóжно* выступают исключительно в функции сказуемого. Предикативы имеют в русском языке, кстати, и формальный, морфологический признак: они образуют формы времени при помощи постпозитивных (энклитических) и неполноударных показателей, ср. *мне на́до было*, *ему́ мóжно будет*, *мне лéнь было встава́ть*, *ему нéчего будет дéлать* и т. п. (ср. стр. 284).

В каждом языке имеется значительное количество слов, не имеющих номинативной, назывной функции и служащих в качестве «грамматических средств языка». В русском и словацком языках сюда относятся предлоги и союзы. Эти слова лишены самостоятельного номинативного значения. Поэтому союзы и предлоги мы отнесём к синсемантическим частям речи. Сохраняя свою лексическую самостоятельность и обладая способностью выражать те или иные отношения, эти «служебные» слова остаются лексико-грамматическими разрядами, самостоятельными морфологическими ка-

тегориями, независимо от того, будут ли они называться «частями речи» или «частицами речи».

Вне системы синсемантических и автосемантических частей речи стоят так называемые «модальные слова» типа *ведь*, *конéчно*, *авóсь*, а также частицы в узком смысле этого слова. Эти группы слов не выражают объективные отношения между словами, а субъективно-объективное отношение говорящего к всему высказыванию или отношение высказывания к реальности. Такого рода отношения и называются «модальными» и слова, выражающие такого рода отношения, должны быть выделены из общей массы неизменяемых частей речи.

Совершенно своеобразный разряд слов представляют междометия. Они не имеют номинативного значения, не обладают указательной функцией, не функционируют в качестве грамматических средств языка. Междометия — это слова-предложения, лишённые грамматической формы и обслуживающие, главным образом, эмоциональную и призывную сферу языка.

Таким образом, мы приходим к следующим основным морфологическим разрядам слов («частям речи»):

А. Слова полнозначимые или автосемантические:

I. Назывные, т. е. обладающие самостоятельной номинативной функцией:

1. Имена существительные;
2. Имена прилагательные;
3. Наречия;
4. Предикативы;
5. Глаголы.

II. Указательные, т. е. не обладающие самостоятельной номинативной функцией, а лишь указывающие на предмет, качество или отношение:

6. Местоимения.

III. Счётные, охарактеризованные специфической числовой семантикой:

7. Имена числительные.

Б. Слова служебные или синсемантические:

8. Предлоги;
9. Союзы.

В. Модальные слова, выражающие субъективно-объективное отношение к высказыванию или к действительности:

10. Модальные (или вводные) слова;
11. Частицы.

Г. 12. Междометия.

Необходимо подчеркнуть, что распределение словарного состава языка по частям речи не является чем-то незыблемым и статичным. В каждом языке наблюдаются на конкретном отрезке его развития постоянные колебания и переходы из одной части речи в другую. Для современного языка типичны процессы перехода имён прилагательных в существительные, напр. *буровáя* »vrtná diera«, переход причастий в имена прилагательные, напр. *надýманный* »strojený«, *завзя́тый* »zaťatý«, переход деепричастий в наречия, напр. *нéхотя*, в предлоги, напр. *благодаря́ чему-либо*, *начина́я с чего-либо* и множество других, о которых будет речь в соответствующих главах. Особенно многочисленны процессы перехода неизменяемых слов из одного разряда в другой. Однако эти переходы, как уже было сказано, касаются лишь отдельных слов и, следовательно, теснейшим образом связаны с вопросами лексики, с вопросами пополнения словарного состава языка.

Учение о морфологических категориях

Само понятие «категории» восходит к логике, где оно обозначает либо наиболее общее логическое понятие, выражающее основные формы и отношения бытия, объективной действительности (напр. «материя», «время», «пространство», «движение», «причинность»), либо группу, разряд явлений, объединённых на основании обобщённого признака.[1] В лингвистической литературе широко применяется термин «грамматическая категория» или «морфологическая категория». В более широком смысле этот термин обозначает разряды слов — «части речи». В более узком понимании он обозначает такие явления, как грамматический род, грамматическое число, одушевлённость имён существительных, грамматическое время, глагольный вид и т. п., т. е. обобщённые значения, присущие данной части речи и выражаемые теми или иными формальными средствами.

Так как здесь речь идёт об изменении слов (т. е. о морфологии) и о сочетании слов в предложении (т. е. о синтаксисе), то позволительно будет различать категории морфологические и категории синтаксические. Если синтаксическими категориями окажутся такие элементы, как «предложение», «синтагма», «сказуемое», «подлежащее», то морфологическими категориями высшего порядка будут части речи, а морфологическими категориями низшего порядка — те общие понятия, на основании которых осуществляется словоизменение (формообразование)

---

[1] Такие явления, как «борьба за существование», «естественный отбор», «наследственность» являются, например, категориями биологическими; явления, как «капитализм», «империализм», «социализм», «нация» — категориями историческими и т. п.

конкретных слов. Грамматические категории (и морфологические, и синтаксические) выражают весьма абстрактные отношения. Отсутствие всякой конкретности проявляется между прочим в том, что данная морфологическая категория высшего порядка (часть речи) характеризуется морфологической категорией или категориями низшего порядка, причём наличный состав слов, входящих в данную часть речи, распределяется без остатка по морфологическим категориям низшего порядка. Другими словами: если имя существительное в русском или в словацком языке охарактеризовано наличием морфологических категорий рода, числа и падежа, то в этих языках нет и не может быть имени существительного, не относящегося к одному из грамматических родов, к одному из двух чисел и к одному из падежей. Вне категорий рода, числа и падежа нет имён существительных.

Обыкновенно морфологические категории выражаются формально (при помощи аффиксов, аналитических форм и т. п.). Однако в отдельных конкретных словах наличие формально выраженного показателя не всегда обязательно. Существительное *такси́* лишено в русском языке формального показателя рода; но будучи существительным несклоняемым, обозначающим неодушевлённый предмет, оно легко относится говорящими к среднему роду (ср. *свобо́дное такси́*). Здесь родовой признак выражается не непосредственно в самом слове, а лишь опосредствованно в сочетаемости с именем прилагательным.

Как уже было сказано, наличие одного только общего значения для выделения грамматической (в том числе и морфологической) категории недостаточно. С точки зрения логики такие предметы, как «снег», «молоко», «мел», «известь», «полотно», «бумага», могут быть объединены в логическую категорию «белые предметы». Поскольку, однако, в языке эти слова не объединяются никакими формальными признаками, мы не имеем права говорить о существовании «морфологической категории», выражающей белые предметы. Группы слов, объединяемые по общему семантическому признаку и обыкновенно приводимые в списках словообразовательных средств, не являются морфологическими категориями, а лишь категориями логическими. Такие группы слов, как «названия производителя действия» (nomina agentis), названия «места действия» (nomina loci), названия «орудия действия» (nomina instrumenti), не являются группами слов, имеющими общий грамматический признак, хотя многие из них (но далеко не все!) и образованы при помощи тех или иных суффиксов. Если в словацком языке суффиксы *-iště* или *-isko*, *-eň*, *-ovňa* и выражают «место действия», то словами, образованными при помощи этих суффиксов, не ограничивается список слов, могущих обозначать место действия, ср. *plávať v plavárni* ~ *plávať v rieke*. Таким образом, словообразовательные суффиксы не

охватывают данного семантического разряда слов без остатка и, следовательно, лишены категориальности в грамматическом смысле этого слова.

Некоторые авторы не всегда соблюдают принцип единства формы и содержания при определении грамматических категорий. Так акад. А. А. Шахматов выделял в русском языке особую категорию «вещественности». К этой категории он относил слова: 1. употребляющиеся только во множественном числе *(дрова́, дро́жжи)*; 2. употребляющиеся только в единственном числе *(мука́, вино́, горо́х)*. В качестве грамматического признака акад. А. А. Шахматов приводил окончание родительного падежа единств. числа на *-у*, например *мёду, горо́ху, виногра́ду*.[1] Однако этот формальный признак касается лишь существительных мужского рода, да и то не всех (ср. *хлеба*), так что единственным общим признаком «вещественности» оказывается лишь обобщённое значение указанных слов, что недостаточно для установления грамматической категории. Точно так же имена собственные и нарицательные, выделяемые Академической грамматикой в особые[2] группы, не являются грамматическими, а лишь семантическими категориями.

Некоторые исследователи относят учение о морфологических категориях к синтаксису. Так акад. А. А. Шахматов считал части речи категориями синтаксическими; к синтаксису он относил и морфологические категории низшего порядка, определяющие каждую из частей речи.[3] Следует подчеркнуть, что с точки зрения общей теории грамматики деление грамматических явлений на морфологические и синтаксические является фикцией. Однако в языках с богатым формообразованием — а русский или словацкий языки относятся именно к этим языкам, — морфология имеет свою специфическую проблематику. Для более чёткой подачи материала выделение морфологической проблематики в особый отдел полностью обосновано. На наш взгляд вопросы, связанные с грамматическими категориями низшего порядка, должны быть освещены в пределах морфологической части грамматики.

Формы слова

Формой слова или словесной формой называется «выражение грамматической категории внешними языковыми средствами».[4] Грамматическая форма может быть выражена посредством аффикса, т. е. окончания или

[1] Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. (Учение о частях речи). Учпедгиз, Москва 1952, стр. 149.

[2] Грамматика русского языка, Москва 1952, стр. 104.

[3] А. А. Шахматов: Синтаксис русского языка, стр. 420.

[4] Современный русский язык. Морфология. Издательство Московского университета. Москва 1952, стр. 28.

приставки, например *двор — двора́ — двору́ — двора́м*, *ви́деть — ви́дит*, *стро́ить — постро́ить*, путём так называемой «внутренней флексии», например словац. *čas* «время» — *čias*[1] «времён», чеш. *přítel — přátel*, далее путём прозодических чередований (количество гласных, место ударения), ср. *raz* (имен. ед.) — *ráz* (род. мн.), *во́лос* »vlas« — *воло́с* »vlasov«, *большим — бо́льшим* и т. п.

Грамматическая форма может быть выражена и «аналитическими» средствами, т. е. формальными словами, присоединяемыми к той или иной форме основного носителя значения, например словац. *písal som* «я писал» — *písal si* «ты писал», русск. *я бы писа́л, бо́лее пра́вильный — са́мый пра́вильный* и т. п. Аналитические формы могут быть выражены одним или несколькими формальными словами, ср. *bol by som prišiel, (keby) som bol býval vedel.*

В славянских языках имеется немало случаев гибридного флективно-аналитического выражения грамматической формы. Так, например, предложный падеж, будучи охарактеризован особыми окончаниями, в русском, словацком и чешском языках никогда не встречается без предлога, ср. *в столе́ — на столе́ — при столе́ — о столе́*, личные формы глагола в русском языке имеют обыкновенно два грамматических показателя: окончание и личное местоимение, например *я пишу́* »píšem«, *ты пи́шешь* »píšeš« и т. п.

Форма слова может быть внешне выражена наличием положительных формальных признаков (окончаний, аналитических показателей), напр. *завод-а, завод-ами*; *встан-у, встан-ет*; *ры́б-а, ры́б-ы*; *краси́в-ый, краси́в-ому*; *písal som, písal si.* На фоне таких положительных форм словесные формы, в которых отсутствуют внешние грамматические показатели, воспринимаются как своеобразные нулевые формы.[2] Существительные мужского рода первого склонения имеют нулевое окончание в именительном падеже единственного числа *(завод-Ø)*, существительные женского рода типа *ры́ба* имеют нулевую форму в родительном падеже множественного числа *(рыб-Ø)*, форма повелительного наклонения *встань* должна быть признана нулевой; точно так же краткая форма имени прилагательного *краси́в* имеет нулевое окончание. В словацком языке формы 3-го лица глаголов прошед-

---

[1] Приёмы внутренней флексии распространены в семитских языках, а также в ряде западоевропейских языков, ср. нем. *gib* «дай» — *gab* «дал», *nimm* «бери» — *nahm* «взял, брал», англ. *I come* «я прихожу» — *I came* «я пришёл», *woman* ['wumən] «женщина» — *women* ['wimin] «женщины» и т. п. К внутренней флексии можно отнести чередование согласных в конце основы, ср. чеш. *žáci* «ученики; имен. мн.» — *žáky* «учеников; вин. мн.» (различие i/y здесь чисто графическое и не влияет на произношение).

[2] Ср. Ch. Bally: *Linguistique générale et linguistique française*, Paris 1932, стр. 130—131. *(«Le signe zéro».)*

шего времени имеют нулевую форму вспомогательного глагола, ср. *písal som, písal si,* но *písal, písali.*

В ряде случаев генетически не связанные между собою слова объединяются в одну парадигму, ср. *человéк — лю́ди, ребёнок — дéти, хорошó — лу́чше, плóхо — хýже, мнóго — бóльше, я идý — я шёл,* словац. *byť — budem — bol — som, sú, súc — je.* Такие формы называются супплетивными.

Современные славянские языки (за исключением болгарского и македонского) относятся в основном к флективному типу языков. Морфологические категории выражаются в этих языках преимущественно при помощи окончаний или приставок. Характерно, что в языках флективного типа одно окончание может выражать одновременно несколько грамматических категорий. Например, в слове *книг-у* окончание *-у* выражает одновременно и категорию падежа (винительного), и категорию числа (единственного), и категорию рода (женского), в слове *сид-и́т* окончание *-и́т* выражает одновременно и категорию лица (третьего), и категорию числа (единственного), и категорию залога (действительного). В процессе развития языка наблюдаются, однако, многочисленные случаи совпадения отдельных грамматических форм в пределах одной парадигмы, вызванные, главным образом, фонетическими процессами, происходящими в языке. Так окончание *-ой* в слове *сух-óй* может выражать имен.-винит. падеж ед. числа мужского рода *(сухóй хлеб)*, а также род., дат., твор. и предл. падежи единственного числа женского рода (*сухóй бýлки, сухóй тря́пкой* и т. п.). Это явление можно назвать омоморфией.

Несмотря на явное преобладание в славянских языках флективных приёмов формообразования, нельзя отнести славянские языки к чистому флективному типу. Кроме уже указанных аналитических приёмов формообразования, в славянских языках наблюдаются и приёмы агглютинативные. Характерным признаком агглютинации является то обстоятельство, что к корню слова присоединяются грамматические показатели («прилепы»), выражающие всегда только одно грамматическое отношение. Число таких агглютинативных прилеп в слове практически неограничено. В русском языке имеются случаи агглютинативного формообразования, особенно чётко выступающего в формах повелительного наклонения, ср. *пойдú ~ пойдú-те, пойдём ~ пойдём-те, пойдёмте ~ пойдёмте-ка*; ср. *разбер-ём-те-сь-ка*, словац. *choď-te-že* и т. п.[1] Из всего сказанного следует, что современный русский язык, так же как и словацкий и чешский, относится к смешанным морфологическим типам языков с явным преобладанием флективности.

Формы одного слова, одной лексемы связаны между собой прежде всего

[1] Ср. «Морфология» II, стр. 482 сл.

общим конкретным значением. Отличаются же они друг от друга исключительно грамматическим («категориальным») значением. Это положение необходимо оговорить. Грамматические формы одного слова связаны между собой не только общим конкретным, вещественным значением, но и основным грамматическим значением, т. е. своей отнесённостью к той или иной морфологической категории высшего порядка, к той или иной части речи. Так, например, формы причастий *пи́шущий*, *писа́вший*, *пи́санный* лишены таких типичных глагольных категорий, как лицо и время; но, сохраняя грамматическое значение вида и залога, они неотделимы от системы глагола *писа́ть*, хотя они и не спрягаются, а склоняются. Наоборот, слова *писа́ние*, *писа́тель*, *писа́ка* лишены грамматических значений вида и залога и, следовательно, несмотря на свою этимологию, не входят в систему глагола.

В ряде случаев мы имеем дело с явлением, стоящим на грани между приёмами формообразования и приёмами словообразования. Являются ли «формы субъективной оценки» (напр. *кни́га* ~ *кни́жечка*, *то́нкий* ~ *то́ненький*, словац. *sadať si* ~ *sadkať si*) действительно «формами» данных слов, а не самостоятельными словами, новыми лексемами? Можно ли считать словацкие прилагательные на *-ov* и *-in* (напр. *bratov*, *sestrin*) формами соответствующих существительных? Являются ли формы степеней сравнения (напр. *хорбший* ~ *лу́чший*, *бы́стро* ~ *быстре́е*) формами соответствующих прилагательных и наречий, или же новыми словами? Следует ли считать наречия, образованные от качественных прилагательных *(бы́стрый* ~ *бы́стро*, *плохо́й* ~ *пло́хо)*, «формами» этих прилагательных, или самостоятельными словами? Как смотреть на видовые пары глаголов типа *де́лать* ~ *сде́лать*, *откры́ть* ~ *открыва́ть?* Можно ли их считать формами одной лексемы, или же их следует рассматривать как две самостоятельные лексемы? Представляют ли так называемые многократные глаголы типа *spávať*, *vozievať* в словацком языке формы соответствующих немногократных глаголов *spať*, *voziť*, или они являются отдельными словами? Эти вопросы по-разному решались отдельными языковедами. Мы вернёмся к ним в соответствующих главах. Во всяком случае необходимо иметь в виду, что в силу своего обобщающего, абстрагирующего характера грамматика обладает способностью вовлекать в круг грамматических отношений явления лексические. Подобные процессы можно назвать грамматикализацией лексических отношений.

Наряду с процессами грамматикализации, в языке имеют место и обратные процессы: отдельные грамматические формы слова отрываются от своей парадигмы, становятся самостоятельными словами, переходят в другую часть речи. Такие процессы называются лексикализацией грамматических форм. В отличие от процессов грамматикализации, которые обычно охватывают значительные группы слов, процессы лексикализации

относятся лишь к отдельным формам. Так, например, русское слово *есть* в одном из своих значений *(у меня́ есть кни́га)* не является формой глагола *быть*, поскольку оно не согласуется с существительным (ср. *у меня́ есть кни́ги*). Это слово в русском языке перешло в разряд «предикативов наличия» (см. ниже). Слово *бегом* не является больше формой существительного *бег*, хотя оно генетически и восходит к форме творительного падежа единственного числа этого слова. Об этом свидетельствует не только его значение и его синтаксическое использование *(бежа́ть бего́м)*, но и место ударения, ср. *он любова́лся бе́гом ло́шади.* В современном русском языке слово *бегом* является уже наречием. Словацкие слова *reku*, *hádam*, восходящие к формам 1-го лица единственного числа настоящего времени от глаголов *riecť*, *hádať*, в современном языке уже не выступают в качестве глагольной формы, а функционируют в качестве модальных слов в значении «мол», «дескать» и «кажется».

Формы одного слова образуют стройную систему, так называемую парадигму. Отдел морфологии, посвящённый каталогизации и систематизации словесных форм, и называется парадигматикой.

Продуктивные и непродуктивные формы

В каждом языке, на каждом конкретном отрезке его развития, происходят процессы возникновения новых элементов и отмирания старых. В задачу языковеда входит, между прочим, вскрытие этих внутренних противоречий, показ конфликта между живым, жизнеспособным, нарастающим и мёртвым, отмирающим, отходящим в разных сферах языка. С точки зрения морфологии небезразлично, является ли данный способ формообразования живым приёмом, или же своего рода «окаменелостью».

Как известно, словарный состав языка беспрестанно пополняется новыми словами. Слова, возникающие в языке или попадающие в него извне, неминуемо поступают в распоряжение грамматики, так или иначе оформляются. Морфологические средства, которыми располагает язык для грамматического оформления новых слов, и являются его продуктивными морфологическими средствами.

Приведём пример: существительные мужского рода типа *фильм*, *вуз*, *скре́пер*, *забчник* и т. п., попавшие в русский язык сравнительно недавно, склоняются по образцу существительного *завод*. По этому же образцу склоняется практически неисчислимое количество имён существительных мужского рода, т. к. этот образец является в русском языке продуктивным. Новые глаголы, возникающие в языке, например *приземли́ться*, *засекре́тить*, *трансли́ровать*, *комплектова́ть* и т. п., включаются в один из продуктивных классов глагола.

Продуктивными или непродуктивными могут быть и отдельные окончания. Так, например, окончание творительного падежа множ. числа *-ами* в русском языке продуктивно у всех существительных, безотносительно к их роду, в то время как окончание *-ми* встречается только в нескольких словах типа *лошадьмú, детьмú, людьмú, дверьмú* и др. В словацком языке форма повелительного наклонения, как правило, образуется при помощи нулевого окончания от основы настоящего времени, ср. *ber-iem ~ ber, chod-ím ~ choď, nes-iem ~ nes.*

Продуктивными или непродуктивными могут быть и акцентологические особенности грамматических форм. В пределах имён существительных мужского рода продуктивными являются типы с постоянным ударением на основе (типа *завóд, паровóз, экскавáтор*) или на окончании (типа *стол — столá — столý — столóм, этáж — этажá — этажý — этажóм* и т. д.). Все остальные акцентологические типы, например *нос — нóса — на носý — носы́ — носóв* или *гвоздь — гвоздя́ — гвóзди — гвоздéй*, являются непродуктивными.

Непродуктивные морфологические средства представляют собой наследие более древних эпох языкового развития. Непродуктивными морфологическими средствами выражаются, по существу, те же категориальные отношения, как и продуктивными морфологическими средствами. Формы *в гóроде* и *в лесý*, *столы́* и *городá*, *сестрóю* и *дóчерью* являются ничем иным, как разным способом формального выражения одних и тех же категорий (в данном случае падежей). Непродуктивные морфологические средства всегда связаны с конкретным словом: из всей массы имён существительных мужского рода, относящихся к «твёрдому» склонению, только два слова, а именно *сосéди* и *чéрти* образуют форму имен. падежа множественного числа на *-и*. Из всех глаголов русского языка только десяток глаголов образует неопределённую форму на *-чь* (*жечь, печь, помóчь, стричь, берéчь* и некоторые другие). В то время как число конкретных слов, образующих грамматические формы по продуктивным образцам, практически неограничено (ибо оно постоянно пополняется новыми словами), характерной чертой слов с непродуктивными формами словоизменения является их перечисляемость. Систематическая грамматика каждого языка должна стремиться к приведению наиболее полных списков непродуктивных форм, бытующих в данном языке в данный период.

Непродуктивные морфологические элементы нарушают общую закономерность и правильность парадигматики. Как уже было сказано, непродуктивные, «неправильные» формы чаще всего связаны со словами основного словарного фонда, т. е. со словами наиболее употребительными и наиболее устойчивыми. Такие «неправильные» глаголы, как *жить, идтú*,

спать, *пить*, *есть*, *нести́*, *лечь* и т. п., составляют наиболее древний и вместе с тем наиболее важный и устойчивый пласт глаголов вообще.

Язык постепенно освобождается от непродуктивных морфологических элементов, ликвидирует «неправильности» грамматического строя. Этот процесс можно наглядно показать на сопоставлении фактов русского и словацкого языков. Если в словацком языке глаголы типа *motať sa*, *kopať*, *kúpať sa* относятся к непродуктивному глагольному классу (ср. *tocet sa*, *koret*, *kúret sa*), сохраняя старинный тип спряжения, то в русском языке соответствующие глаголы *мота́ть*, *копа́ть*, *купа́ться* перешли в продуктивный класс глаголов на *-а́ть*, *-а́ю*, *-а́ет*, ср. *я мота́ю*, *я копа́ю*, *я купа́юсь*. Если в словацком языке существует старинный глагол *húsť*, *hudiem*, то в русском языке соответствующий глагол перешёл в другой класс, ср. *гуде́ть*, *гуди́т*, *гудя́т*[1]. Наоборот, в русском языке глагол *пасть*, *паду́*, *паде́т* остался непродуктивным, в то время как в словацком языке соответствующий глагол перешёл в продуктивный класс: *padnúť*, *padnem*. Русское существительное *дочь* сохранило древние особенности своего склонения (ср. *доч-ер-и*), между тем как соответствующее словацкое слово перешло в разряд продуктивных имён существительных женского рода: *dcéra* и т. д.

Есть в языке случаи относительной или ограниченной продуктивности. Так, например, существительные мужского рода, обозначающие жителей какой-либо местности или города, или относящие лицо к определённой профессии или группировке, образуются в русском языке при помощи суффикса *-анин*, *-янин*, ср. *горожа́нин*, *киевля́нин*. Особенностью этих существительных является окончание имен. падежа множ. числа *-е* с потерей суффикса *-ин-*, ср. *горожа́н-е*, *киевля́н-е*, а также образование род.-вин. падежа множ. числа с нулевой флексией: *горожа́н*, *киевля́н*. Этот тип склонения сам по себе малопродуктивен; по семантическому признаку в него вовлекаются новые слова, обозначающие лиц, напр. *политкаторжа́нин*, *марсиа́нин*.

Было бы совершенно ошибочно считать, что морфология имеет дело только с продуктивными типами словоизменения и что непродуктивные формы относятся к лексикологии. За каждой грамматической формой кроется та или иная грамматическая категория. С точки зрения морфологической системы совершенно безразлично, выражено ли прошедшее время в русском языке при помощи продуктивного элемента *-л* (он *писа́л*, *ходи́л*, *брал*, *упа́л*) или без него *(он нёс*, *он лез*, *он вы́сох*, *он замёрз)*. Оба случая являются лишь разными внешними оформлениями одного и того же грамматического значения, выраженпем одной и той же морфологической категории, т. е. «прошедшего времени».

---

[1] Следы древнего спряжения сохранились лишь в просторечном выражении «у меня́ но́ги гуду́т», ср. словац. *hudú*.

С точки зрения методики изучения и преподавания языка необходимо иметь в виду, что как продуктивные формы словоизменения, так и непродуктивные имеют в языке большое значение. Усвоив продуктивные приёмы словоизменения, учащийся уясняет себе систему парадигматики и овладевает наиболее распространёнными морфологическими особенностями языка. С другой стороны, усваивая непродуктивные формы словоизменения, так называемые «исключения», учащийся овладевает в первую очередь наиболее распространёнными элементами лексики в их морфологических проявлениях. Следовательно, как игнорирование «исключений», так и чрезмерное увлечение ими, должно быть признано неправильным.

Связь морфологии с синтаксисом

Если к морфологии мы отнесли все вопросы, касающиеся формообразования, т. е. вопросы парадигматического словоизменения, отражающего наличие в языке тех или иных морфологических категорий, то к синтаксису мы отнесём все грамматические явления, выходящие за пределы формы слова. Не всякое сочетание слов может быть отнесено к синтаксису, поскольку, как мы видели, формой слова может быть сочетание двух или нескольких слов, из коих лишь одно является носителем вещественного значения, ср. *бóлее крýпный*, *сáмый крýпный*, *он бы пришёл*. Такие сочетания, как *я писáл*, *он читáл*, должны быть рассматриваемы в отделе морфологии, поскольку в современном русском языке употребление личного местоимения при глаголе в определённых условиях обязательно, так что личное местоимение является формальным показателем лица. С другой стороны, эти же сочетания могут быть рассматриваемы и в рамках синтаксиса, поскольку личные местоимения могут выступать в качестве полноценного подлежащего.

Если основной единицей морфологии является лексема, то основной единицей синтаксиса следует считать предложение. Изучение структуры предложения, его членов, изучение разного рода связей слов, входящих в предложение, установление типов предложений и анализ разнообразных типов сочетаний предложений между собой и составляют, несомненно, основной предмет данного отдела грамматики.

Некоторые учёные склонны были включить в синтаксис и такие отделы грамматики, которые своей спецификой ближе стоят к морфологии и в настоящее время включаются именно в этот отдел грамматики. Так акад. А. А. Шахматов, один из наиболее проницательных исследователей синтаксиса русского языка, относил к синтаксису учение о частях речи, а также учение о морфологических категориях. Выше было изложено,

почему эти отделы грамматики правильнее отнести к морфологии. Другие исследователи относили к синтаксису учение о некоторых «служебных» частях речи. Л. А. Будаховский в отдел синтаксиса включил учение о союзах, «относительных словах» и частицах.[1] Не подлежит сомнению, что союзы и частицы, а также и модальные (вводные) слова теснейшим образом связаны с проблематикой синтаксиса: ведь именно при помощи союзов осуществляются многочисленные приёмы подчинительной связи предложений.

Между такими классами слов, как имя существительное, имя прилагательное, глагол, с одной стороны, и такими разрядами слов, как предлоги или союзы, с другой, имеется существенная разница, относящаяся к числу элементов, входящих в тот или иной из указанных разрядов. Число существительных, прилагательных или глаголов в современном русском языке является конечным, но с каждым днём это число увеличивается. В самых разнообразных областях науки, производства, техники, торговли, администрации, а также в обиходном языке постоянно возникают новые лексемы, примыкающие к уже существующим именам существительным, прилагательным или глаголам. Можно утверждать, что существительные, прилагательные, глаголы и, отчасти, наречия, представляют собой открытые классы слов, число элементов которых можно выразить символом x. С другой стороны, такие классы слов, как союзы или предлоги, являются относительно замкнутыми классами слов. Их число почти не пополняется и остаётся более или менее постоянным на определённом этапе развития языка. Число элементов, входящих в класс предлогов или союзов, можно обозначить символом n, причем n не превышает нескольких десятков, а число глаголов, зарегистрированных наиболее разработанными словарями русского языка, достигает нескольких десятков тысяч. Таким образом предлоги и союзы сближаются с такими элементами, как грамматические показатели (окончания), число которых в каждом языке ограничено для определённого отрезка времени и не превышает нескольких десятков. К тому же, предлоги и союзы выполняют в языке функции, весьма сходные с функциями грамматических показателей (окончаний). Вот почему отнесение союзов и предлогов к синтаксическим средствам языка имеет своё основание.

Но вместе с тем, союзы и частицы составляют лексико-грамматические классы слов и как таковые должны быть рассмотрены в пределах морфологии. Теснейшая взаимосвязанность двух основных отделов грамматики — морфологии и синтаксиса — становится, таким образом, очевидной.

---

[1] Л. А. Булаховский: Курс русского литературного языка, Харьков 1937, стр. 282 и сл.

Синтаксическая проблематика, однако, не исчерпывается исследованием предложения. Наряду с этой основной синтаксической единицей существует единица низшего порядка — синтагма. Под этим термином мы здесь имеем в виду синтаксически организованные целые, являющиеся выражением простейших синтаксических отношений.[1]

В синтагме типа *хоро́ший учени́к, хорошо́ учи́ться* выражено синтаксическое отношение определения; такие синтагмы называются определительными. В сочетаниях *чита́ть кни́гу, броди́ть по траве́* выражено объектное отношение; такие синтагмы называются объектными. В сочетаниях типа *брат и сестра́, чита́ть и писа́ть* выражено отношение соединительное; такие синтагмы называются соединительными. Особо стоят предикативные синтагмы: *де́ти игра́ют, оте́ц до́ма, он ста́рше* и т. п. К предикативным синтагмам примыкают предикативно-определительные синтагмы типа *ма́льчик верну́лся больны́м.*

В то время, как предикативные синтагмы мыслимы только в пределах предложения, все остальные виды синтагм могут существовать и самостоятельно, вне предложения. В таких сочетаниях, как *чита́ть кни́гу, брат и сестра́, хоро́ший учени́к* мы имеем дело с разного рода синтагмами, но о предложениях здесь говорить не приходится. В дальнейшем некоторые вопросы синтагматической связи будут освещены в связи с решением отдельных морфологических вопросов.

Связь между морфологией и синтаксисом настолько тесна, что многие морфологические категории полностью вскрываются только при помощи синтаксического анализа. Если части речи представляют собой лексико-грамматические классы слов, то для их определения важны не только их значение, но и их грамматические, в том числе и синтаксические, особенности. Сформировавшийся в русском языке лексико-грамматический класс «предикативов» (категории состояния) отличается от других неизменяемых частей речи именно тем, что слова, в него входящие, выступают исключительно в функции сказуемого, ср. *мне на́до, мне пора́, мне жаль.* Следовательно, этот синтаксический признак является в данном случае ре-

---

[1] Термин «синтагма» употребляется в языковедческой литературе в разных значениях. Акад. В. В. Виноградов склонен видеть в синтагме семантико-синтаксическую единицу, «возникающую в нашей мысли и отражающую кусок действительности». По его словам, «в языке нет зафиксированных синтагм. Синтагма является творчеством, продуктом речевой деятельности человека» («Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз 1950, стр. 211). В чехословацкой лингвистической терминологии слово «синтагма» (или его словацкий эквивалент »sklad«, »dvojica«) употребляется почти в том же самом смысле, как русский термин «словосочетание». Здесь термин «синтагма» сохранён именно в этом значении.

шающим. Разница в употреблении полных и кратких форм имени прилагательного состоит в том, что полная форма употребляется преимущественно в качестве определения, между тем как краткая форма употребляется исключительно в качестве сказуемого (т. е. в простом или составном сказуемом). Отсюда ясно, что синтаксический признак является одним из конструктивных элементов морфологических категорий. Без учёта синтаксического признака нельзя построить научную морфологию.

Синтаксис и фразеология

Относя к синтаксису все грамматические явления, выходящие за пределы формы слова, мы должны оговориться и подчеркнуть, что речь идёт только о продуктивных и живых грамматических фактах. Там, где мы встречаем сочетания слов, в которых уже не проявляется синтаксическая закономерность, мы перестаём иметь дело с синтаксическими фактами. По образцу предложения *на дворе́ ве́село резви́лись ребяти́шки* можно образовать в русском языке практически бесконечное количество других предложений, например *в воде́ лени́во пла́вали ры́бы*, *над ле́сом беспоко́йно носи́лись воро́ны* и т. д. и т. д. В данном случае перед нами предложение-модель, по образцу которого в русском языке может быть образовано неограниченное количество самых разнообразных предложений, безотносительно к конкретным словам, заполняющим одно из имеющихся в модели «мест». Такого рода факты мы относим к синтаксису.

Но в языке имеется значительное количество явлений, выходящих за пределы формы слова, и вместе с тем не подлежащих синтаксическому анализу, лишённых внутренней закономерности с точки зрения современного языка. Взять хотя бы поговорку *рассердя́вшись на блох, да и всю шу́бу в печь*. Данная поговорка является, несомненно, законченным высказыванием, но синтаксические приёмы, на основании которых данное высказывание осуществляется, в современном литературном языке уже непродуктивны. Нельзя сказать «найдя́ в таре́лке му́ху, да и весь обе́д в ведро́». С точки зрения современного русского литературного языка, употребление деепричастия *(рассердя́вшись)*, при наличии бессубъектной конструкции в главном предложении, по крайней мере непривычно. Точно так же непривычно и употребление союза *да*, связывающего обособленный деепричастный оборот с главным предложением. Данная конструкция в русском языке непродуктивна. Приведённая поговорка в синтаксическом отношении не соответствует существующим в современном русском литературном языке синтаксическим правилам. Таким образом, приведённая поговорка, как целое, перестаёт быть достоянием синтаксиса и относится нами в тот

отдел фразеологии, который изучает непродуктивные типы высказываний, сохранившиеся в пословицах, сентенциях и поговорках.

Точно так же дело обстоит с такими сочетаниями слов, как *населённый пункт* »obec«, *карéта скóрой пóмощи* »sanitka«, *шагáющий экскавáтор* и т. п. Подобные сочетания, возникшие на основании действующих в языке синтаксических законов, слились в одно семантическое целое. Вследствие такого семантического слияния компонентов, синтаксические отношения между ними оказываются в значительной мере ослабленными. В сочетании *желéзная дорóга* »železnica« прилагательное *желéзная* нельзя признать определением (prívlastkom); нельзя, например, сказать «прямáя и желéзная дорóга». Сочетания слов типа *желéзная дорóга* являются уже готовым словарным материалом, они не образуются в процессе речи, а входят в речь как вполне законченные, монолитные единицы. Они уже не относятся к синтаксису, а к словарю, вернее к тому отделу лексикологии, который занимается разного рода фразеологическими сочетаниями.

Проблематика фразеологии, как самостоятельной лингвистической дисциплины, была научно впервые разработана и обоснована акад. В. В. Виноградовым.[1]

Смотря по степени их семантической разделимости, акад. В. В. Виноградов разбивает фразеологические сочетания на следующие три группы:

1. Фразеологические сращения. Основным признаком сращения является «абсолютная невыводимость значений целого из компонентов».[2] К сращениям относятся в русском языке такие выражения, как *у чёрта на кули́чках*, *вы́вести на чи́стую во́ду* »odhaliť pravú tvár«, *он соба́ку съел на чём-л.* »je majstrom v niečom«, в словацком *vyjsť na psí tridsiatok* «разори́ться», *mať niečo za lubom* «замышля́ть что-л.», *kurie oko* «мозо́ль» и т. п.

2. Фразеологические единства являются соединением двух или нескольких слов, выступающих в качестве эквивалентов отдельных слов, напр. *принима́ть уча́стие — уча́ствовать*, *ока́зывать по́мощь — помога́ть*, *принима́ть во внима́ние — учи́тывать*. Сюда же относятся такие фразы, как *заде́ть за живо́е* »trafiť do živého«, *разби́ть на́голову* »poraziť na hlavu« и т. п.

3. Фразеологическими сочетаниями называются соединения двух или нескольких слов, из коих только одно употребляется в своем прямом,

---

[1] Ср. В. В. Виноградов: Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. Ученые записки Ленинградского государственного университета, 1946. — Он же: Русский язык, Учпедгиз 1947, стр. 21—28. — Он же: Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. *А. А. Шахматов.* Сборник статей и материалов АН СССР, М.—Л. 1947, стр. 339 и сл.

[2] В. В. Виноградов: Русский язык, стр. 23.

свободном значении, в то время как остальные компоненты этого сочетания употребляются в несвободном, идиоматическом значении, напр. *трескýчий морóз*, *дремýчий лес*, *дóбрая половúна*, словац. *kydať hanu*, *roniť slzy*, *biele vína*. В последнем примере *biele vína* прилагательное *biely* не употребляется в том же значении, в каком оно употребляется в сочетаниях *biely sneh*, *biely papier*. Здесь *biely* противопоставлено *červený*. В сочетании *biela káva* «кóфе с молокóм» то же прилагательное противопоставлено прилагательному *čierny*. В подобных случаях значения прилагательного являются «несвободными».

К приведённым фразеологическим оборотам можно прибавить ещё комплексные лексические единицы (združené pomenovania), особенно распространённые в специальных терминологиях, ср. анат. *слепáя кишкá* »slepé črevo«, *сóлнечное сплетéние* »slnčovitá spleť, plexus solaris«, *плакýчая úва* »smutná vŕba«, *песóчный сáхар* »kryštálový cukor«, *сáхарная пýдра* »práškový cukor«, словац. *podstatné meno*, *čierny kašeľ*, *diaľkové štúdium*, *Jednotné roľnícke družstvo*, *Verejná bezpečnosť*.

К фразеологии в более широком смысле слова теснейшим образом примыкает изучение таких неразделимых сочетаний, которые являются эквивалентами целых предложений. Сюда можно отнести разные идиоматические обороты, встречающиеся в диалогической речи и выступающие в качестве законченных реплик, напр. *ещё бы!* »ako by nie!«, *тó-то и онó-то!* »v tom je práve ten háčik!«, *как бы не мáк!* »ešte že čo!«, словац. *že by?*, *nedbám!* и т. п. Назовём эти сочетания реплики-клише.[1] Они наделены значительной экспрессивностью и приближаются по своей функции к междометиям. По своему значению они охватывают богатую шкалу между «да» и «нет».

Особым отделом фразеологии в широком смысле слова являются всякого рода поговорки, пословицы, цитаты и сентенции, формально совпадающие с законченными предложениями, но не организуемые в процессе речи, а попадающие в неё в готовом виде, ср. *trafená hus gága* «на вóре шáпка горúт», *každá líška svoj chvost chváli* «всякий кулúк своё болóто хвáлит».

Если синтаксис имеет дело с свободными сочетаниями слов, выходящими за пределы формы слов, то фразеология рассматривает более или менее тесно связанные сочетания слов, выступающие в качестве «строительного материала» языка.

Для учёта специфики морфологии необходимо отграничить её как от синтаксиса, так и от лексикологии, не забывая при этом, что морфология теснейшим образом связана и с той и с другой областью языка.

---

[1] A. V. Isačenko: *Morphologie, syntaxe et phraséologie.* Cahiers F. de Saussure 7, Genève 1948, 31.

Морфология и стилистика

В пределах общенародного языка наблюдается целый ряд стилей, которые в своей совокупности и составляют богатство данного языка. Было бы неправильно противопоставлять устойчивую литературную норму языка нарушению этой нормы в отдельных стилях. Ведь устойчивость и единство являются характерными признаками структуры языка вообще. Стилистическое богатство вскрывается, по выражению акад. В. В. Виноградова, во «внутреннем единстве многообразия».[1] Стилистика вскрывает отношения общенародного языка к социальным диалектам, к народным говорам, к разным типам функциональных разновидностей литературного языка, как «высшей, обработанной формы общенародного национального языка».[2]

Исходя из основных функций общенародного языка, можно выделить книжный стиль, противопоставленный разговорному. В пределах книжного стиля с достаточной чёткостью выделяются стиль поэтической, стиль повествовательной прозы, стиль намеренно архаический (напр. в исторических романах), стиль научный и публицистический, стиль официальный или канцелярский и т. п. В пределах разговорного стиля можно различать непринуждённый разговорный стиль городских жителей, разговорный стиль деревни, профессиональные жаргоны и т. п. Все эти стили имеют свои особенности и могут быть так или иначе использованы в рамках художественного произведения.

Стилистические особенности могут проявляться в произношении, в выборе слов и выражений, в выборе синтаксических приёмов. Вскрытие стилистических особенностей и приёмов связано с выяснением стилистической окраски синонимических языковых приёмов. Здесь мы коснёмся вопроса о том, как разные «синонимические» морфологические приёмы могут быть стилистически использованы в современном русском языке.

В интересах стилистической экспрессии могут быть использованы морфологические категории. Существительное *де́ньги* является в русском языке plurale tantum; однако в шуточно-разговорном стиле можно сказать *он челове́к с деньго́й*, употребив это слово в единственном числе.

В интересах речевой характеристики персонажей художественных произведений могут употребляться отдельные формы, несвойственные литературной норме, напр. *наде́лать дело́в* (шуточное выражение), *сто рубле́в* (вм. *рубле́й*), *я сего́дня не е́мши* и т. п. Если в художественной прозе формы

---

[1] В. В. Виноградов, Вопросы языкознания, том I, номер 6, ноябрь—декабрь 1952, стр. 136.

[2] Там же.

типа *отве́тствен(ен)*, *чу́ден*, *хром* встречаются сравнительно часто, то в разговорном языке эти формы обычно заменяются полными формами типа *отве́тственный*, *чу́дный*, *хромо́й*.

Естественно, что отмирающие, непродуктивные элементы языка могут быть успешно использованы для придачи высказыванию архаического, торжественного или поэтического оттенка. Существительное *сын* образует в русском языке форму именительного падежа множественного числа *сыновья́*, *сынове́й*. Однако в торжественном стиле употребляется архаическая форма *сыны́*, *сынов*, ср. *сыны́ оте́чества*.

Книжный стиль охарактеризован наличием таких форм, как деепричастия и причастия. Для него характерны описательные формы сравнительной степени типа *бо́лее ва́жен*, при разговорном *важне́е* или *важне́й*.

Для профессиональных языков характерны формы множественного числа мужского рода на *-а́*, напр. *корма́*, *клевера́*, *транспорта́*, *шофера́*, *цеха́* и т. п.

Преимущественно в поэзии употребляются формы творительного падежа типа *не́жною*, *вели́кою*, *со мно́ю* и т. п. Для поэзии XVIII и начала XIX века характерны «усечённые» формы прилагательных типа *звуча́щу сла́ву*, *вели́ки имена́*. Подобные формы характерны для стиля народной поэзии, ср. *бу́йну го́лову*, *сыру землю* и т. п.

В пределах разговорного стиля имеются дублеты, наделённые бо́льшей или меньшей мерой экспрессивности. Побудительная форма *пошли́!* более экспрессивна, чем форма *пойдём!* С другой стороны, сочетания с частицей *да* характерны лишь для торжественного стиля, ср. *да здра́вствует*, *да кре́пнет дру́жба наро́дов* и т. п.

Морфологический анализ русского языка не может обойтись без попутных стилистических указаний. На фоне стилистически «нейтральных» форм выделяются отклонения, выполняющие или могущие выполнять в разных контекстах ту или иную стилистическую функцию. Эти вопросы будут рассмотрены в соответствующих главах.

О сопоставительном методе

Язык является определённой системой навыков. Овладеть языком — это значит усвоить и автоматизировать определённую систему навыков. Обучаясь родному языку, ребёнок приобретает способность бессознательно применять данную систему навыков.

Основной задачей всякого изучения языка, — школьного ли, научного ли, — является сознательное усвоение его структуры. Если речь идёт об изучении иностранного языка, то основным методом такого изучения будет

создание тесной связи между мышлением учащегося и «языковым материалом» изучаемого языка. Но раз мысли учащихся возникают и существуют исключительно только на базе «языковых терминов» родного языка, то без постоянного, всестороннего и принципиального учёта этого факта немыслимо никакое сознательное изучение иностранных языков. Сопоставительный метод, используя существующие сходства между изучаемым иностранным и родным языком, стремится к углублённому и обобщающему показу специфики изучаемого языка на фоне материнского языка, к сознательному усвоению расхождений, существующих между родным и изучаемым иностранным языком.

Структурная близость языков зависит от степени их генетического родства. Совершенно естественно, что для представителя любого славянского языка изучение русского языка связано с гораздо меньшими трудностями, чем, скажем, для немца, француза или венгерца. Звуковой состав славянских языков далеко не тождествен, но всё же настолько близок, что словак, чех или болгарин усваивают нормы русского произношения легче и точнее, чем немец, француз или венгерец. При изучении произношения сопоставительный метод может дать хорошие результаты. Отдельные звуки изучаемого языка сопоставляются со звуками родного языка, что позволяет учащемуся освободиться от ложного представления о тождественности близких по артикуляции звуков родного и изучаемого языка. Если в словацком (и чешском) языке, с одной стороны, и в русском языке, с другой, существуют «мягкие» [ť], [ď], [ň], то это вовсе не значит, что эти звуки в наших языках произносятся одинаково: в словацком и чешском языках кончик языка при артикуляции данных звуков упирается о заднюю стенку нижних резцов, а средняя часть языка касается твёрдого нёба; в русском языке при произношении звуков *[ть]*, *[дь]*, *[нь]* кончик языка касается задней стенки верхних резцов, а передняя часть спинки языка смыкается с альвеолами. Этим обусловливается особый фонетический эффект «ассибиляции», столь характерный для русского языка, но отсутствующий в произношении словацких или чешских звуков [ť], [ď], [ň]. В применении к фонетике автор этих строк последовательно пользовался сопоставительным методом в своей книге Fonetika spisovnej ruštiny,[1] предназначенной для словаков.

При изучении грамматического строя родственного языка можно и нужно опираться на всё то, что в пределах грамматики роднит изучаемый язык с родным языком. Словак, изучающий русский язык, почти не будет делать ошибок в грамматическом роде, ибо в подавляющем большинстве случаев родственные слова и родственные суффиксы связаны в славянских языках

[1] A. V. Isačenko: Fonetika spisovnej ruštiny, SAVU, Bratislava 1947.

с тем же грамматическим родом. Поскольку, однако, существуют расхождения в употреблении грамматического рода, они должны быть указаны и объяснены: иначе словак, изучающий русский язык и полагающийся на сходство между родным и русским языком, неизбежно будет говорить «эта гараж» (вм. *э́тот гара́ж*), «зубной боль» (вм. *зубна́я боль*), «низкая уровень» (вм. *ни́зкий у́ровень*) и т. п. Категория падежа или категория глагольного вида в русском языке для словака не представляет никаких затруднений, ибо в основном эти категории совпадают с соответствующими категориями в его родном языке. Наоборот, для венгерца, изучающего русский язык, категория грамматического рода, категория падежа и категория глагольного вида совершенно непривычны, он должен сперва ознакомиться с их сутью, уяснить себе приёмы их морфологической реализации, ибо в венгерском языке эти категории отсутствуют. Отсюда ясно, что методика изучения русского языка в словацкой школе должна быть построена подругому, чем методика изучения того же русского языка в венгерской школе. Совершенно очевидно и то, что методика обучения русскому языку в русской школе может при этом быть использована лишь частично.

Методика обучения русскому языку в условиях чехословацкой школы должна с самого начала использовать и мобилизовать всё то, что роднит наши языки в области словаря (особенно, конечно, в области его основного фонда) и грамматического строя. На фоне этих сходств рисуются расхождения между нашими языками, которые и должны быть прежде всего осознаны учащимися. Только осознав сущность этих расхождений, учащийся сможет сознательно дифференцировать грамматические особенности родного и изучаемого языка, пока правильное применение этих правил не перейдёт у него в навык. Практика показывает, что грамматические правила иностранного, в данном случае русского языка, излагаемые и изучаемые на фоне грамматических правил родного языка, осознаются и усваиваются гораздо лучше, чем те же правила, излагаемые и изучаемые механически, в отрыве от соответствующего материала родного языка. Языковые навыки, поддерживаемые сознательными знаниями, оказываются гораздо прочней случайных речевых навыков, приобретённых без принципиального учёта особенностей родного языка.

Сопоставительный метод изложения языковой системы иностранного языка имеет, в первую очередь, большое методическое значение. Было бы совершенно ошибочно считать, что сопоставительное изложение особенностей иностранного языка является самоцелью. Нужно знать, что именно следует сопоставлять, ибо механическое применение сопоставительных приёмов может привести к игнорированию главного в языке, к игнорированию языковой системы. Было бы, например, совершенно излишне сопоставлять слова вроде *тетра́дь* и *zošit*, *бума́га* и *papier*, *де́рево* и *strom*, ибо

такое «сопоставление» ровно ничего не даёт. Точно так же неправильно было бы сопоставлять такие формы, как *на у́лице* и *na ulici* без широкого сопоставительного изучения русской и словацкой парадигматики имён существительных, без указания на то, что «мягкий» тип склонения в русском языке является лишь графическим вариантом «твёрдого» типа, в то время как в словацком языке имеется самостоятельная «мягкая» парадигма; что слова на *-ца* в русском языке только частично примыкают к «мягкому» образцу, в то время как в словацком языке они полностью в него входят и т. д. Сопоставление отдельных форм не даёт ничего, кроме установления банальной истины, что данные формы в наших языках совпадают или расходятся. То, что в первую очередь подлежит систематическому сопоставлению, это — явления категориальные, явления «системные». Недостаточно сознательное усвоение учащимися категориальных отличий в наших языках является постоянным источником ошибок. Как русский, так и словацкий язык имеют, например, грамматическую категорию «одушевлённости — неодушевлённости» имён существительных. В русском языке эта категория шире, чем в словацком: она распространяется (во множественном числе) и на одушевлённые существа женского и среднего рода. Несознательное отношение к этому категориальному факту и является источником таких типичных ошибок, как «доя́рки до́ят коро́вы» (вм. *коро́в*), «я люблю́ соба́ки» (вм. *соба́к*) и т. п. С изучением грамматических категорий в сопоставительном плане связано и изучение формальных средств данных категорий. В словацком языке существует, в рамках категории «одушевлённый», особая категория лица, выражаемая, между прочим, окончанием *-i* в именительном падеже множественного числа: *študenti*, *žurnalisti*. Учащийся, недостаточно внимательно усвоивший разницу в морфологическом оформлении данной категории, неизбежно будет переносить словацкие навыки на русский материал и делать ошибки вроде «студенти», «журналисти» и т. п. Из всего сказанного следует, что всякое сопоставительное изложение языковых фактов должно исходить из системы изучаемого языка и считаться с системой родного языка. В ряде случаев может быть более целесообразным исходить сначала из данных родного языка, а лишь уяснив их особенности, перейти к изложению соответствующих данных иностранного, в данном случае русского языка.

Изучение двух славянских языков в сопоставительном плане может дать кое-какие результаты чисто теоретического порядка. Последовательное сопоставление двух языков позволяет вскрыть структуру обоих языков с большей наглядностью. При подходе к изучаемому языку с точки зрения другой языковой системы могут быть замечены и такие особенности данного языка, которые традиционной грамматикой данного языка остав-

лялись без внимания. Результаты, достигнутые в теоретическом плане при изучении двух славянских языков, могут быть использованы в рамках будущей сравнительной грамматики славянских языков.

Ещё не настало время для обобщённых выводов, суммирующих отдельные наблюдения языковых фактов русского и словацкого языков. Можно утверждать, что грамматические средства обоих языков в общих чертах совпадают, но что объём и границы отдельных грамматических категорий в наших языках далеко не всегда тождественны. Оба языка, русский и словацкий, знают, например, категорию вида, но использование видовых оттенков в обоих языках разное. В русском языке гораздо меньше случаев «нейтрализации» противопоставления совершенного несовершенному виду, в то время как в словацком языке употребление видов осложняется наличием в этом языке противопоставления «актуального» действия — «неактуальному» (см. Морфология II, стр. 448 сл.).

Первые попытки дать обобщающую характеристику грамматического строя русского языка на фоне чешского языка не могут пока быть признаны вполне удовлетворительными. Проф. К. Горалек (Horálek) видит специфику русской грамматики в «склонности к неглагольному (именному) выражению», в «частом употреблении инфинитивов, деепричастий и причастий (инфинитив заменяет также личную форму глагола)», наконец, в том, что «связь отдельных членов предложения между собой менее тесна, чем в чешском языке».[1] Эти наблюдения, относящиеся, в первую очередь, к синтаксису, в основном правильны, но дают очень мало для вскрытия специфики грамматического строя русского языка по сравнению с чешским. К тому же трудно согласиться с утверждением проф. К. Горалека, будто в русском языке имеются «именные» конструкции. В предложениях типа *мой брат учи́тель* имеется «нулевая» связка, что с полной отчётливостью сказывается на фоне предложений типа *мой брат был учи́телем, мой брат бу́дет учи́телем*, где *был, бу́дет* являются связками.[2] Столь же обще утверждение того же автора, будто в русском языке агглютинативные приёмы более распространены, чем в чешском.[3]

При последовательном сравнении морфологии, а также словообразования наших языков обращает на себя внимание бо́льшая морфологическая стандартность словацкого языка. В словацком языке почти все продуктивные

---

[1] K. Horálek: *K charakteristice ruštiny.* Kniha o překládání. Praha 1953, 166—167.

[2] Об этом писал Шарл Байи: «... с точки зрения грамматики именные предложения имеются лишь в языках, не знающих связки *быть*; во всех остальных языках, особенно в индоевропейском языке-основе и в индоевропейских языках, «именное» предложение является «нулевой формой глагольного предложения». Charles Bally: *Linguistique générale et linguistique française*, Paris 1932, 130.

[3] Kniha o překládání, 154.

приёмы могут быть применены без ограничений, в то время как в русском языке в ряде случаев те или иные формы отдельных слов не образуются или избегаются. Так, например, в русском языке неупотребительна форма 1-го лица единств. числа настоящего-будущего времени от глаголов *зáстить*, *бдеть*, *очутúться* и т. п. Соответствующие формы иногда образуются при помощи супплетивных форм, напр. *бóдрствую* к *бдеть*, *окажýсь* к *очутúться* и т. п. В словацком же языке, по-видимому, нет ни одного личного глагола, от которого нельзя было бы образовать форму 1-го лица единств. числа настоящего-будущего времени. В русском языке, как и в словацком, деепричастие является вполне продуктивной формой; однако в русском языке от ряда глаголов деепричастия не образуются: форма деепричастия отсутствует у глаголов типа *петь*, *пить*, *бить*, *писáть*, *казáться*, *хотéть*, *течь*, *влечь* и мн. др. В словацком языке форма деепричастия может быть образована от любого глагола. В русском языке не все существительные pluralia tantum свободно сочетаются с числительным: в ряде случаев русский язык прибегает к аналитическим приёмам выражения числа, ср. *двóе сýток*, но *две пáры штанóв*, при словац. *dvoje nohavíc* ~ *dvoje hodiniek*. Бóльшая стандартность словацкого языка сказывается также в сочетании числительных с существительными, ср. *двáдцать крон* — *двáдцать однá крóна* — *двáдцать две крóны* при словац. *dvadsať korún* — *dvadsať jeden korún* — *dvadsať dva korún*.

Изучение иностранного языка на фоне родного языка может, наконец, дать некоторые результаты для более углублённой теоретической разработки родного языка. Если сопоставлять не разрозненные факты (отдельные слова или отдельные формы), а исходить из сопоставления двух грамматических систем, то все рассуждения о бóльшем или меньшем богатстве исследуемых языков окажутся беспредметными. Сопоставительный метод позволяет показать богатство и разнообразие грамматических средств обоих изучаемых языков.

Сопоставительный метод должен, в конечном итоге, привести к сближению грамматической теории отдельных славянских языков, к всестороннему учёту всего ценного, что выработано в области грамматической теории многими поколениями славянских лингвистов.

ГЛАВА II

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Семантические, морфологические и синтаксические признаки имени существительного

Имя существительное — это та часть речи, в которой значение предметности сочетается с грамматическими категориями рода, числа и падежа, а также одушевлённости и неодушевлённости. В синтаксическом плане основной функцией имени существительного является выражение субъекта и объекта. Кроме того, выступая в разных падежных формах, имя существительное может выражать сказуемое, приложение, обстоятельства.

Имя существительное характеризуется тем, что оно может быть определяемо всеми автосемантическими частями речи: именем прилагательным *(большо́й го́род)*, местоимением *(э́тот го́род)*, числительным *(два го́рода)*, иногда наречием *(го́род но́чью)*. Связь имени существительного с глаголом определяется, в первую очередь, предикативными отношениями *(го́род растёт)*.

С точки зрения семантики имя существительное охватывает весьма разнообразные понятия. Именем существительным обозначаются конкретные предметы *(перо́, трамва́й, зо́лото)*, живые существа и организмы *(ма́льчик, соба́ка, му́ха, дуб)*, отвлечённые понятия *(мо́лодость, дру́жба, весе́лье, план, сто́имость, побе́да)*, отвлечённые свойства и качества *(хра́брость, тепло́, успева́емость)*, действия и состояния *(питьё, ход, бомбёжка, убо́рка)*. Однако в отличие от имён прилагательных, свойства выражаются здесь как бы самостоятельно, независимо от тех предметов или понятий, которым они, эти свойства, принадлежат. Действия и состояния выражаются здесь, в отличие от глаголов, не в их временном протекании и вне связи с их производителем. Каждое имя существительное, независимо от своего конкретного значения, выражает опредмеченное понятие.

Любая часть речи может быть так или иначе «опредмечена». Поскольку слово *до́брый* мыслится нами как признак, как свойство или качество существительного, оно является в синтаксическом отношении не вполне самостоятельным словом, относящимся к именам прилагательным. Но если мы выделим этот признак как нечто независимое и самостоятельное,

то получим имя существительное *добро́* или *доброта́*. Однако не следует смешивать семантико-логический процесс «опредмечивания» с семантико-грамматическим процессом субстантивации прилагательных, ср. русск. *сла́дкое блю́до* → *сла́дкое*, *паду́чая боле́знь* → *паду́чая*.

Процесс (действие или состояние) обыкновенно выражается глаголами. При глаголах обычно имеется агенс, т. е. производитель действия. Глаголы обозначают процесс, мыслимый нами во времени. Но если мы отвлечём процесс (действие или состояние) от его производителя, если мы лишим его признака времени и наклонения, словом, если мы будем рассматривать его как понятие опредмеченное, то мы получим имена существительные типа *ходьба́*, *уко́л*, *обрабо́тка*, *житьё*, *перелива́ние* и т. п. Отглагольные существительные с отвлечённым значением в русском языке обыкновенно утрачивают категорию вида: между существительными *опозда́ние* (от глагола совершенного вида *опозда́ть*) и *опа́здывание* (от глагола несовершенного вида *опа́здывать*) в русском языке нет разницы в виде. Существительное *опозда́ние* обозначает название опредмеченного явления (nomen rei), в то время как существительное *опа́здывание* обозначает отвлечённое действие (nomen actionis). Несколько иначе обстоит дело в словацком языке, где в отвлечённых отглагольных существительных со значением nomen actionis сохраняются видовые оттенки, ср. *vybratie* ~ *vyberanie*, *zhodnotenie* ~ *zhodnocovanie*, *porušenie* ~ *porušovanie* и т. п. Отвлечённые существительные, образованные от глаголов, утрачивают в русском языке категорию переходности/непереходности: *возвраще́ние* может быть отглагольным существительным, образованным от переходного глагола *возвраща́ть* (напр. *возвраще́ние кни́ги*) и от непереходного глагола *возвраща́ться* (напр. *возвраще́ние на ро́дину*). В словацком языке в ряде случаев признак переходности/непереходности сохраняется и в отглагольном имени существительном, напр. *učenie* «обучение» ~ *učenie sa* «учение» и т. п. Ввиду таких расхождений между русским и словацким языками можно поставить вопрос, не является ли в словацком языке отвлечённое отглагольное существительное «формой» глагола, как напр. причастия или деепричастия. Во всяком случае, отвлечённые отглагольные существительные сохраняют некоторые глагольные категории и в русском языке, напр. способность иметь при себе объект: *чита́ть кни́жку* ~ *чте́ние кни́жки*; *тоскова́ть по ро́дине* ~ *тоска́ по ро́дине* и т. п. Отвлечённые отглагольные существительные в русском языке как бы сохраняют в некоторых случаях категорию активности-пассивности: *узнава́ние* ~ *узнава́емость*. Независимо от всего сказанного, указанные слова являются в русском языке подлинными существительными, поскольку они выражают процесс (действие или состояние) в «опредмеченной» форме и обладают морфологическими и синтаксическими признаками имени существительного.

Процессы образования существительных от других автосемантических частей речи многочисленны и разнообразны. Почти от каждого глагола можно образовать отвлечённое существительное при помощи суффиксов *-(е)ние (укрепле́ние, облада́ние)*, *-тие (взя́тие)*, *-ка (разрабо́тка, вспа́шка)*, или при помощи «нулевого» суффикса, напр. *бег, ход, уко́л, проло́м, отка́з*. От каждого качественного прилагательного можно образовать существительное при помощи суффиксов *-ость/-есть (хра́брость, све́жесть)*, *-ота (доброта́)*, *-изна (дешеви́зна, белизна́)*, *-ина (ширина́, глубина́)* и т. п. Степень продуктивности этих суффиксов в современном языке разная. Существительные, восходящие к именам числительным, в современном русском языке, по-видимому, больше не продуктивны, ср. *два — дво́йка — дво́йня* «dvojčatá», *три — тро́йка — треть, шесть — шестёрка* и т. п.

Процесс «опредмечивания» охватывает также несклоняемые слова, правда, без обязательных формальных изменений. В предложениях, как «это *никогда́* звуча́ло го́рдо», «пожа́луйста, без этих *но*», «твои ве́чные *а́хи* да *о́хи*», выделенные слова функционируют как имена существительные, поскольку они могут быть определяемы другими частями речи и даже могут образовать формы множественного числа. Даже суффиксы могут стать существительными, напр. в сочетании «либерализм, нигилизм и всякие другие *-и́змы*». Во всех приведённых случаях налицо «опредмеченное» значение.

Морфологически имя существительное охарактеризовано категориями рода, числа и падежа. Это означает, что каждое существительное непременно относится к одному из трёх родов,[1] непременно воспринимается либо как форма единственного, либо как форма множественного числа и обязательно стоит в одном из падежей. Вне рода, числа и падежа не может быть существительного, даже если один из этих признаков или даже все три не выражены формально; напр. в словах *меню́*, *пари́* »stávka«, по окончанию нельзя судить ни о роде, ни о числе, ни о падеже. Но функционирование этих слов в языке показывает, что и эти слова подчиняются общим категориальным правилам русских существительных, ср. *постро́йка метро́* (род. падеж единств. числа), *пое́здка в метро́* (предл. падеж единств. числа), *на́ше но́вое метро́* и т. п. Существительное *това́рищ* обозначает как мужчину, так и женщину *(това́рищ Петро́в, това́рищ Петро́ва)*, но в каждом конкретном случае оно имеет либо мужской, либо женский род, ср. *това́рищ сказа́л ~ това́рищ Гуре́вич сказа́ла*.

В синтаксическом отношении имена существительные являются, главным образом, выразителями субъекта или объекта действия. В имени-

---

[1] В русском языке это не относится к словам, встречающимся только во множественном числе (pluralia tantum).

тельном падеже имя существительное чаще всего выступает в качестве подлежащего *(дéвочка пи́шет, дéти игра́ют)*. В винительном падеже имя существительное чаще всего выполняет функцию прямого дополнения (объекта), ср. *дéвочка пи́шет письмо́*. В дательном падеже имя существительное выполняет функцию косвенного объекта, выражая «адресата», к которому относится действие *(дéвочка написа́ла отцу́)*. Эти синтаксические функции имени существительного можно считать основными. Наряду с этим, имя существительное может выполнять целый ряд второстепенных синтаксических функций.

В этой главе будут рассмотрены в первую очередь морфологические особенности имён существительных.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ РОДА

Грамматическая категория рода присуща не только именам существительным, но и именам прилагательным, местоимениям и, отчасти, числительным. Самостоятельной, независимой категорией она, однако, является лишь у имен существительных. Прилагательные, большинство местоимений и числительных не имеют самостоятельного грамматического рода. Родовые формы этих последних зависят от рода имени существительного, с которым они согласованы, ср. *но́вая кни́га, э́та кни́га, моя́ кни́га, две кни́ги*. Род местоимений, естественно, также зависит от рода того существительного, к которому относится, на которое указывает местоимение, ср. *я пришла́*, где женская форма глагола указывает на то, что местоимение *я* здесь обозначает лицо женского пола, т. е. грамматически — имя существительное женского рода. Следовательно, грамматическая категория рода, как самостоятельная категория, присуща только именам существительным.

Русский язык, как и все славянские языки, различает три рода: мужской, женский и средний. За немногими исключениями, родственные слова имеют в русском, в чешском и в словацком языках одинаковый род.

Грамматические формы рода могут отражать конкретные половые различия, т. е. выражать «естественный» род. Слова *мужчи́на, ма́льчик, па́рень, отéц, сын, полковóдец*; *бык, бара́н, пету́х* обозначают лиц или животных мужского пола. Слова *жéнщина, дéвушка, сестра́, мать, санита́рка*; *кобы́ла, коза́, гусы́ня* обозначают лиц или животных женского пола. Но у большинства имён существительных отнесённость к тому или иному роду с точки зрения современного языка не мотивирована. В этих случаях мы говорим о «грамматическом» роде.

Своими корнями родовые формы языков индоевропейской языковой семьи уходят в глубокую древность. Мы пока лишены возможности вос-

становить условия, при которых те или иные имена существительные зачислялись в одну из родовых категорий. Романтическое языковедение пыталось объяснить возникновение грамматического рода ссылкой на мифологию (напр. *земля́* — *мать*). Более трезвый подход к делу, однако, показывает, что при помощи мифологических ссылок нельзя объяснить, почему, например, «огонь» в славянских языках, в латинском и в древнеиндийском — мужского рода (ср. ст.-сл. *огнь* мужск. рода, лат. *ignis* мужск. рода, санскр. *agniḥ* мужск. рода), а в греческом и германском — среднего (ср. гр. *πῦρ* среднего рода, нем. *das Feuer* среднего рода). С точки зрения современного языка нельзя объяснить, почему напр. *глаз* — мужского рода, а *о́ко* — среднего; почему *пшени́ца* и *рожь* — женского, *овёс* и *ячме́нь* — мужского, а *про́со* и *жи́то* среднего рода. С точки зрения современного языка грамматический род существительных, не обозначающих живые существа, лишён какого-либо конкретного содержания: это чисто формальный разряд, немотивированный языковым мышлением. Правда, обращает на себя внимание то обстоятельство, что подавляющее большинство существительных, обозначающих людей или животных, относится в славянских языках либо к мужскому, либо к женскому роду. Такие существительные среднего рода, как *лицо́*, *подмасте́рье* »tovariš«, *дитя́* »dieťa«,[1] а также зоологические термины *млекопита́ющее*, *насеко́мое*, являются исключениями. Весьма показательно, что в словацком и в чешском языках существительные среднего рода, обозначающие лиц, сочетаются с прилагательными и местоимениями мужского и среднего рода: словац. *tento knieža prišiel* ~ *títo kniežatá prišli*; чеш. *knížata přišli* ~ *knížata přišla*. Это явление объясняется конфликтом между «естественным» и «грамматическим» родом.

Только в редких случаях, а именно при переносном употреблении слов или при так называемом «образном олицетворении»[2] (personifikácia), грамматический род обнаруживает тесную связь с представлением пола (pohlavie). Говорят «ложь *мать* всех пороков», но нельзя было бы сказать «ложь *оте́ц* всех пороков», ибо грамматический род существительного *ложь* (женский) при образном олицетворении вызывает представление как бы о живом существе женского пола. Ср. также *ма́тушка Москва́*, *ба́тюшка Но́вгород*, *господи́н вели́кий Но́вгород*, *ба́тюшка моро́з* и т. п.

Грамматическая категория рода характерна для языков флективных, обладающих синтетической флексией. В этих языках богатство флективного словоизменения (склонения, спряжения) обычно сочетается с наличием грамматического рода и приёмов согласования. Языки нефлективные,

---

[1] Ср. древнерусское *подроужие* в значении «супруга».

[2] Термин акад. В. В. Виноградова. Ср. «Русский язык», стр. 65.

напр. современный английский или венгерский, не знающие грамматического рода, пользуются приёмами согласования в гораздо меньшей мере, чем, например, русский, словацкий или латинский.

Грамматический род имён существительных в славянских языках дан не столько значением слова, сколько его окончанием. Окончание является в большинстве случаев грамматическим показателем рода. Этот грамматический показатель относит слово формально не только к определённому разряду слов (мужских, женских или средних), но предопределяет в известном смысле и парадигму (образец) словоизменения (склонения). Необходимо подчеркнуть, что правила, определяющие родовую принадлежность имени существительного в русском языке, значительно устойчивее, чем в словацком или чешском языках, ср. чеш. *pole* ср. р. ~ *duše* ж. р., *paní* ж. р. ~ *pití* ср. р. и т. п.

Род имён существительных определяется в русском языке следующими окончаниями:

1. Существительные мужского рода оканчиваются: на твёрдый согласный при «нулевом» окончании *(дом, закóн, бéрег)*; на мягкий согласный при нулевом окончании *(огóнь, день, инвентáрь)*, в том числе на -й *(край, бой, змей)*.

2. Существительные женского рода оканчиваются: на -а *(кóмната, книгá, газéта)*, на -я *(вúшня, недéля, статья́)* и на мягкий согласный с нулевым окончанием *(соль, жизнь, рáдость)*. В графике — -ь.

3. Существительные среднего рода оканчиваются на -о *(мéсто, окнó)*, на -е *(пóле, желáние, весéлье)* или на -ё *(ружьё, житьё)*.

Сомнения относительно рода склоняемых слов могут возникнуть лишь у имён существительных, оканчивающихся 1. на мягкую согласную (в графике -ь), или 2. на *-ж, -ч, -ш, -щ* с нулевым окончанием, ср. *огóнь* (м. р.) ~ *ладóнь* (ж. р.), *нож* (м. р.) ~ *ложь* (ж. р.), *камúш* (м. р.) ~ *мышь* (ж. р.) и т. п. У существительных типа *ложь, мышь, вещь, ночь* знак -ь является чисто орфографическим показателем рода и нисколько не влияет на произношение.[1] В первом случае *(огóнь, ладóнь)* речь идёт о таких существительных, которые в словацком и чешском языках по роду не отличаются от русских, так что для словака или чеха не составляет трудности определить род таких существительных, как *день, пень, зять, гость*, или *соль, мышь, степь, вошь, смерть, рáдость, ось* и т. п.

Принадлежность того или иного существительного к одному из грамматических родов не может быть однозначно установлена на основании только формы именительного падежа единственного числа. Для того, чтобы располагать более точной информацией о грамматическом роде су-

[1] Ср. A. V. Isačenko: Fonetika spisovnej ruštiny, § 47, стр. 127.

ществительного, необходимо знать не только форму именительного падежа, но и всю парадигму. Так, например, существительные на -ь могут быть либо мужского рода (*зять* »zať«), либо женского (*гать* »mostnica«). Однако принадлежность существительного *зять* к парадигме *зя́тя, зя́тю, зя́тем* снимает неопределённость и относит существительное *зять* однозначно к существительным мужского рода; точно так же принадлежность существительного *гать* к парадигме *га́ти, га́тью* и т. д. однозначно позволяет определить это существительное как относящееся к женскому роду. Существительное *путь* (мужск. рода) отличается от существительных типа *кость* (женского рода) исключительно только окончанием творительного падежа единств. числа, ср. *путём*, но *ко́стью*. Итак, при определении грамматического рода следует исходить не из формы именительного падежа единственного числа, а из принадлежности существительного к той или иной парадигме.

Особо следует отметить те случаи, где наши языки расходятся в роде:

муж. род	жен. род
бе́лый гусь	*biela hus*
краси́вый ле́бедь	*krásna labuť*
далёкий путь	*ďaleká púť*
желе́зный обруч	*železná obruč*
высо́кий у́ровень	*vysoká úroveň*

жен. род	муж. род
(невыноси́мая) боль	*(neznesiteľný) bôľ*
прия́тная тень	*príjemný tieň*
о́бщая цель	*spoločný cieľ*
высо́кая на́сыпь	*vysoký násyp*
вы́сшая сте́пень	*vyšší stupeň*
горта́нь	*hrtan*
рысь	*rys* (šelma)
моль	*moľ*

Названия детёнышей (mláďat) в словацком и чешском языках образуются при помощи суффиксов среднего рода *-a, -ať́a, -ä, -äťa* (чеш. *-ě, -ěte; -e, -ete*), в то время как в русском языке соответствующие существительные на *-ёнок, -нок* относятся к мужскому роду. В данном случае сказывается принципиальная разница между западнославянскими и русским (но не украинским!) языком: словацкий и чешский отражают конкретную «бесполость» неразвитых организмов (ср. *dieťa*), между тем как в русском языке грамматический род вытекает из формального признака (нулевое окончание):

	средний род		мужской род
словац.	*teľa*, чеш.	*tele*	*(молодо́й) телёнок*
	mača,	*kotě*	*(ми́лый) котёнок*
	medvieďa,	*medvídě*	*(смешно́й) медвежо́нок* и др.

Кроме того, все русские существительные на *-пись* относятся не к мужскому (как в чешском или словацком), а к женскому роду: *моя по́дпись* (ср. *môj podpis*), *небре́жная за́пись*, *дли́нная на́дпись*, *официа́льная пе́репись* »sčítanie«, *нача́льная ле́топись*, *бпись* и др.

В отличие от западнославянских языков, все без исключения существительные, оканчивающиеся на -й в русском языке, входят в разряд слов мужского рода, ср. *кра́сный трамва́й*, *дре́вний обы́чай*. В словацком языке эти слова относятся либо к женскому роду (напр. *posledná nádej*), либо обнаруживают в современном языке колебания в роде (напр. *obyčaj*).

Трактовка грамматического рода иностранных слов в русском, словацком и чешском языках

В то время, как в пределах основного словарного фонда и общего словарного состава славянских языков почти нет расхождений в грамматическом роде, в составе заимствованных слов в этих языках наблюдаются значительные расхождения в вопросе отнесения того или иного заимствуемого слова к одному из грамматических родов. Эти расхождения объясняются тем, что одни языки ориентируются на грамматический род оригинала, сохраняя его и снабжая заимствуемые слова грамматическими показателями, соответствующими данному грамматическому роду: заимствуя немецкие слова *die Semmel* или *die Fackel* (или, вернее, их более древние соответствия), словацкий язык сохранил женский род, к которому эти слова относятся в немецком языке, но снабдил их окончанием *-a*, типичным для словацких существительных женского рода: *žemľa*, *fakľa*. Другие языки, наоборот, ориентируются на внешний, формальный признак заимствуемого слова: французское существительное женского рода *la classe* звучит в произношении [klas]; при переходе в русской язык решающим оказался не род оригинала (женский), а тот факт, что это слово фонетически оканчивается на «твёрдый» согласный и, следовательно, формально совпадает с такими исконно русскими существительными мужского рода, как *квас*. В результате французское существительное женского рода *la classe* стало в русском языке существительным мужского рода: *класс*.

Для правильного понимания несоответствия в роде между русским и словацким языком, необходимо учесть некоторые особенности той исторической обстановки, в которой протекал процесс становления русского

литературного языка, с одной стороны, словацкого и чешского — с другой.

Во второй половине XVIII и в первой половине XIX веков образованные круги России пользовались французским языком как языком «высшего общества». В дворянско-помещичьей среде французский язык считался более «элегантным». Неудивительно, поэтому, что в русский литературный язык проникло некоторое количество французских слов. Но французский язык был проводником не только французских словарных элементов. Значительная часть греко-латинских терминов и вообще «европеизмов» попала в русский литературный язык через французский языковой фильтр. Если сравнить, например, русское слово *талáнт* или *сантимéтр* с соответствующими словацкими словами *talent, centimeter*, то окажется, что в русских словах отражается французское произношение [talã], [sãtimɛtr] (передача французской носовой гласной через *-ан-*, начальное *с-*), в то время как в словацком языке эти слова соответствуют немецкому их произношению: *Talent, Zentimeter.* Оба слова не являются, конечно, исконно немецкими, а относятся к разряду так называемых «европеизмов». Из этого можно заключить, что языковым фильтром, через который проходили европеизмы при их переходе в словацкий язык, было немецкое произношение. Если русские слова типа *áдрес, мéтод, авангáрд* входят в состав мужских существительных в русском, а существительные *adresa, metóda, avantgarda* — в состав женских существительных в словацком языке, то и это объясняется в первую очередь наличием разных языковых фильтров. Русские существительные *áдрес, мéтод, авангáрд* (мужского рода) воспроизводят французское произношение слов *adresse, méthode, avant-garde*, в которых последнее *-е* не произносится. Фонетические формы [adrɛs], [metɔd], [avãgard] воспринимались как существительные, оканчивающиеся на «твёрдый» согласный с нулевым окончанием и по этому признаку трактовались как слова мужского рода. Но в французском языке эти существительные — женского рода. При заимствовании, однако, решающим был не грамматический род в языке оригинала, а формальный признак.

В словацком и чешском языках слова *adresa, metóda (methoda), avantgarda* относятся к женскому роду. Они заимствованы, очевидно, из немецкого, где имеется *die Adresse, die Methode, die Avantgarde.* Словацкий и чешский язык сохранили род оригинала и соответственно изменили внешнее оформление заимствуемых слов, заменив непривычное окончание *-е* славянским окончанием *-а.*

Для русского языка характерно то обстоятельство, что заимствуемое слово относится к тому или другому грамматическому роду не в силу грамматического рода оригинала, а на основании внешнего, формального признака. Французские слова женского рода *la soupe, la valse, la banque, la mayonnaise* и др. стали в русском языке восприниматься как существи-

тельные мужского рода исключительно только на основании внешнего признака: *суп*, *вальс*, *банк*, *майонéз* и др.[1] При оценке расхождений между русским языком, с одной, словацким и чешским, с другой стороны, следует иметь в виду вопросы языковых фильтров.

В числе заимствованных слов, обнаруживающих в русском и в словацком языках расхождения в грамматическом роде, выделяются следующие группы:

а) Существительные на **-ém**:

мужской род	женский род
systém	*систéма*
emblém	*эмблéма* и др.

Эта разница объясняется языковым фильтром: русские слова восходят к греческим τό σύστημα, τό ἔμβλημα (среднего рода). Словацкие формы восходят, очевидно, к немецким формам *das System*, *das Emblem*.

б) Существительные на **-óza**:

женский род	мужской род
hypnóza	*гипнóз*
skleróza	*склерóз*
tuberkulóza	*туберкулёз* и мн. др.

В русском языке эти существительные восходят к французскому произношению *hypnose* [ipno:z], *sclérose* [sklero:z] и, следовательно, включаются в состав существительных мужского рода. В словацком языке сохраняется род оригинала, ср. нем. *die Hypnose*, *die Sklerose*, *die Tuberkulose*.

в) Существительные на **-za**, **-sa**, русск. **-зис**, **-сис**:

В ряде случаев словацким существительным, сохраняющим женский род греческого оригинала, соответствуют в русском языке существительные на *-зис*, *-сис*, сохраняющие греческое окончание и примыкающие по фонетическому признаку к мужскому роду:

женский род		мужской род
báza	(гр. βάσις, ж. р.)	*бáзис*
téza	(гр. θέσις, ж. р.)	*тéзис*
kríza	(гр. κρίσις, ж. р.)	*крúзис*
skepsa	(гр. σκέψις, ж. р.)	*скéпсис* и др.

[1] Разумеется, в данном случае не приходится говорить о «правиле», а лишь о довольно ярко выраженной тенденции. В русском языке есть немало слов, сохраняющих грамматический род оригинала: существительное *la mode* женского рода, в произношении [mɔd], дало в русском языке *мóда*, а не *мод*. В подобных случаях необходимо считаться с наличием дальнейшего «фильтра»: многие европеизмы перешли в русский язык не непосредственно из французского или немецкого, а из польского языка.

г) Существительные, образованные при помощи латинских окончаний **-um, -ium:**

средний род	мужской род
plénum	*плéнум*
prezídium	*президиум*
vákuum	*вáкуум* и др.

В русском языке и здесь решает формальный признак: слово оканчивается в именительном падеже единственного числа на «твёрдый» согласный и по этому признаку относится к существительным мужского рода. Окончания присоединяются к форме именительного падежа: *в плéнуме, от президиума* и т. п. В словацком языке сохраняется род латинского оригинала, а падежные окончания примыкают к латинской основе: *plén-a, prezídi-a.*

В целом ряде случаев латинское окончание *-ум, -ium* в русском языке не сохраняется. Латинские существительные среднего рода на *-um, -ium* трактуются в русском языке как существительные мужского рода на *-ей, -ий*, в словацком же и чешском языках сохраняется род оригинала:

средний род	мужской род
múzeum	*музéй*
kritérium	*критéрий*
sanatórium	*санатóрий*
krematórium	*крематóрий*
rádium	*рáдий*
alumínium	*алюмúний*
bárium	*бáрий*
kálium	*кáлий* и мн. др.

В некоторых случаях словацким и чешским существительным среднего рода на *-um, -ium* соответствуют в русском языке существительные женского рода на *-а, -ия*:

средний род	женский род
dátum	*дáта*
publikum	*пýблика*
vízum	*вúза*
gymnázium	*гимнáзия*
auditórium	*аудитóрия*
ambulatórium	*амбулатóрия* и др.

д) Словацким (чешским) существительным на **-ta, -ita** соответствуют в русском языке существительные на **-тéт, -итéт:**

женский род	мужской род
fakulta	*факульте́т*
univerzita	*университе́т*
imunita	*иммуните́т*
neutralita	*нейтралите́т*
autorita	*авторите́т*
suverenita	*суверените́т* и др.

В данном случае исходным языком для чешских и словацких форм явился непосредственно латинский: *facultas*, *universitas* (женского рода). Исходным материалом для русских форм явился немецкий язык,[1] где эти формы звучат *die Fakultät*, *die Universität*, *die Autorität*. Несмотря на то, что в немецком языке эти слова относятся к женскому роду *(die Fakultät)*, они в русском языке были восприняты как существительные мужского рода на основании своего «окончания».

е) Существительные с суффиксом *-áž* (из фр. -age):

женский род	мужской род
garáž	*гара́ж*
sabotáž	*сабота́ж*
inštruktáž	*инструкта́ж*
metráž	*метра́ж*,

а также *пейза́ж* »krajinka« (фр. *le paysage*), *эта́ж*, *экипа́ж*, *вернисса́ж*, *бага́ж*, ср. также *пляж (la plage)*. Все эти существительные вошли в русском языке в состав существительных мужского рода по образцу слов типа *нож*. Во французском языке почти все эти существительные относятся к мужскому роду, но в немецком языка, заимствовавшем многие слова на *-age* из французского языка, они были отнесены к женскому роду: *die Garage*, *die Sabotage*. Грамматический род этих слов в словацком языке показывает, что в словацкий язык они попали не непосредственно из французского, а посредством немецкого языкового фильтра. Ср. также *prestíž* (ж. р.) ~ *прести́ж* (м. р.; фр. *le prestige*).

Род несклоняемых имён существительных

К несклоняемым именам существительным относятся в русском языке многие имена собственные, названия некоторых животных, предметов и отвлечённых понятий, а также буквенные сокращения.

---

[1] Некоторые из названных слов могли проникнуть в русский язык и из шведского, напр. *факультет*, *университет*.

Несклоняемые имена существительные, обозначающие лиц, обнаруживают «естественный» род. Так, например, слова типа *Кармéн*, *мадáм* или *мисс* являются существительными женского рода.

Фамильные имена русского или иностранного происхождения (за исключением типично русских фамилий типа *Иванóв*, *Буслáев*, *Фéдин*, *Синúцын* и фамилий типа *Иванóвский*, *Благóй*, восходящих к формам имён прилагательных) употребляются в применении к лицам мужского и женского пола. В словацком и чешском языках фамильные имена, применяющиеся к лицам женского пола, имеют — за немногочисленными исключениями — родовой показатель *-ová*. В русском языке, как правило, такой показатель отсутствует: женская форма фамилии не отличается от мужской, ср. *Анна Зéгерс* (Anna Seghersová), Жорж Санд (George Sandová) и т. п.[1]

Имена славянского происхождения на *-ич* или *-ович*, *-евич*, а также иностранные фамилии, оканчивающиеся на согласный, применяются безразлично к лицам мужского и женского рода: *Вéра Гúнсбург*, *Клáра Цéткин*, *Надéжда Гольц*, *Елéна Гурéвич* и т. п. Необходимо отметить, что эти фамильные имена являются несклоняемыми только в том случае, если они применяются к лицам женского рода: *я говорил с (Вéрой) Гúнсбург*, *я был у (Елéны) Гурéвич* и т. п. В применении к лицам мужского пола подобные фамилии склоняются: *я говорил с Гурéвичем*, *я был у Гúнсбурга*.

Имена украинского происхождения на *-енко* в литературном языке вообще не склоняются: *жизнь Шевчéнко*, *рома́н Короленко*. В разговорном языке эти имена могут склоняться, но только в том случае, если они применяются к лицам мужского пола. Эти имена склоняются в разговорном языке по образцу второго (женского) склонения: *я говорил с Иванéнкой*, *я был у Иванéнки*. В применении к лицам женского пола эти имена остаются неизменяемыми: *я говорил с (Вéрой) Иванéнко*, *я был у (Вéры) Иванéнко*.

Несклоняемыми во всех случаях являются фамилии типа *Черны́х*, *Кручёных*, *Первáго*, *Дурновó*, *Шкурлó*, а также иноязычные фамилии на гласный: *Гарибáльди*, *Гюгó*, *Мейé*, *Шоу*, *Сардý*, *Церетéлли*, *Крáббе* и т. п.

Нарицательные имена существительные распределяются по родам в зависимости от их значения: «одушевлённые» имена существительные, гл. о. названия животных, относятся к мужскому роду *(шимпанзé*, *какадý*, *марабý*, *пóни)*, названия предметов и отвлечённых понятий — к среднему роду *(пальтó*, *жюрú*, *меню́)*. Следует отметить, что существительные на

---

[1] При употреблении словацких или чешских фамилий в русском контексте допускаются дублеты: *Вера Новак* и *Вера Новакова*. Литературные имена обычно переходят в русский язык в оформлении языка-источника: *Божена Немцова* (а не *Немец*), *Мария Майерова*, *Пуйманова* и т. п.

-о или *-е (-э)* иноязычного происхождения включаются в состав имён существительных среднего рода не на основании своего «окончания», а по признаку несклоняемости. Дело в том, что исконно русские имена существительные на *-о* или *-е* (типа *село́*, *ме́сто*, *по́ле*) представляют собою вполне непродуктивный, замкнутый разряд слов. Они уже не могут служить образцом для создания новых слов. Вот почему конечное *-о* или *-е* в таких словах, как *пальто́*, *бюро́*, *метро́*, *кино́* или *ателье́*, *атташе́*, *кафе́* »kaviaréj« не воспринимается как «окончание». Иноязычное слово заимствуется целиком, не подлежит разложению на «основу» и «окончание»,[1] и, таким образом, остаётся несклоняемым.

Отклонения от общего правила немногочисленны: существительное *ко́фе* »káva« относится в русском литературном языке к мужскому роду *(чёрный ко́фе, жа́реный ко́фе)*;[2] некоторые несклоняемые существительные употребляются в женском роде, что легко объясняется эллиптическим пропуском соответствующего родового понятия: *сала́ми* ж. р. (ср. *колбаса́-сала́ми*), *цеце́* ж. р. (ср. *му́ха-цеце́*), *дина́мо* ж. р. (ср. *дина́мо-маши́на*).[3]

Буквенные сокращения типа *СССР*, *МТС*, *ГЭС*, *ЦК*, *США*, несклоняемые в русском языке, отклоняются от общего правила. В этих абревиатурах ещё вполне жива связь с теми существительными, сокращением которых они являются. Следовательно слово *СССР* трактуется как существительное мужского рода (ср. *весь СССР*), поскольку связь с несокращённым названием *Сою́з Сове́тских Социалисти́ческих Респу́блик* вполне ясна. Точно так же сокращение *ЦК* трактуется как существительное мужского рода, ср. *ЦК постанови́л*. С другой стороны, слова *МТС* или *ГЭС* воспринимаются как существительные женского рода, ср. *гига́нтская ГЭС (гидроэлектри́ческая ста́нция* или *гидроэлектроста́нция)*, *наша МТС (маши́нно-тра́кторная ста́нция)*.

Перебои в грамматическом роде иностранных слов

Перебои в грамматическом роде иностранных слов исключительно редки. В современном языке нормой являются слова *ме́тод (м.)*, *фильм (м.)*, *рельс (м.)* »koľajnica«, хотя в литературе можно встретить и *мето́да* (ср. у Л. Толстого: «отступле́ние так противно *всей мето́де* веде́ния войны». «Война и мир»). Встречаются также формы *фи́льма* (устар.), *ре́льса* (в просторечии); *шампу́нь* (*м.* или *ж.*) и др.

---

[1] Ср. B.-O. Unbegaun: Les substantifs indéclinables en russe. Revue des études slaves, XXIII, 1947, стр. 131.

[2] Толковый словарь русского языка, под. ред. Д. Н. Ушакова, I, стр. 1490.

[3] B.-O. Unbegaun, цит. произв. стр. 131.

Род уменьшительных и увеличительных существительных

Существительные, образованные от имён существительных мужского рода при помощи увеличительного суффикса *-ище* и уменьшительных суффиксов *-ушко*, *-ишко*, остаются, несмотря на своё окончание, существительными мужского рода, ср. *э́тот домйшко, э́тот ножйще*. В словацком языке в аналогичных случаях наблюдается перебой: *veľký chlapčisko* ~ *veľkẽ chlapčisko*.

Семантико-грамматические классы внутри категории грамматического рода

В составе существительных мужского рода в словацком языке оказываются слова, обозначающие живые существа (названия лиц и животных) и обнаруживающие ряд морфологических и синтаксических особенностей.

Все названия лиц мужского пола *(chlap, robotník, sudca)*, а также все названия животных, грамматически относящихся к мужскому роду *(kôň, tchor, potkan, rak)*, формально охарактеризованы рядом признаков:

1. Совпадением формы винительного падежа единственного числа с формой родительного падежа единственного числа (videl *brata, priateľa*; chytil *raka, potkana, komára*).

2. Наличием особого окончания дательного и предложного падежей единственного числа на *-ovi*, вместо обычного для остальных существительных мужского рода окончания *-u (k domu* ~ *k bratovi, psovi*; *o dome* ~ *o bratovi, o psovi, o potkanovi, o rakovi)*.

В то время, как первый из приведённых признаков в полном объёме относится и к фактам русского языка, вторая особенность (окончание дательного и предложного падежа единственного числа на *-ovi*) характерна для западнославянских языков.[1] Русский язык вовсе не знает окончания *-ovi*, и в указанных падежах группа слов со значением живых существ никак не выделяется формально.

Из общей массы существительных мужского рода, обозначающих живые существа, выделяется группа существительных с более узким семантическим охватом. Это существительные, обозначающие лиц мужского пола: представителей разных профессий *(murár, traktorista, študent, holič, úderník)*, названия родственных и других социальных отношений *(brat, otec, sirota, susedkolega, priateľ)*, названия жителей городов и местностей *(Trnavčan, Turčan, Bratislavčan)*, этнонимы *(Slovák, Rus, Čech, Nemec, Talian)*, названия членов политических партий и организаций *(komunista, odborár,*

[1] Окончание *-ові*, однако, имеется и в украинском языке.

mládežník), собирательные существительные от личных имён с разным значением (*štúrovci* «последователи Штура», *Novákovci* «члены семьи Новак» или «лица, носящие фамилию Новак»), далее изолированные слова *duch* и *génius*, а также названия некоторых животных *(pes, vták, vlk)*.

Эта группа слов охарактеризована приведёнными выше формальными признаками, а также целым рядом специфических особенностей:[1]

1. В словацком (но не в чешском) языке окончание творительного падежа единственного числа на *-om* распространяется и на существительные, оканчивающиеся на *-a* и имеющие значение лица мужского пола (ср. словац. *s traktoristom* ~ чеш. *s traktoristou*, словац. *s kolegom* ~ чеш. *s kolegou* ~ русск. *с колле́гой*, словац. *so sudcom*, *s Ružičkom*). В русском языке соответствующие существительные сохраняют в единственном числе морфологические признаки женского склонения *(э́того сироты́, э́тому сироте́, э́того сироту́, с э́тим сиротой, об э́том сироте́)*.

2. В словацком (но не в чешском) языке формы винительного падежа множественного числа совпадают с формами родительного падежа, ср. *videl domy ~ videl bratov, susedov*; *chytal raky ~ chytal vtákov-ky*. В русском языке это правило распространяется на все названия живых существ мужского рода, а кроме того на все названия живых существ женского и среднего рода, но только во множественном числе, ср. *chytať raky ~ лови́ть ра́ков*, *chytať komáre ~ лови́ть комаро́в*; *kŕmiť ryby ~ корми́ть рыб*, *chytať myši ~ лови́ть мыше́й*, *ľúbiť svoje dcéry ~ люби́ть свои́х дочере́й*, *наблюда́ть явле́ния ~ наблюда́ть насеко́мых* и т. п.

3. Вместо обычных окончаний именительного падежа множественного числа (*-y* для существительных «твёрдого» склонения, *-e* для существительных «мягкого» склонения), в указанной группе слов появляются в словацком языке особые окончания именительного падежа множественного числа *-i*, *-ia*, *-ovia*, *-ovci*, ср. *domy*, *nože ~ robotníci*, *študenti*, *bratia*, *susedia*, *súdruhovia*, *Štúrovci*.

В русском языке далеко не все существительные, относящиеся по своему значению к этой группе, имеют особые окончания в именительном падеже множественного числа. Особое окончание *-е* имеют слова типа *крестья́не*, *хуторя́не*, *англича́не* (но: *су́дьи*, *това́рищи*, *прия́тели*, *студе́нты*, *тракто́ристы*), окончание *-ья́* представлено такими словами, как *друзья́*, *мужья́* (но: *прия́тели*, *мужчи́ны*, *профессора́*), окончание *-овья́* ограничено двумя словами *сыновья́* и *кумовья́*, совершенно изолированы слова с окончанием *-и* (только: *сосе́ди* и *че́рти*), а также слово *хозя́ева* (от *хозя́ин*). Общая масса слов мужского рода со значением лиц мужского пола образует

---

[1] Ср. А. В. Исаченко: О сравнительно-историческом изучении грамматических категорий в славянских языках, Slavia XXI, 2—3 (1953), стр. 206—207.

формы множ. числа в соответствии с общими правилами склонения, ср. *коммуни́сты*, *большеви́ки*, *докторá*, *коллéги*, *словáки*, *рýсские* и т. д.

4. Форма родительного падежа с «притяжательным» значением явно избегается и заменяется в словацком языке формой притяжательного прилагательного на *-ov* (чеш. *-ův*), ср. *strecha domu ~ bratov priateľ, Puškinov štýl, autorov náhľad.* В русском языке формы притяжательных на *-ов* исключительно редки; вместо них обыкновенно употребляется родительный «притяжательный», ср.: *друг брáта*, *стиль Пýшкина*, *взгляд áвтора* и т. п.

5. Прилагательные, согласуемые с именами существительными, относящимися к указанной группе слов, принимают в именительном падеже множественного числа особые окончания *-í* или *-i*, ср. словац. *sovietske stroje ~ sovietski študenti*, чеш. *sovětští studenti*, *nové domy ~ noví priatelia*, чеш. *noví přátelé*. В остальных случаях прилагательные мужского рода, а также все имена прилагательные женского и среднего рода имеют в словацком языке во множественном числе окончания *-é, -ie, -e: nové knihy, biele brezy, veľké okná, cudzie deti.* В русском языке имеется только одно окончание прилагательных во множ. числе, относящееся ко всем родам: *совéтские машúны ~ совéтские студéнты*, *нóвые домá ~ нóвые друзья́* и т. п.

6. Некоторые местоимения, согласуемые с именами существительными, относящимися к разбираемой группе слов, принимают в словацком языке в имен. падеже множ. числа особые окончания, ср. *moje stoly ~ moji priatelia, tieto nože ~ títo žiaci, naše záväzky ~ naši súdruhovia.* В русском языке в данном случае употребляется одна единственная форма местоимения для всех родов, ср. *мой столы́ — мой друзья́, мои́ сёстры, мои́ пéрья*; *э́ти ножи́ ~ э́ти ученики́* и т. п.

7. В словацком языке при существительных, относящихся к разбираемой группе слов, могут употребляться особые «личные» числительные, ср. *dva domy, tri nože, štyri predmety ~ dvaja bratia, traja žiaci, štyria chlapci.* В русском языке, наряду с формами *двóе брáтьев*, *трóе ученикóв* (но не «двóе брáтья», «трóе ученики́»!), могут употребляться формы *два брáта*, *три ученикá*, *четы́ре мáльчика.* Наряду с числительными *päť, šesť, sedem, desať*... и т. д., сочетающимися с родительным падежом множественного числа *(päť chlapcov, šesť žiakov)* в сочетаниях с существительными, обозначающими лица мужского пола, употребляются в словацком языке особые «личные» числительные *piati, šiesti, siedmi, desiati*, согласованные с именительным падежом множественного числа, ср. *piati chlapci, šiesti žiaci, desiati súdruhovia.* В русском языке допустимы (но не обязательны!) числительные *пя́теро, ше́стеро, се́меро*, сочетающиеся с родительным падежом множественного числа *(пя́теро смéлых, се́меро козля́т)*; эти числительные имеют в русском языке смысловой оттенок собирательности. Собирательные числительные бóльшего значения, напр. «дéвятеро», в русском языке мало-

употребительны. Приведённым словацким сочетаниям соответствуют в русском языке конструкции с основными числительными: *пять ма́льчиков, шесть учеников, де́сять това́рищей*. В русском языке стилистически нейтральными и в большинстве случаев единственно возможными являются конструкции с количественными числительными: *два́дцать во́семь гербев-панфи́ловцев* »dvadsiati ôsmi hrdinovia panfilovovci«.

Можно ли на основании сказанного говорить об особом, четвёртом «роде» в словацком языке, как это делают некоторые словацкие лингвисты? Можно ли в приведённых фактах видеть новую родовую категорию, «род мужских живых существ» (mužský životný rod)?

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что речь идёт о двух неоднородных группах слов. Первая из них, более широкая, охватывает все без исключения существительные, обозначающие живые существа мужского рода. В эту группу входят в словацком и в русском языке как названия лиц, так и названия всех животных мужского рода. Вторая группа, более узкая, охватывает только часть первой, а именно только названия лиц мужского рода, слова *čert, duch, génius* и несколько названий животных. Но и здесь говорить о существительных, обозначающих «мужчин», можно лишь условно. Ведь такие слова как *susedia, komunisti, Slováci* охватывают как мужчин, так и женщин. В то же время представляется совершенно очевидным, что в словацком языке обе группы слов отчётливо очерчены как формально, так и семантически. Это видно хотя бы из того, что существительные первой группы, метафорически или метонимически применяемые к лицам, морфологически включаются во вторую группу, ср. *Janko a Mišo, vy ste dobrí vtáci*; *traja sokoli* и т. п.

Решающим признаком, объединяющим существительные обеих групп, является признак семантический, т. е. конкретное значение слова. Следовательно, морфологические и синтаксические особенности слов, входящих в каждую из этих групп, обусловлены (мотивированы) их значением. Но ведь грамматический род в словацком языке, как известно, семантически не мотивирован. Между значением таких слов, как *stroj, voda, víno*, и их грамматическим родом нет никакой связи. Новое слово, тем или иным путём попадающее в словацкий язык, примыкает к одному из родов не по признаку семантическому, а по признаку чисто формальному. Так, напр., английское слово *film*, попав в словацкий язык, стало словом мужского рода не в силу своего значения, а только потому, что по своему оформлению оно совпадало со словацкими словами типа *dom* или *strom*. Точно так же, слова *chozrasčot, firma, metro*, попав в словацкий язык, примкнули к мужскому, женскому или среднему роду по чисто внешнему, формальному, а не по семантическому признаку.

Разница между категорией грамматического рода и категорией «живых

существ» внутри мужского рода в словацком языке очевидна. Это величины несоизмеримые, так что говорить в словацком языке об особом «роде», обозначающем живые существа, не приходится.

Анализ фактов словацкого языка показал, что внутри грамматической категории мужского рода существует семантико-грамматический класс живых существ мужского рода, а внутри этого класса — подкласс лиц. В русском языке имеется также класс живых существ (так называемых «одушевлённых»), охватывающий существительные мужского и женского рода. Что же касается «подкласса лиц», то этот вопрос требует более подробного освещения.

Класс живых существ («одушевлённых») в русском языке

Исследователи русского языка выделяют существительные, обозначающие людей и животных, в особую группу «одушевлённых» предметов. Акад. А. А. Шахматов, а вслед за ним и акад. В. В. Виноградов говорят о «грамматической категории» одушевлённости и неодушевлённости.

Класс «одушевлённых» в русском языке и по своему составу и по своему грамматическому оформлению не совпадает с классом «живых существ мужского пола» в западнославянских языках. В русском языке класс «одушевлённых» охватывает названия лиц и животных, выходя при этом за пределы мужского рода.

В русском языке этот класс формально охарактеризован следующими морфологическими признаками:

1. совпадением формы винительного падежа единственного числа с формой родительного падежа единственного числа мужского рода: ср. формы род. п. ед. ч. *без бра́та, без прия́теля, без пса* и формы вин. п. ед. ч. *ви́дел бра́та, прия́теля, пса*. Слова женского рода со значением «одушевлённости» сохраняют в единств. числе различие между родительным и винительным падежом: *без сестры́* ~ *ви́деть сестру́, у мы́ши* ~ *ви́деть мышь*. Точно так же трактуются в русском языке и слова мужского рода на *-а, -я*: *у сироты́, у судьи́, у кале́ки, у Ники́ты, у Ва́ни* ~ *ви́дел сироту́, судью́, кале́ку, Ники́ту, Ва́ню;*

2. совпадением формы вин. п. множ. числа с формой род. п. множ. ч. не только в мужском, но и в женском и среднем роде: *ви́деть бра́тьев, прия́телей, рабо́чих, солда́т, крестья́н* ~ *ви́деть сестёр, студе́нток; лю́бит соба́к и лошаде́й; зна́ю э́тих лиц*; *люблю́ дете́й, живо́тных.*

Колебания наблюдаются лишь у названий низших организмов *(баци́лла, бакте́рия, микро́б)*, где допустимы обе формы: *наблюда́ть бакте́рии* и *наблюда́ть бакте́рий.*

Вопрос о «подклассе лиц» в русском языке

Некоторые исследователи (акад. А. А. Шахматов, акад. В. В. Виноградов и др.) усматривают в пределах «одушевлённых» существительных особую «грамматическую категорию лица».[1]

Академическая грамматика выделяет в особую группу имена существительные со значением лица мужского и женского пола (личные существительные). Основным грамматическим признаком личных существительных Академическая грамматика считает прежде всего словообразовательные суффиксы лица мужского рода и соотнесённые с ними суффиксы женского рода, напр. *журнали́ст — журнали́стка, комсомо́лец — комсомо́лка, учи́тель — учи́тельница* (стр. 107). Такое широкое понимание грамматического признака связано с общей установкой Академической грамматики, относящей к морфологии не только процессы словоизменения или формообразования (парадигматики), но и процессы словообразования (деривации). Если у приведённых существительных можно усмотреть морфологическую соотнесённость, проявляющуюся в чередовании суффиксов мужского и женского рода, то у значительного числа существительных со значением лица такого суффиксального чередования не имеется, хотя по своему значению они соотносительны друг с другом. Трудно, например, считать существительные *сестра́* или *мать* «формами» существительных *брат* или *оте́ц*, хотя семантически эти существительные соотнесены друг с другом точно так же, как *журнали́ст* и *журнали́стка*.

Для выделения группы слов в особую грамматическую категорию недостаточно одного семантического признака. Грамматическая категория конституируется лишь при наличии формальных признаков, объединяющих определённую семантическую группу слов. Такие формальные признаки, как мы видели, налицо в словацком языке. Здесь «подкласс лиц» формально выделяется с большой чёткостью: существительные, входящие в этот подкласс, объединены многочисленными формальными особенностями. Каждое новое существительное, попадающее в словацкий язык и имеющее значение лица мужского пола, обязательно включается в этот подкласс и приобретает все грамматические признаки, свойственные этому подклассу существительных. Так обстояло дело со словами *úderník, brigádnik, kádrovník, údržbár, diaľkár* «заочник», нашедшими распространение в словацком языке за последние годы. Подкласс лиц является, следовательно, в словацком языке вполне живой, продуктивной категорией. Формальных особенностей, относящихся ко всем существительным со зна-

---

[1] Ср. В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, стр. 71—92. — А. М. Пешковский считал существительные типа *воевода, судья* особой «родовой» категорией.

чением лица, в русском языке нет. Приводимые акад. В. В. Виноградовым морфологические приметы касаются лишь небольшой группы слов типа *гра́ждане*, *меща́не*, *англича́не* (особое окончание именительного падежа множественного числа на *-е*), *сыновья́*, *кумовья́*, *друзья́*, *князья́* (окончания *-овья́* и *-ья́*) и изолированных слов *сосе́ди* и *че́рти* (с непродуктивным окончанием именительного падежа множественного числа *-и*). Что же касается существительных на *-а* или *-я*, обозначающих лица мужского пола *(колле́га, судья́, Ники́та, Ва́ня)*, то они своей флексией не отличаются от соответствующих существительных женского рода и, следовательно, не обнаруживают никаких формальных особенностей, позволяющих нам включить их в состав «грамматической категории лица». Нельзя упускать из виду, что в русском языке большинство существительных, по своему значению относящихся к данной группе, формально не отличается от существительных, составляющих класс одушевлённых вообще. Новые слова со значением лица, как правило, не включаются в парадигматическую систему существительных типа *граждани́н*, *сын*, *князь* или *сосе́д*, а примыкают к существительным типа *учени́к*, *учи́тель*, *журнали́ст*, формально не отличающихся от существительных, обозначающих живые существа вообще. Следовательно, можно утверждать, что в русском языке подкласс лиц не сохранился категориально, в смысле грамматически выраженного разряда, а лишь в пережитках. В отличие от словацкого языка, где этот разряд продуктивен, русский язык не знает грамматической категории («класса») лиц.

Ввиду всего сказанного, приходится отказаться от выделения в русском языке особого семантико-грамматического подкласса лиц. Существительные со значением лица полностью совпадают формально с существительными, составляющими класс живых существ («одушевлённых»).

При сопоставлении фактов русского языка с фактами словацкого языка обращают на себя внимание следующие расхождения:

а) Существительные *дух*, *ге́ний*, *наро́д* трактуются в русском языке как «неодушевлённые», если они употребляются в прямом значении: *пости́гнуть дух вре́мени* »vystihnúť ducha času«, *вызыва́ть дух Наполео́на*, *цени́ть ге́ний худо́жника* »vážiť si umelcovho génia«. В переносном значении, т. е. при применении существительного *ге́ний* к человеку, оно, естественно, трактуется как существительное «одушевлённое»: *он цени́л э́того ге́ния*. Слово *наро́д* обычно употребляется как «неодушевлённое», ср. *люби́ть свой наро́д*. В редких случаях это существительное может, однако, употребляться как «одушевлённое», ср. «Но этот *наро́д* он не считал тем, настоя́щим..., *кото́рого* все любят, жале́ют и единоду́шно жела́ют ему сча́стья» (М. Горький: «Жизнь Клима Самгина», т. I.).

б) Существительные на *-тель* со значением nomina rei в современном

языке трактуются как «неодушевлённые», ср. *установи́ть дви́гатель* »motor«, *откры́ть распредели́тель* »rozdeľovňu«, *сбить два истреби́теля* (а не: «двух истреби́телей»!) »dve stíhačky«.

Существительное *činiteľ* «1. де́ятель; 2. фа́ктор; 3. *мат.* сомно́житель» трактуется в словацком языке как «смешанный» тип, ср. дат. *činiteľu/činiteľovi*, предл. *činiteli*; им. мн. *činitelia/činitele*, вид. мн. *činiteľov/činitele*. В русском языке существительное *фа́ктор* трактуется всегда как неодушевлённое *(необходи́мо учёсть фа́ктор вре́мени)*, в то время как существительное *де́ятель* относится к разряду «одушевлённых» *(все зна́ют э́того ви́дного де́ятеля)*. Ср. также *dvaja činitelia* ~ *два фа́ктора*.

в) Менее ясно обстоит дело с употреблением некоторых существительных в переносном значении. Тут следует различать два случая:

α) Название неодушевлённого предмета переносится на лицо; этим самым оно приобретает все морфологические признаки существительных «одушевлённых», ср. *сжать кула́к* »stisnúť päsť« ~ *уничто́жить кулака́, как кла́сс*,[1] *изуча́ть оригина́л те́кста* ~ *я хорошо́ зна́ю э́того оригина́ла*. Ср. также у Гоголя: «он иска́л господи́на *но́са* по всем угла́м» («Нос»).

β) Название «одушевлённого» существительного переносится на неодушевлённый предмет; в этом случае наблюдается колебание: с одной стороны, такое существительное, как *конёк* в значении шахматной фигуры трактуется как «одушевлённое» *(взять конька́ проти́вника)*, хотя *конёк* здесь явно «неодушевлённый» предмет. В карточном арго названия фигур *коро́ль*, *вале́т*, *туз* трактуются как «одушевлённые»: *покры́ть короля́*, *вале́та*, *туза́*, как и в словацком языке: *mať hornika*, *prebiť dolníka*, *dať tromfa*. С другой стороны, имена животных, употребляемые в переносном значении, входят в разряд «неодушевлённых» предметов, ср. *купи́ть но́вый «Крокоди́л»* (юмористический журнал), *на́ши подби́ли два «ти́гра»* (т. е. два немецких танка типа «Тигр»). Ср. у Ильи Эренбурга: *«Тигр» хо́чешь посмотре́ть?* («Буря»). Ср. также *наблюда́ть спу́тник*; *купи́ть «Москви́ч»* (автомашину).

В словацком языке наблюдается ряд случаев трактовки «неодушевлённых» предметов как «одушевлённых». Особенно ярко это сказывается в экспрессивных разговорных стилях: *zoťať buka*, *stali smreka*, *duba*. Ср. чеш. *dostat vředa*, арготическое *vyfásnout ajnclíka* «получить одиночное заключение» и т. п.

Проф. Л. А. Булаховский отмечает, что «современный литературный язык решительно склоняется в сторону сохранения за словом с основным

---

[1] С точки зрения современного русского языка существительное *кула́к* в значении «зажиточный крестьянин, эксплуатирующий односельчан», уже не является переносным значением слова *кула́к* »päsť«. Здесь мы имеем дело с двумя омонимами.

значением одушевлённости, независимо от его переносного употребления, первоначальных морфологических особенностей».[1] Факты, однако, показывают, что в этом отношении имеются значительные колебания.

г) Любопытным случаем являются существительные *мертве́ц* »mrlec«, *поко́йник* и *мёртвый*. Семантически, т. е. в самом конкретном их значении, они, конечно, не обозначают «живые существа». Однако в русском языке они трактуются как таковые: *ви́дел мертвеца́*, *ви́дел поко́йника*, ср.

Тя́тя, тя́тя, на́ши се́ти
притащи́ли мертвеца́.[2]
(А. С. Пушкин.)

д) Существительное *лицо́*, множ. число *ли́ца*, »osoba« трактуется в единственном числе как существительное «неодушевлённое» (*приве́тствовать должностно́е лицо́* »vítať funkcionára«). У авторов имеются и здесь перебои, ср. у Гоголя: «одно́ значительное лицо́... *почу́вствовал...*» («Шинель»). Во множественном числе существительное *ли́ца* употребляется как «одушевлённое»: *я зна́ю э́тих лиц.*

е) В русском, как и в словацком языке, названия некоторых грибов трактуются обыкновенно как «одушевлённые»: *я нашёл ры́жика, подоси́нника* (но: я нашёл *бе́лый гриб*), ср. словац. *našiel som rýdzika, dubáka.*

ж) Существительные *ку́кла* »bábka, чеш. loutka«, *петру́шка* »Gašparko«, *марионе́тка* и т. п. трактуются в русском языке как «одушевлённые», ср. *де́вочка лю́бит свои́х ку́кол.* Показательны в этом отношении примеры, взятые из книги выдающегося специалиста по вопросам кукольного театра, С. Образцова: «Мы помогли За́йцеву восстанови́ть *его́ ку́кол*», «пока́зывать *ку́кол*», «он пока́зывал *петру́шек, марионе́ток* и фо́кусы» («Моя профессия», 1950).

з) Вне морфологической системы стоят фразеологические серии *пойти́, уйти́, поступи́ть в партиза́ны, в солда́ты, в ня́ньки*, соотносительные с серией *служи́ть в солда́тах, в ня́ньках* и т. п. Ср. «наш сын пойдёт *в худо́жники*» (С. Образцов: «Моя профессия»). Эта серия вполне продуктивна (напр. *пойти́ в комба́йнеры*), хотя в ней и сохранилась старая форма винительного падежа множественного числа, ср. чеш. *viděl vojáky.* Сюда же относятся фразеологические серии вроде *игра́ть в дурачки́*, ср. словац. *hrať duráka, игра́ть в солда́ты, игра́ть в казаки́-разбо́йники* »na zbojníkov a žandárov«, *игра́ть в ку́клы* (а не: «в кукол»!).

---

[1] Л. А. Булаховский: Курс русского языка, 1937, стр. 165.

[2] В старославянском языке принадлежность существительного к тому или иному «классу» была прямо обусловлена его конкретным значением. Поскольку слово «мёртвый» уже не обозначает живое существо, то оно трактуется, как «предмет», ср. *изношаахоу оумьрѣшь* вместо *оумьрѣша;* ср. также *ѣко видѣша и юже оумьрѣшь* (Мар. ев., Ио. XIX 33).

Приведённые выше примеры показывают, что в системе русского существительного противодействуют два начала: грамматически формальное, требующее употребления рода в зависимости от грамматического показателя (окончания), и семантическое, требующее включения в класс одушевлённых в зависимости от конкретного значения слова. Особенно ярко эта борьба проявляется на периферии грамматических классов, в области переносных значений.

«Общий» род в русском языке

Целый ряд слов, обозначающих лиц, может в русском языке согласоваться как с мужским, так и с женским родом в зависимости от «естественного рода». Слова, как *сирота́*, *пья́ница*, *уби́йца*, *пла́кса* »uřňukanec« могут сочетаться с прилагательным и местоимением мужского и женского рода, в зависимости от того, обозначают ли они лицо мужского или женского пола. Ср. *он кру́глый сирота́* ~ *она́ кру́глая сирота́*, *э́тот уби́йца* ~ *э́та уби́йца* и т. д. В таких случаях можно говорить об «общем роде» (genus commune), имея при этом в виду, что этим термином отнюдь не обозначается особая грамматическая категория, а лишь возможность применения данного существительного к лицам мужского и женского пола. В словацком языке таких слов очень мало. В русском языке эта группа слов ограничена существительными на *-а*, *-я*.

Несколько иначе трактуются существительные мужского рода, обозначающие профессии, должности и т. п., но по своей форме (по окончанию) относящиеся к мужскому склонению. Такие слова, как *това́рищ*, *врач*, *педаго́г*, могут обозначать в русском языке мужчину и женщину, ср. *това́рищ Петро́в* ~ *това́рищ Петро́ва*, *она́ врач-специали́ст*, *она́ педаго́г*, *она́ дире́ктор завво́да*. Но эти слова не могут согласоваться с атрибутивными прилагательными или местоимениями женского рода, ср. *она́ надёжный това́рищ* (а не: «надёжная това́рищ»), *она́ прекра́сный врач* (а не: *прекра́сная врач*). В предикативном употреблении прилагательное согласуется с «естественным» родом, ср. «*дире́ктор о́чень стро́гая*» (В. Панова). Сюда относятся слова, как *член (она́ член па́ртии)*, *знато́к* »znalec«, *комсо́рг* «комсомо́льский организа́тор», *дире́ктор* (слово *директри́са* явно устарело), *врач* (слово *врачи́ха* имеет явно пренебрежительный оттенок), *до́ктор*, *профе́ссор* (*до́кторша*, *профе́ссорша* относятся к разговорному стилю). Как видно, во всех указанных случаях речь идёт о терминах, т. е. о словах без эмоционального содержания и с резко очерченным значением. Поучительно сравнить слово *секрета́рь* (напр. *она́ секрета́рь партбюро́*) и *секрета́рша*. В первом случае указывается должность без какого-либо намёка

на пол, в слове *секрета́рша* подчёркивается, что речь идёт именно о женщине. Слово *друг*, применяемое к женщине, более поэтично, чем слово *подру́га*, ср. в предсмертном стихотворении Ленского, посвящённом Ольге:

Серде́чный друг, жела́нный друг,
Приди́, приди́: я твой супру́г!
(А. С. Пушкин: Евгений Онегин.)

В этом случае, как и в других подобных («Не печа́лься, друг мой милый»), слово *друг* не соответствует словацкому *priateľka*, а скорее выражению *milá moja*.

Мужские существительные применяются к лицам женского пола в официальном языке. Так военные чины не имеют особой женской формы, ср. *ста́рший лейтена́нт Васи́льева*, *капита́н Кучко́ва*, *майо́р Ряби́нина* и т. д. Сюда же относятся такие слова, как *киноопера́тор*, *а́втор*, *худо́жник*, *режиссёр*, *компози́тор*, *ди́ктор* »hlásateľ«, *ора́тор* »rečník«, *организа́тор* (*Па́ртия — организа́тор на́ших побе́д* »Strana je organizátorkou našich víťazstiev«) и мн. др. На двусмысленном значении слова *ради́ст* »radiotelegrafista« построен талантливый рассказ Бориса Горбатова «Мы и радист Вовнич». Радистом оказывается — женщина.

В словацком языке число существительных, применяющихся без изменения к мужчинам и женщинам, весьма ограничено. Это связано с бо́льшей стандартностью приёмов словообразования в словацком языке. Женские существительные ре́дко образуются от существительных типа *národopisec* «этно́граф», *kosec*, *víťaz* «победи́тель» (ср. в русском языке: *Сове́тская А́рмия — победи́тельница*), *hosť* при русском *гость* и *го́стья*. В подавляющем большинстве случаев в словацком языке имеются особые слова для обозначения лиц женского рода, ср. *súdruh* ~ *súdružka*, *sudca* ~ *sudkyňa*, *sprievodca* ~ *sprievodkyňa*. В последнее время, по-видимому под влиянием русского языка, в словацком языке появляются случаи применения существительных «общего рода»: súdružka N. N. je *dobrý člen* strany; ona ako *tajomník* organizácie; Viera je *predsedom* odbočky.

В заключение можно сказать, что слова «общего рода» в русском языке составляют немногочисленную и семантически резко ограниченную группу существительных.[1]

[1] В экспрессивных стилях находим ряд существительных «общего рода» на *-а*, *-я* с неодобрительной окраской: *дурёха* »hlupák; hlupáčka«, *ла́комка* »maškrtník; maškrtnica«, *вы́скочка* »karierista; karieristka«, *скря́га* »držgroš« и множество других.

Утрата категории рода во множественном числе

Характерной чертой русского языка является формальная утрата грамматического рода во множественном числе существительных.

Отсутствие родовых отличий у существительных во множественном числе сказывается, прежде всего, в том, что согласованные с ними слова (прилагательные, местоимения) не обнаруживают особых родовых показателей. Окончания множественного числа прилагательных *-ые, -ие, -ьи (но́вые, ве́рхние, во́лчьи)* и местоимений *(э́ти, мои́, на́ши)* едины для всех трёх родов, ср. *э́ти но́вые дома́ ~ э́ти но́вые кни́ги ~ э́ти но́вые пе́рья.* В словацком языке, как и в русском, родовые оттенки во множественном числе не различаются: в мужском («не лица»), женском и среднем роде имеем одни окончания: *tieto nové domy ~ tieto nové knihy ~ tieto nové perá.* В чешском разговорном языке родовые отличия во множественном числе утрачены, как в русском или словацком, но сохраняются обыкновенно в чешском литературном языке: *tyto nové domy ~ tyto nové knihy ~ tato nová pera.*

Характерной чертой флективных языков является грамматическая ёмкость флективных окончаний, их способность одновременно выражать несколько грамматических категорий. Латинское окончание *-arum* (в слове *puellarum* и т. п.) сочетает в себе показатели падежа (родительного), числа (множественного) и рода (женского). В русском языке флективные окончания существительных во множественном числе выражают только категорию числа и падежа; родовой показатель им не присущ. В словацком и чешском языках ещё сохранились такие окончания множественного числа, как словац. *-om* (в дательном множественного), чеш. *-ům*, словац. *-och* (в предложном множественного), характерные для существительных мужского рода, ср. *chlapom, chlapoch*, чеш. *chlapům, dubům*, но также и *městům* (средний род). Сохранились и окончания творительного падежа множественного числа мужского рода, ср. словац. *chlapmi*, чеш. *chlapy*, в среднем роде *městy, slovy.* В русском языке проведена полная унификация окончаний дательного, творительного и предложного падежей во множественном числе всех родов: *-ам (-ям), -ами, (-ями), -ах (-ях)*, ср. *дома́м — рука́м — места́м; дома́ми — рука́ми — места́ми; дома́х — рука́х — места́х.*

Окончания именительного и родительного падежей множественного числа лишены в русском языке какой-либо родовой специфичности.

В именительном падеже нет окончания, характерного только для одного рода:

-ы: *столы́* (м.); *ко́мнаты* (ж.);

-и: *сосе́ди* (м.); *ви́шни, ко́сти, а́рмии* (ж.); *коле́ни, я́блоки, коле́чки* (ср.);

-á: *домá, городá* (м.); *местá, временá* (ср.);
-ья: *стýлья* (м.); *полéнья* (ср.).[1]

В родительном падеже множественного числа:

-ов: *столóв* (м.); *облакóв* (ср.);
-ев: *стýльев* (м.); *плáтьев* (ср.);
-ей: *сосéдей, ножéй, карандашéй* (м.); *свечéй, костéй* (ж.); *полéй* (ср.);
-ий: *áрмий* (ж.); *желáний* (ср.);
-Ø: *солдáт, волóс, чулóк* (м.); *кóмнат* (ж.); *мест* (ср.).

Естественно, в языковом сознании форма множественного числа *кóмнаты* воспринимается как существительное женского рода, поскольку она соотнесена с формой единственного числа *кóмната*, где грамматический род выражен показателем *-а*. Этот факт проявляется в формальном плане языка в таких конструкциях, как *Он вернýл мне книги, одна́ из котóрых была неразрéзана.* У слов, не имеющих единственного числа (у так называемых pluralia tantum), невозможно определить род ни формальным, ни «психологическим» путём. В самом деле, какого рода слово *сáни, санéй* (словац. *sane*, р. п. *saní*)? Ведь при сопоставлении с другими существительными оно может быть и женского (ср. *кóсти, костéй*) и среднего рода (ср. *плéчи, плечéй*).

Полное отсутствие чётких родовых показателей во множественном числе влечёт за собой как бы разрыв парадигмы. Это проявляется в том, что формы множественного числа грамматически беднее, чем формы единственного (им недостаёт родового признака); семантически же формы множественного числа существительных частично оторваны от парадигмы (см. ниже).

В словацком и, отчасти, в чешском языке, также имеется значительная унификация форм множественного числа, но она не доведена до того предела, как в русском. Сверх того, в словацком языке возник новый грамматический показатель в пределах мужского рода (так называемый «класс лиц»), которого в русском языке нет.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Формы множественного числа являются в современных языках частью «парадигмы». Между формами единственного и множественного числа наблюдается параллелизм: во множественном числе, как и в единственном, имеются те же падежи, во многих языках сохраняются во множ. числе

[1] Об окончаниях *-ья́, -овья́, -е* см. выше, стр. 67.

и родовые признаки (напр. в литературном чешском или в словинском).

Несмотря на этот формальный параллелизм между единственным и множественным числом, существительные, облечённые в форму множественного числа, по своему значению отличаются от соответствующих существительных единственного числа. Множественное число — это не механическое умножение единственного. Нагляднее всего этот факт можно продемонстрировать на местоимениях. Личное местоимение *мы* не является, по своему семантическому содержанию, суммой нескольких «я», хотя формы *мы* и *я* грамматически соотнесены. Местоимение *мы* обозначает «я и ещё кто-то».

На первый взгляд общее значение категории грамматического числа кажется самоочевидным. «Ясно, что здесь имеется связь с числом: один предмет, ... несколько предметов».[1] Однако такой интуитивный подход к грамматическому значению игнорирует сложность языковых фактов. Дело в том, что «единственное число» вовсе не обязательно обозначает реальную «единичность», а «множественное число» — далеко не всегда реальную «множественность». Вообще, взятый прямо из традиции термин «число» (numerus) не объясняет функционирования одной из важных категорий грамматики.

В русском языке имеется немало случаев, когда одна и та же грамматическая форма (в данном случае, форма «единственного числа») может обозначать и один единичный предмет, и множество предметов:

Положить *кирпи́ч* под воро́та dať tehlu pod bránu
Купить *кирпи́ч* для постро́йки до́ма kúpiť tehly

Если бы «единственное число» обладало своим собственным значением, т. е. во всех случаях обозначало один единичный предмет, то форма *кирпи́ч* в значении «tehly» была бы немыслима.

С другой стороны, один и тот же объект внеязыковой действительности может быть назван и формой единственного, и формой множественного числа:

Он вошёл в *дверь* (реальная единичность)
Он вошёл в *две́ри* (реальная единичность)
Боя́рам постри́гли *бо́роды* (реальная множественность)
Боя́рам постри́гли *бо́роду* (реальная множественность)

Противоречивость таких фактов не может быть объяснена просто ссылкой на «особые случаи употребления». Наоборот, такие «особые случаи употребления» должны найти своё теоретическое объяснение в общей (инвариантной) семантике грамматической категории.

---

[1] Cp. Vl. Skalička: Poznámky k theorii pádů, Slovo a slovesnost 12 (1950), 134.

www.ruslang.ru

В категории «грамматического числа» противопоставлены друг другу два члена. «Множественное число» является сильным (маркированным) членом оппозиции.[1] «Единственное число» — слабым (немаркированным) членом.

Семантическим признаком «множественного числа» является не сигнализация реальной множественности, а сигнализация реальной расчлен ённости предмета. Если мы говорим о *зелёных ли́стьях де́рева*, то этим самым мы сигнализуем расчленённость (а не множественность) обозначаемого предмета.

Формы «единственного числа», являясь формами слабого члена оппозиции, лишены положительного грамматического значения: они оставляют признак «расчленённость/нерасчленённость предмета» — невыраженным. Можно сказать *зелёная листва́ де́рева*; реальный предмет, обозначенный словом *листва́* »lístie« («един. число») может быть тождественным с предметом, обозначенным словом *ли́стья* («множ. число»). Но в слове *листва́* реальная расчленённость остаётся невыраженной.

Множественность — это лишь одна из форм расчленённости. Вот почему такие формы «множественного числа» как *мои́ кни́ги*, *де́ти*, *города́* толкуются нами как обозначения множеств. Но ведь слова, встречающиеся только во «множественном числе», например, *часы́*, *кани́кулы* или *черни́ла*, вовсе не обозначают «множества».

Единичность — это лишь одна из форм нерасчленённости. Вот почему такие формы как *моя́ кни́га*, *ребёнок*, *го́род* толкуются нами как «единичные предметы». В таком предложении, как «Прошу́ тебя́ не нака́зывать *ребёнка* за вся́кие пустяки́!», слово «ребёнок» обозначает конкретное, единичное лицо, напр. Ваню Петрова. А в предложении «*Ребёнка* не сле́дует нака́зывать за вся́кие пустяки́», взятом из учебника педагогики, то же самое слово «ребёнок» не обозначает определённого ребёнка, а нескольких или всех детей вообще. В таком предложении форму единственного числа можно заменить формой множественного, не нарушая при этом смысла: «*дете́й* не сле́дует нака́зывать за вся́кие пустяки́».[2]

Именно в силу того, что форма единственного числа существительных может обозначать и не единичное, возможны такие образования: «*Тут прошёл не́мец*» (название картины), *в наших леса́х во́дится и медве́дь и оле́нь* (т. е. *медве́ди* и *оле́ни*), именно на этой особенности построены такие выражения, как *наш брат* в значении »našinec« (напр. *наш брат и не тако́е*

---

[1] Эта мысль встречается уже у К. С. Аксакова (см. Полное собрание сочинений, том II — Сочинения филологические, ч. I, Москва 1875, стр. 569.

[2] Ср. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров: Очерк грамматики русского литературного языка. Часть 1, Фонетика и морфология. Москва 1945, стр. 89.

ви́дывал, от на́шего бра́та мно́го тре́буется), на этом же принципе построены и народные пословицы, носящие самый общий характер, ср. *услу́жливый дура́к опа́снее врага́, на вбре ша́пка гори́т* и мн. др. Это возможно лишь в том случае, если «единственное число» само по себе не содержит никакого указания на «единичность» реального предмета.[1]

В дальнейшем мы будем пользоваться старыми терминами «единственное» и «множественное число» с учётом сделанных здесь замечаний по поводу их общего (инвариантного) грамматического значения.

Возникает вопрос: не являются ли формы множественного числа новыми словами, самостоятельными лексическими единицами? Ведь в ряде языков наблюдаются случаи, когда множ. число выражено другим корнем, ср. *челове́к ~ лю́ди*, словац. *človek ~ ľudia*, нем. *Mensch ~ Leute*, англ. *man ~ people*, фр. *l'homme ~ les gens*, или *ребёнок ~ де́ти* и т. п.

В русском языке случаи чередования основы в пределах склонения единственного числа исключительно редки (*вре́м-я ~ вре́мен-и, мать ~ ма́тер-и* и т. п.); в словацком языке можно привести такие примеры, как *teľ-a ~ teľat-a, česť ~ cti*. При образовании же множественного числа случаи чередования основы весьма многочисленны и разнообразны:

1. чередование последней согласной *к/ч, г/з: сук ~ су́чья, крюк ~ кры́чья, друг ~ друзья́*;[2] ср. словац. *roľník ~ roľníc-i, černoch ~ černos-i*, чеш. *soudruh ~ soudruz-i, profesor ~ profesoř-i*;

2. расширение основы во множ. числе: *стул ~ сту́лья* (stul-j-a), *чу́д-о ~ чудес-а́, не́б-о ~ небес-а́, сын ~ сынов-ья́*;

3. усечение основы во множ. числе: *крестья́нин ~ крестья́н-е, армяни́н ~ армя́н-е; цвет-бк ~ цвет-ы́, ку́риц-а ~ ку́р-ы, су́дн-о ~ суд-а́* и др.;

4. чередование разных основ: *телёнок ~ теля́та, жеребёнок ~ жеребя́та;*

5. в чешском языке случаи своеобразной «внутренней флексии», ср; *přítel* «друг» ~ *přátel* «друзей»;

6. чередование места ударения: *глаз, гла́за ~ глаза́, го́род, го́рода ~ города́, трава́ ~ тра́вы, ружьё ~ ру́жья, ме́сто ~ места́* и мн. др.

Если проследить семантическую сторону этого явления, то окажется, что в целом ряде случаев форма множественного числа не соотнесена с формой единственного числа, а является самостоятельной лексической единицей, ср. *часы́* »hodinky« (слово не соотнесено со словом «час»), *бега́* »klusácke preteky« (слово *бег* в значении »beh« не имеет множественного числа), слово *духи́* »voňavka« не является формой множ. числа от слова *дух* и т. д.

---

[1] Подробнее см. А. В. Исаченко: О грамматическом значении, Вопросы языкознания 1961, 1, 28—43.

[2] Ср. A. V. Isačenko: Der grammatische Wechsel *k/c, g/z* im Russischen. Slavia XIV, 1935—6, 43.

Всего этого, однако, недостаточно, чтобы отделять формы множественного числа от парадигмы единственного числа. Между формами единственного и множественного числа существует грамматическая и семантическая соотнесённость: множественное число является формой парадигмы, а не самостоятельным производным словом.

Следы двойственного числа

Языки индоевропейской группы, в том числе и славянские, имели в прошлом особую форму для выражения двойственности (dualis). Эта форма отличалась от форм множественного числа особыми окончаниями и употреблялась при числительных *дъва*, *дъвѣ*, *оба*, *обѣ*, *(дъва на десяте*, *оба на десяте)*, а также анафорически при согласовании с двумя существительными.[1]

В большинстве современных славянских языков, в том числе в словацком, чешском и русском, двойственное число, как грамматическая категория, утрачено. Сохранились лишь немногочисленные следы форм двойственного числа. В словацком языке это формы вроде род. п. мн. ч. *očí*, или по диалектам окончание твор. п. мн. ч. *-ma* (ср. слов. *kojma*, *dverma*). В чешском языке — это такие формы, как *ruce*, род. п. мн. ч. *rukou* и т. п.

В русском языке следы двойственного числа сохранились:

1. В окончании именительного падежа множественного числа существительных мужского рода со значением парности: *бокá*, *берегá*, *рукавá*, *рогá*, *глазá*, *окорокá* »šunky«.

2. В окончании именительного падежа множественного числа существительных среднего рода с тем же значением: *колéни*, *плéчи*, *ýши*, *вéки* »viečka«.

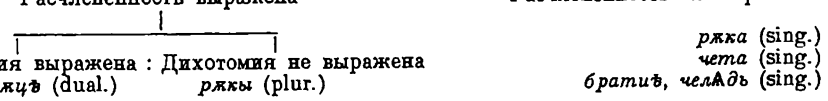
3. В числительном *двéсти* (из *дъвѣ съти*), при *трúста*, *четы́реста*.

4. В формах *два столá*, *два дóма*, воспринимаемых в настоящее время как сочетание числительных с «родительным» падежом единственного числа, но восходящих исторически к старым формам двойственного числа (см. ниже).

Следует подчеркнуть, что формы вроде *глазá*, *берегá*, *ýши* и т. д. воспринимаются в современном языке как формы множественного числа.

---

[1] Системы грамматических оппозиций с тремя (или более) членами неизбежно распадаются на цепь бинарных оппозиций. Грамматические значения этих категорий противопоставлены друг другу не «линеарно» (т. е. по принципу singularis : dualis : pluralis), а в виде «иерархической» структуры двух оппозиций:

«Двойные» формы именительного (винительного) падежа множественного числа и их значения

В словацком языке имеется некоторое количество существительных мужского рода, образующих двойные формы множественного числа. Так, от слова *oko* можно образовать формы *oči* и *oká*. Нетрудно, однако, заметить, что здесь в сущности речь идёт о множественном числе двух основных значений слова: 1. *oko* — «орган зрения»; множ. число от этого значения — *oči*; 2. *oko* — «петля»; в этом значении мы имеем форму множ. числа *oká*.

Таких слов, образующих двойные формы множественного числа с дифференцированным значением, имеется в русском языке довольно много:

хлеб < *хлéбы* »chleby«
хлебá »obilie«

В единственном числе это слово имеет следующие основные значения: 1. выпеченный из муки пищевой продукт определённой формы; множ. число к этому значению будет *хлéбы*, ср. *вы́нуть из пéчи горя́чие хлéбы*; 2. зерно, из которого приготовляют этот продукт (ср. сéять *хлеб*); множ. число к этому значению будет *хлебá*, ср. *на колхóзных поля́х золотéют хлебá*.

«Расщепление» значения в единственном числе выражается в двойной форме множественного числа у следующих слов:

год < *годá* (календарные единицы: *урожáйные годá*)
гóды (т. е. «эпоха», «период»: *в гóды войны́*)

зуб < *зýбы* (во рту: *у негó зýбы боля́т*)
зýбья (пилы́, зубчáтого колесá)

лист < *ли́стья* (дéрева, цветкá)
листы́ (бумáги, желéза)

муж < *мужья́ (жéнщины пришли́ со свои́ми мужья́ми)*
мужи́ (учёные мужи́, государственные мужи́)

óбраз < *óбразы (художественные, поэти́ческие óбразы)*
образá (икóны)

óрден < *орденá* (знáки отли́чия)
óрдены (напр. ры́царские)

пóвод < *поводá* или *повóдья* (opraty)
пóводы (pohnútky)

прóпуск < *пропускá* (priepustky)
прóпуски (vynechávky, medzery)

сын < *сыновья́ (он люби́л свои́х сыновéй)*
сыны́ (в торжественном стиле: *сыны́ отéчества*)

учи́тель < *учителя́* (шкóльные)
учи́тели (вели́кие учи́тели пролетариáта)

тон ⟨ *тона́* (отте́нки)
то́ны (зву́ки)

Необходимо отметить, что в ряде случаев речь идёт вовсе не о «двойной» форме множественного числа одного слова, а о двух различных формах множественного числа омонимических слов. В современном языке *про́пуск* «priepustka» и *про́пуск* »vynechávka« являются омонимами, хотя в словаре Ушакова оба слова приведены в одном гнезде (III, 985). Омонимами являются также существительные *о́браз* »obraz; postava« и *о́браз* «икона», *по́вод* »opraty« и *по́вод* »príčina, pohnútka, dôvod«. Различие в форме множественного числа подтверждает, что здесь действительно два разных слова, а не два значения одного слова.

В ряде случаев имеем даже три параллельных формы множественного числа, соответствующие трём разным значениям существительного:

коле́но ⟨ *коле́ни* (часть ноги: *стать на коле́ни*)
коле́на (фигуры: *коле́на соловьи́ного пе́ния*)
коле́нья (трубы́).

Наконец, имеются случаи, где форме множественного числа противостоят существительные, употребляющиеся только во множественном числе (pluralia tantum), и не соотносительные с формой единственного числа:

дух / *ду́хи* (duchovia)
≠ *духи́* (pl. tantum: voňavka)
про́вод / *проводá* (vedenia, drôty)
≠ *про́воды* (pl. tantum: odprevádzanie)
счёт / *счета́* (účty)
≠ *счёты* (pl. tantum: počítadlo).

Существительные *цвета́* и *цветы́* не являются формами множественного числа одного и того же существительного. Форма *цвета́* »farby« соотносительна с существительным *цвет (все цвета́ ра́дуги; мате́рия чёрного цве́та)*, форма *цветы́* соотносительна с существительным *цвето́к, цветка́* »kvet« *(на лужа́йке расли́ цветы́; сорва́ть цвето́к)*.

Pluralia tantum

В славянских языках имеется значительное количество существительных, употребляющихся только во множественном числе. Эти слова или вовсе не имеют соответствующих форм единственного числа (напр. *са́ни, воро́та, но́жницы*), или семантически настолько оторвались от соответствующих форм единственного числа, что их уже нельзя рассматривать в рамках одной парадигмы, ср. *час* (= 60 минут) ~ *часы́* (хронометр).

Слова, употребляющиеся только во множественном числе, называются pluralia tantum.

Pluralia tantum не обозначают «множественности». Ведь такие существительные, как *нóжницы*, *очки́* или *са́ни* обозначают единичные предметы. Выше говорилось о том, что общим (инвариантным) грамматическим значением так называемого «множественного числа» является сигнализация о «расчленённости» предмета реальной действительности. Именно поэтому pluralia tantum могут совмещать значение «единичного предмета» со значением «расчленённости предмета» в формах так называемого «множественного числа».

Существительные, относящиеся в русском языке к разряду pluralia tantum, в других языках могут быть представлены существительными, употребляющимися только в единственном числе, ср. русск. *де́ньги*, словац. *peniaze*, но нем. *Geld* (только в единственном числе), фр. *argent* (только в единственном числе), венг. *pénz* и т. п. Далеко не все существительные, относящиеся в русском языке к разряду pluralia tantum, представлены такими же формами в словацком языке, и наоборот.

Формально pluralia tantum выделены тем, что при счёте (поскольку они вообще подлежат счёту) они сочетаются не с числительными *два*, *три*, *четы́ре*, *пять*, *де́сять*, а с собирательными числительными *дво́е*, *тро́е*, *че́тверо*, *пя́теро*, или же образуют «аналитические» формы числительных: *две па́ры*, *две шту́ки*, ср. *две па́ры штано́в* »dvoje nohavíc«, *две па́ры часо́в* »dvoje hodiniek«. В целом ряде случаев сочетания pluralia tantum с числительными в русском языке явно избегаются.

Для сопоставительного изучения относящихся сюда явлений целесообразно будет исходить из более узких семантических групп. В состав pluralia tantum входят следующие группы слов:

1. Существительные, обозначающие «парные» предметы: *очки́* »okuliare«, *нóжницы* »nožnice«, *са́ни* »sane«, *воро́та* »vráta«, *штаны́* »nohavice«, *кальсо́ны* или *подшта́нники* »spodky«, *щипцы́* или *кле́щи* »kliešte«, *кавы́чки* »úvodzovky«, *пла́вки* или *тру́сики* »plavky«, *сала́зки* »sánky« и др.

Отметим особо, что словац. слову *dvere*, употребляющемуся только во множественном числе, соответствует русск. *дверь* в единственном числе, и *две́ри -е́й* во множественном.

2. Существительные, обозначающие сложные приборы и инструменты: *часы́* »hodinky«, *гра́бли* »hrable«, *парал̀ле́льные бру́сья* »bradlá«, *носи́лки* »nosidlá« и др.

Отметим особо русские существительные *весы́* »váha«, *пери́ла* »zábradlie«, *кура́нты* »orloj«, с одной стороны, словац. *kachle* «печь» (единственное число!), *noviny* «газета» (единственное число!), с другой.

3. Названия праздников и обрядов: *именины* »meniny«, *крести́ны* »krsti-

ny«. Словацким существительным во множественном числе *Vianoce, ja-šiangy* соответствуют русские существительные *рождество́, ма́сленица*. Словац. *raňajky — за́втрак* (единств. число), *hody — пир* (единств. число). Наоборот, русск. *по́хороны, похоро́н* соответствует словац. существительное *pohreb*.

4. Существительные, обозначающие отбросы: *стру́жки* »stružliny«, *опи́лки* »piliny«, *о́труби* »otruby«, *отбро́сы* »odpadky«, *отхо́ды произво́дства* »odpad pri výrobe«, *помо́и* »pomyje«.

5. Существительные, обозначающие отрезок времени: *кани́кулы* »prázdniny«, *су́тки* (= 24 часа; ср. *он двое́ су́ток не спал*), *су́мерки* »súmrak«, *бу́дни* »všedné, pracovné dni«.

6. Существительные, обозначающие сложные процессы: *ро́ды* »pôrod«, *хло́поты* »zhon, behanie« *(«у него́ мно́го хлопо́т»)*, *по́иски* »hľadanie« *(«по́иски пропа́вшей экспеди́ции продолжа́лись не́сколько дней»)*, *про́воды* »vyprevádzanie, lúčenie«.

7. Понятия, связанные с деньгами: *де́ньги* »peniaze«, *нали́чные* »hotovosť« *(заплати́ть нали́чными)*, *су́точные* »diéty«, *наградны́е* »prémiové«, *сверхуро́чные* »nadčasové«. Ср. словац. *drobné — ме́лочь*.

8. Названия продуктов питания и блюд: *о́вощи* »zelenina«, *фру́кты* »ovocie«, *мозги́* »mozoček« *(теля́чьи мозги́)*, *по́чки* »obličky« *(по́чки на смета́не)*, *сли́вки* »smotana« *(пиро́жное со сби́тыми сли́вками)*, *щи* »kapustnica«, *дро́жжи* »droždie«.

9. Названия игр и карточных мастей: *ша́хматы* »šachy«, *городки́, ша́шки* »dáma«. Сюда же относятся pluralia tantum, встречающиеся только в сочетаниях с *игра́ть в* или *игра́ в*: *игра́ть в пря́тки* »na skrývačku«, *игра́ в жму́рки* »na slepú babu« и т. п.

Существительные *че́рви* »srdcia«, *пи́ки* »piky«, *бу́бны* »káro, holby«, *тре́фы* »kríže«.

10. Отвлечённые существительные (европеизмы): *фина́нсы, джу́нгли, алимéнты, ресу́рсы* и др.

Разряд pluralia tantum в русском языке почти непродуктивен. Новые слова, пополняющие этот разряд, образуются преимущественно от прилагательных, ср. *яровы́е, зерновы́е, кормовы́е* (культуры), в зоологической и ботанической терминологии *позвоно́чные* »stavovce«, *жва́чные* »prežúvavce«, *парнокопы́тные* »párnokopytníky«, *тайнобра́чные* »tajnosnubné«, *ци́тросовые* и т. п. В профессиональных стилях возникают, однако, новые слова, употребляющиеся только во множественном числе, напр. *огнеупо́ры* »ohňovzdorné látky«, *лесоматериа́лы* »úžitkové drevo«, *мети́зы* (т. е. металлические изде́лия). В литературный язык эти слова проникают через печать, ср. *хлебозагото́вки* »žatevná kampaň, výkup obilia«, *лесозагото́вки* »drevorubačské práce« и т. п.

У существительных pluralia tantum признак «расчленённости» относится, так сказать, к внутренней «структуре» предмета. Значение «совокупности разнородных предметов» самоочевидно у таких существительных, как *де́ньги, бвощи, фру́кты, ша́хматы, о́труби, опи́лки, помо́и* и т. п. Оно совершенно отчётливо ощущается у существительных, обозначающих «парные предметы», типа *очки́, но́жницы, кле́щи, щипцы́, плоскогу́бцы, весы́, са́ни* (два по́лоза). Расчленённость ощущается далее у существительных, обозначающих «сложные предметы», типа *часы́, кура́нты, носи́лки, я́сли, леса́* (при постройке здания), *поля́* (книги), *ко́злы, но́ты* (в значении «текст музыкального произведения; тетрадь»). Признак расчленённости присутствует также у существительных, обозначающих «сложные процессы», типа *перегово́ры, хлебозаготбвки, про́воды, ро́ды, хло́поты, по́иски*; ср. *сре́дние века́*, устар. *кла́ссы* (в значении «занятия»). Расчленённость ощущается у существительных, обозначающих длительные отрезки времени, типа *кани́кулы* а также у названий праздников и обрядов: *имени́ны, по́хороны*. Расчленённость выражена (без отчётливой внешней мотивировки с точки зрения современного языка) в таких существительных, как *духи́, дро́жжи, черни́ла, сли́вки, консе́рвы, джу́нгли, фина́нсы, су́мерки* и т. п. Общий семантический признак расчленённости присущ также географическим названиям типа *А́льпы, Карпа́ты, Балка́ны* (ср. слвц. *Balkán* — ед. число), *Соловки́* (= *Солове́цкие острова́*), *Черёмушки* и даже *Вели́кие Луки́*.

Singularia tantum

В пределах имени существительного выделяется довольно значительная группа слов, употребляющихся только в единственном числе (singularia tantum).

К этой группе прежде всего относятся отвлечённые имена существительные. Отвлечённые существительные от имён прилагательных или отвлечённые существительные, образованные от глаголов, в силу своего значения не могут образовать форм множественного числа. Это относится как к русскому, так и к словацкому языку. Так, например, нельзя образовать множественного числа от существительных *мо́лодость, ве́рность, бди́тельность, белизна́*, или от существительных *перепи́сывание, поступле́ние, умира́ние* и т. п., поскольку эти существительные употребляются в отвлечённом значении. Но стоит только такому существительному приобрести конкретный оттенок значения, и оно начинает функционировать в языке как всякое другое существительное, допускающее формы множественного числа. Отвлечённое существительное *глу́пость* или *неприя́тность* (в сочетаниях типа *глу́пость э́того человека, неприя́тность э́той встре́чи*) не допускает образования множественного числа. Но при конкретном употреблении данных слов *(он сде́лал большу́ю глу́пость, у меня́ была́ кру́пная неприя́тность)* форма множественного числа легко образуется: *наде́лать глу́постей, у него́ бы́ло мно́го неприя́тностей.*

К отвлечённым именам существительным, не имеющим форм множественного числа, относятся также существительные типа *терпе́ние, возникнове́ние, прибы́тие, позо́р, лень, эгои́зм, поэти́чность* и мн. др.

Второй разряд singularia tantum составляют имена существительные собирательные (hromadné mená, kolektíva). Собирательными называются такие имена существительные в единственном числе, у которых реальная их «расчленённость» остаётся невыраженной.

В чём же заключается разница между именем существительным собирательным и формой множественного числа? Форма множественного числа содержит в себе указание на реальную расчленённость предмета действительности (ср. *де́ти*, *пролета́рии*, *молоды́е лю́ди*), в то время как собирательные существительные оставляют эту реальную расчленённость невыраженной (ср. *детвора́*, *пролетариа́т*, *молодёжь*).

Как правило, собирательные существительные не сочетаются с числительными: нельзя сказать «две листвы́» или «три молодёжи».[1]

В кругу собирательных имён существительных выделяется несколько семантических групп:

а) Названия социальных и профессиональных групп: *бедноти́* »chudoba« *(деревёнская беднота́)*, *кула́чество*, *пролетариа́т*, *буржуази́я*, *дворя́нство*, *аристокра́тия*, *студе́нчество*, *населе́ние*, *духове́нство*. Сюда же относится *детвора́* »deťúrence«, *молодёжь*, *бра́тия* (напр. *ни́щая бра́тия*) и др. Существительное *профессу́ра* в одном из своих значений приобретает оттенок собирательности: *на торже́ственном а́кте прису́тствовала вся профессу́ра.*

В словацком языке эта группа вполне продуктивна, ср. *robotníctvo*, *úradníctvo*, *žiactvo*, *učiteľstvo*. В русском языке этим собирательным соответствуют формы множественного числа: *рабо́чие*, *слу́жащие*, *ученики́*, *учителя́*, *офице́ры*, хотя известны и собирательные типа *офице́рство*.

б) Существительные с неодобрительным оттенком, обозначающие разные группы лиц: *солда́тня́* »soldateska«, *офицерьё* (в применении к белогвардейцам), *бабьё*, а также некоторые ругательные слова вроде *сво́лочь* »háveď, zberba« *(вся́кая сво́лочь сюда́ хо́дит)*, *шпана́* »luza« и др. Сюда же относится *мелюзга́* »drobizg«.

---

[1] В некоторых случаях, однако, имена собирательные трактуются как существительные, «логически» выражающие множественность. В языке это отражается в том, что сказуемое согласуется с такими существительными не по «форме», а по «логическому значению». Можно сказать *большинство́ из нас зна́ет* (формальное согласование), но можно сказать и *большинство́ из нас зна́ют* (логическое согласование). В английском языке такое «логическое» согласование у ряда слов обязательно: существительные *government* «правительство», *board* «комиссия» и т. п. согласуются с множественным числом: the Gouvernment have met (а не: has met), дословно «правительство сошлись». Такое же согласование наблюдалось у имён собирательных и в древнерусском языке: «Роусь идоша», дословно «Русь пошли»; «А дружина моя сему смѣятися начнуть»; «о работающих в Грекох Роуси» (Лавр. сп.).

в) Существительные, обозначающие животных: *скот* »dobytok«, *пти́ца* »hydina« (*разводи́ть пти́цу* »chovať hydinu«), *дичь* »zver, zverina«. Особое внимание следует уделить собирательному употреблению слова *ры́ба*, ср. *Каспи́йское мо́ре бога́то ры́бой* »je bohaté na ryby«, *в э́той реке́ мно́го ры́бы* »mnoho rýb«, *лови́ть ры́бу* »chytať ryby« и т. п. Существительное *ры́ба* употребляется в собирательном значении в единственном числе, если имеется в виду «рыба», как продукт питания или как хозяйственная ценность. В других случаях употребляется, как и в словацком языке, форма множественного числа, например *костя́стые ры́бы, в аква́риуме мно́го рыб*. Названия разных сортов рыбы, живущих в больших стаях, также употребляются в единственном числе, ср. *лови́ть сельдь, лови́ть ка́мбалу, камсу́* и т. п.

Сюда же относятся собирательные типа *саранча́* »kobylky« (ср. *саранча́ пошла́*), *мошкара́* »hmyz, mušky« и т. п.

г) Названия порослей и рощ: *куста́рник* »krovie«, *березня́к, можжеве́льник* »borievčie, чеш. borůvčí«, *сосня́к* и т. п. В словацком языке эта группа существительных представлена образованиями при помощи суффиксов *-ina, -ie, -ovie: brezina, borina, bučina, dubina; búčie.*

Близость между именем собирательным и формой множественного числа сказывается исторически в переходе существительных из одной группы в другую. В современном русском языке существительные *ли́стья, пе́рья, ка́мень* функционируют как формы множественного числа соответствующих существительных *лист, перо́, ка́мень*. Но генетически эти формы восходят к собирательным именам существительным типа *ли́стье, пе́рье, ка́мень* (среднего рода!). Соответствующие формы бытуют по сей день в словацком языке, где наряду с формами множественного числа *listy, perá, kamene* имеются собирательные *lístie, perie, kamenie.* Такова же судьба слова *бра́тья, бра́тьев*, являющегося в современном языке формой множественного числа к существительному *брат*. Исторически форма *бра́тья* восходит к собирательному существительному женского рода *бра́тия*, сохранившемуся поныне в выражениях *ни́щая бра́тия* »žobrač«, *актёрская бра́тия* »herecká cháska«. Таким образом, мы видим, как собирательные имена существительные входят в парадигму сперва в качестве «суплетивных» форм, чтобы в дальнейшем полностью вытеснить старые формы множественного числа.

Из всего сказанного видно, что при всей близости в трактовке отвлечённых и собирательных имён существительных в русском и словацком языках, между этими языками нет в этом отношении полного совпадения.

Вопрос о «категории вещественности» в русском языке

Акад. А. А. Шахматов впервые выделил в системе русского существительного особую «категорию вещественности». В эту категорию он включал некоторые pluralia tantum, как напр. *дрова́*, *сли́вки*, *дро́жжи*, *о́труби*, *черни́ла*, *духи́* »voňavka«, а также и слова, употребляющиеся только в единственном числе, вроде *мука́*, *соль*, *мёд*, *се́но*, *вино́*, *молоко́*, *горо́х*. В качестве формального показателя этой категории акад. Шахматов приводил окончание родительного падежа единственного числа на *-у (сы́ру, мёду)*.[1]

Акад. В. В. Виноградов, уделивший в своей книге «Русский язык» этому вопросу лишь несколько строчек, в основном принимает мысль акад. Шахматова, хотя из состава слов со значением вещественности он исключает в данном случае pluralia tantum.[2]

Приводимый названными исследователями формальный (морфологический) признак, а именно окончание *-у/-ю* в родительном падеже, нам кажется недостаточным для того, чтобы выделить всю группу существительных, объединённых общим значением вещественности, в особую грамматическую категорию. Окончание *-у/-ю* в родительном падеже касается только существительных мужского рода, да и то не всех (ср. *кило́ хле́ба* а не: *кило́ хле́бу!*). Существительные женского и среднего рода, семантически представляющие слова с вещественным значением, не имеют никакого формального признака, отличающего их от остальных существительных, лишённых вещественного значения, ср. *кило́ муки́*, *стака́н вина́*, *кру́жка пи́ва* и т. д.

Можно было бы указать на то, что все существительные со значением вещественности характеризованы синтаксически. В качестве дополнения (объекта) они могут выступать в определённых случаях в родительном падеже, вместо винительного, ср. *купи́ть кни́жку*, но *купи́ть муки́*, *дай мне нож*, но *дай мне молока́* и т. п.[3]

Однако такая же форма родительного падежа выступает и у многих существительных, встречающихся только во множественном числе, ср. *купи́ть дров*, *принести́ сли́вок*, а также и у ряда существительных, имеющих формы единственного и множественного числа и, следовательно, не входящих в разряд слов с вещественным значением, ср. *купи́ть папиро́с*, *при-*

---

[1] Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. (Учение о частях речи). Москва 1952, стр. 149.

[2] Ср. В. В. Виноградо́в: Русский язык, 1947, стр. 166.

[3] Следует подчеркнуть, что в этих случаях форма родительного падежа вовсе не обязательна. Можно сказать: *купи́ть муку́, дай мне молоко́*, если предмет, находящийся в объекте, уже известен. Ср. нем. *Mehl kaufen* и *das Mehl kaufen, gib mir Milch* и *gib mir die Milch.*

нести́ оре́хов, доста́ть спи́чек. Очевидно, этот синтаксический признак связан не столько со значением данных существительных, сколько с партитивным (отделительным) значением родительного падежа, допускающегося у всех существительных, с которыми могут сочетаться слова, обозначающие меру или вес.

Ввиду отсутствия морфологического показателя, объединяющего все слова с вещественным значением, нам представляется более правильным говорить о намечающейся тенденции к формальному выражению понятия вещественности в русском языке.

Категория вещественности является в тех языках, где она бытует в настоящее время, сравнительно новым грамматическим явлением. В западноевропейских языках она теснейшим образом связана с возникновением грамматического члена (артикля), появившегося в романских и германских языках (а также и в венгерском) в историческое время.

Существительные с вещественным значением охарактеризованы в немецком языке рядом формальных признаков: они не допускают при себе неопределённого члена (нельзя сказать bring mir *ein* Mehl, kauf mir *eine* Milch); после некоторых предлогов они употребляются без артикля, напр. mit Seife waschen, für Brot zahlen, но mit *dem* Messer schneiden, für *die* Wohnung zahlen. Существительные с вещественным значением могут употребляться без определённого члена, напр. Kohle aus dem Donezbecken, Öl aus Baku, в то время как существительные, подлежащие счёту, не допускают такого употребления; нельзя, напр., сказать Buch aus meiner Bücherei вместо *das* Buch, *ein* Buch aus meiner Bücherei.

Во французском языке существительные с вещественным значением охарактеризованы, между прочим, особым употреблением партитива с du, de la после переходных глаголов, ср. acheter *du* sucre, *de la* farine, употреблением этого партитива после некоторых предлогов, ср. laver avec *du* savon, но: couper avec le (un) coteau и др.

В английском языке существительные с вещественным значением употребляются без артикля (или с «нулевым» артиклем), ср. to wash with soap «мыться мылом» при to cut with *a* knife «резать ножом». Вопрос об употреблении артикля в данном случае очень запутан учением английской грамматики о существительных «исчисляемых» и «неисчисляемых» (countables and uncountables), подвергнутым критике О. С. Ахмановой в Изв. АН СССР ОЛЯ т. IX, вып. 6, стр. 489—490. В современном английском языке существительные со значением вещественности образуют особые «партитивные» формы при помощи количественных слов some и any (в отрицательных предложениях), ср. give me *some* milk «дай мне молока́», I did not get *any* milk «я не получи́л молока́», но: give me *a (the)* knife «дай мне нож».

В современных западноевропейских языках категория вещественности выступает с большой последовательностью у всех существительных с данным значением, безотносительно к их грамматическому роду и другим их грамматическим особенностям. Чёткое выделение семантико-грамматической категории вещественности в этих языках связано, как уже было сказано, с введением грамматического члена и наличием трёх противопоставленных друг другу приёмов: существительное с определённым членом (нем. das Buch), существительное с неопределённым членом (нем. ein Buch) и существительное с «нулевым» членом (нем. Seife, Kohle).

Singularia tantum с вещественным значением

Особую группу существительных, употребляющихся только в единственном числе, составляют существительные с вещественным значением. Расхождения между русским и словацким языком в этой группе незначительны. Наиболее ярко выделяются следующие семантические подгруппы:

а) названия жидкостей: *вода́*, *молоко́*, *вино́*, *пи́во*, *ко́фе*, *конья́к*, *во́дка*, *суп*, *лимона́д*, *простоква́ша*, *керосин* »petrolej«, *нефть* и мн. др.;

б) названия металлов: *желе́зо*, *серебро́*, *зо́лото*, *медь*, *сталь*, *лату́нь* »mosadz«, *ртуть* и мн. др.;

в) названия химических элементов и соединений, названия минералов: *кислоро́д*, *водоро́д*, *азо́т* »dusík« *углеро́д*, *циа́нистый ка́лий*; сюда же относятся названия лекарств: *аспири́н*, *пирамидо́н*, *стрептомици́н* и др.;

г) названия тканей: *полотно́*, *шёлк*, *сукно́*, *ковёр-ко́т* и др.;

д) названия злаков и культурных растений: *рожь*, *пшени́ца*, *овёс*, *ячме́нь*, *кукуру́за*, *гречи́ха* »pohánka«, *про́со*, *лён*, *конопля́*, *таба́к*, *хло́пок* и мн. др.;

е) названия «комплектов» каких-нибудь предметов: *ме́бель* »nábytok«, *посу́да* »riad, чеш. náčiní«, *бага́ж* »batožina, чеш. zavazadlo«, *спорт-инвента́рь* »športové potreby« и др.;

ж) названия пищевых продуктов: *мука́*, *са́хар*, *чай*, *ко́фе*, *пе́рец*, *рис*, *соль*, *жир*, *смета́на*, *творо́г*, *сыр*, *мя́со*; названия сортов мяса: *говя́дина*, *теля́тина*, *бара́нина*, *свини́на* и мн. др.

В ряде случаев русскому существительному singulare tantum соответствует в словацком языке существительное во множественном числе:

единственное число	множественное число
крупа́	*krýpy*
минда́ль, -ля́	*mandle*
изю́м	*hrozienka*

Ср. *всы́пать крупу́* »nasypať krýpy«, *пиро́г с минда́лём* »koláč s mandľami«, *пиро́г с изю́мом* »koláč s hrozienkami«.

Некоторые из приведённых слов образуют формы множественного числа, но в значении «разные сорта́ данного вещества», например: *минера́льные во́ды*, *сма́зочные масла́*, *кры́мские ви́на*, *минера́льные со́ли*, *пита́тельные жиры́*, ср. также *клевера́* в значении «сорта́ клевера» (Г. Николаева: Жатва).

Все перечисленные существительные в русском языке не подлежат счёту.

В словацком и чешском языках эти существительные могут употребляться с числительными. Соединение соответствующих слов с числительными, естественно, меняет их значение: вместо значения вещества, они приобретают значение какой-то части или меры данного вещества. В словацком

разговорном языке широко распространены выражения, как *vypil som dve kávy, dal som si tri pivá, vzal som si dva chleby, mal som dva šaláty* и т. п. Такое употребление существительных с вещественным значением чуждо русскому языку. В русском языке в подобных случаях обязательно обозначение «меры»: «он выпил *две кру́жки* (или *два стака́на*) пи́ва», «две *ча́шки* (или две *по́рции*) кофе», «два *куска́* хле́ба», «две *по́рции* сала́ту» и т. п. Точно так же по-русски нельзя сказать »dvě zavazadla«, как в чешском языке; этому сочетанию соответствует сочетание *два ме́ста багажа́* »dva kusy batožiny«.

Множественное число может кроме того обозначать и «разные сорта́» чего-нибудь, напр. *na svadbe sme mali tri mäsá*; такому сочетанию в русском языке соответствует сочетание *три со́рта мя́са, два со́рта муки́* и т. п.

з) Названия разных материалов и товаров: *лес* »drevo« *(вывози́ть лес, торгова́ть ле́сом)*, *кругля́к* »guľatina«, *цеме́нт*, *и́звесть* »vápno«, *шерсть* »vlna«, *ко́жа* и мн. др.

Особо отметим расхождения в числе:

единственное число	множественное число
сырьё	*suroviny* (i *surovina*)
кирпи́ч	*tehla* i *tehly*
пушни́на	*kožušiny*

Ср. *ввози́ть сырьё* »dovážať suroviny«, *недоста́ток сырья́* »nedostatok surovín«, *дом из кирпича́* »dom z tehál«, *торгова́ть пушни́ной* »obchodovať s kožušinami«.

и) названия сыпучих тел: *горо́х, чечеви́ца, фасо́ль, песо́к, пыль, по́рох* »pušný prach«, *снег, град* »ľadovec«; сюда же можно отнести существительные *соло́ма, се́но* и мн. др.

Особо отметим:

единственное число	множественное число
же́мчуг	*perly*
би́сер	*korálky*

й) Названия растений: *сире́нь* »orgován, чеш. šeřík«, *гера́нь, резеда́, бузина́, крапи́ва, чертополо́х* »bodľač« и др.

к) Названия ягод и овощей: *мали́на* »maliny«, *земляни́ка* »jahody«, *черни́ка* »čučoriedky«, *ежеви́ка* »černice«, *ряби́на* »jarabina«, *смороди́на* »ríbezle«, *крыжо́вник* »egreš«; *капу́ста, морко́вь, цветна́я капу́ста* »karfiol«, *сала́т, реди́ска, ре́дька, лук* »cibuľa«, *свёкла* и мн. др.

Многие из приведённых существительных трактуются раз как singularia tantum, ср. *купи́ть пучо́к реди́ски, се́ять ре́пу*, словац. *siať repu, cibuľu*, раз как имена существительные «счётные», ср. *он взял с таре́лки две реди́ски*, словац. *dve repy, cibule*. Названиям ягод *maliny, jahody, čučoriedky*

в русском языке соответствуют singularia tantum: *собира́ть мали́ну* »zbierať maliny«, *корзи́нка земляни́ки* »kôš jahôd«, *варе́нье из ежеви́ки* »zavarenina z černíc«.

Особого внимания заслуживает существительное *карто́фель*, разговорная форма *карто́шка*, имеющая в русском языке, в отличие от словацкого и чешского, только формы единственного числа. Это следует иметь в виду при переводе таких сочетаний, как *mäso so zemiakmi (maso s brambory) — мя́со с карто́шкой, varené zemiaky (vařené brambory) — варёная карто́шка* и т. п. Ср. подобное употребление словацкого областного слова *švábka* «карто́фель».

Сингулятивы

В словацком и чешском языках от таких существительных, как *malina* или *zemiak* (чеш. *brambor*), легко образуется множественное число *(maliny, zemiaky, brambory)*. Эти существительные свободно употребляются в сочетании с числительными *(dve maliny, dva zemiaky)*. В русском же языке существительные *мали́на, карто́фель* являются singularia tantum, следовательно, не образуют форм множественного числа и не подлежат счёту. Но русские существительные типа *мали́на, карто́фель* обозначают не один плод (клубень), взятый в отдельности, а совокупность плодов (клубней). Для того чтобы обозначить один единичный предмет, выделяемый из общей массы, в русском языке существуют сингулятивы.

Сингулятивы образуются либо при помощи суффиксов, либо описательно (аналитически). Важнейшие типы сингулятивов:

1. Сингулятивы, образованные при помощи суффиксов *-ина, -инка* от существительных singularia tantum с вещественным значением: *соло́ма — соло́минка* »slámka«. Сингулятивный суффикс *-ин-* имеется также в единственном числе существительных мужского рода типа *гражда́н-ин, англича́н-ин* (ср. словац. *mešťan, Angličan*); во множественном числе этот суффикс отпадает: *гра́ждане, англича́не.*

Вот несколько наиболее употребительных сингулятивов, соотнесённых с существительными singularia tantum:

горо́х »hrach«	*горо́шина* »(jeden) hrášok«
же́мчуг »perly«	*жемчу́жина* »(jedna) perla«
песо́к »piesok«	*песчи́нка* »zrnko piesku«
снег »sneh«	*снежи́нка* »vločka snehu«
пыль »prach«	*пыли́нка* »(jeden) prášok«

Сингулятивы этого типа непродуктивны.

От существительного *карто́фель* »zemiaky« можно образовать сингулятив *карто́фелина* »(jeden) zemiak«; в разговорном языке существительное

карто́шка употребляется также и в функции сингулятива (ср. *две карто́шки*). Сингулятивы легко сочетаются с числительными *(две жемчу́жины, не́сколько снежи́нок)* и образуют формы множественного числа.

Совершенно изолированно стоит существительное *саранчу́к*, являющееся сингулятивом к собирательному *саранча́* »kobylky«.

2. Сингулятивы, образуемые аналитично, т. е. при помощи особых существительных, обозначающих единичность:

мали́на »maliny«	*одна́ я́года мали́ны* »(jedna) malina«
земляни́ка »jahody«	*одна́ я́года земляни́ки* »(jedna) jahoda«
лук »cibuľa«	*одна́ голо́вка лу́ка* »jedna cibuľa«
капу́ста »kapusta«	*оди́н кача́н капу́сты* »hlávka kapusty«
скот »dobytok«	*одна́ голова́ (рога́того) скота́* »jeden kus dobytka«
бага́ж »batožina«	*одно́ ме́сто бага́жа́* »jeden kus batožiny«

Наряду с этими аналитическими сингулятивами имеются также формы *земляни́чка* »jahoda«, *лу́ковица*, *лу́ковка* »cibuľa«.

Как видно, существительные, употребляющиеся только в единственном числе, представляют в русском языке своеобразную семантико-грамматическую группу. Общим формальным признаком этой группы является отсутствие форм множественного числа и несчётность. В словацком и чешском языках формы множественного числа образуются гораздо свободнее и стандартнее. У ряда существительных, употребляющихся обыкновенно в качестве singularia tantum, имеются, по крайней мере в разговорных стилях, дублеты во множественном числе, ср. *umývať riad* — при разгов. *umývať riady* «мыть посуду». Если в русском языке такие существительные, как *про́за*, *ра́дио* ни при каких условиях не образуют форм множественного числа и не подлежат счёту, то в словацком языке такие сочетания, как *napísal niekoľko próz* «несколько прозаических произведений», *tam predávajú rádiá* «радиоприёмники», совершенно обычны. Конечно, в данном случае существительные *próza*, *rádio* употребляются уже в значении nomina rei.

Употребление имён собственных во множественном числе

Имена собственные обозначают единичные, индивидуальные явления и уже в силу этой своей семантики обыкновенно не образуют форм множественного числа. В переносном же смысле можно образовать форму множественного числа от любого имени собственного. Отметим особо случаи, свойственные русскому языку, но отсутствующие в словацком или чешском. Речь идёт о географических названиях в шутливых или неодобри-

тельных выражениях: *разъезжáть по Евро́пам, скитáться по вся́ким Парúжам* и т. п.

О семантических сдвигах, наблюдаемых при переносном употреблении имён собственных (*хлестако́вы, маниловы* и т. п.), говорилось выше.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

Формальный состав падежей в русском языке

Традиционная грамматика русского литературного языка различает шесть падежей. В русских грамматиках они расположены в следующем порядке: именúтельный (nominativus), родúтельный (genitivus), дáтельный (dativus), винúтельный (accusativus), творúтельный (instrumentalis), предлóжный (praepositionalis).

Исследователи русского языка, однако, неоднократно отмечали, что в русском языке имеются ещё два особых падежа: отделúтельный (partitivus) и мéстный (locativus). Дело в том, что в русском языке с полной чёткостью различаются формы родительного падежа *(цена́ са́хара, вкус ча́я)* от форм *ча́шка ча́ю, кило́ са́хару*, где налицо количественно-отделительное значение. С другой стороны, в пределах предложного падежа, наряду с формами *о ле́се, о мо́сте*, употребляются после предлогов *в (во)* и *на* особые формы на ударяемое *-ý, -ю́* с местным значением, ср. *в лесу́, на мосту́*. Вправе ли мы, на основании приведённых данных, говорить не о шести, а о восьми падежах русского языка?

Анализ фактов показывает, что особые формы, наделённые количественно-отделительным значением, имеются далеко не у всех существительных. Лишь небольшой круг имён существительных мужского рода образует особые отделительные формы на *-у, -ю*: это, в первую очередь, существительные мужского рода с вещественным значением, типа *са́хар, чай, сыр, песо́к, воск, таба́к*, а также некоторые отвлечённые: *наде́лать шу́му*. Естественно, что количественно-отделительные формы встречаются только у слов, имеющих вещественное значение и не подлежащих счёту. Если бы мы имели дело с подлинной грамматической категорией, с подлинным отделительным падежом, мы вправе были бы ожидать, чтобы все существительные с вещественным значением образовали особые отделительные формы. На самом же деле мы видим, что отделительные формы (на *-у, -ю*) ограничены узким кругом существительных мужского рода, да и то только в единственном числе. Существительные же женского и среднего рода, а также все существительные во множественном числе, употребляют для обозначения отделительности формы родительного падежа: *принеси́*

воды́, стака́н молока́, литр смета́ны, по́рцию сли́вок и др. К тому же и в пределах мужского рода далеко не все существительные с вещественным значением образуют особые отделительные формы: *принеси́ мне хле́ба, кусо́к хле́ба.*

Из всего сказанного следует, что русский язык не знает особого отделительного падежа. Количественно-отделительный оттенок значения является одним из «значений» родительного падежа.

В пределах предложного падежа выделяются две группы предлогов: многие имена существительные мужского рода образуют в сочетании с предлогами *о, об, при* формы на *-е (о ле́се, о бо́е)*, в сочетании же с предлогами *в (во)* и *на* формы на *-у́, -ю́* под ударением, ср. *в лесу́, в бою́*. Поскольку предлоги *в (во)* и *на* имеют местное значение, некоторые исследователи склонны видеть в русском языке особый местный падеж.

Такому толкованию фактов можно противопоставить следующие соображения:

Формы на *-у́, -ю́* встречаются лишь в весьма ограниченной группе существительных мужского рода, причём эти существительные объединены ещё и чисто внешним признаком: это либо слова односложные *(лес, мост, пол, бой)*, либо такие слова, корни которых в древнем языке были односложными, ср. *бе́рег* < **берг-ъ, у́гол* < **жгл-ъ, огнь* < **огн-ь* и т. п. С точки зрения современного языка однородность слов, входящих в эту группу, нарушена позднейшими фонетическими процессами и ссылка на их односложность является всего лишь историческим комментарием. Однако новые существительные мужского рода, попавшие в русский литературный язык сравнительно недавно, образуют «местные» формы на *-у́, -ю́* лишь постольку, поскольку они соответствуют указанному формальному признаку, т. е. являются словами односложными. Такие заимствования, как *порт, борт, шкаф, пост, плац* »vojenské cvičište«, будучи односложными словами, образуют «местные» формы *в порту́, на борту́ парохо́да, в шкафу́, стоя́ть на посту́, на плацу́*. Следует, однако, отметить, что далеко не все односложные существительные имеют «местные» формы на *-у́, -ю́*; нельзя, например, сказать «на столу́».

К односложным существительным мужского рода примыкают односложные существительные женского рода, склоняемые по образцу *кость*. У этих существительных «местные» формы, сочетаемые с предлогами *в (во)* и *на*, отличаются от остальных форм предложного падежа по месту ударения: *в степи́* ~ *о сте́пи, на печи́* ~ *о пе́чи*. Но и в пределах этой группы далеко не все существительные обладают особыми «местными формами; слово *вещь*, несмотря на односложность, имеет только форму *ве́щи*: *о ве́щи, на э́той ве́щи.*

В виду того, что существительные женского рода на *-а, -я*, существи-

тельные среднего рода на *-о*, *-е*, *-ё*, *-ие*, а также большинство существительных мужского рода не знают особых «местных» форм, нельзя признать эти формы частью падежной системы русского языка.

Остаётся вопрос о так называемом звательном падеже. В чешском, в украинском и в ряде других языков звательная форма (форма прямого обращения) вполне жива и обыкновенно введена в парадигму наряду с падежными формами. Смешивание звательной формы с падежами с точки зрения грамматической теории недопустимо. Ведь звательная форма относится к иному языковому плану, нежели падежные формы. Она является формой «призыва» и соотнесена с повелительными формами глагола и «призывными» или «побудительными» междометиями.[1] Кроме того, звательная форма не выражает никаких синтаксических отношений, между тем как основной функцией падежей является именно выражение синтаксических отношений между словами в синтагме или в предложении. Звательная форма является как бы вставленным, интеръекциональным членом, не связанным синтаксически с остальными членами данного предложения, ср. «не добива́й, *каза́к*, врага́, а лу́чше поворо́ти назад» (Гоголь: Тарас Бульба).[2] С точки зрения и синтаксиса и морфологии, звательная форма не может быть признана падежом.

В русском, как и в словацком языках, звательная форма, как особая категория, утрачена. Приводимые обыкновенно примеры, как *о́тче*, *бо́же*, *го́споди*, слов. *človeče*, *synku*, *bože*, *pane*, не являются больше формами соответствующих слов. С точки зрения современного русского языка их можно рассматривать только как особые слова-междометия. Трудно согласиться с проф. Э. Паулини, утверждающим, будто бы в словацком языке звательная форма (»vokatív«) «отмирает».[3] В словацком языке нет звательной формы и все приводимые примеры являются лексикализованными единицами с функцией междометия (интеръекции).

В русском и словацком языках в качестве обращения употребляется форма именительного падежа.

---

[1] Ср. А. В. Исаченко: О призывной функции языка, Recueil linguistique de Bratislava, 1948, стр. 45—57.

[2] Интересно, что в древнем языке звательная форма не имела своего окончания. Её грамматическим показателем являлось не окончание, а видоизменённая тематическая гласная без какого-либо окончания. «Окончание» *-е* звательной формы древних *о*-основ *(Бояне, Мьстисла́ве)* является лишь проявлением известного чередования гласных *о/е* (аблаутом), а окончание *-о* звательной формы *а*-основ *(же́но, се́стро)* ничем иным, как краткой формой тематической гласной; краткое **а* дало впоследствии в славянских языках *о*.

[3] Ср. Eugen Pauliny: Oslovenie »pane«. Slovo a tvar, Bratislava 1949, roč. III, č. 3, str. 87.

Любопытно, что в русских диалектах возникает новая звательная форма, охарактеризованная отсутствием окончания («нулевым» окончанием) и долгим гласным в корне, вообще не свойственным русскому языку: ср. обл. *Ма̄нь*, *Ва̄нь*, *Гла̄шь*, *На̄сть* вместо *Ма́ня*, *Ва́ня*, *Гла́ша*, *На́стя*.[1]

Звательные формы, встречающиеся в художественной прозе, должны быть отнесены либо к архаизмам (ср. *ля́ше прокажённый* к *ля́х*; Лесков: Соборяне), либо к украинизмам (*па́не*, *сынку́*, *ма́мо* у Гоголя).

Вопрос о «значении» падежных форм

По вопросу о значении падежных форм мнения учёных значительно расходятся. Одни лингвисты довольствуются более или менее исчерпывающим перечислением возможных применений падежных форм, включая в список такие явления, как творительный времени, орудия, образа действия, творительный сказуемостный и т. д. Такие списки падежных функций обыкновенно помещаются в синтаксисе, в особом отделе, озаглавленном «учение о падежах» (pádoslovie). Академическая грамматика помещает главу «Значение падежей существительных» в отделе морфологии (стр. 120 до 129).

Не может быть сомнения в том, что падежи являются формами слова, при помощи которых выражаются разные отношения между словами; следовательно, падежи используются синтаксически. Но они не могли бы функционировать в синтаксисе, если бы они не были наделены каким-то своим значением, позволяющим в разных сочетаниях выражать вполне определённые отношения. Поэтому нельзя признать правильным утверждение, что падежная форма сама по себе «ничего не значит». Падежная форма, вырванная из контекста, лишена смысла, ибо она выражает отношение, а для осуществления какого-либо отношения необходимо наличие двух членов. Если форма *ка́мнем* «сама по себе» ничего не значит, то в сочетаниях *толбчь ка́мнем*, *по́льзоваться ка́мнем*, *упа́сть ка́мнем на зе́млю*, *любова́ться ка́мнем*, *он уби́т ка́мнем*, *явля́ться ка́мнем* каждый раз выражается другое отношение. Несомненно, что выражаемое отношение зависит от «значения» самой формы творительного падежа. Поэтому многие лингвисты не довольствуются простой регистрацией отдельных случаев синтаксического применения падежей. Было предпринято немало попыток свести самые разнообразные значения падежных форм к одному единственному, общему или основному значению. Именно такого рода попытку предпринял датский лингвист Луи Ельмслев. В специальном исследовании,

[1] Ср. S. Obnorskij: Die Form des Vokativs im Russischen, Zeitschrift für slavische Philologie I, 1925, стр. 109.

посвящённом категории падежа, он пишет: «Падеж, как и всякая языковая форма, не обозначает несколько разных вещей; он обозначает одну единственную вещь, являясь носителем одного единственного понятия, из которого можно вывести (déduire) конкретные его применения».[1] Следовательно, Ельмслев признаёт существование основного значения падежной формы; все конкретные её значения являются лишь частным случаем, разновидностью этого основного значения. На деле Ельмслев не смог доказать свою мысль. Он уводит читателя в дебри отвлечённых схем, имеющих мало общего с конкретными языковыми фактами.

Другую попытку в этом направлении представляет работа Р. Якобсона, посвящённая общему учению о падежах.[2] Широко пользуясь русским материалом и последовательно применяя метод структуральной лингвистики, автор пытается вскрыть систему падежей. Понятие «основного» значения, введённое Ельмслевом, он заменяет понятием «общего» значения (Gesamtbedeutung). Р. Якобсон конструирует весьма сложную систему падежных соотношений (корреляций), признаком которых является «наличие указания на затрагиваемость предмета глагольным действием» или «указание на границу участия означенного предмета в вещественном содержании высказывания». Предельную отвлечённость таких схем можно продемонстрировать хотя бы на предлагаемом Р. Якобсоном определении «общего» значения дательного падежа в русском языке. Якобсон считает, что дательный падеж «выражает независимое от действия существование предмета» (стр. 269). Как согласовать такое «общее» значение дательного падежа с тем грамматическим значением, которое дательный имеет в конструкциях типа *мне на́до, мне хо́чется* и т. п.?

В своём исследовании словацких падежей проф. Э. Паулини разрабатывает и развивает схему Р. Якобсона.[3] Паулини признаёт существование «общего» значения падежной формы, причём это общее значение у него сводится к «выраженности или невыраженности соотношения вещь — невещь» или к «выраженности или невыраженности активного участия». При всём остроумии предлагаемых проф. Паулини схем, его теория падежей остаётся анализом логических, а не лингвистических отношений.

С точки зрения структурно-функциональной теории языка нельзя согласиться ни с теми исследователями, которые сводят учение о падежах

---

[1] Louis Hjelmslev: La catégorie des cas. Étude de grammaire générale. Première partie. Aarhus, 1935, 85. (Разбивка моя. *А. И.*)

[2] R. Jakobson: Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. TCLP 6, 240.

[3] E. Pauliny: Štruktúra slovenského slovesa. Štúdia lexikálno-syntaktická. Bratislava 1943, str. 30—50.

к механической регистрации специальных значений, между собой ничем не связанных, ни с теми исследователями, которые склонны «мерять одним аршином» все без остатка функции падежных форм. Отказ от понятия падежа, как своеобразного формально-семантического единства, наделённого значимым содержанием, равносилен с отказом от грамматического исследования падежного словоизменения вообще. Принятие же предельно отвлечённой схемы, пытающейся приурочить все частные значения падежных форм к одному «общему» или «основному» значению, отрывает теорию от живого функционирования языковой системы.

Выход из этого положения следует, конечно, искать не в компромиссе, а в разграничении падежных функций.

Наиболее правильный анализ падежей и их значений предложен польским лингвистом Е. Курыловичем[1]. Наши наблюдения в основном исходят из положений проф. Е. Курыловича. В некоторых подробностях высказанные им мысли несколько уточняются и дополняются новым материалом.

Реализация падежных форм в языках аналитических и синтетических

Падежные формы могут быть выражены в разных языках разными формальными средствами. В языках чисто синтетических, как, например, в латинском языке, падежные формы выражаются посредством флективных окончаний, ср. лат. *Romae* «в Риме», *urbi* «в городе». В языках аналитических падежные формы выражаются особыми служебными словами. В таких языках, как древнегреческий или современный немецкий язык, падежные формы выражены двояко: особой формой артикля и флективным окончанием, ср. имен. ед. ч. ὁ λόγος «слово», род. ед. ч. τοῦ λόγου «слова», или нем. *das Buch* «книга», *des Buch-es* «книги». В этих языках аналитизм не проведён последовательно: грамматическая форма выражается комплексно артиклем и флективным окончанием. В языках, где аналитизм проведён с бо́льшей последовательностью, как, например, в английском или французском, падежные отношения выражаются при помощи служебных слов, обыкновенно называемых предлогами, ср. англ. *the book* «книга», *of the book* «книги», *to the book* «книге», или фр. *le livre*, *du livre*, *au livre*. К какому же типу относится склонение в современных славянских языках?

Акад. В. В. Виноградов в своём замечательном труде «Русский язык» показал на богатейшем материале, что современный русский язык нельзя считать языком чисто синтетического типа. В системе склонения соче-

---

[1] J. Kuryłowicz: Le problème du classement des cas. Biuletyn Pólskiego towarzystwa językoznawczego IX, Kraków 1949.

таются приёмы синтетические с приёмами аналитическими. Так, например, предложный падеж не употребляется вне предложных конструкций *(о гóроде, при гóроде, в гóроде)*.[1]

В современных славянских языках, в том числе в словацком и в чешском, беспредложное употребление «местного» падежа уже немыслимо. Кроме того, в словацком языке имеются и некоторые указания на разрушение беспредложного употребления творительного палежа в одной из его специфических функций: творительный «орудийный» всё чаще употребляется с предлогом *s, so*, ср. просторечное *rezať s nožom*. Из всего сказанного следует, что в данном случае мы имеем дело со смешанным синтетико-аналитическим языковым типом.

Склонение в аналитических языках типа французского или английского обыкновенно называется склонением предложным. Но можно ли считать элементы *de (du), à (au)* французского языка предлогами? Предлоги в этих языках имеют своё лексическое значение, ср. *avec le livre* «с книгой», *dans le livre* «в книге», *sans livre* «без книги» и т. д. Какое же лексическое значение имеет элемент *à* в таких сочетаниях как *aller à Paris* «ехать в Париж» и *vivre à Paris* «жить в Париже»? Ясно, что элементы *de (du), à (au)* нельзя назвать «предлогами» с точки зрения современного французского языка. Это — грамматические показатели, своего рода падежные «морфемы», при помощи которых осуществляется выражение определённых синтаксических отношений. Поэтому сочетания типа *avec la pierre* нельзя признать падежом, хотя в русском языке это же сочетание выражено падежной формой *кáмнем*, а сочетания *de la pierre, à la pierre* следует признать падежными формами слова *la pierre*.

На анализе склонения таких языков, как французский, можно показать, что падежные формы лишены лексического значения и выражают прежде всего отношения синтаксические.

В языках переходно синтетико-аналитического типа вопрос падежей осложняется наличием предложных конструкций наряду с беспредложным (*кáмня, кáмню, кáмнем* при *о кáмне, в кáмне*). В некоторых случаях грань между предложной и беспредложной конструкцией стёрта: для передачи одного и того же содержания могут употребляться и те и другие. Акад. В. В. Виноградов приводит такие случаи, как *вúдный собóй* и *вúдный из себя́* (стр. 167). В современном русском языке всё больше распространяются сочетания с предлогом *по*, вытесняющие почти синонимические конструкции с родительным падежом. Наряду с такими терминами, как *Министéрство инострáнных дел* (конструкция с родительным), всё чаще встречаются образования типа *Комитéт по делáм вы́сшей шкóлы*. Значение предлога *по* в таких сочетаниях очень обще, расплывчато; словарь Ушакова определяет его так: «в области чего-н., в сфере чего-н. (какой-то деятельности)« (III, 315). Но во многих случаях и это весьма общее значение почти не-

[1] В древнерусском языке свободно употреблялся «местный» падеж без предлогов ср. *Новѣгородѣ* «в Новгороде».

уловимо. В таких случаях, как *дире́ктор по фа́брике, учи́тель по пла́ванию*, мы имеем дело с сочетаниями, синонимичными с *дире́ктор фа́брики, учи́тель пла́вания*. Таким образом, предлог *по* в одной из своих функций в современном языке утрачивает свою лексическую значимость и становится чисто формальным элементом, показателем грамматического отношения, реализацией аналитического приёма. Аналитизм в русском языке на наших глазах всё глубже внедряется в систему склонения.

Все затруднения, связанные с попыткой определения «основного» или «общего» значения падежных форм, вызваны именно многообразием функций падежных форм в современном русском языке.

Основные типы падежных конструкций

Падежные формы используются в современном русском языке в самых разнообразных функциях. Падежная форма может быть показателем главных или второстепенных членов предложения, становясь, таким образом, конструктивным началом предложения. Так, например, в предложении *ма́льчик чита́ет кни́гу* именительный падеж оформляет подлежащее (субъект) предложения, а винительный падеж оформляет прямое дополнение (объект). В сочетании *чте́ние кни́ги* падежные формы не являются организующим началом предложения, ибо в данном случае мы имеем дело не с предложением, а с синтагмой. Следовательно, падежные формы могут выступать в качестве организирующего начала всякого рода синтагм. Совершенно иная роль у падежей в сочетании с предлогами. Такие обороты, как *перед до́мом*, не являются синтагмой, а представляют собой цельные значения. Здесь падежная форма не «зависит» от предлога, а является дополнительным морфологическим признаком предложного сочетания. И наконец, слова типа *поро́й, ра́зом, верхо́м* уже не являются падежными формами. Это — застывшие, окаменелые формы, оторвавшиеся от парадигмы и обособившиеся в качестве самостоятельных слов, наречий.

Если остановиться хотя бы только на синтагматических функциях падежных форм, то можно будет выделить следующие группы синтагм, организационным элементом которых являются падежные формы:

1. Приглагольное употребление падежей. Падежные формы выражают объект: *проче́сть кни́гу, ра́доваться встре́че, боя́ться сме́рти, по́льзоваться словаре́м*. Сюда же относятся падежные конструкции с неглагольными предикативами: *жаль ма́льчика, рад встре́че*.

2. Приимённое употребление падежей. Сюда входят такие синтагмы, как *исто́рия рабо́чего движе́ния, па́мятник Пу́шкину, руководство кружко́м* и мн. др.

Особое место занимают сочетания с существительными отглагольными: *чтéние книги, пóльзование словарём, служéние рóдине.*

3. Приадъективное употребление падежей. Напр. *богáтый лéсом, довóльный успéхом, пóлный орéхов.*

4. Употребление родительного сравнения: *стáрше своегó брáта, бóльше двух рублéй.*

Во всех приведённых случаях мы стоим перед фактами грамматического «управления» (rectio, väzba). Падежные формы стоят во внутренней зависимости от того или иного значения слов, управляющих ими. Конечно, и здесь нет ничего абсолютного, так как, во-первых, возможны перебои в употреблении того или иного падежа, не вызванные грамматической ситуацией или семантикой участвующих в конструкции слов, ср. *пáмятник Пýшкина* и *пáмятник Пýшкину*. Во-вторых, «внутренняя» зависимость одного слова от другого является также более или менее немотивированной с точки зрения современного языка, поскольку те же отношения могут быть выражены в родственных языках разными падежами, ср. *благодарúть кого-либо* (вин.) при слов. *ďakovať niekoti* (дат.).

То, что объединяет все перечисленные случаи употребления падежных форм, это их организованность в пределах синтагмы. Каждое слово, входящее в синтагму, сохраняет полную самостоятельность. Падежная форма выражает отношения между самостоятельными членами синтагмы.

От синтагматического употребления падежных форм следует отграничить случаи предложного употребления падежей. В сочетании *перед дóмом* мы не имеем дело с синтагмой. Предлог *перед* вовсе не «управляет» словом *дом*. Нельзя также утверждать, что предлог *перед* «управляет» творительным падежом, «требует» этого падежа. Он просто сочетается с ним.[1]

При необыкновенном богатстве и значительной дифференцированности предлогов в русском языке трудно проследить связь между значением предлога и значением падежа, с которым данный предлог сочетается. С точки зрения современного языка, например, совершенно неясно, почему предлог *за* в одном значении сочетается с винительным *(за рóдину, за рабóту, за пять рублéй)*, а в другом значении с творительным падежом *(за дóмом, за горáми)*.

В силу всего сказанного вряд ли можно обнаружить в предложных сочетаниях какое-либо самостоятельное значение падежной формы, тем более что, по меткому выражению акад. В. В. Виноградова, «груз грамматического выражения перекладывается с падежной формы на предлог»

---

[1] J. Kuryłowicz: Le problème du classement des cas. Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego IX, 1949, 24.

(стр. 167). Следовательно, разбор предложного употребления падежей не может дать ничего существенного для выявления «общего» или «основного» значения падежей.

Адвербиальное употребление падежных форм

Падежные формы, как мы уже выяснили, могут выражать отношения между членами предложения, например, отношения субъектно-объектные, или же отношения между членами синтагмы. Но они могут употребляться и обособленно, выражая разные оттенки обстоятельства (времени, причины или пространства), не находясь при этом в «подчинённой» синтаксической связи с другими словами. Такое употребление падежей Е. Курылович называет адвербиальным.[1]

В классической латыни аблатив мог употребляться обособленно, выражая в определённых условиях разные оттенки, передаваемые в других случаях придаточными предложениями. Это был так называемый ablativus absolutus. В старославянском языке существовал обособленный дательный падеж, так называемый «дательный самостоятельный», выражавший самые разнообразные оттенки обстоятельства, времени, причины и т. д.[2]

В современном языке имеется множество падежных функций, синтаксически не связанных с другими словами, или связанных с ними лишь очень относительно. Возьмём хотя бы родительный даты: *пе́рвого ма́я, 5-го апре́ля 1965 го́да* и т. п. Родительный даты не «управляется» никаким другим словом. Он отвечает на вопрос *когда?* и выполняет функции обстоятельственного выражения, т. е. наречия.

Творительный времени типа *э́тим ле́том, про́шлой весно́й* не зависит от других слов. Он тоже отвечает на вопрос *когда?* и тоже является адвербиальным употреблением падежной формы. При этом выражения типа *у́тром, ве́чером, но́чью* и т. п. утрачивают связь с парадигмой и функционируют в языке как самостоятельные слова-наречия, ср. слов. *ráno som prišiel, večer budem čítať*, при изолированном *večierkom*.

Адвербиальное употребление падежных форм можно назвать несинтаксическим. Падежные формы здесь использованы не в целях синтаксиса, не для выражения отношения между словами, а в целях лексики. Конечно, и здесь наблюдаются переходы. Слова *бего́м (бежа́ть бего́м), гра́дом (пот кати́лся гра́дом)*, или слов. *náhodou, omylom*, утратили связь с парадигмой,

---

[1] J. Kuryłowicz: Le problème du classement des cas. Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego IX, 1949, 24.

[2] Напр. сѫботѣ сѫщѣи — «так как была суббота», емоу пришьдъшоу «после его прихода» и т. п.

но всё же могут ощущаться как падежные формы на фоне соответствующих существительных *бег*, *град*, слов. *náhoda*, *omyl*. Но в таких выражениях, как *во́лосы стоя́т ды́бом* (dupkom), слов. *pot tečie cícerkom* падежные формы совершенно изолированы, т. к. в современном языке нет существительных *дыб или **cícerok*.[1]

Семантический охват так называемого творительного образа или сравнения вовсе не так уж широк, как это может показаться на первый взгляд. Можно сказать *смотре́ть во́лком*, но нельзя сказать «*есть во́лком*» (т. е. как волк).[2]

Невозможно также согласование творительного сравнения во множественном числе: можно сказать *самолёт поднялся со́колом*, но нельзя сказать «*самолёты поднялись со́колами*». Так называемый творительный образа или сравнения утрачивает свою продуктивность и встречается почти только в замкнутом кругу более или менее непродуктивных фразеологических оборотов. Ср., однако, *е́хал верхо́м* и устар. *е́хали верха́ми*.

Адвербиальное употребление падежей теснейшим образом связано с самим значением слова и в этом смысле менее грамматично, чем синтаксическое их употребление. Так, например, винительный падеж времени встречается только у слов, имеющих значения определённого отрезка времени: *час*, *неде́ля*, *ме́сяц*, *год*, *у́тро*, *ве́чер*, *су́тки*, *эпо́ха* и т. п. Можно сомневаться в том, что в сочетании *рабо́тать весь день*, *жить де́сять лет в го́роде* значение времени связано только с падежом, а не с конкретным значением существительного.

Из всего сказанного вытекает, что о «значении» падежа можно говорить лишь там, где падеж выполняет чисто синтаксическую функцию, где он свободен от семантической нагрузки данного слова. Только в этих случаях грамматическое «значение» падежа выявляется как самостоятельный, конструктивный грамматический элемент.

---

[1] Этого совершенно не учитывает автор грамматики словацкого языка Ян Мигал (Ján Mihál), утверждая, что глагол *tiecť* «управляет» творительным падежом в таких случаях, как *tiecť cícerkom*, ср. Slovenská gramatika, I, 264.

[2] В художественном языке, однако, с особой стилистической окраской встречаются и «свободные» сочетания, ср. у В. Маяковского:

Я во́лком бы
вы́грыз
бюрократи́зм.

Синтаксические функции падежей

При разборе отдельных функций падежных форм выяснилось, что синтаксические функции падежей следует принципиально отделить от всех остальных. Только синтаксические функции падежей можно признать свободными, грамматическими. В современных славянских языках падежные формы сочетают в себе синтаксические функции с функциями несинтаксическими (адвербиальными, лексическими). Как убедительно показал Е. Курылович, эти синтаксические функции являются первичными в одних падежах, вторичными в других. Разберём отдельные падежи с этой точки зрения.

Именительный падеж. Первичной функцией именительного падежа является функция синтаксическая: именительный падеж выступает прежде всего в качестве субъекта предложения. Именительный падеж может, кроме того, выступать в функции сказуемого (предиката), напр. в предложении *он учени́к*. Эта функция должна быть признана вторичной.[1] Именительный падеж, выступающий в функции приложения (apozícia, prístavok), синтаксически приравнивается к имени прилагательному, ср. *ваго́н-рестора́н* »jedálny vozeň«, *член-корреспонде́нт* »korešpondujúci člen«, *а́рмия-победи́тельница* »víťazná armáda«.

Кроме того, форма именительного падежа использована и вне синтаксической связи для названия предмета (лица, явления). Эта назывная функция лишена каких бы то ни было синтаксических отношений. Следовательно, именительный падеж (или форма слова, омонимная с именительным падежом) используется в плане лексическом для простого названия, т. е. в узко «номинативной» функции.

Винительный падеж. Первичной функцией винительного падежа является функция синтаксическая. Это прежде всего падеж прямого дополнения (объекта). Характерно, что винительный падеж существует лишь в приглагольном употреблении *(руби́ть дрова́, чита́ть кни́гу)* или в сочетании с предикативом *(жаль де́вочку)*. В состав приимённых сочетаний винительный падеж не входит, ср. *ру́бка дров, чте́ние кни́ги*.

Все остальные функции винительного падежа относятся к адвербиальным и не могут быть признаны первичными. Здесь имеются в виду в первую очередь разные виды так называемого винительного меры или времени, напр. *рабо́тать всю но́чь, э́то сто́ит ты́сячу крон*. Важно подчеркнуть, что здесь винительный падеж не является приглагольным в том смысле, что он не зависит от глагола. Винительный цены отвечает на вопрос *сколько?* и является, следовательно, адвербиальным употреблением падежа.

---

[1] J. Kuryłowicz: Le problème du classement des cas, 31.

Наиболее распространённым определением «общего» или «основного» значения винительного падежа является следующее: «винительный падеж выражает затрагиваемость предмета глаголом в полном его объёме».[1] Совершенно очевидно, что такое определение «общего» значения может относиться лишь к приглагольному употреблению винительного падежа. Винительный меры или времени, а также все предложные употребления винительного (ср. *гуля́ть в со́лнечный день*) не могут быть подведены под эту общую формулу.

Родительный падеж. В славянских языках родительный падеж перегружен самыми разнообразными функциями. Но далеко не все функции родительного падежа можно признать синтаксическими. В языках с грамматически оформленным субъектом и объектом (в языках так называемого «номинативного» строя) приимённый родительный соответствует приглагольному именительному и винительному. Это вытекает из сопоставления таких сочетаний, как *колле́ктив рабо́тает* и *рабо́та колле́ктива* (родительный субъекта), с одной стороны, и сочетаний *чита́ть кни́гу* и *чте́ние кни́ги* (родительный объекта), с другой. Только эти две функции родительного падежа можно признать синтаксическими.

Авторы, пытавшиеся найти «общее» значение родительного падежа, определяли это значение по-разному. Акад. А. А. Шахматов писал: «Родительный падеж имени означает, что представление, соответствующее имени, находится в пределах действия, выраженного глаголом, затрагиваясь им лишь отчасти».[2] Именно эту мысль частичной затрагиваемости действием, якобы выраженную в родительном падеже, развил Р. Якобсон. Он писал: «Родительный падеж сигнализует (ankündigt) границу участия означенного предмета в вещественном содержании высказывания».[3] Проф. Э. Паулини полностью принимает эту формулу.[4]

Именно в своей первичной, синтаксической функции родительный субъекта и родительный объекта не выражают никакой ограниченности; наоборот, родительный объекта выражает полную затрагиваемость предмета действием (ср. *чте́ние кни́ги*). Как видно, поиски «общего» значения падежа не могли дать результатов, пока не отделялись синтаксические функции от адвербиальных функций падежей.

---

[1] Ср. у Э. Паулини: »Akuzatív proti nominatívu vyjadruje zasiahnutosť, a to úplnú«. Štruktúra slovenského slovesa, 34.

[2] А. А. Шахматов: Очерк современного русского литературного языка, стр. 83. (Разбивка моя. *А. И.*)

[3] R. Jakobson: Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, Travaux du Cercle linguistique de Prague, 6, 255.

[4] »... genitív vyjadruje, že objem účasti predmetu na vecnom obsahu výpovede je menší ako celý jeho objem...«, l. c. 40.

Все остальные функции родительного падежа, как то: посессивная *(велосипе́д моего́ бра́та)*, отделительная *(кусо́к мы́ла, принести́ воды́)*, определительная *(нача́ло представле́ния)*, а также функции родительного сравнения *(ста́рше своего́ бра́та)* и функция родительного отрицательного *(не прочёл кни́ги, нет де́нег)*, являются функциями вторичными. Вне синтаксиса стоят все употребления родительного падежа с предлогами, а также и родительный даты, имеющий явно адвербиальный характер.

Дательный падеж. Его синтаксические функции ограничены теми относительно немногочисленными случаями, когда дательный падеж выступает в качестве объекта, ср. *зави́довать кому́-л.*, *ра́доваться чему́-л.* и т. п. Синтаксической функцией является также использование дательного падежа для выражения косвенного объекта *(написа́ть письмо́ ма́тери)*. В приимённом употреблении дательный выступает в таких сочетаниях, как *служе́ние ро́дине*. Отсюда возможность таких конструкций, как *па́мятник Пу́шкина* и *па́мятник Пу́шкину*.

Особого внимания заслуживает дательный падеж, выражающий притяжательность *(он мне брат)*, дательный падеж заинтересованного лица *(он мне мил)* и дательный падеж лица в так наз. «безличных» конструкциях: *мне хо́чется ~ я хочу́, мне ви́дно ~ я ви́жу*. Толкование названных функций дательного падежа зависит от того или иного понимания соотнесённости между предложением и суждением, другими словами, от общей теории предложения.

Творительный падеж. Здесь первичными функциями являются функции адвербиальные. Сюда относится творительный времени, образуемый только от слов с определённым («квалифицированным») значением, творительный образа и сравнения, ограниченный определённым кругом идиоматических сочетаний, все виды предложного употребления творительного падежа, а также творительный орудийный.

Синтаксические функции творительного падежа оказываются вторичными. Это — творительный агенса в пассивных конструкциях *(кни́га, напи́санная а́втором)* и творительный сказуемостный *(он был учи́телем)*.

Предложный падеж. Поскольку этот падеж в современном языке не встречается вне сочетания с предлогами, трудно говорить о каком-либо самостоятельном значении этого падежа. Грамматическое значение сообщается этому падежу предлогами. Предложный падеж в русском языке нельзя рассматривать как падеж синтаксический, ибо он выступает исключительно в предложных сочетаниях.

*

Руководствуясь основными мыслями, изложенными проф. Курыловичем в его исследовании по вопросу классификации падежей, мы пришли к вы-

воду, что говорить о «значении» падежной формы можно лишь постольку, поскольку имеется в виду значение грамматическое. Только здесь мы вправе говорить о каком-то (пусть очень отвлечённом) значении падежных форм. В тех случаях, однако, где падежные формы использованы для передачи конкретных значений, уже не приходится говорить об общем значении падежа, как таковом. Здесь уже налицо элементы в какой-то степени внеграмматические.

Мы видели, что игнорирование разницы между синтаксическими и несинтаксическими падежными функциями, стремление свести все без исключения «значения» падежа к одному общему знаменателю приводили исследователей к таким абстракциям, которые, на наш взгляд, не подтверждаются фактами живого языка.

СКЛОНЕНИЕ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Принципы парадигматической классификации имён существительных

Вопрос классификации имён существительных по парадигмам (от гр. παράδειγμα «образец, пример») заслуживает внимания не только с точки зрения методики преподавания языка в школах, но и с точки зрения теоретического упорядочения языковых фактов. Грамматисты отдельных славянских языков по-разному подходят к решению этого немаловажного вопроса.

Наиболее консервативным является принцип классификации склонения существительных по признаку историческому. В качестве критерия классификации вводится понятие «основа» (kmeй), но не в современном, а в историческом значении этого слова. Так, например, в грамматиках словенского языка поныне бытуют такие термины, как «основы на *-o*», «основы на *-u*», «консонантические основы» и т. д. Придавая самому понятию «основа» содержание, законное лишь в применении к очень отдалённым периодам развития индоевропейских языков, т. е. трактуя это понятие как сочетание корня с «тематическим» аффиксом (гласным или согласным), словенские грамматисты впадают в явный анахронизм. Так, например, к «основам на *-o*» относятся ими существительные, как *rak*, *kraj*, *mesto*, *polje*, к «основам на *-u*» — слова типа *sin* (из *synъ*), к «основам на согласный» такие слова, как *kamen*.[1] Порочность такой исторической классификации очевидна: ведь существительные типа *rak*, *kraj* в современном словенском языке не образуются при помощи «тематического» гласного *o*, а склонение слов

[1] Anton Breznik: Slovenska slovnica za srednje škole, Ljubljana 1934, 72—85.

типа *sin* сохранило старые окончания лишь в некоторых падежах.[1] С точки зрения современного словенского языка существительные *rak*, *kraj* склоняются точно так же, как существительное *kamen*.[2] Такую классификацию следует признать анахронизмом, поскольку она не считается с морфологической характеристикой существительных на современном этапе развития данного языка.

В словацких и чешских грамматиках установился принцип классификации существительных по грамматическим родам, а внутри грамматического рода — по «образцам» (vzory). «Правила словацкого правописания» (1940 г.) приводили 19 образцов: *chlap*, *sluha*, *dub*, *meč*, *ryba*, *ulica*, *dlaň*, *kosť*, *kráľovná*, *pani*, *mesto*, *srdce*, *vysvedčenie*, *dievča*, *katechizmus*, *indivíduum*, *Škultéty*, *Szabó*, хотя этими образцами, по-видимому, далеко не исчерпываются все возможные в словацком языке типы склонения. Грамматика Б. Летца приводит лишь 13 образцов, причём игнорирует существенную разницу между склонением типа *chlap* и *stroj*, *dlaň* и *kosť*.[3] Классификация склонений «по образцам» имеет свои несомненные преимущества в педагогической практике, поскольку она позволяет учащимся быстро ориентироваться. С научной же точки зрения такая классификация малообоснована: она страдает атомизмом, теоретически не охватывает многообразия фактов, находится в плену у них, не абстрагирует. Деление по образцам не сохраняет исторической перспективы: в качестве образцов выступают, как равноправные, продуктивные и непродуктивные типы склонения. Склонение слов. существительного *pani* никак нельзя признать «образцом», ибо в словацком языке нет второго слова, склоняющегося как *pani*. Новейшие «Правила словацкого правописания» (1953) фактически различают продуктивные и непродуктивные типы склонения.

В русской школьной грамматике установилось деление существительных по трём склонениям. К первому склонению обыкновенно относят существительные женского рода на *-а*, *-я*, *-ья*, *-ия* (*изба́*, *земля́*, *семья́*, *а́рмия*), а к третьему склонению все существительные женского рода на *-ь* (*вещь*, *мать*), а также слово *путь*. Все остальные существительные мужского и среднего рода относятся ко второму склонению (*стол*, *конь*, *ме́сто*, *по́ле*,

---

[1] Характерно, что А. Брезник не может привести полную парадигму «основ на *-u*» и что он принуждён создавать «комплексную» парадигму, вводя в неё формы слова *sin*, *dom*, *vol*, *dar*, *grad* и *mož*.

[2] Существительное *kamen* уже в древнейших памятках не склонялось по образцу консонантических основ. Старая форма именительного падежа единственного числа *камы*, род. *камене* уже в старославянском языке была явным архаизмом.

[3] »V mužskom rode nie sú rozdiely medzi tvrdým a mäkkým zakončením podstatných mien také veľké v pádových príponách, aby museli byť osobitné vzory.« Gramatika slovenského jazyka, 1950, 245.

желáние, *телёнок*, *англичáнин*, *врéмя*, *чýдо* и т. д.). Это деление имеет то преимущество, что избавляет учащихся от необходимости усваивать более сложные принципы классификации существительных. Серьёзным недостатком этого деления является то обстоятельство, что в пределах одного склонения оказывается довольно разнородный материал, нарушающий всю стройность классификации по родам множеством оговорок и исключений.

Каждая научная классификация должна учитывать объективные признаки, объединяющие или разобщающие те или иные явления данного ряда. Одним из основных объективных признаков каждой парадигмы является бесспорно её продуктивность, её жизненность. По образцу существительного *завóд* склоняется в русском языке бесчисленное количество существительных мужского рода. С каждым днём число этих существительных растёт, ибо все новые слова мужского рода неизбежно попадают в этот тип склонения. Следовательно, тип склонения существительного *завóд* является в русском языке продуктивным, живым типом. Наоборот, по образцу слова *врéмя* склоняется всего лишь десять существительных. Этот тип должен быть признан непродуктивным, архаическим, в какой-то степени пережиточным. Такими же непродуктивными типами склонения являются в словацком языке «образцы» *pani* или *gazdiná*, уже не появляющиеся в новых «Правилах» 1953 г.

Научная классификация парадигматических типов склонения должна учесть степень продуктивности той или иной парадигмы. Вместе с тем, классификация должна соответствовать и практическим требованиям. Она должна помочь исследователю или учащемуся разобраться в многообразии фактов, выделить их наиболее характерные особенности. Поскольку, например, между склонением слов типа *завóд*, *приятель*, с одной стороны, и склонением слов типа *государствó*, *жилúще*, с другой, нет никакой разницы, кроме окончаний именительного и винительного падежей обоих чисел и родительного падежа множественного числа, эти типы можно свободно отнести к одному склонению.[1]

На основании последовательного применения указанных принципов к парадигматической классификации русских имён существительных можно условно различать четыре склонения.

---

[1] В традиционных латинских грамматиках существительные типа *hortus* и *oppidum* входят в одно склонение, хотя они и относятся к двум грамматическим родам.

Продуктивные типы склонения

Первое склонение: существительные мужского рода с нулевым окончанием типа *завбд*, *приятель*, *трамвай*, *пролетарий* и существительные среднего рода на *-о*, *-е*, *-ё* типа *государство*, *жилище*, *ружьё*, *желание*, *кушанье*.

Это склонение является, по выражению акад. В. В. Виноградова, «грамматической базой системы именного склонения».[1] Продуктивность этого склонения почти неограничена. Все новообразования типа *комсомол*, *промфинплан*, *рабфак*, все иностранные слова на твёрдый согласный, типа *аспирин*, *митинг*, *фильм* неизбежно попадают в это склонение. Суффикс отвлечённых существительных *-ство* и множество других продуктивных суффиксов и словообразовательных приёмов обеспечивают этому склонению широкую продуктивность.

Второе склонение: существительные женского, мужского и «общего» рода на *-а*, *-я*, *-ья* типа *газета*, *неделя*, *стая*, *шалунья*, *статья*, *партия* и *мужчина*, *Никита*, *Ваня*, *судья*. Продуктивность этого склонения обеспечена наличием ряда продуктивных суффиксов (ср. *зенитка*, *тушёнка*, *кожанка*, *ушанка*; *усушка*, *утруска*; *врубщица*, *ударница* и др.).

Третье склонение: существительные женского рода на *-ь* типа *кость*, *ночь* и существительное мужского рода *путь*. Эти существительные имеют в именительном-винительном единств. числа нулевую флексию. В пределах этого склонения широко продуктивен суффикс *-ость*, *-есть*. Продуктивность этого склонения явствует, между прочим, и из того факта, что к нему примкнули многие слова иностранного происхождения: *сталь*, *мебель*, *форель*, *нефть* и др.

Непродуктивные типы склонения

Четвёртое склонение: сюда входят все существительные с чередованием основы типа *телёнок* — *телята*, *киевлянин*, *мать*, *дочь*, *время*, *чудо* и др. В этом склонении объединены все существительные с «неправильным» склонением. Это — «окаменелые реликты старых типов склонения» (по выражению акад. В. В. Виноградова), «лингвистическая пыль», по выражению А. Мейе.

Стройность и наглядность любого парадигматического деления существительных в русском языке нарушается тем, что во многих случаях утрачена связь между формами единственного и множественного числа. Это значит, что, напр., из форм единственного числа слова *сектор* никак

---

[1] Ср. Русский язык, стр. 93.

нельзя сделать вывода о том, обнаруживает ли именительный падеж множественного числа форму *сéкторы* или *сектора́*. Точно так же из форм единственного числа слова *вóлос* не вытекает, что в родительном падеже множественного числа имеется форма *волóс*. Таких несоответствий, нарушений связи между парадигмой единственного и множественного числа в русском языке гораздо больше, чем в словацком или чешском, но не следует из этого заключать, что окончания множественного числа «почти не связаны с теми, которыми определяется деление существительных в единственном числе».[1] Ведь в пределах второго и третьего склонения формы множественного числа образуются совершенно регулярно, ведь подавляющее большинство мужских существительных на твёрдый согласный имеет вполне регулярные формы множественного числа, соотнесённые с формами единственного числа. То же следует сказать и о существительных женского рода на *-а* и среднего рода на *-о*, где, правда, акцентологические особенности несколько нарушают стройность парадигмы.

Ряд несоответствий между формами единственного и множественного числа имеется и в словацком языке. Трудно, напр., сказать, чем регулируется наличие окончаний родительного падежа единст. числа *-а* и *-и (buka—veku)* у имён существительных мужского рода. Пестрота и многообразие окончаний в склонении существительных исторически объясняется в славянских языках тем, что в пределах одного грамматического рода имелось несколько парадигматических типов склонения, слившихся в историческое время в один комплексный, «сборный» тип, но оставивших следы своей исторической самобытности. Так в пределах первого склонения имеются старые «основы» на *-о (волк, мéсто)*, на *-jo (нож, конь, пóле)*, на *-и (дом, сын, гóрод)*, и на *-i (гость, гóлубь)*. Большинство падежных окончаний первого склонения восходит к окончаниям старых основ на *-о*. Но некоторые окончания являются продолжением падежных форм других основ: окончание творительного падежа единственного числа *-ем (конём)* восходит к старым основам на *-jo*; окончания родительного и местного падежей на *-у, -ю* восходят к старым основам на *-и (мёду, в саду́)*; окончания родительного падежа множ. числа на *-ей* восходят к старым основам на *-i (гостéй* из *гостии)* и т. д.

Всё развитие именного склонения в славянских языках свидетельствует о том, что число исконных парадигм, распределённых по «основам», уменьшалось, причём сближения происходили в пределах одного грамматического рода. Наглядным примером такого слияния старых парадигм является переход существительных, относящихся в древности к женским основам на *-ū* (долгое) в парадигматику женских основ на *-i*, ср. склонение современных существительных *кровь, любóвь, свекрóвь, моркóвь* по образцу *кость*, при старославянском *кры — кръве, любы — любъве, свекры — свекръве* и т. д. Явная тенденция к уменьшению парадигматических типов и к сведению их к трём основным типам, соответствующим трём грамматическим родам, ни в одном славянском языке не привела к последовательной перегруппировке парадигм.

---

[1] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров: Очерк грамматики русского литературного языка, часть I, Москва 1945, стр. 112.

Правописание падежных окончаний

При классификации падежных окончаний необходимо иметь в виду наличие в руском языке чисто орфографических вариантов. Орфографические варианты, конечно, нельзя считать особыми парадигмами, т. к. в них не проявляются морфологические особенности. Орфографические варианты падежных окончаний в русском языке отражают либо фонетические, либо условно-орфографические особенности. Нельзя, например, считать, что слова *бара́н* и *волк* в русском языке относятся к двум различным парадигмам только на том основании, что в первом случае имеется форма именительного падежа множественного числа *бара́н-ы*, а во втором — *вблк-и*. Здесь просто сказывается соответствующий фонетический закон современного русского языка, гласящий, что после задненёбных согласных *г*, *к*, *х* звук *-ы* не допускается.[1] Точно так же слова *ко́мната* и *кни́га* не представляют собой две отдельные парадигмы (ср. *ко́мнаты//кни́ги*), а лишь два фонетических (и орфографических) варианта одной и той же парадигмы. Другое дело в чешском языке, где в соответствующих словах имеется чередование последнего согласного: *vlk//vlci*, *kniha//v knize*. Здесь речь идёт уже не о чисто фонетических, а о морфологических вариантах.

Существительные 1-го и 2-го склонения с основой на шипящие *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и на *ц* (всех трёх родов) имеют под ударением окончания *-о́м*, *-о́в*, *-о́й (концо́м*, *концо́в*; *свечо́й)*. Если же ударение падает на основу, соответствующие окончания выступают в форме *-ем*, *-ев*, *-ей (ме́сяцем*, *ме́сяцев; ту́чей)*. Написание *-ем*, *-ев*, *-ей* является в системе русской орфографии данью традиции, ибо оно не соответствует живому произношению, ср. фонет. [*ʹme·ɨɪcəm*, *ʹme·ɨɪcəf*, *tu·ˆcəi̯*][2]. Здесь мы имеем перед собой случай условного написания, т. е. типичный случай орфографических вариантов.

В словацком и особенно в чешском языке склонение существительных с основой на «твёрдую» согласную фонему существенно отличается от склонения существительных с основой на «мягкую» согласную фонему. Другими словами, парадигмы *dub* и *stroj*, *žena* и *ulica* действительно отличаются друг от друга морфологически, ср. предложный падеж единственного числа *o dube//o stroji*, *o žene//o ulici*, именительный (винительный) множественного числа *duby//stroje*, *ženy//ulice*. Для правильного понимания морфологической системы русского существительного чрезвычайно важно осознать тот факт, что между склонением «твёрдых» и «мягких» основ (по крайней мере в пределах единственного числа) нет парадигматических различий. В живой речи, в произношении, имеются лишь соотнесённые варианты ударяемых и безударных (редуцированных) окончаний. Но эти

[1] Ср. A. V. Isačenko: Fonetika spisovnej ruštiny, § 71, 72.

[2] Там же, §§ 126—128.

произносительные варианты в письме обозначаются только в приведённом выше случае (*-о́м*, *-о́в*, *-о́й*, resp. *-ём*, *-ёв*, *-ёй* под ударением, *-ем*, *-ев*, *-ей* в безударном положении). Во всех остальных случаях фонетическая разница между ударяемыми и редуцированными окончаниями остается графически невыраженной, ср. *на ноге́* [*наґе*·], но: *на кни́ге* [*кńі*·*ґі*] и т. п. В письме разница между «твердыми» и «мягкими» основами выражается, напр. *стол-а́*//*кон-я́*, *стол-у́*//*кон-ю́*, *стол-о́м*//*кон-ём*, мн. ч. *стол-а́м*//*кон-я́м*, *стол-а́ми*//*кон-я́ми*, *стол-а́х*//*кон-я́х*, но в данном случае написание окончаний отражает лишь особенности русской графики, а не морфологические особенности самих парадигм. Ведь буквы *-я*, *-ю*, *-ё* обозначают звуки *-а*, *-у*, *-о* (или их безударные варианты) после мягких согласных. Словом, формы *кон-я́*, *кон-ю́*, *кон-ём* являются лишь графическим выражением форм [*кań-а*·], [*кań-и*·], [*кań-о*·*т*], где сами окончания ничем не отличаются от окончаний «твёрдых» основ типа *стол-а́*, *стол-у́*, *стол-о́м*.

То же самое следует сказать о существительных второго склонения. Формы *газе́та* ~ *неде́ля*, *газе́ту* ~ *неде́лю*, *газе́той* ~ *неде́лей*, *газе́там* ~ *неде́лям* и т. д. являются лишь графическими вариантами одной парадигмы, в то время как в словацком и чешском языках здесь несомненно имеются две парадигмы, ср. слов. *rybe* ~ *nedeli*, *ryby* ~ *nedele*.

При разборе русского склонения, да и вообще при изучении всей русской флексии, следует иметь в виду основные правила русского правописания. Следует отметить также, что усвоение парадигматического состава русского склонения даётся словакам легче, чем чехам, т. к. словацкое склонение фонетически ближе к русскому, чем чешское, где коренные изменения в вокализме под влиянием соседнего консонантизма (всякого рода přehlásky) способствовали формальному совпадению ряда окончаний, различаемых в русском и словацком языках, ср. чеш. *kon̆ě* (род. ед. и им.-вин. мн.) при слов. *koňa* ~ *kone*; чеш. *nedělí* (вин. и предл. ед.) при слов. *nedeľu* ~ *nedeli* и др.

ПЕРВОЕ СКЛОНЕНИЕ (МУЖСКОЙ РОД)

В первое склонение входят все существительные мужского рода на твёрдый или мягкий согласный[1] в основе, за исключением слова *путь* и слов на *-ёнок*, *-о́нок*, *-янин*, *-анин*.

---

[1] «Мягким» согласным является, разумеется, и фонема *j*, обозначаемая в русской графике через *й*. В школьных грамматиках можно найти нередко такое определение: к данному склонению относятся существительные на твёрдый или мягкий согласный, а также существительные на *-й*. Эта оговорка объясняется тем, что в представлении учащихся фонема *j*, обозначаемая в графике через *й*, легко ассоциируется с вокалической фонемой *и*, чему способствует традиционное название буквы «й» — «и краткое».

При выборе парадигм, т. е. образцов склонения, нам представляется немаловажным учёт акцентологических особенностей данного слова. Обыкновенно в грамматиках фигурируют в качестве таких образцов слова *стол* и *конь*.[1] Для русского ученика акцентологические особенности этих слов не представляют серьёзных затруднений. Для нерусского, однако, подвижное ударение слова *конь* (ср. *коня́*, *коню́*, *конём*, *ко́ни*, *коне́й*) сопряжено с известными затруднениями.[2] Усвоение такой парадигмы осложнено тем, что внимание учащегося отвлекается акцентологическими особенностями данного слова, в то время как оно должно быть всецело сосредоточено на его морфологических особенностях (окончаниях).

В виду того, что вполне продуктивным, живым акцентологическим типом данного склонения является склонение с постоянным ударением на основе, здесь и в дальнейшем будут фигурировать в качестве парадигм слова с постоянным, неподвижным ударением *завбд*, *прия́тель*, *трамва́й* и *пролета́рий*.

В главе, посвящённой разбору грамматической категории числа говорилось о том, что формы единственного числа русского существительного слабо связаны с формами множественного числа, что парадигматическое деление существительных во множественном числе не всегда соответствует парадигматическому делению существительных в единственном числе. Это несомненно правильное положение было в некоторых работах по русской грамматике возведено в абсолют: формы множественного числа трактовались в отрыве от форм единственного числа.[3] С точки зрения методического изложения парадигматики русского склонения такой приём должен быть признан нецелесообразным, тем более, что традиционные грамматики чешского и словацкого языков не разрывают парадигму по

---

[1] Напр. в стабильном учебнике «Грамматика русского языка. Часть I. Фонетика и морфология», под редакцией акад. Л. В. Щербы. Учпедгиз 1946, стр. 64. — Академическая грамматика приводит в качестве парадигм существительные *вол — вола́ — волу́*, *шар — ша́ра*, мн. ч. *шары́*, *шарбв*, *зуб — зу́ба — зу́бы — зуббв*, *конь* и *зверь — зве́ря — зве́ри — звере́й*, т. е. существительные, представляющие весьма разнообразные и непродуктивные акцентологические типы (стр. 136—137).

[2] Этого не учёл автор «Грамматики русского языка» для нерусских школ, А. С. Матийченко, поместив в своей книге именно существительные *стол* и *конь* в качестве образцов (Учпедгиз 1948, стр. 100).

[3] Так, например, в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (1945), предназначенной для учителей средней школы, а также для студентов педагогических и учительских институтов, склонение имён существительных не трактуется в одной главе. Сперва разбирается склонение существительных в единственном числе, а затем, в особой главе, разбирается склонение существительных во множ. числе. Тот же приём был применён автором настоящей книги в его «Курсе русского языка для Высшего коммерческого училища».

числам, хотя и там есть немало оснований отделить образование форм множественного числа от форм единственного числа. Но и с точки зрения теоретической разрыв парадигмы по числам не может быть признан правильным: ведь подавляющее большинство существительных относится к типам склонения, которые являются «правильными» во всех отношениях. В этих типах склонения формы множественного числа парадигматически связаны с формами единственного числа. Нельзя забывать, что общая масса имён существительных склоняется по продуктивным и живым типам и что, следовательно, отрыв парадигмы множественного числа от парадигмы единственного числа приводит к атомизму.

В настоящей работе продуктивные типы первого склонения (мужского) сведены к четырём «образцам». К первому образцу относятся существительные с нулевой флексией в имен. падеже единств. числа на твёрдый согласный в основе (тип *завóд*). Второй образец представлен существительными мужского рода на мягкий согласный в основе (тип *приятель*), третий тип объединяет существительные на *-й* в основе (тип *трамвáй*) и, наконец, четвёртый тип — существительные на *-ий* (тип *пролетáрий*). Каждый из приводимых типов охарактеризован рядом морфологических особенностей.

Таблица продуктивных типов I-го склонения (мужского)

	„твёрдое" склонение	„мягкое" склонение		
		слова на -ь	слова на -й	слова на -ий
Ед. ч. И.	завóд	приятель	трамвáй	пролетáр-ий
Р.	завóд-а	приятел-я	трамвá-я	пролетáр-ия
Д.	завóд-у	приятел-ю	трамвá-ю	пролетáр-ию
В.	завóд	приятел-я	трамвáй	пролетáр-ия
Т.	завóд-ом	приятел-ем	трамвá-ем	пролетáр-ием
П.	о завóд-е	о приятел-е	о трамвá-е	о пролетáр-ии
Мн. ч. И.	завóд-ы	приятел-и	трамвá-й	пролетáр-ии
Р.	завóд-ов	приятел-ей	трамвá-ев	пролетáр-иев
Д.	завóд-ам	приятел-ям	трамвá-ям	пролетáр-иям
В.	завóд-ы	приятел-ей	трамвá-и	пролетáр-иев
Т.	завóд-ами	приятел-ями	трамвá-ями	пролетáр-иями
П.	о завóд-ах	о приятел-ях	о трамвá-ях	о пролетáр-иях

Разница, наблюдаемая между склонением «одушевлённых» и «неодушевлённых» в данной схеме, разумеется, не представлена особыми типами, ибо она не касается самой парадигматики и вытекает из значения данного слова.

Подавляющее большинство существительных мужского рода образует формы склонения по приведённым образцам. В частности, почти все про-

дуктивные словообразовательные суффиксы мужского рода (напр. *-ик, -ник, -чик, -щик, -ист, -тель* и др.), все новые сложносокращённые слова типа *комсомóл, профóрг* »úsekový dôverník«, все склоняемые буквенные сокращения типа *МХАТ*, почти все иностранные слова, попадающие в литературный язык *(фильм, рейхстáг, комбáйн)*, все имена собственные *(Будапéшт, Бетхóвен, Бáйрон, Овúдий)* включаются в этот продуктивный тип склонения, поскольку они по своему фонетическому оформлению воспринимаются как существительные мужского рода.

Однако в русском языке имеется довольно значительное число существительных мужского рода, обнаруживающих те или иные отклонения от парадигмы. Характерно, что большинство этих «неправильных» существительных относятся к основному словарному фонду языка, т. е. к числу наиболее употребительных слов, обозначающих жизненно важные понятия и являющихся в то же время словами непроизводными, корневыми. Между тем как общая масса словарного состава следует живым тенденциям развития данного языка, некоторые слова обнаруживают известную «консервативность», сохраняют некоторые архаичные черты. Естественно, что эти архаичные черты дольше всего держатся у наиболее распространённых, обычных, часто употребляемых, т. е. жизненно наиболее важных слов. Непродуктивность (грамматическая) той или иной формы вовсе не обозначает, что данная форма редко встречается в языке. Нельзя смешивать понятия грамматической «продуктивности» и «частоты». Слово *лес*, бесспорно относящееся к основному словарному фонду, имеет сразу несколько грамматических форм, отличающих его от большинства мужских имён существительных: ср. род. един. числа *лéсу (úз лесу)*, предл. *в лесý*, имен. множ. *лесá*. Эти особенности могли сохраниться в данном слове именно потому, что оно является одним из наиболее обычных, общеизвестных русских слов. Вот почему непродуктивным формам склонения следует уделять надлежащее внимание. Вот почему так называемые «исключения» не должны считаться маловажным, второстепенным языковым материалом.

Формы родительного падежа единственного числа

В словацком и чешском языках существительные мужского рода с нулевым окончанием допускают в родительном падеже единственного числа два окончания: *-a* и *-u*; *zub — zuba, piesok — piesku, tabak — tabaku, les — lesa, dym — dymu*. «Правила», разграничивающие эти два типа склонения, весьма относительны и неточны. Трудно указать, почему слово *zub* образует

род. падеж *zub-a*, а слово *dym* — *dym-u*. В традиционных грамматиках установилось мнение, будто окончание *-a* является «нормальным», а окончание *-u*, наоборот, известным нарушением нормы, в каждом отдельном случае так или иначе мотивированным. С чисто теоретической точки зрения допустима, однако, и иная трактовка этих фактов. Судя по материалу, приводимому в грамматике Б. Летца, «нормальной», «неквалифицированной» формой родительного падежа единств. числа является окончание *-u*, в то время как окончание *-a* может быть почти в каждом конкретном случае мотивировано фонетической, морфологической или семантической стороной данного слова. Так, например, окончание *-a* нормально у существительных на «мягкую» основу (типа *stroj*, *nôž*), у всех существительных, обозначающих «одушевлённые» существа (типа *jastrab*, *pstruh*, *žiak*, *chrobák*), у имён собственных, у всех названий месяцев и т. д. Следовательно, допустимо было бы считать существительные с окончанием *-u* в род. падеже — нормой, а существительные с окончанием *-a* в род. падеже — «квалифицированной» группой. Этот вопрос до сих пор не был всесторонне обследован, так что в настоящее время трудно дать ясную классификацию соответствующих фактов.

В русском языке также имеются два окончания родительного падежа единственного числа: на *-а*, *-я* и на *-у*, *-ю*. Оба окончания встречаются в пределах одного слова. Другими словами: в русском языке сосуществуют формы род. падежа *лéсу* и *лéса*, *чáю* и *чáя*, *дóму* и *дóма*.[1]

С точки зрения современного языка очень трудно выделить по какому-нибудь общему признаку существительные, имеющие наряду с окончанием *-а (-я)* и окончание *-у (-ю)*. Распределение окончаний, в свою очередь, связано с специфической синтаксической функцией падежа, а также с идиоматикой.

Относящиеся сюда факты могут быть разделены на две основные группы. В одних случаях употребление родительного на *-у*, *-ю* является грамматически обусловленным. В таких случаях мы будем говорить о свободном грамматическом (а не о фразеологическом) употреблении данной формы. В других случаях мы имеем дело с более или менее устойчивыми фразеологическими сочетаниями, где употребление форм на *-у*, *-ю* с точки зрения современной грамматики не мотивировано.

Основной областью свободного, грамматического употребления форм на *-у*, *-ю* является родительный отделительный (partitivus). Естественно, что отделительные формы возможны лишь у слов с вещественным значением, напр. *чáшка чáю*, *килó сáхару*, *тарéлка сýру*. С вещественным зна-

---

[1] Сосуществование русских форм *лéсу* и *лéса*, *чáю* и *чáя* принципиально отличается от дублетов (dvojtvarov) словацкого языка типа *roka/roku*.

чением в русском языке теснейшим образом связана и «неисчисляемость» («несчётность») данного ряда слов: нельзя сказать по-русски «два чая», «два супа» (см. выше стр. 91).

Родительный отделительный употребляется в следующих сочетаниях:

1. после определения меры (*кило́, фунт, мешо́к, стака́н, буты́лка, таре́лка* и т. п.), а также после количественных слов типа *мно́го, ско́лько, доста́точно, дово́льно, побо́льше, ма́ло, немно́го, немно́жко, поме́ньше, ма́сса;* ср. *бо́чка мёду, кусо́к сы́ру, мно́го табаку́, немно́го пе́рцу, побо́льше лу́ку, поме́ньше са́хару, ма́сса наро́ду* и др.;

2. после переходных глаголов типа *дать, купи́ть, приба́вить, принести́* и т. п., а также после переходных глаголов с префиксом *на-* типа *наре́зать, нарва́ть, нацеди́ть* и т. п. В то время как с глаголами второго типа регулярно сочетается родительный падеж (*нарва́ть кисе́лю, наруби́ть дров*, словац. *narúbať dreva*), глаголы первого типа могут сочетаться как с родительным, так и с винительным, причём употребление того или другого падежа выражает оттенок значения: «я принёс *хлеб*, кото́рый ты проси́л меня́ купи́ть» ~ «я принёс *хле́ба*», ср. словац. priniesol som *chlieb*, priniesol som *chleba*;

3. после глаголов *проси́ть, хоте́ть, не хвата́ть, недоставать: он попроси́л су́пу, я хочу́ ча́ю, нам не хвата́ет са́хару*. В словацком языке и здесь допускаются оба падежа, причём употребление той или иной падежной формы выражает определённый оттенок значения: *prosím si polievku* ~ *prosím si polievky, chcem víno* ~ *chcem vína*.

Употребление форм родительного отделительного на *-у, -ю* не во всех случаях обязательно. Можно сказать: *нарва́ть кисе́лю* и *нарва́ть кисе́ля, мно́го сне́гу* и *мно́го сне́га*.

Привести полный список существительных с вещественным значением, допускающих в указанных случаях формы родительного падежа на *-у, -ю*, невозможно, ибо эта форма вполне продуктивна в пределах некоторых семантических групп. Так, напр., названия напитков и лекарств допускают формы на *-у, -ю*, даже если речь идёт о словах, сравнительно недавно попавших в литературный язык: ср. *вы́пить рейнве́йну, нарза́ну*, разг. *бенедикти́нчику* (название ликёра), *приня́ть хини́ну, аспири́ну* и т. п. Вполне продуктивными являются эти формы также у слов с вещественным значением, образованных при помощи ласкательно-уменьшительного суффикса *-о́к, -ёк* и *-ец: съесть лучку́* (к *лучо́к, лук*), *да́йте мне огоньку́, принести́ табачку́* и т. п. Любопытно, что слово *хлеб*, являясь словом с вещественным значением, образует родительный отделительный только на *-а (дай мне хле́ба)*, между тем как ласкательно-уменьшительная форма *хле́бец* имеет в том же падеже форму *хле́бцу: дай мне хле́бцу*.

Вот список слов, часто встречающихся с формой на *-у, -ю* в родительном падеже:

атла́с (материя), *ба́рхат* »zamat«, *бензи́н*, *бульо́н*, *вазели́н*, *виногра́д* »hrozno«, *воск*, *гной*, *горо́х*, *дёготь* (род. отдел. *дёгтю*), *дурма́н*, *дым*, *жасми́н*, *жёмчуг* »perly«, *жир*, *изю́м* »hrozienka«, *и́ней*, *квас*, *керосин* »petrolej«, *кисе́ль (киселю́)*, *кле́й*, *коньяк*, *корм*, *ла́дан* »tymian«, *лес* («не́сколько десяти́н ле́су»), *лёд*, *лён*, *лимона́д*, *лук*, *люд* («собрало́сь мно́го лю́ду»), *мак*, *мел*, *мёд*, *минда́ль (миндалю́)* »mandle«, *наро́д*, *огонь*, *одеколо́н* (из фр. *eau de Cologne* »kolínska voda«), *пе́рец*, *песо́к*, *по́рох* »pušný prach«, *пух* »páperie«, *ром* »rum«, *са́хар*, *си́тец* »kartún«, *снег*, *сок* »šťava«, *сор* »smeti«, *спирт*, *суп*, *сыр*, *таба́к*, *творо́г*, *хво́рост* »raždie«, *чай*, *чернозём*, *черносли́в* »sušené slivky«, *шёлк*, *шокола́д*, *ще́бень (ще́бню)* »štrk«, *яд* и др.

Академическая грамматика отмечает, что если при имени существительном, которое может иметь в родительном падеже окончание *-у (-ю)*, стоит определение, то обычно употребляются формы на *-а (-я)*: *таре́лка све́жего творога́*, *стака́н кре́пкого ча́я* (стр. 143).

Необходимо подчеркнуть, что вне сферы родительного отделительного все приведённые слова образуют форму родительного на *-а, -я*. Это относится к родительному отрицательному *(он не принёс са́хара)*, к родительному сравнения *(мёд сла́ще са́хара)*, к родительному отношения *(цена́ са́хара, ка́чество шокола́да)*, а также к сочетаниям с предлогами *для, кро́ме, о́коло, про́тив* и *у*. В сочетаниях с предлогами *без, из, от* приведённые существительные допускают формы на *-у, -ю: пить чай без са́хару, сде́лать украше́ние из са́хару, у него от са́хару разболе́лись зу́бы.*

Остальные случаи употребления формы на *-у, -ю* не связаны с синтаксическим значением падежа. Здесь мы имеем дело с более или менее застывшими сочетаниями, подчас переходящими в наречия. Обыкновенно существительные, образующие такого рода устойчивые сочетания, делятся по своему значению на отвлечённые (типа *вкус, род, слух*) и конкретные (типа *дом, лес, нос*). Такое деление не представляется нам теоретически достаточно обоснованным. В данной группе существительных следует различать сочетания, поддающиеся грамматическому анализу, напр. *вы́йти и́з_лесу, получи́ть письмо́ и́з_дому, приба́вить со́ли для вку́су*, от сочетаний, уже не поддающихся грамматическому анализу и вполне перешедших в класс наречия, напр. *от_роду*. В данном случае мы не имеем дело, с точки зрения современного языка, с формой существительного *род* уже по той простой причине, что существительное *род* в значении «рождение» не встречается в номинативе,[1] подобно тому как в номинативе не встречается прилагательное, от которого образован словацкий эквивалент *odjakživa*.

[1] Ср., однако, plurale tantum *ро́ды, родо́в* »pôrod«.

В виду всего сказанного, данную группу явлений можно будет распределить по следующим отделам:

1. существительные, образующие при известных условиях форму родительного падежа единственного числа на *-у*, *-ю*:

лес: в сочетаниях *вы́йти*, *вы́бежать*, *вы́скочить и́з лесу*.

Ср. у Некрасова:

Одна́жды, в студёную зи́мнюю по́ру
Я и́з_лесу вы́шел. Был си́льный моро́з...

(«Крестьянские дети»)

Форма *и́з лесу* находится на грани между наречием и свободным грамматическим сочетанием с предлогом, поскольку вне соединения с глаголами *вы́йти*, *вы́бежать*, *принести́* и т. п. она не встречается. В частности, при наличии определения имеется налицо форма *из ле́са*: напр. *из э́того ле́са*. Ср. у Пушкина:

Из тёмного ле́са навстре́чу ему́
Идёт вдохновённый кудёсник.

(«Песнь о вещем Олеге».)

Даже в том случае, если определение стоит после определяемого, форма *и́з лесу* заменяется формой *из ле́са*, ср. «как из ле́са, ле́са тёмного», или в том же стихотворении Некрасова:

Отку́да дрови́шки? — Из ле́са, вести́мо!,

где *из ле́са* не является адвербиализированной формой, а дополнением (объектом).

дом: в сочетаниях *верну́ться и́з_дому*, *привезти́ что-л. и́з_дому*, *получи́ть письмо́ и́з_дому*, а также в сочетаниях *дойти́*, *добежа́ть*, *донести́ что-л. до_дому*, т. е. там, где слово *дом* обозначает не «жилище, здание», а «родной дом», слов. *domov*. Здесь мы имеем дело с наречиями. В свободных сочетаниях, напр. при наличии определения, появляется исключительно форма *до́ма*: *до моего́ до́ма*, *из моего́ до́ма*, *из до́ма мои́х роди́телей* и т. п.;

нос: в сочетаниях *кровь идёт и́з_носу*, *пуска́ть дым и́з_носу*. В других сочетаниях появляется форма *из но́са*.

рот: в сочетании *и́зо_рту*. Словарь Ушакова приводит эту форму с меткой «простореч.» и допускает, наряду с ней, форму *и́зо рта*.

У приведённых слов имеет место переход ударения на предлог. Далее:

вкус: только в сочетании *для вку́су*, напр. *посоли́ть суп для вку́су*. В свободном сочетании выступает окончание *-а: лимо́н и апельси́н ра́зного вку́са, у него́ нет вку́са;*

вздор: в сочетании *мно́го вздо́ру*. В свободном сочетании: *тако́го вздо́ра я никогда́ не слыха́л.*

слух: только в сочетании *ни слу́ху ни ду́ху о ком-л.* В свободном грамматически организованном сочетании появляется форма на *-а*: *у него нет ни слу́ха ни го́лоса;*

час: в сочетании *и ча́су* »ani hodinu« (напр. *он и ча́су не вы́держит*): в определениях времени: *до ча́су* »do jednej hodiny«, *с ча́су до трёх* »od jednej do tretej (hodiny)«.

К такого рода постоянным сочетаниям можно отнести:

не дава́ть кому-л. хо́ду »robiť niekomu prekážky«, *ни прохо́ду ни прое́зду*; *в э́том нет ни ла́ду ни скла́ду; ни ра́зу* »ani raz«, *ни ша́гу* «ani krok« (или: *и ша́гу не сде́лал*); *ма́ло то́лку, сбива́ть кого-л. с то́лку, в чём-л. нет то́лку; наде́лать мно́го шу́му, мно́го кри́ку; для счёту, без счёту* (т. е. очень много). Многочисленны сочетания с предлогом *с, со*: *сбежа́ть в ко́мнату с разбе́гу, с лёту уда́рить кого-л., с разма́ху*, выражение *покати́ться со́ смеху* и др.

В разговорном языке и в просторечии формы на *-у, -ю* встречаются чаще, чем в языке литературном. Поэтому у многих авторов можно найти примеры форм родительного падежа, чуждые нормам литературного языка. Естественно, что эти формы встречаются в языке персонажей: ср. *с како́го бо́ку* (Гладков: Цемент), *го́лосу не подава́л* (Сейфуллина: Виринея), *для до́му* (М. Горький: Челкаш), *из интере́су* (Л. Леонов: Вор), *для ши́ку* (там же). Эти формы не могут быть отнесены к литературной норме.[1]

2. Сочетания, не поддающиеся грамматическому анализу. В этих случаях именительный падеж единств. числа в данном значении утрачен;

без у́молку: *говори́ть, болта́ть без у́молку.* Существительного «умолк» в русском языке нет;

до заре́зу: *мне на́до до заре́зу* »veľmi súrne potrebujem«. Существительного «зарез» не существует;

от роду: в сочетаниях *не ви́дел от роду* »odjakživa« и *ему́ де́сять лет от роду.* Существительного «род» со значением «рождение» в русском языке не имеется. Более употребительно написание *отроду;*

для ви́ду, с ви́ду: в сочетаниях *сде́лать что-л. то́лько для ви́ду* »urobiť niečo naoko« и *с ви́ду ему́ бы́ло лет под сорок* »na pohľad vyzeral ako štyridsiatnik«;

---

[1] Этого не учла Marianne von Zychlinski, посвятившая особое исследование формам род. падежа единств. числа в современном русском языке (Die Anwendungen des Genitiv singularis masc./neutr. auf *-u* in der gegenwärtigen russischen Sprache, 1939). Совершенно не различая между теми пассажами, которые ведутся от автора, и пассажами диалогическими, она подвергла материал статистическому исследованию. По её подсчётам в современном русском языке имеется 103 слова, допускающих окончание *-у, -ю* в род. падеже. Сомнительная ценность такого рода исследований нагляднее всего иллюстрируется фактом, что в список слов были внесены формы существительные среднего рода *(вину́, яйцу́, из вёмству, дыха́нью)*, совершенно чуждые русскому литературному языку.

без спро́су: *уйти́ из шко́лы без спро́су* »bez dovolenia«. Существительное *спрос* в этом значении в русском языке не встречается.

3. Устойчивые фразеологические сочетания:

с ча́су на час, час от часу не ле́гче (поговорка) »to mi ešte chýbalo!«, *с бо́ку на́ бок (воро́чаться), говори́ть с кем-л. с гла́зу на глаз* »zoči-voči«, *с ми́ру по ни́тке — го́лому руба́шка*[1] »babka k babce, budú kapce« (пословица) и др.

4. Сочетания с предлогами, слившиеся графически в одно слово и перешедшие в разряд наречий: *сбо́ку, сни́зу, све́рху, сра́зу*, ср. слов. *odrazu, oddávna, zospodu, zvrchu.*

Как видно, основной сферой употребления род. падежа на *-у, -ю* является речь разговорная.

Формы предложного («местного») падежа единственного числа

В словацком языке окончания предложного падежа *-е, -і, -и* распределены парадигматически, ср. чеш. *-ě, -i, -u*. Окончание *-е* можно рассматривать как норму для «твёрдых» основ, окончание *-і* как норму для «мягких» основ и для существительных на *-ár (o stroji, na konári)*, а окончание *-и* как норму для существительных мужского и среднего рода на задненёбный согласный *(v snehu, v parku, v piesku, v mlieku).*

В русском языке окончания предложного падежа не распределены парадигматически. Нормой как для «твёрдых», так и для «мягких» основ (за исключением типа *пролета́рий*) является окончание *-е*, независимо от их внешнего, фонетического облика. Это окончание *-е* последовательно проведено у существительных на задненёбный согласный (ср. *в па́рке, в за́мке, в поря́дке, в кошельке́*), а также у существительных на мягкий согласный в основе и на *-ж, -ч, -ш, -щ* и *-ц*: *на коне́ — na koni, о калаче́ — o koláči, о каранда́ше́, в конце́ — na konci.*

Лишь в ограниченном числе слов (их около ста) встречаются окончания *-у́* или *-ю́*, причём в этих случаях ударение падает на окончание. Особенностью русского языка является то обстоятельство, что окончания *-у́, -ю́* сочетаются только с предлогами *в, во* и *на* в местном значении. В сочетании со всеми другими предлогами, а также в сочетании с предлогами *в, во* и *на*, употребляемыми не в местном значении, в предложном падеже единств. числа имеется окончание *-е*, ср. *в лесу́* ~ *разбира́ться в ле́се.* Ввиду этой семантической ограниченности употребления окончаний *-у́, -ю́* некоторые исследователи считают возможным выделять эти формы как особый «местный» падеж.

---

[1] Слово *мир* здесь употреблено в значении «сельская община».

Для словака или чеха, желающего активно усвоить русскую морфологию, необходимо провести грань между теми словами, в которых окончания *-ý* или *-ю́* в предложных сочетаниях с *в*, *во* и *на* являются обязательными во всех случаях, и словами, в которых эти окончания связаны с особым фразеологическим употреблением. Поэтому весь материал будет рассмотрен в двух группах.

1. Формы на *-ý* или *-ю́* обязательны после предлогов *в*, *во* и *на* с местным значением в следующих словах: *ад*, *бал* »ples«, *бе́рег*, *бой*, *бок*, *борт* »paluba«, *бред* »horúčka«, *быт* »život, spôsob života«, *верх*, *воз*, *глаз*, *год*, *гроб*, *Дон*, *дым*, *жир*, *зад*, *Крым*, *лёд (на льду)*, *лес*, *лоб (на лбу)* »čelo«, *луг*, *мёд*, *мел*, *мех*, *мозг*, *мост*, *мох (во мху)*, *низ*, *нос*, *о́тпуск* »dovolenka«, *пар* »para«, *пир*, *плен*, *пол*, *полк*, *порт*, *пост*, *пот*, *пруд*, *пух*, *пыл*, *рай*, *ров (во рву)*, *рот (во рту)*, *ряд*, *сад*, *снег*, *сок*, *стог*, *сук*, *таз*, *ток*, *тыл*, *у́гол*, *уголо́к*, *хлеб*, *хмель*, *ход*, *цвет*, *цех*, *чад*, *час*, *шаг*, *шкаф*.

Эти слова образуют предложный падеж единств. числа на *-ý* или *-ю́* независимо от того, имеется ли при них определение или нет. Ср. *на пра́вом берегу́*, *в после́днем бою́*, *на ле́вом боку́*, *в э́том году́*, *в чёрном дыму́*, *в дрему́чем лесу́*, *в на́шем полку́*, *в черномо́рском порту́*, *в фруктово́м саду́*, *в жестяно́м тазу́*, *в кото́ром часу́*, *на ка́ждом шагу́*, *на по́лном ходу́* и др. Ср. профессиональное *на по́лном газу́*.

2. В ряде случаев одно и то же существительное допускает оба окончания: *-е* и *-ý (-ю́)*, причём каждое из них свойственно только одному определённому значению данного слова. Так, напр., существительное **век** обозначает 1. «жизнь»; 2. «эпоха»; 3. «столетие». Форма на *-ý* употребляется только в первом значении: *на своём веку́* «за всю свою́ жизнь». Во всех остальных значениях в предложном падеже единств. числа стоит окончание *-е*: *в двадца́том ве́ке*.

Слово **вид** образует форму на *-ý* в определённых фразеологических сочетаниях: *име́ть в виду́* »mať na mysli«, *держа́ть на виду́*, т. е. «показывать», *быть на виду́*, т. е. «на видном месте». В свободных грамматических соединениях употребляется ссответствующая форма на *-е*: *в ви́де чего-л.* »vo forme, v podobe«, *в пья́ном ви́де*, *при ви́де незнако́мого* и др.

Слово **край** обозначает, во-первых, «преде́льную линию, окра́ину»; в этом значении имеется форма на *-е*: *на пере́днем кра́е*, т. е. «на передней линии фронта». Сочетание *на краю́* (напр. *на краю́ го́рода*, *на краю́ све́та*) имеет значение предлога, ср. слов. *kraj mesta*. Вторым значением слова *край* является «страна»; в этом значении имеется форма на *-ю́*: *в родно́м краю́*, *в на́шем краю́*. Третье значение слова *край* — «крупная административная единица»; в этом значении употребляется форма на *-е*: *в Ленингра́дском кра́е*, *в Дальневосто́чном кра́е*.

Слово **круг** употребляется как геометрический термин и в этом значении

знает лишь форму на *-е*: *квадра́т, заключённый в кру́ге; на Поля́рном кру́ге.* В переносном значении «замкнутая область, сфера, группа людей» имеется, наоборот, форма на *-у́*: *в семе́йном кругу́, в кругу́ друзе́й и знако́мых.*

Слово мир имеет в русском языке множество значений. В значении »svet« это слово образует предложный падеж единств. числа на *-е*: *во всём ми́ре.* В поговорке «на миру́ и смерть краса́» слово *мир* обозначает «круг бли́зких люде́й». В устаревшем церковном выражении «пребыва́ть *в миру́*» слово *мир* противопоставляется «церкви» или «монастырю». Выражение «пребыва́ть в миру́» обозначает, следовательно, «жить среди мирян».

Слово ряд образует во всех своих основных значениях форму *в ряду́*, напр. *в пе́рвом ряду́, стоя́ть в ряду́*; только в значении количественном имеем форму *в ря́де*, ср. *в ря́де слу́чаев, в це́лом ря́де явле́ний.*

Слово строй употребляется как военный термин и в данном значении образует форму на *-ю́*: *идти́ в строю́, стоя́ть в строю́.* В значении »1. poriadok, чеш. řád; 2. stavba« употребляется форма на *-е*: *в капиталисти́ческом стро́е*; *в граммати́ческом стро́е.*

В ряде случаев формы на *-у́*, *-ю́* встречаются лишь в определённых сочетаниях, тяготеющих к адвербиализации. В свободном грамматическом употреблении, т. е. вне фразеологического контекста, те же слова образуют форму предложного падежа единств. числа на *-е*. Сочетание на бегу́ можно рассматривать как наречие, ср. слов. »bežiačky, bežiac« («стреля́ть на бегу́»); но в свободных сочетаниях имеется: *отличи́ться в бе́ге на коро́ткую диста́нцию.* Выражение на дому́ тяготеет к наречию, ср. *рабо́та на дому́* »domáca, domácka práca«, в то время как свободные сочетания имеют форму до́ме: *в своём до́ме, в чужо́м до́ме, в до́ме роди́телей.*

Слово ко́рень имеет в данном падеже окончание *-е*: *в ко́рне поро́чная тео́рия, в э́том ко́рне* и т. д. Выражение *на корню́* (напр. «купи́ть урожа́й на корню́», т. е. ещё до уборки) фразеологично и в грамматическом отношении несвободно.

Слово ход образует грамматически свободную форму данного падежа на *-е*: *в хо́де собы́тий, это отрази́лось на хо́де дел.* Наряду с этим существуют сочетания *на ходу́* и *на по́лном ходу́*, где форма на *-у́* фразеологически связана, ср. *стреля́ть, одева́ться на ходу́.* Сюда же можно отнести устойчивые сочетания *быть в долгу́ у кого-л.*; *в долгу́, как в шелку́* (поговорка) »až po uši v dlhoch«; *жить в ладу́ с кем-л.* »žiť v zhode«, *веди́ть кого-л. на поводу́* и др. Следует отметить, что в данном случае формы на *-у́* в сочетании с предлогами являются уже адвербиализованными формами.

В правописании некоторые предложные сочетания сливаются в одно слово-наречие: *наверху́, внизу́, навесу́* и др.

В традиционных грамматиках неоднократно отмечалось, что слово *лес*

образует форму на *-ý* только после предлога *в* в местном значении: *в лесу́*. В сочетании с тем же предлогом *в*, лишённым местного значения, встречается форма на *-е*: *в ле́се не́ было недоста́тка*. Нам, однако, кажется, что здесь речь идёт об омонимах: в первом случае слово *лес* употребляется в значении словацкого слова »les, hora« *(в лесу́)*, во втором случае — в значении »drevo, guľatina« *(в ле́се не́ было недоста́тка)*. Дело, по-видимому, не столько в местном значении предлога *в*, сколько в устойчивости предложных сочетаний. Ведь местного значения в строгом смысле слова нет и в выражениях *на лету́*, *на ходу́*, *на весу́*, *шу́ба на меху́* и т. п.

Остаётся дать список слов, в которых окончания *-ý* или *-ю́* встречаются после предлогов *в*, *во* и *на* при известных условиях, т. е. в более или менее устойчивых сочетаниях, тяготеющих к адвербиализации. Вот эти слова: *бережо́к*, *бор*, *вал*, *ве́тер*, *дуб*, *дух* (в выражениях *на духу́*, *как на духу́*, т. е. «на исповеди»), *зоб*, *квас*, *клей*, *крюк*, *куст* »ker«, *лён*, *пай*, *плац* »cvičište«, *по́лог*, *род*, *рой*, *свет*, *те́рем*, *торг*, *чай*. В архаическом языке встречаются формы: *на переду́*, *холоду́*, *острову́*, *смеху́*.

Исторически окончания *-ý*, *-ю́* восходят к древним основам на **-и*. В состав этих основ входили существительные мужского рода с односложной основой, типа *мостъ*, *лѣсъ*, *носъ*, *дългъ* и др. Односложными были в более древний период также слова *у́гол* (ст.-сл. *жглъ*), *бе́рег* (**бергъ*), *ве́тер* (*вѣтръ*). Все эти слова имели нисходящее ударение, так наз. циркумфлекс. Вокруг этого ядра старых основ на **-и* с нисходящим ударением сгруппировались уже в историческую эпоху существительные, относящиеся к основам на **-о* или **-jo*, но совпадающие по фонетическому признаку (односложность основы и нисходящее ударение) с основным фондом основ на **-и*.

Окончание *-а́* в именительном падеже множественного числа

Дать полный перечень существительных, образующих именительный (винительный) падеж множественного числа на *-а*, весьма затруднительно хотя бы потому, что в живой речи окончание *-а* проявляет тенденцию к продуктивности, распространяясь на всё новые и новые слова и группы слов. Исследователи современного русского языка расходятся в оценке этих форм. Если проф. В. Н. Сидоров в «Очерке грамматики русского литературного языка» (1945) без каких-либо оговорок приводит формы *аптекаря́*, *библиотекаря́*, *офицера́*, *договора́*, *промысла́* или *месяца́*, называя их просто «новыми формами» (стр. 123), то такой авторитетный учёный как акад. С. П. Обнорский считает слова вроде *автора́*, *аптекаря́*, *библиотекаря́*, *бухгалтера́*, *инструктора́*, *лектора́*, *офицера́*, *редактора́*, *тенора́*, *цензора́* — относящимися к «профессиональному» стилю, «специфическими формами просторечия или разговорного языка», а формы *«месяца́»* и т. п.

— «просторечными или областными».[1] Академическая грамматика авторитетно решает эти споры, приводя ряд форм на *-а́*, *-я́*, которые «не следует поддерживать в письме и произношении», напр. *аптека́ря́*, *библиоте́ка́ря́*, *инжене́ра́*, *ме́сяца́*, *порта́*, *циркуля́* (стр. 149), а также *договора́* или *приговора́* (вместо *догово́бры*, *приго́воры*), которые «не являются литературными» (стр. 150).

Оставляя в стороне случаи двойного употребления форм множ. числа (на *-ы//-и* и на *-а́*), отмеченные выше (стр. 78—80), приведём те случаи, которые можно без колебания отнести к литературной норме. Эти случаи удобно будет разбить на три группы:

а) Существительные, обозначающие прежде всего парные предметы, напр. *глаза́*. Здесь окончание *-а́* восходит генетически к древнему окончанию имен.-вин. падежа двойственного числа. После утраты русским языком категории двойственного числа, формы типа *глаза́* стали восприниматься как формы множественного числа. Сюда же относятся: *берега́*, *бока́*, *глаза́*, *жернова́*, *обшлага́* »manžety«, *окорока́* (от. слова *бо́корок* »šunka«), *рога́*.

б) Существительные с предметным значением: *адреса́*, *борта́*, *бункера́*, *бурава́*, *буфера́*, *веера́*, *века́*, *вечера́*, *дома́*, *голоса́*, *города́*, *желоба́* (к *жёлоб*), *жемчуга́*, *катера́* »motorové lode«, *колокола́* »zvony«, *корма́* »krmoviny« (ср. *Институт кормо́в*), *корпуса́*, *крейсера́*, *купола́*, *леса́*, *луга́*, *меха́*, *невода́* »siete«, *номера́*, *ордена́*, *ордера́*, *острова́*, *паруса́*, *паспорта́*, *перепела́* (к *пе́репел*), *погреба́*, *поезда́*, *пояса́*, *про́вода́* »vedenia«, *сектора́*, *снега́*, *сорта́*, *стога́*, *тетерева́*, *терема́*, *тока́* »miesto mlátenia«, *тома́* »zväzky«, *тона́* »tóny«, *тормоза́* »brzdy«, *хлеба́*, *холода́*, *цвета́* (к *цвет* »farba«; *цветы́* — »kvety«), *шелка́*, *шомпола́*, *ястреба́*.

К этому списку можно прибавить слова, приводимые акад. А. А. Шахматовым, но в современном языке малоупотребительные: *борова́*, *ворона́*, *короба́*, *полога́* и даже *ветера́*. Несомненно просторечными следует признать формы *волоса́*, *воза́*, *возраста́*, *раза́*, также приводимые акад. Шахматовым.

В современном разговорном языке встречаются формы типа *джемпера́*, *примуса́*, *свитера́*, *прожектора́*, которые, по-видимому, не вошли в литературную норму.[2]

---

[1] С. П. Обнорский: Культура русского языка. Академия наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 26—28.

[2] Интересно отметить ещё одно расхождение в оценке этого весьма продуктивного окончания. Акад. С. П. Обнорский считает слово *сектора́* относящимся к «профессиональной» лексике, а «литературно нормализованной» предлагает считать только форму *се́кторы*. (Культура русского языка, стр. 27.) С другой стороны, в «Постановлении Президиума Академии наук СССР от 26 июля 1950 г.» мы читаем именно форму *сектора́* (ср. Изв. АН СССР, ОЛЯ т. IX, вып. 1, стр. 81—84).

Очевидно, форма *сектора́* авторами упомянутого «Постановления» рассматривается

в) Названия профессий, бóльшей частью иноязычного происхождения, оканчивающиеся на слог *-ор* или *-ер*: *директорá* (встречается и *дирéкторы*), *докторá*, *инспекторá*, *кондукторá*, *кучерá*, *мастерá*, *профессорá*, *ректорá*, *шкиперá*, этнографический термин *шáфер — шаферá* »družba«, *юнкерá;* сюда же следует отнести слова *сторожá*, и доревол. *приставá* к *прúстав* »okresný policajný šéf«.

Далеко не все названия профессий на *-ор* образуют множ. число на *-á*. Слова как *ревизóр*, *архитéктор*, *администрáтор*, *инициáтор*, *гладиáтор* и мн. др. знают лишь формы на *-ы* неударяемое: *ревизóры*, *архитéкторы*, *инициáторы* и т. д.

Явно нелитературными следует признать: *авторá* (вм. *áторы*), *бухгалтерá* (вм. *бухгáлтеры*), *шоферá* (вм. *шофёры*), *офицерá* (вм. *офицéры*), *транспортá* (вм. *трáнспорты*); ср. фронтовое слово *мессерá* «немецкие самолёты системы Мессершмидт». Явно просторечной является также форма *конюхá* («Новый мир», 1947, т. 6, стр. 139), профессиональное *клеверá* »ďatelina« (Г. Николаева «Жатва», 1951).

Влияние профессионального языка сказывается особенно наглядно у слов, относящихся к морскому и военному делу: *боцманá*, *лоцманá*, *парусá*, *катерá*, *лихтерá*, *крейсерá*, *мичманá*, *шкиперá*, *флагманá* и др.

В ряде трудов, посвящённых культуре русского языка, в качестве примеров неправильного, нелитературного употребления окончания *-á* в именит. множ. числа приводятся такие слова, как *договорá*, *примусá*, *джемперá* и т. п. Все эти слова имеют в именит. падеже единств. числа ударение на первом слоге: ср. *прúмус*, *джéмпер*. На первом же слоге имеют окончания и те слова, которые в литературном языке образуют форму множ. числа на *-á*: *бóрод*, *бóлос*, *пáрус*, *пóяс*, *бóрдер*, *бстров*, *пóгреб*, *прóвод* и др. Следовательно, просторечные фóрмы *договорá*, *шоферá* предполагают форму именит. падежа единств. числа *дóговор*, *шóфер*, вм. литературного *договóр*, *шофёр*. В просторечии и в современном разговорном языке можно отметить тенденцию к образованию форм на *-á* двухсложных существительных с ударением на первом слоге, типа *гóрод*. Отсюда: *трáнспорт — транспортá*, *кóнюх — конюхá* и т. п.

Окончание *-я́* в именительном падеже множественного числа

Существительные, образующие именительный падеж множественного числа на *-я*, относятся в русском языке только к «мягким» основам. Чисто литературные формы, входящие в эту группу, немногочисленны: *вéксель — векселя́* »zmenka«, *край — края́ — краёв*, *крéндель — кренделя́ — кренделéй* »praclík«, *лéкарь — лекаря́ — лекарéй*, *тóполь — тополя́ — тополéй*,

---

как вполне литературная. Точно так же вполне литературными являются формы *токá*, *кормá*, хотя они без всякого сомнения попали в литературный язык из сельскохозяйственного профессионального языка.

учи́тель — учителя́ — учителе́й, *фли́гель — флигеля́ — флигеле́й* »prístavok, »krídlo domu«, *ште́мпель — штемпеля́ — штемпеле́й* »pečiatka«, *я́корь — якоря́ — якоре́й* »kotva«.

Во всех случаях ударение лежит на окончании.

К профессиональным языкам и просторечию можно отнести следующие формы: «дизеля́» вместо *ди́зели* »dieselový motor«, «неделя́» вместо *не́дели* и уже упомянутые *аптекаря́*, *библиотекаря́*, *циркуля́*.

Окончание -*ья́* ударяемое в именительном падеже множественного числа

В эту группу входит несколько слов со значением лица. Во всех случаях окончание родительного падежа множественного числа -ей: *друзья́ — друзе́й* (к *друг*), *дя́дья́* (к *дя́дя* и *дя́дька*), *князья́ — князе́й*, *мужья́ — мужи́й* (в значении «супруг»), *кумовья́* »kmotrovia«, *сыновья́ — сыновей*, *шурья́* (к *шу́рин* »švagor, ženin brat«), *сватья́*, *зятья́*.

Окончание -*ья* безударное в именительном падеже множественного числа

Эта непродуктивная группа охватывает лишь несколько существительных. В отличие от предшествующей группы слов родительный падеж множественного числа образуется здесь на -**ьев**: *бра́тья — бра́тьев*, *бру́сья — бру́сьев*, *кли́нья*, *кло́чья* (к *клок* »chumáč«), *крю́чья* (к *крюк* »hák«), *коло́сья — коло́сьев*, *ко́лья — ко́льев*, *ли́стья — ли́стьев*, *обо́дья — обо́дьев* (к *обод* »obruč [kolesa]«), *полозья — полозьев* (к *полоз* »vlačuha«), *пру́тья — пру́тьев*, *повóдья — повóдьев* »ograty«, *стру́пья — стру́пьев*, *сту́лья — сту́льев*, *су́чья — су́чьев* (к *сук* »uzol, haluz«), *у́голья*.

В ряде случаев форма именительного падежа множественного числа на -**ья** бузударное употребляется наряду с формой на -*ы* или -*и*, причём разными окончаниями отличаются либо два разных значения того же слова, либо омонимы: ср. *зу́бы ~ зу́бья* (зубчатого колеса), *ка́мни ~ ка́мешья* (в собирательном значении), *во́лосы ~ волóсья* в значении »chlpy«, *ко́рни ~ ко́решья* (напр. морко́вь, сельдере́й, петру́шка) и некоторые другие.

Окончание -*и* в именительном падеже множественного числа «твёрдых» основ

Сюда относятся в русском литературном языке два существительных: *че́рти — черте́й* (к *че́рт*) и *сосе́ди — сосе́дей* (к *сосе́д*). Это единственные остатки старого окончания -*i*, свойственного основам на *-*o* в древнем языке, сохранившего, однако, продуктивность в чешском и словацком языках: ср. *študenti*, *profesori*, *lekári*, *piloti*.

Формы родительного падежа множественного числа

В словацком языке единственным продуктивным окончанием род. падежа множ. числа мужского рода является окончание *-ov*, чешское *-ů*. Перебои типа *hosťov* и *hostí (hostů ~ hostí)* весьма редки. Окончание *-ov* перенесено и на «мягкие» основы, ср. *nožov*, *strojov*, *priateľov*, но чеш. *přátel*.

В русском языке продуктивными окончаниями род. падежа множ. числа являются окончания *-ов*, *-ёв*, *-ев* и *-ей*.

Окончание -ов свойственно всем существительным мужского рода первого склонения с основой на твёрдый согласный за исключением шипящих: *столо́в*, *наро́дов*, *офице́ров*, *студе́нтов*, *берего́в* и т. д. Такое же окончание имеют существительные муж. рода с основой на *-ц* при условии, что ударение падает на окончание: *оте́ц — отца́ — отцо́в*, *коне́ц — конца́ — концо́в*, *мудре́ц — мудреца́ — мудрецо́в*.

Окончание -ёв характерно для муж. существительных с основой на *-j* и с ударением на окончании: *край (kraj) — края́ — краёв*, *бой (boj) — бо́й — боёв*, *воробе́й (воробе́j) — воробьи́ (воробjи́) — воробьёв*, *мураве́й — муравьи́ — муравьёв*, *солове́й — соловьи́ — соловьёв*.

Окончание -ев свойственно существительным муж. рода с основой на *-ц* и на *-j* с постоянным ударением на основе: *ме́сяц — ме́сяцев*, *не́мец — не́мцев*, *ву́зовец — ву́зовцев*; *трамва́ев*, *пролета́риев*. Следует отметить, что в произношении *-ев* звучит как [əf]: *ме́сяцев* [mʲe·ś‍ɪcəf], *трамва́ев* [tram-vá·jəf].

Окончание -ей свойственно существительным муж. рода с основой на мягкую согласную (кроме *-j*) или на шипящую *ж*, *ч*, *ш*, *щ*: *конь — коне́й*, *фона́рь — фонаре́й*, *секрета́рь — секретаре́й*, *ло́сось — ло́сосей*, *гвоздь — гвозде́й*, *гость — госте́й*; *нож — ножей́*, *ключ — ключе́й*, *каранда́ш — каранда́ше́й*, *това́рищ — това́рищей*.

Непродуктивной формой родительного падежа множ. числа существительных муж. рода является форма с нулевым окончанием. В словацком и чешском языках такие формы исключительно редки, ср. слов. *mnoho ráz*, чеш. *přátel*, *obyvatel* «жителей». В русском языке такие формы встречаются обычно в соединении с числительным или с обозначением количества:

а) у некоторых названий меры и веса: *арши́н (пять арши́н)*, *вольт (две́сти вольт)*, *грамм (сто грамм)*, *килогра́мм*, стари́нное *алты́н* «три копейки» *(пять алты́н* — 15 коп.);

б) у некоторых названий военных: *солда́т (мно́го солда́т, полк солда́т)*, *гуса́р*, *драгу́н*, *гренаде́р (эскадро́н драгу́н)*, новое *партиза́н (отря́д партиза́н)*;

в) у некоторых названий народов, очевидно под влиянием форм роди-

тельного падежа множественного числа существительных типа *англича́не — англича́н: болга́ры — болга́р, грузи́ны — грузи́н, осети́ны — осети́н, башки́ры — башки́р, румы́ны — румы́н, ту́рки — ту́рок;*

г) у некоторых «парных» предметов: *глаз (без глаз), гла́зки — гла́зок* »očičko«, *сапо́г (па́ра сапо́г), чуло́к (па́ра чуло́к)*, но: *па́ра носко́в* (к *носо́к* »ponožka«).

Форма родительного падежа множественного числа *рог* сохранилась лишь в пословице: *Бодли́вой коро́ве бог рог не даёт;*

д) у изолированных слов *раз (мно́го раз, не́сколько раз), волос* (при именительном падеже единственного числа *во́лос*), *челове́к*, но только после числительных: *пять челове́к, сто челове́к, не́сколько челове́к* »niekoľko ľudí«, но: »mnoho ľudí« — *мно́го наро́ду;*

е) формы *апельси́н, баклажа́н, помидо́р* признаются Академической грамматикой нелитературными, хотя напр. «Книга о вкусной и здоровой пище», изданная Институтом пищевой промышленности СССР (1952), последовательно пишет *икра́ из баклажа́н* (стр. 62);

ж) в цитатах из старославянского или древнерусского языка: *благорастворе́ние возду́х* (при имен. единств. числа *во́здух*), *путь из варя́г в гре́ки* и т. п. Ср.

И гад морски́х подво́дный ход

(А. С. Пушкин: Пророк).

Беглые гласные *о, е, ё*

Во всех славянских языках некоторые основы или суффиксы, содержащие гласный, чередуются при определённых условиях с формами, где эти гласные отсутствуют, ср. словац. *deň — dňa, klin-ec — klin-c-a.* Эта фонетическая особенность сказывается в склонении мужских имён существительных в том, что в именительном (винительном) падеже един. числа (т. е. перед «нулевым» окончанием) имеется вокализованная форма *(день, сон, горшо́к)*, во всех остальных падежах — усечённая, невокализованная форма *(дня, дню, днём..., сна, горшка́)*. Гласные, появляющиеся в одних формах и исчезающие в других, называются беглыми гласными. В русском языке это могут быть *о, е* или *ё*.

Основы с беглыми гласными в русском языке немногочисленны: *ве́тер — ве́тра, дёготь — дёгтя, день — дня, за́мок — за́мка* »zámok, hrad«, *замо́к — замка́* »zámok na dvere«, *ка́мень — ка́мня, козёл — козла́, котёл — котла́, ко́рень — ко́рня, ко́готь — ко́гтя* »pazúr«, *костёр — костра́* »vatra«, *кремéнь — кремня́, ла́поть — ла́птя, лев — льва (Лев — Льва), лёд — льда* »ľad«, *лён — льна* »ľan«, *лоб — лба, ло́коть — ло́ктя, мох — мха* »mach«, *но́готь — но́гтя, овёс — овса́, орёл — орла́, ого́нь — огня́, осёл — осла́,*

пень — пня, пёс — пса, посо́л — посла́, ремёнь — ремня́, ров — рва, рот — рта, у́гол — угла́, у́голь — у́гля, у́зел — узла́, шатёр — шатра́ и др. С точки зрения современного языка бессуффиксными, непроизводными основами с беглым гласным являются также слова типа *отёц — отца́, конёц — конца́, песо́к — песка́, пе́рец — пе́рца, потоло́к — потолка́* и мн. др.

Особенно следует выделить те существительные, которые в русском языке имеют беглый гласный, а в слов. и чеш. языках сохраняют основу без изменений во всех падежах. Это слова *ка́мень — ка́мня, ко́рень — ко́рня, ремёнь — ремня́, кремёнь — кремня́*, а также *лёд — льда, лён — льна, мох — мха*, при слов. *kameňa, koreňa, remeňa, kremeňa, ľadu, ľanu, machu.*

Беглые гласные отсутствуют в русском и чешском языках у слов иностранного происхождения типа *метр*, чеш. *metr*, словац. *meter, metra, тигр*, чеш. *tigr*, словац. *tiger, tigra, мини́стр*, чеш. *ministr*, словац. *minister — ministra* и т. п.

Словацкие и чешские существительные, оканчивающиеся на *-ek, -ec, -er, -el*, в русском языке при склонении сохраняют гласный последнего слога. Особенно наглядно это выражается у имён собственных типа *Nosek, Кирес.* В русском языке имеем формы: *у мини́стра Носека, от тов. Купеца, под руково́дством тов. Фирлингера* и т. п. Ср. также *Ге́гель — Ге́геля* при слов. *Hegel — Hegla* и *Hegela.*

Беглые гласные имеются в склонении существительных *ручёй — ручья́* »potok«, *соловёй — соловья́, муравёй — муравья́* »mravec« и *воробёй — воробья́.*

У существительных с основой на *-j* гласный *-е-* чередуется в графике с *-й-*: *китаец (китај-ец) — китайца, красноармеец (красноармеј-ец) — красноармейца, бельгиец (бельгиј-ец) — бельгийца, партиец — партийца.* На самом деле здесь чередование *-е/Ø.*

Суффикс *-ец* сохраняется в неизменённом виде во всех падежах, если основа кончается на группу согласных: *мертв-ец — мертвеца́, кузн-ец — кузнеца́, бегл-ец — беглеца́, близн-ец — близнеца́* »dvojča«. Ср., однако, *истец — истца́* »žalobca«, архаич. *а́гнец — а́гнца.*

Акцентологические типы

Морфологическая характеристика имён существительных в русском языке не ограничивается указанием всех падежных окончаний. Чтобы правильно пользоваться словом, необходимо усвоить его акцентологические особенности.

Акцентология современного русского языка исторически обусловлена сложными акцентологическими процессами, протекавшими в более от-

далённые периоды развития языка. С точки зрения современного языка, принадлежность данного слова к тому или иному акцентологическому типу бóльшею частью немотивирована. Правда, у слов производных, т. е. образованных при помощи живых продуктивных суффиксов, акцентологические особенности связаны с законами словообразования и суффиксации, но и здесь не всегда удаётся проследить взаимообусловленность между местом ударения и приёмами деривации. В настоящей главе будут поэтому выдвинуты лишь наиболее типичные факты.

Ударение в системе русского склонения имён существительных может быть постоянным, т. е. сохраняться во всех падежах на том же слоге *(завóд, завóда, завóду..., завóды, завóдов, завóдами...)*, или подвижным, причём можно различать несколько типов подвижного ударения. Все акцентологические разновидности в пределах мужских имён существительных первого склонения сводятся к пяти акцентологическим типам.

1. Слова с постоянным ударением типа *завóд*. Подавляющее большинство всех существительных муж. рода относится именно к этому типу. Сюда входят слова непроизводные как *барáн, стул, нарóд, союз, закóн*, подавляющее большинство производных *(начáльник, грóхот, зáработок, отдéл, подокóнник)*, почти все заимствования *(чемодáн, билéт, магазúн, трамвáй)*, почти все имена собственные *(Волгогрáд, Дунáй, Иван, Николáй, Бетхóвен)*. Это основной продуктивный акцентологический тип в пределах существительных мужского рода.

2. Слова типа *стол — столá* с подвижным ударением, падающим в именительном (винительном) падеже един.-числа на основу, во всех остальных падежах на окончание.

Ед. ч.	Мн. ч.
стол	столы́
столá	столóв
столу́	столáм
стол	столы́
столóм	столáми
о столé	о столáх

К этому типу относится немало слов непроизводных: *бык — быкá, вол — волá, вождь — вождя́, врач — врачá, гриб, гроб, двор, дождь, ёж, калáч, камы́ш, карандáш, котёл — котлá, кот, корóбль, ксёндз — ксендзá, куст, лист, луч, меч, мяч, нож, падéж, Пётр — Петрá, пирóг, рубль, рукáв, сапóг, серп, скот, слон, табáк, творóг, топóр, труд, хвост, чердáк, чулóк, шип, щит* и мн. др.

К этому акцентологическому типу относятся существительные, образо-

ванные при помощи известных суффиксов, а также существительные, основа которых кончается на определённое звукосочетание.

Из суффиксальных образований следует выделить:

-е́ц: *певе́ц — певца́*, *купе́ц — купца́*, *глупе́ц — глупца́*, *храбре́ц — храбреца́*, *горде́ц* и многие другие. К этим словам примыкают существительные, в которых слог *-е́ц*, с точки зрения современного языка, уже не является суффиксом, а относится к основе: *оте́ц — отца́*, *коне́ц — конца́*, *песе́ц — песца́* »polárna líška«.

-и́к: *учени́к — ученика́*, *грузови́к — грузовика́*, *большеви́к — большевика́*, *стари́к*, *двойни́к* и др.;

-а́к: *рыба́к — рыбака́*, *чуда́к*, *дура́к*, а также слова на *-а́к*, в которых этот слог относится к основе: *таба́к — табака́*, *каза́к — казака́*, *башма́к — башмака́* и др.;

-я́к: *земля́к — земляка́*, *бедня́к*, *черня́к*, *середня́к*, *поля́к*, а также слова на *-я́к* непроизводные, как *коня́к*, *мышья́к* »arzén« и др.;

-о́к: *воротничо́к — воротничка́*, *табачо́к*, *жучо́к*, *бело́к*, *желто́к*, *котело́к*, *звоно́к*, *рожо́к*, а также слова на *-о́к* непроизводные, как *песо́к*, *кусо́к*, *чуло́к*, *потоло́к* и др.;

-ёк: *огонёк — огонька́*, *паренёк — паренька́*, *зверёк — зверька́*, *паёк —пайка́* и др.;

-у́н: *хвасту́н — хвастуна́*, *шалу́н* »nezbedník«, *бегу́н*, *болту́н* »táradlo«, *колду́н* »čarodejník« и др.;

-у́х: *нету́х — нетуха́*, *насту́х — пастуха́*;

-а́ч: *борода́ч — бородача́*, *скрипа́ч* »huslista«, *цирка́ч*, *сила́ч*, *труба́ч*, а также многие непроизводные на *-а́ч*: *пала́ч* »kat«, *кала́ч* »koláč« и др.;

-и́ч: *Ильи́ч — Ильича́*, непроизводные *кирпи́ч — кирпича́*, *паралич — паралича́* »paralýza«.

Многие непроизводные и заимствованные слова входят в этот акцентологический тип в силу своего фонетического оформления. Сюда относятся слова на *-ы́к (язы́к, башлы́к, шашлы́к, ярлы́к, балы́к)*, на *-у́к (сунду́к, каблу́к, сюрту́к, пау́к)*, на *-ю́к*: *(инду́к)*, на *-ы́ш* (*малы́ш, крепы́ш* — производные от *ма́лый, кре́пкий*; *камы́ш* — непроизводное) и мн. др.

Слова иностранного происхождения на *-а́ж* только частично относятся к разбираемому акцентологическому типу. У слов на *-а́ж* следует различать те случаи, где *-аж* является продуктивным суффиксом, от тех случаев, где, с точки зрения современного языка, слог *-аж* неотделим от основы. К первому типу относятся слова, как *метра́ж, литра́ж, инструкта́ж, типа́ж*; эти слова имеют постоянное ударение на основе: *метра́жа, литра́жа, инструкта́жа.* Во втором случае ударение подвижное: *эта́ж — этажа́*, *бага́ж — багажа́*, *фура́ж — фуража́*. В литературном языке не все слова на *-а́ж*, воспринимаемые как слова уже непроизводные, имеют по-

движное ударение. Так напр. слово *гара́ж* или *тира́ж* в литературном языке сохраняет ударение на основе, ср. *гара́жа*, *тира́жа* (Толк. словарь Ушакова). Живой разговорной язык, однако, даёт предпочтение формам *гаража́*, *тиража́*. С постоянным ударением склоняются также слова *экипа́ж — экипа́жа*, *плюма́ж*, *арбитра́ж*, *вернисса́ж* и некоторые другие, хотя здесь *-аж* с точки зрения русского языка не является суффиксом. У слов на *-а́ж* можно, следовательно, говорить лишь об известной тенденции к сохранению ударения на основе у существительных производных (тип *метра́ж — метра́жа*) и к подвижному ударению у существительных непроизводных (тип *гара́ж — гаража́*, *эта́ж — этажа́*).

Что касается продуктивности этого акцентологического типа, то она в значительной степени ограничена. В прошлом немало слов иноязычного происхождения, вошедших в русский язык, примкнуло в этому типу, ср. тюркские заимствования *башлы́к* »kapucňa«, *шашлы́к* »baranina na ražni«, *ярлы́к*, западные заимствования типа *пост* (напр. *стоя́ть на посту́* может быть под влиянием русского слова *пост — поста́* »pôst«), французское *эта́ж*, *бага́ж*, немецкое *мундшту́к*, новейшее заимствование *кауч у́к — каучука́*, сложносокращённое слово *политру́к — политрука́* и др. Однако этот акцентологический тип продуктивен лишь в пределах определённых словообразовательных суффиксов или обусловлен определённой фонетической характеристикой слов (напр. наличием ударяемого слога *-у́к* в конце: *сунду́к*, *каблу́к* и др.).

3. Слова с последовательным ударением на основе в единственном числе (за исключением предложного после предлогов *в*, *во* и *на*) и с переносом ударения на окончание во множественном числе типа *нос — но́са — носы́ — носо́в:*

Ед. ч.	Мн. ч.
нос	носы́
но́са	носо́в
но́су	носа́м
нос	носы́
но́сом	носа́ми
о но́се	о носа́х
(на носу́)	

К этому акцентологическому типу относятся следующие существительные[1]: *альт* (мн. ч. *альты́*), *бал*, *бас*, *бой* (мн. ч. *бои́*), *борт*, *бунт*, *вал*, *верх*, *воз*, *год* (*года́* и *го́ды*), *гроб*, *долг*, *жир*, *зад*, *круг*, *лад*, *мир*, *мозг*, *мост*, *низ*,

[1] Здесь и в дальнейшем использован акцентологический материал, приведённый в статье V. Oktábec: Pohyblivý přízvuk podstatných jmen ve spisovné ruštině. Ruský jazyk, roč. II, č. 1, 1951/52, 17—20.

нос, *пан*, *пар*, *пир*, *плуг*, *пол* в значении »podlaha«, *полк*, *порт*, *пост*, *приз*, *пруд* »rybník«, *пуд*, *раз*, *рой*, *ряд*, *сад*, *слой*, *строй*, *суп*, *сыр*, *таз*, *ток* »holohumnica«, *тыл*, *у́гол*, *торг*, *ус*, *фронт*[1], *чай*, *час*, *чин*, *чуб*, *шаг*, *шар* и *шкаф*. Все существительные, входящие в эту группу, отличаются с формальной точки зрения односложностью (за исключением слова *у́гол*, где *-о-* вторичного происхождения, ср. др.-русское *углъ*). Почти все эти слова образуют в предложном падеже, в сочетании с предлогами *в*, *во* и *на*, формы на *-у́* или *-ю́*.

Вторая группа существительных, входящих в этот акцентологический тип, полностью совпадает с группой существительных мужского рода, образующих множ. число на *-а́*, *-я́* или *-ья́* ударяемое: ср. *бе́рег — берега́*, *глаз — глаза́*, *го́лос — голоса́*, *хо́лод — холода́*, *дом — дома́*, *жёлоб — желоба́*, *учи́тель — учителя́*, *друг — друзья́*, *князь — князья́* (списки на стр. 124 до 126).

4. Слова с последовательным ударением на основе в единственном числе, а также в имен.-вин. падеже множ. числа, и с переносом ударения на окончание во всех остальных падежах множ. числа типа *волк — во́лка — во́лки — волко́в:*

Ед. ч.	Мн. ч.
волк	во́лки
во́лка	волко́в
во́лку	волка́м
во́лка	волко́в
во́лком	волка́ми
о во́лке	о волка́х

Сюда относятся следующие существительные: *бог (бо́ги — богов)*, *ве́тер (ве́тра — ве́тры — ветро́в)*, *во́лос (во́лосы — воло́с — волоса́м)*, *вор*, *гость*, *голубь*, *гром*, *гусь*, *жёлудь* (мн. ч. *жёлуди — желуде́й)*, *зверь*, *зуб*, *ка́мень* (мн. ч. *ка́мни — камне́й*), *ко́готь* (мн. ч. *ко́гти — когте́й*), *кбзырь* »trumf«, *ко́рень* (мн. ч. *ко́рни — корне́й*), *ла́поть* (мн. ч. *ла́пти — лапте́й*), *ло́коть* (мн. ч. *ло́кти — локте́й*), *ле́бедь* (мн. ч. *ле́беди — лебеде́й*), *ло́сось*, *лось*, *медве́дь*, *но́готь* (мн. ч. *но́гти — ногте́й*), *бкунь*, *пол* в значении »pohlavie«, *па́рень*, *слог* »slabika«, *со́боль*, *сте́бель* (мн. ч. *сте́бли — стебле́й*), *трю́фель*, *хлеб* (мн. ч. *хле́бы — хлебо́в*), *че́рт* (мн. ч. *че́рти — черте́й*), *у́голь*.

Как видно, всё это корневые слова, относящиеся в подавляющем своём большинстве (за исключением слов как *трю́фель*, *кбзырь*) к основному словарному фонду русского языка.

---

[1] В Толк. словаре Ушакова, однако, с постоянным ударением: *фронт*, мн. ч. *фро́нты*.

5. Несколько изолированных слов с подвижным ударением типа *конь — коня́ — ко́ни — коне́й:*

Ед. ч.	Мн. ч.
конь	ко́ни
коня́	коне́й
коню́	коня́м
коня́	коне́й
конём	коня́ми
о коне́	о коня́х

Сюда относятся слова: *гвоздь* »klinec«, *груздь* »druh huby« и книж. *червь*.

Оттяжка ударения на предлог

В словацком языке сочетания существительных с предлогами (преимущественно с так называемыми первичными предлогами) образуют, как правило, цельную экспираторную единицу, причём ударение падает на предлог: do *rána*, pred *domom*, od *brata*. В русском языке ударение остаётся на существительном, а предлоги трактуются как проклитические элементы, лишённые самостоятельного ударения[1], ср. *до утра́*, *перед до́мом*, *от бра́та* и т. п. Лишь в редких случаях сочетания предлога с именем существительным или числительным имеет место оттяжка ударения на предлог: *до́ дому*, *и́з лесу*, *за́ руку*, *по́ два* и т. п. В таких сочетаниях имя существительное или числительное оказываются в безударном положении. Естественно, что такое акцентологическое целое («экспираторная единица») тяготеет к универбизации. Целый ряд современных наречий восходит именно к старым предложным сочетаниям с ударением на предлоге, ср. *до́верху* (из *до́ верху*), *за́муж* (из *за́ муж*) и т. п. Большинство предложных сочетаний существительных с оттяжкой ударения на предлог обнаруживает в современном русском языке явную тенденцию к адвербиализации. Так, например, в сочетании *на́ дом* (»взять рабо́ту на́ дом«) первичное значение существительного «дом» (т. е. «жилое здание») утрачивается, а сочетание в целом равнозначно с наречием «домой». Семантические сдвиги, имеющие место в предложных сочетаниях с оттяжкой ударения на предлог, особенно наглядно вскрываются при сопоставлении с словацким материалом: выражение *до́_смерти* в таких сочетаниях, как *испуга́ться до́_смерти*, *изби́ть кого-либо до_смерти* соответствует словацкому »na smrť«, в то время как в свободном сочетании *до сме́рти*, напр. *он до сме́рти оста́лся ве́рным*

[1] A. V. Isačenko: Fonetika spisovnej ruštiny, § 134, str. 208.

свои́м идеа́лам, где выражено объектное отношение, мы имеем в словацком языке предложное сочетание »do smrti«. Ср. *жить за́_городом* »žiť v predmestí«, и *за го́родом начина́лась степь* »za mestom sa začínala step«.

Оттяжка ударения на предлог — явление непродуктивное в русском языке. Около 25 существительных мужского рода, преимущественно односложных, относящихся к третьему, четвёртому и пятому акцентологическим типам, образуют более или менее устойчивые сочетания с оттяжкой ударения на предлог, причём в «свободных» сочетаниях ударение остаётся на существительном. Вот список этих существительных[1]:

бе́рег: в полуадвербиальном сочетании *вы́йти на́_берег* имеется оттяжка ударения на предлог, в свободном (объектном) сочетании ударение остаётся на существительном: *смотре́ть на бе́рег.*

бок: в устойчивых сочетаниях *по́д_боком* »pod nosom, na dosah ruky«, *лечь (ложи́ться) на́_бок, сража́ться бок о́_бок с кем-либо* »bojovať po boku niekoho«. В выражении, употребляющемся в качестве сказуемого: *уче́нье по́_боку и гуля́ть!* »štúdium k čertu a zabávať sa!«;

борт: борт о́_борт. Существительное *борт* является исконным словом русского языка. Это заимствование из фр. *le bord.* Форма *борт о́ борт* образована по образцу *бок о́_бок;*

ве́тер: в устойчивых выражениях *броса́ть слова́ на́_ветер, пусти́ть по́_ветру, за́_ветром;*

ве́чер: в адвербиальном сочетании *по́д_вечер*; ср. словац. *pod večer;*

во́лос: в сочетании *за́_волосы* (драть, таска́ть, тяну́ть);

год: в сочетаниях *на́_год* (уе́хать куда́-либо); *за́ год* (вы́учиться чему́-либо); в устойчивом адвербиальном выражении *и́з_году в год;*

го́род: в устойчивых выражениях *жить за́_городом* »žiť v predmestí« (не: »žiť za mestom«!); *уе́хать за́_город* »zájsť si do prírody« (не: »za mesto«!);

двор: по́_двору (ходи́ть, бе́гать); в остальных сочетаниях ударение остаётся на существительном: *пойти́ на дво́р;*

дом: до́_дому (дойти́, добра́ться); *и́з_дому* (вы́йти, получи́ть письмо́); *по́_дому* (ходи́ть, броди́ть), *на́_дом* (брать рабо́ту);

зуб: в устойчивых выражениях *зуб на́_зуб не попада́ет* (от хо́лода) »zuby (mu) drkocú (od zimy)«. Ср. архаич. *о́ко за о́ко, зуб за́_зуб;*

кол: только в выражении *посади́ть кого́-либо на́_кол* »napichnúť niekoho na kôl«;

конь: только в военной команде *на́_конь*, ср. древнечешское *na kůň*;

лес: и́з_лесу (выйти, вы́бежать); *по́_лесу* (ходи́ть, броди́ть), *до́ лесу* (дойти́);

---

[1] A. V. Isačenko: O prechode prízvuku na predložky v ruštine. Ruský jazyk, roč. II, 1951/52, č. 4, str. 101—106.

форма *и́з_лесу* стоит на границе между свободным соединением и адвербиальным выражением, ср. стр. 118—119;

мир: по́_миру (ходи́ть, скита́ться); *пусти́ть кого́-либо по́_миру* »priviesť niekoho na žobrácku palicu«;

мост: у авторов первой половины XIX века встречается сочетание *на́_мост*, ср.:

Чем на́_мост нам ходи́ть,
Пойдем лу́чше бро́ду.

(Крылов.)

В современном языке оттяжка ударения отсутствует: *на мо́ст.*

нос: води́ть кого-либо за́_нос (в переносном смысле); *уда́рить кого-либо по́_носу*; *у меня́ кровь и́з_носу идёт.*

пол: в сочетаниях *на́_пол, до́_полу, по́_полу*; слово *пол* здесь не обозначает »dlážka«, а только »zem«, ср. *валя́ться по́-полу* »váľať sa po zemi«, *шу́ба до́_полу* »bunda až po zem«.

по́яс: держа́ть за́_пояс или *за по́яс.*

рот: только в сочетании *и́зо рта* или *и́зо рту.*

смех: подня́ть кого́-либо на́_смех »vysmiať niekoho«, *э́то ку́рам на́_смех* »to je smiešne!«, *пры́снуть со́_смеху* »puknúť od smiechu«.

снег: по́_снегу (ходить, бе́гать).

стол: уда́рить кулако́м по́_столу.

у́гол: заверну́ть за́_угол.

час: только в выражении *час о́т часу не ле́гче!* »ešte aj toto!, to nám ešte chýbalo!«.

В ряде случаев предложные сочетания успели полностью адвербиализироваться: *за́муж, о́троду, бе́столку, до́верху, до́низу* и т. п.

Как видно, оттяжка ударения на предлог в русском языке представляет собою в значительной степени «лексикализованное» явление.

Реликты старославянского склонения

Два слова, относящихся к церковной сфере, сохранили в литературном языке некоторые особенности старославянского склонения. Существительное *госпо́дь* образует падежные формы от твёрдой основы: *го́спода, го́споду, го́спода, го́сподом, о го́споде.* Старая форма звательного падежа *го́споди* перешла в разряд междометий. Вторым случаем сохранения старославянской флексии является имя *Христо́с*, отбрасывающее в падежных формах греческий номинативный суффикс *-ос*: *Христа́, Христу́, Христо́м, о Христе́.* Необходимо напомнить, что греческие и латинские суффиксы номинатива *-ос, -ус, -ум*, как правило, сохраняются в склонении заимствованных слов: *прези́диума, ло́гос — ло́госа* (гр. *λόγος*), *генерали́ссимуса* и т. п.

ПЕРВОЕ СКЛОНЕНИЕ (СРЕДНИЙ РОД)

К первому склонению среднего рода относятся существительные на *-о, -е, -ё (госуда́рство, жили́ще, ружьё)*, а также существи́тельные на *-ие* и *-ье (жела́ние, ку́шанье, пла́тье)*.

При выборе парадигмы и здесь следует учитывать степень продуктивности отдельных типов склонения, а также акцентологию слов-образцов. Обыкновенно в качестве парадигмы данного типа склонения фигурируют существительные *село́* или *окно́*[1]. Именно у этих существительных наблюдается ряд неправильностей: во-первых, здесь имеются акцентологические особенности *(село́ — сёла, окно́ — о́кна)*, а во-вторых, здесь налицо и другие фонетические и морфологические отклонения: переход *е* в *ё (село́ — сёла)*, двойная форма родительного падежа множественного числа *(о́кон* и *окон)*. В настоящей работе в качестве слова-образца для «твёрдого» типа склонения приводится существительное *госуда́рство*, не обнаруживающее никаких неправильностей и образованное при помощи наиболее продуктивного суффикса данного класса *-ство* с постоянным ударением на основе.

В качестве парадигмы «мягкого» склонения обыкновенно приводится существительное *по́ле*. Но по образцу *по́ле* в русском языке склоняются всего два существительных *мо́ре* и *го́ре* (последнее только в единственном числе). Даём предпочтение существительному *жили́ще*, хотя суффикс *-ище* в современном языке непродуктивен, но всё же слов с этим суффиксом гораздо больше (*пожа́рище, убе́жище, учи́лище* и др.).

Что же касается существительных на *-ё*, то они продуктивны лишь в кругу существительных с собирательным значением, не имеющих форм множественного числа, ср. *ба́бьё, воробьё*, а также в кругу отглагольных образований с отвлечённым значением, типа *мытьё, шитьё, питьё*. Существительное *ружьё*, обычно фигурирующее в качестве парадигмы, является, строго говоря, совершенно изолированным словом; здесь оно включено в парадигму для сравнения.

Общие примечания к падежным формам

Для существительных среднего рода характерно, что форма винительного падежа обоих чисел совпадает с формой именительного падежа.

В предложном падеже единственного числа встречается только одно

---

[1] Напр. в «Грамматике русского языка», часть I, Фонетика и морфология, под ред. акад. Л. В. Щербы. Учпедгиз 1946, стр. 46, или в «Очерке» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, 1945, стр. 115. Академическая грамматика приводит среди слов-образцов такие слова, как *село́* и *ме́сто* с непостоянным ударением, ср. *сёла, места́*.

	«Твёрдое» склонение	«Мягкое« склонение		
Ед. ч. И.	госуда́рств-о	жили́щ-е	по́л-е	руж-ьё
Р.	госуда́рств-а	жили́щ-а	по́л-я	руж-ья́
Д.	госуда́рств-у	жили́щ-у	по́л-ю	руж-ью́
В.	госуда́рств-о	жили́щ-е	по́л-е	руж-ьё
Т.	госуда́рств-ом	жили́щ-ем	по́л-ем	руж-ьём
П.	о госуда́рств-е	о жили́щ-е	о по́л-е	о руж-ье́
Мн. ч. И.	госуда́рств-а	жили́щ-а	пол-я́	ру́ж-ья
Р.	госуда́рств	жили́щ	пол-е́й	ру́ж-ей
Д.	госуда́рств-ам	жили́щ-ам	пол-я́м	ру́ж-ьям
В.	госуда́рств-а	жили́щ-а	пол-я́	ру́ж-ья
Т.	госуда́рств-ами	жили́щ-ами	пол-я́ми	ру́ж-ьями
П.	о госуда́рств-ах	о жили́щ-ах	о пол-я́х	о ру́ж-ьях

окончание *-е (в жили́ще, в по́ле, в ружье́)*. Разница между «твёрдым» и «мягким» склонением, проявляющаяся в чешском или словацком языках, между прочим, и в особом окончании предл. падежа «мягкого» склонения *-i (v poli, na mori, v srdci)*, в русском языке не существует. Также в кругу существительных среднего рода неизвестно окончание -u, характерное для чешского или словацкого языков у существительных, основа которых оканчивается на задненёбную согласную (ср. *v mlieku, na ihrisku*). Во всех подобных случаях в русском языке имеется *-е*: *в молоке́, о слове́чке.*

В творительном падеже единственного числа имеются два окончания: у твёрдых основ *-ом*, у мягких — *-ем* или *-ём*. К «мягким» основам, с точки зрения орфографии, относятся существительные на *-е* или *-ё*: *жили́щ-ем, со́лнц-ем, се́рдц-ем, по́л-ем, го́р-ем, шить-ём.*

В остальном существительные среднего рода соблюдают общие орфографические правила, изложенные на стр. 110—111.

Формы именительного падежа множественного числа

Продуктивным окончанием именительного (винительного) падежа множественного числа существительных среднего рода является окончание **-а (-я)**. Лишь небольшая группа слов отклоняется от продуктивного типа образования данной формы.

Окончание -и в имен.-вин. падеже множ. числа.

Сюда относятся существительные среднего рода, образованные при помощи уменьшительных суффиксов *-ко, -ечко, -ышко: ушко́ — ушки́* или *у́шко — у́шки* (уменьш. к *у́хо*), *брюшко́ — брюшки́* (у насекомых), *дели́шко — дели́шки* (уменьш. к *де́ло*), *ли́чико — ли́чики* (уменьш. к *лицо́*), *пёрышко — пёрышки* (уменьш. к *перо́*), *слове́чко — слове́чки, коле́чко — коле́чки*

(уменьш. к *кольцо́* »prsteň«); сюда же относятся слова *я́блоко* и *очко́* — *очки́* (в значении оценочной единицы; ср. *де́сять очко́в* »desať bodov«), не являющиеся уменьшительными.

Слово *о́блако, во́йско* образуют форму множ. числа на *-а́*: *облака́, -о́в, войска́* — *войск.*

Несколько слов, восходящих к старым формам двойственного числа и обозначающих парные предметы, сохраняет старое окончание двойств. числа на *-и*: *у́ши* — *уше́й* — *уша́м* (при *у́хо*), *пле́чи* — *плече́й* или *плеч*[1] — *плеча́м, ве́ки* — *век* (при *ве́ко* »viečko«). Слово *коле́но* в значении «часть тела» образует множ. число по этому образцу: *коле́ни* — *коле́ней* или *коле́н* (напр. *вода́ до коле́н, ни́же коле́н*). В значении «сочленение» это слово образует имен.-вин. множ. *коле́нья*, род. *коле́ньев (коле́нья трубы́, коле́нья реки́)*, в значении «разветвление рода» — формы множ. числа *коле́на, коле́н* (напр. *двена́дцать коле́н израи́ловых*).

Сюда же относится по своему происхождению и plurale tantum *очки́* — *очко́в* »okuliare«.

Окончание -ья во множественном числе.

Сюда относятся существительные *перо́* — *пе́рья* — *пе́рьев* (ср. слов. perie в собирательном значении), *крыло́* — *кры́лья* — *кры́льев, звено́* (»ohnivko; družina«) — *зве́нья* — *зве́ньев, де́рево* — *дере́вья* — *дере́вьев, поле́но* — *поле́нья* — *поле́ньев*, и уже упомянутое *коле́но* в значении «сочленение, часть чего-либо» — *коле́нья* — *коле́ньев.*

Формы родительного падежа множественного числа

В русском языке, как и в большинстве славянских языков, существительные среднего рода «твёрдого» склонения образуют форму родительного падежа множ. числа при помощи нулевого суффикса: *боло́то* — *боло́т, кры́то* — *кры́т.* В отличие от словацкого языка, существительные на *-ство* сохраняют в род. падеже множ. числа группу согласных *-ств*: *госуда́рств* при слов. *hospodárstiev, чувств, средств, о́бществ, ка́честв.*

Мягкие основы на *-ще* имеют в род. множ. также нулевое окончание: *жили́щ, пожа́рищ, убе́жищ.*

Слова типа *по́ле, мо́ре, ружьё* имеют в род. множ. окончание *-ей*: *поле́й, море́й, ру́жей.*

Слова *у́ши, о́чи* образуют род. множ. на *-е́й*: *уше́й, оче́й.* Относительно слов *плечо́* и *коле́но* см. выше.

---

[1] Форма *плеч* встречается преимущественно в предложных сочетаниях типа с *плеч, до плеч.*

Слова на *-ья* в имен.-вин. множ. образуют род. множ. на *-ьев*: *крыльев*, *деревьев* (при архаическом *дерев*), *звенья — звеньев*, *коленья — коленьев*.

Слово *облако*, соответствующее слов. »oblak« (м. р.), образует род. множ. на *-ов*: *облаков* (при архаическом *облак*, напр. у Крылова). Окончание *-ов* присуще также уменьшительным на *-ко*: *очко — очки — очков* (напр. *выиграть пять очков*), *ушко — ушки — ушков*.

Особо стоит форма род. множ. *копий* от существительного *копьё*.

Беглые гласные в родительном падеже множественного числа среднего рода

В словацком языке качество беглой гласной, появляющейся в род. падеже множ. числа, как правило, обусловлено количеством предшествующей гласной: если корневая гласная краткая, то вставляется *-ie-* (ср. *rebro — rebier*, *lietadlo — lietadiel*, *kreslo — kresiel*), если она долгая, то *-o-* (ср. *srdiečko — srdiečok*, *lýtko — lýtok*).

В русском языке качество беглой гласной обусловлено качеством той согласной, после которой вставляется данная гласная. После шипящих *ж*, *ч*, *ш* и после мягкой согласной, обозначенной мягким знаком ь, вставляется *-е-*: ср. *сердечко — сердечек*, *перышко — перышек*, *письмо — писем*. В остальных случаях, опять-таки как правило, вставляется *-о-* (ср. *окно — окон*). Это правило, проявляющееся с большей последовательностью у существительных второго склонения, нарушается в ряде случаев у существительных первого склонения среднего рода перед сонантами *-н-*, *-л-* и *-р-*, а также в нескольких изолированных словах. Эти случаи следующие:

-е-

перед л		перед н		остальные случаи	
кресло	— кресел	зерно	— зёрен	сердце	— сердец
седло	— сёдел	бревно	— брёвен	крыльцо	— крылец
число	— чисел	пятно	— пятен	кольцо	— колец
масло	— масел	полотно	— полотен	ребро	— рёбер
весло	— вёсел				

-о-

окно	— окон (и окён)	стекло	— стёкол
сукно	— сукон	волокно	— волокон

В слове *яйцо* — мн. ч. *яйца* вставляется гласная *-и-*: *яиц*.

Особо отметим *ремесло — ремёсла — ремёсл* при слов. *remeslo*.

Акцентологические типы

Существительные первого склонения среднего рода делятся на три основных акцентологических типа. Продуктивным является лишь первый тип с постоянным ударением. В этот тип входят некоторые непроизводные слова (напр. *ду́ло*, *ры́ло* »гура́к«, *болóто*, *копы́то*, *корыто*) и, разумеется, почти все производные, образованные при помощи продуктивных суффиксов *-ство*, *-ище*, *-ко*, *-це* (напр. *óбщество*, *учи́лище*, *пёрышко*, *мы́льце*). Конечно,с исторической точки зрения, существительные типа *ры́ло*, *са́ло*, *мотови́ло*, *копы́то* и др. — слова производные. Существительное *ры́ло* восходит к форме *ry-dlo*, где *ry-* является глагольным корнем, а *-dlo* суффиксом, обозначающим орудие. Но в то время, как в словацком языке суффикс *-dlo* остался продуктивным (ср. новообразования типа *lietadlo*, *lepidlo*, *prikrývadlo*), в русском языке этот суффикс утратил свою продуктивность, так что с точки зрения современного языка слова типа *ры́ло*, *са́ло*, *мотови́ло*, *пра́вило* морфологически неразложимы. Точно так же существительное *копы́то* этимологически связано с глаголом *копа́ть*,[1] но семантически эта связь в современном языке утрачена.

Существительные с подвижным ударением являются в подавляющем большинстве случаев словами непроизводными (с точки зрения современного русского языка) ср. *сло́во*, *де́ло*, *ме́сто*, *зерно́*, *окно́*, *перо́* и др.

Особенностью акцентологических изменений в пределах этого типа склонения имён существительных среднего рода является противопоставление единственного числа множественному. В пределах единственного числа существительные среднего рода не меняют ударения. В пределах множественного числа лишь несколько изолированных слов не сохраняют ударение на том же слоге во всех падежах.

1. Существительные с постоянным ударением типа *госуда́рство*, *жили́ще*. Сюда относятся все существительные на *-ще* и все существительные на *-ство* с ударением не на суффиксе (*бога́тство — бога́тства*, *óбщество*, *ка́чество*, *лека́рство* »liek« и мн. др.), а также большинство существительных на *-ство́* ударяемое: *вещество́* — мн. ч. *вещества́*, *божество́* — мн. ч. *божества́*. Перенос ударения в таких случаях, как *сре́дство — средства́*, *óбщество — общества́* и т. п., встречающийся в разговорном языке, должен быть признан нелитературным. Постоянное ударение имеют также все отвлечённые существительные на *-ние (наслажде́ние, объявле́ние, стара́ние)*, на *-тие (поня́тие, предприя́тие)*, на *-ствие (ше́ствие)*, а также все уменьшительные типа *серде́чко*, *око́шечко*, *одея́льце*, *ли́чико* и т. п.

---

[1] В русском языке утрачено одно из значений этого глагола, сохранившееся в слов. *kopať nohami*.

Интересно, что иностранные слова на *-о* или *-е*, попадающие в русский литературный язык, не примыкают к парадигме среднего рода. Они образуют особую группу несклоняемых существительных (ср. *пальто́*, *панно́*, *кафе́*, *шоссе́*, *ателье́*). К среднему роду они относятся не в силу своего окончания *-о* или *-е*, а именно в силу своей несклоняемости, как и все несклоняемые существительные неодушевлённые, ср. *пари́*, *меню́* и т. п. Неспособность парадигмы среднего рода «ассимилировать» себе слова иностранного происхождения связана с общей семантической невыразительностью и морфологической «вялостью» среднего рода. Как правильно отмечает акад. В. В. Виноградов, «средства выражения среднего рода относительно бедны. Состав класса слов среднего рода постепенно сужался и продолжает сужаться»[1]. Акад. С. П. Обнорский приходит к выводу, что «категория среднего рода должна быть признана наименее жизненной и жизнеспособной»[2]. В просторечии, однако, такие слова, как *пальто́* входят в парадигму, склоняются и образуют формы множ. числа с подвижным ударением типа *пальто́ — па́льта* или даже *по́льта*.

2. Существительные с ударением не на окончании в единственном числе и с переносом ударения на окончание во множественном числе типа *сло́во* — мн. ч. *слова́*.

Ед. ч.	Мн. ч.
сло́во	слова́
сло́ва	слов
сло́ву	слова́м
сло́во	слова́
сло́вом	слова́ми
сло́ве	слова́х

Сюда относятся двухсложные непроизводные существительные типа *во́йско — войска́*, *де́ло — дела́*, *ле́то — лета́*, *ма́сло — масла́*, *ме́сто — места́*, *мо́ре — моря́*, *мы́ло — мыла́*, *по́ле — поля́*, *пра́во — права́*, *се́рдце — сердца́*, *си́то — сита́*, *сло́во — слова́*, *ста́до — стада́*, *те́ло — тела́*.

В трёхсложных словах ударение переносится с первого на последний слог: *зе́ркало* — мн. ч. *зеркала́*, *о́блако* — мн. ч. *облака́*; слово *кру́жево* »čipky« меняет ударение в пределах множ. числа: имен.-вин. мн. *кружева́* — род. *кру́жев* — дат. *кружева́м* и т. д.

---

[1] Русский язык, 1947, стр. 82. – Число заимствований существительных среднего рода весьма ограничено и в древнем языке. Так, напр., в старославянском таких заимствований из греческого языка, которые, как слово *ева́нгелие*, сохраняют грамматический род оригинала, очень мало.

[2] С. П. Обнорский: Именное склонение в современном русском литературном и народном языке, вып. I, стр. 66.

Существительные *де́рево* и *бзеро* имеют формы множ. числа *дере́вья, озёра* с ударением на втором слоге.

У некоторых существительных данного типа имеются предложные сочетания с оттяжкой ударения на предлог: пое́хать *на́_море, ходи́ть по́_полю*. Такие предложные сочетания, как уже говорилось выше, близки к наречиям, часто связаны фразеологически: *вы́йти на́_поле, за́_лето, уе́хать на́_лето в дере́вню, ве́рить кому-либо на́_слово, взвали́ть на́_плечи, схвати́ть за́_сердце* »dojať«, *сло́во за́_слово* »slovo dalo slovo«, *ходи́ть по́ полю, по́_морю, ждать у́_моря погоды* »nečinne vyčkávať«. Сюда же относятся выражения *шепта́ть кому-либо на́_ухо, влюби́ться по́_уши, по́_уши погря́знуть в долга́х* и др.

3. Существительные с ударением на окончании в единств. числе и с оттяжкой ударения на один слог во множ. числе типа *письмо́* — мн. ч. *пи́сьма*.

Ед. ч.	Мн. ч.
письмо́	пи́сьма
письма́	пи́сем
письму́	пи́сьмам
письмо́	пи́сьма
письмо́м	пи́сьмами
письме́	пи́сьмах

Сюда относятся двусложные непроизводные слова *бедро́, бельмо́, бревно́, ведро́, весло́, вино́, гнездо́, гумно́, дупло́, звено́* (мн. ч. *зве́нья*), *зерно́, клеймо́, кольцо́, копьё, крыло́* (мн. ч. *кры́лья*), *лицо́, окно́, перо́* (мн. ч. *пе́рья*), *письмо́, плечо́* (мн. ч. *пле́чи*), *помело́* »metla«, *пятно́, ребро́, ружьёсверло́, седло́, село́, стебло́, стекло́, сукно́, тесло́, чело́, число́, ядро́, яйцо́, ярмо́,*

Сюда относятся также следующие трёхсложные слова: *веретено́ — веретёна, волокно́ — воло́кна, долото́ — доло́та, колесо́ — колёса, полотно́ — поло́тна, ремесло́ — ремёсла, решето́ — решёта*, а также производное на *-ство́*: *меньшинство́ — меньши́нства*.

Несколько слов меняет место ударения во множ. числе: *кольцо́ — ко́льца — коле́ц, крыльцо́ — кры́льца — крыле́ц, плечо́ — пле́чи — плече́й* (или *плеч*), *яйцо́ — я́йца — яи́ц*.

Склонение личных имён на *-о*

Слова на *-о*, обозначающие лиц мужского пола и животных, относятся в русском языке к мужскому роду: ср. *наш Гнедко́* (название лошади), *мой сыно́шко, ме́лкий воро́шко* »zlodej«. В современном языке большинство

существительных на *-о*, обозначающих живые существа и имеющих ударение не на конце (типа *ворúшко*), перешло в группу существительных общего рода на *-а*: словарь Ушакова имеет уже только форму *ворúшка, сынúшка*, в то время как акад. А. А. Шахматов (1915) приводит ещё формы на *-о (ворúшко, сынúшко, плутúшко)*. Переход слов типа *сынúшко* в женское склонение объясняется фонетическим совпадением безударного *-о* с безударным *-а*.

Мужские фамилии украинского происхождения на *-енко* в литературном языке не склоняются, ср. в докладе Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946 г.): «пóвесть *Зóщенко*» (род. пад.), «на какóм основáнии вы даёте *Зóщенко* (дат. пад.) прáво разгýливать по садáм и пáркам ленингрáдской литературы?». То же в статье Г. А. Бялого «М. Горький и Короленко»: «отношения Горького и *Короленко*», «Горький явился *к Короленко*».[1] Однако в разговорном языке мужские фамилии типа *Короленко, Тимофéенко, Тимошенко, Пономаренко* склоняются часто по образцу женского склонения *-а*: *у Короленки, с Короленкой, написáл Ивáну Ивáновичу Ткачéнке* и т. п. С точки зрения норм русского литературного языка такое употребление личных имён на *-енко* должно быть признано неправильным, хотя некоторые авторы вводят его и в литературную речь.[2]

Естественно, что соответствующие женские фамилии в русском языке не склоняются: *он написáл Елéне Ткачéнко.*

Оттяжка ударения на предлог

Несколько существительных среднего рода допускают оттяжку ударения на предлог. Кроме существительного *плéчи*, все они относятся ко второму акцентологическому типу *(слóво — слова́)*. Вот эти случаи:

лéто: зá_лето он научился плáвать; *нá_лето* дéвочка уéхала в пионéрский лáгерь.

мóре: нá_море (уéхать); *зá_море*. Ср. «Вéтер *пó-морю* гуляет» (А. С. Пушкин). Кроме того в поговорке: *ждать ý_моря погóды* »nečinne vyčkávať«.

нéбо: нá_небо, дó_неба. Ср. «Где крестьянки лён прядýт, пря́лки *нá_небо* кладýт» (Ершóв).

пóле: пó_полю, нá_поле. Ср. в народной песне «*Вó_поле берёзонька стоя́ла*».

---

[1] Труды отдела новой русской литературы, АН СССР, М.—Л. 1948, стр. 176—177.

[2] Трудно согласиться с В. Н. Сидоровым, зачисляющим, правда, с некоторыми оговорками, мужские фамилии типа *Короленко, Шевченко, Ярошенко, Василенко* в женское склонение на *-а*; ср. Р. И. Аванесов—В. Н. Сидоров: Очерк грамматики русского лит. яз., 1945, стр. 114.

плечо́: взвали́ть кому-либо что-либо на́ плечи »uvaliť niekomu niečo na plecia«.

се́рдце: схвати́ть за́ сердце кого-либо »dojať niekoho«.

сло́во: ве́рить кому-либо на́ слово; в выражении *сло́во за́ слово* или *сло́во за́ словом* »slovo dalo slovo, jedno-druhé...«

у́хо: шепта́ть на́ ухо; *влюби́ться, покрасне́ть по́-уши; он туг на́-ухо* »nedopočuje«.

Все эти случаи в значительной степени идиоматичны.

Склонение имён существительных на *-ие* и *-ье*

Весьма продуктивным типом склонения являются существительные среднего рода на *-ие* и *-ье*, отличающиеся от остальных существительных среднего рода «мягкого» типа рядом морфологических особенностей.

Семантически эти существительные являются либо nomina actionis, т. е. отвлечёнными отглагольными существительными, выражающими опредмеченный процесс *(хожде́ние, разви́тие, чередова́ние)*, или отглагольными существительными, успевшими приобрести значение nomina acti *(реше́ние, взя́тие, поведе́ние)*, или, наконец, nomina rei *(постановле́ние, собра́ние, объявле́ние)*. В ряде случаев семантическая связь с глаголом оказывается утраченной, ср. *изве́стие* (семантически вряд ли соотнесённое с глаголом *извести́ть*), *мне́ние, ижде́вение*, ср. словац. *vysvedčenie*, не соотнесённое с глаголом *svedčiť*.

Следует отметить, что, несмотря на самую широкую продуктивность суффиксов *-ение, -ание, -тие* для образования разного рода отглагольных имён существительных, этот словообразовательный приём в русском языке более ограничен, чем в словацком. В то время, как, например, в словацком языке «однократные» или «мгновенные» глаголы типа *prebodnúť, mávnuť* легко образуют соответствующие отглагольные существительные *prebodnutie, mávnutie*, в русском языке нет соответствующих форм на *-тие*; они заменяются обыкновенно существительными мужского рода, образованными от глагольной основы с нулевым суффиксом: *проколо́ть — прокóл, взмахну́ть — взмах* и т. п. Существительные со старославянским суффиксом *-ове́ние*, соотносительные с однократными глаголами на *-нуть* или *-нуться* типа *прикосну́ться — прикоснове́ние, столкну́ться — столкнове́ние, дерзну́ть — дерзнове́ние*, в русском языке больше не образуются. У многих из них утрачена связь с соответствующим глаголом, ср. *мгнове́ние, ка́мень преткнове́ния* »kameň úrazu«, *дунове́ние* и др.

Малоупотребительны также отглагольные существительные от глаголов на *-еть, -еет*, обозначающих постепенное приобретение какого-либо качества. Теоретически, конечно, можно образовать существительное *ко-*

ричневе́ние или *покоричневе́ние* (от глагола *коричневе́ть*), соответствующее словац. *hnednutie*, но в литературном языке такие формы редки.

У имён существительных на *-ье* следует различать два типа. Первым типом являются существительные на *-ье*, соотнесённые с существительными на *-ие* и являющиеся, по большей части, просто их дублетами: *удивле́ние* и *удивле́нье*, *колеба́ние* и *колеба́нье*, *мышле́ние* и *мышле́нье*. Можно утверждать, что разница между формами на *-ие* и на *-ье* является преимущественно стилистической: в теоретических (научных, публицистических) стилях преобладают формы на *-ие*, носящие книжный или терминологический характер (напр. *послуша́ние*, *истребле́ние*, *восприя́тие*, *угнете́ние*), в то время как в поэтическом языке, а также в разговорных стилях, наряду с формами на *-ие*, допустимы формы на *-ье*: *влече́нье*, *движе́нье*, *понима́нье*. Лишь в редких случаях между формами на *-ие* и на *-ье* имеется семантическая дифференциация: формы на *-ие* обозначают процесс (nomina actionis), сохраняя при этом связь с глаголом, формы на *-ье* — предметы (nomina rei), утратившие связь с глаголом, ср.

пече́ние хле́ба »pečenie chleba« — *пече́нье* »pečivo«
ку́шание »jedenie« — *ку́шанье* »jedlo«
воскресе́ние »vzkriesenie« — *воскресе́нье* »nedeľa«

Ко второму типу имён существительных на *-ье* относятся слова, образованные не от глагольных основ. Морфологически этот второй тип охарактеризован формой родительного падежа множественного числа на *-ьев*: *пла́тьев*, *подмасте́рьев*. В состав этой группы входят производные существительные в значении nomina loci, напр. *побере́жье*, *изголо́вье*, *подно́жье*, *повало́жье* (ср. словац. *Podhradie*, *Považie*, *Horehronie*, *Potisie*), *верхо́вье* »horný tok«, *зимо́вье* »zimný tábor«, а также непроизводные существительные типа *пла́тье*, *сча́стье*, *у́стье*, *ожере́лье* »náhrdelník« и др. Единственным су-

	отглагольные существительные на *-ие*	на *-ье*	
Ед. ч. И.	жела́н-ие	ку́шан-ье	пла́т-ье
Р.	жела́н-ия	ку́шан-ья	пла́т-ья
Д.	жела́н-ию	ку́шан-ью	пла́т-ью
В.	жела́н-ие	ку́шан-ье	пла́т-ье
Т.	жела́н-ием	ку́шан-ьем	пла́т-ьем
П.	о жела́н-ии	о ку́шан-ье	о пла́т-ье
Мн. ч. И.	жела́н-ия	ку́шан-ья	пла́т-ья
Р.	жела́н-ий	ку́шан-ий	пла́т-ьев
Д.	жела́н-иям	ку́шан-ьям	пла́т-ьям
В.	жела́н-ия	ку́шан-ья	пла́т-ья
Т.	жела́н-иями	ку́шан-ьями	пла́т-ьями
П.	о жела́н-иях	о ку́шан-ьях	о пла́т-ьях

ществительным мужского рода, входящим в данный тип склонения, является существительное *подмастéрье* »tovariš«.

В силу всего сказанного, в пределах данной группы существительных выделяются три образца.

Особо стоят два существительных старославянского происхождения: *житиé* и *бытиé*. Слово *житиé* применяется только как термин в значении »legenda«, напр. *жития́ Кири́лла и Мефо́дия*. Соответствующая исконно русская форма *житьё* обозначает »žitie«. Слово *бытиé* является философским термином »bytie«. В склонении эти существительные сохраняют некоторые особенности старославянской морфологии:

Ед. ч. И.	житиé	Мн. ч. И.	жития́
Р.	жития́	Р.	жити́й
Д.	житию́	Д.	жития́м
В.	житиé	В.	жития́
Т.	житиéм	Т.	жития́ми
П.	о житии́	П.	о житиях

Все имена существительные на *-ие* или *-ье* имеют постоянное ударение.

ВТОРОЕ СКЛОНЕНИЕ

Ко второму склонению относятся в русском языке все существительные женского, мужского и «общего» рода на *-а* или *-я* (типа *шко́ла*, *неде́ля; ста́роста*, *Ники́та*, *Ва́ня; сирота́*, *уби́йца*), а также все существительные на *-ья* (типа *шалу́нья*, *статья́*, *судья́*) и на *-ия* (типа *па́ртия*, *конституция*).

С точки зрения парадигматики русского языка следует различать существительные на *-а*, *-я (шко́ла*, *неде́ля)*, представляющие лишь «твёрдый» и «мягкий» вариант одной и той же парадигмы, от существительных на *-ья*, где опять-таки следует различать продуктивный тип с ударением не на окончании *(шалу́нья*, *лгу́нья*, *бегу́нья*, *гбстья)* и непродуктивный тип с ударением на окончании *(статья́*, *семья́*, *свинья́)*.

В словацком языке обычно выделяется особый тип «мягкого» склонения *ulica*. С точки зрения словацкого языка, выделение особого типа склонения по образцу существительного *ulica* вполне обосновано наличием особых окончаний в ряде падежных форм, ср. *vody* ~ *ulice*, *na vode* ~ *na ulici*, *vodám* ~ *uliciam*, *vodách* ~ *uliciach*. К «мягкому» склонению относятся в словацком языке все существительные на *-a*, если основа оканчивается на мягкий согласный *ď*, *ť*, *ň*, *ľ*, *j; dž*, *č*, *ž*, *š*, *dz*, *c*, а также несколько существительных на *ra-: rozopra*, *večera*. Исторически этот «мягкий» тип восходит к особому склонению основ на *-ja*.

В древнерусском языке имелось особое склонение старых основ на *-ja*. В ряде падежей имена существительные типа *вода́*, *рука́* имели другие окончания, чем существительные типа *улица*, *душа*, *межа*, ср. в род. единств. числа *воды* — *улицъ*, *руки* — *душѣ*, в дат.-предл. единств. числа *водѣ* — *улици*, *руцѣ* — *души* и т. д. Однако, после отвердения согласных *ж*, *ш* и *ц* произошла унификация парадигмы. Окончания «твёрдых» основ были перенесены на некогда «мягкие» основы. В результате унификации парадигмы «мягкие» и «твёрдые» основы слились в один общий тип. С точки зрения современного русского языка, существительные на *-ца (у́лица, уда́рница)* ничем не отличаются от «твёрдого» типа *шко́ла*. Существительные на *-жа*, *-ша*, *-ча* и *-ща* склоняются по «твёрдому» образцу во всех падежах, кроме творительного единств. числа, где распределение окончаний *-ей* или *-о́й* зависит от места ударения. Кроме того, в склонении этих слов сказывается общее правило русского правописания, не позволяющее писать *-ы* после *ж*, *ч*, и *щ*; формы род. единств. числа и имен. множ. числа *ко́жи*, *ту́чи*, *ка́ши* и т. п. являются, следовательно, лишь орфографическими (а не парадигматическими) вариантами «твёрдого» типа *шко́ла*. Эти факты следует иметь в виду при сопоставлении русских и словацких парадигм, тем более что в словацкой грамматике укоренилось мнение, будто согласные *ž*, *š*, *dž*, *č*, *dz*, *c* являются в словацком языке «мягкими».

Среди существительных, входящих во второе склонение, широко представлены слова непроизводные (*гора́*, *ры́ба*, *земля́*, *рука́*, *голова́*, *жена́*, *берёза*, *вода́* и мн. др.), а также производные, образованные при помощи целого ряда суффиксов: *-ка (гора́ — го́рка)*, *-очка*, *-ечка (кисть — ки́сточка, скамья́ — скаме́ечка)*, *-ица (певе́ц — певи́ца)*, *-ница (учи́тель* —

	«Твёрдое» склонение	«Мягкое» склонение
Ед. ч. И.	шко́л-а	неде́л-я
Р.	шко́л-ы	неде́л-и
Д.	шко́л-е	неде́л-е
В.	шко́л-у	неде́л-ю
Т.	шко́л-ой	неде́л-ей
П.	о шко́л-е	о неде́л-е
Мн. ч. И.	шко́л-ы	неде́л-и
Р.	школ	неде́л-ь[1]
Д.	шко́л-ам	неде́л-ям
В.	шко́л-ы	неде́л-и
Т.	шко́л-ами	неде́л-ями
П.	о шко́л-ах	о неде́л-ях

[1] Знак ь в род. падеже множ. числа, конечно, не является «окончанием». С точки зрения русского языка, в данном падеже имеется нулевое окончание. В приводимой парадигме знак ь отделён от основы лишь по соображениям методическим, для более наглядного выделения приёмов правописания.

учи́тельница), *-иха (слон — слони́ха)*, *-ша (генера́л — генера́льша)*, *-ушка*, *-юшка (коро́ва — коро́вушка)*, *-онка*, *-ёнка (ло́шадь — лошадёнка)*, *-ота (бе́дный — бедноти́)*, *-изна (дешёвый — дешеви́зна)* и др.

Существительные иностранного происхождения, попадающие в русский литературный язык, включаются во второе склонение на основании внешнего признака, т. е. своего окончания, ср. *фа́брика*, *апте́ка*, *сце́на*, *ла́ва*, *те́ма*, *дра́ма* и мн. др. Вне парадигмы остаются лишь те существительные иностранного происхождения, в которых ударение падает на окончание. Это такие слова, как *амплуа́* »herecká postava« (фр. *emploi*), *антраша́* »malý skok« (фр. *entrechat*), *па* »tanečná figúra« (фр. *pas*), *буржуа́* (фр. *bourgeois*) и иностранные фамилии типа *Дюма́ (Dumas)*, *Бенуа́ (Benois)*.

В качестве парадигмы часто приводятся существительные, обнаруживающие разные акцентологические неправильности в склонении. В виду того, что из всех акцентологических типов только тип с постоянным, неподвижным ударением является продуктивным, следует приводить в качестве парадигмы такие существительные, у которых ударение сохраняется во всех падежах на том же самом месте.

Творительный падеж единственного числа

В творительном падеже единственного числа встречаются две серии окончаний: односложные на *-ой*, *-ёй*, *-ей* и двусложные на *-ою*, *-ёю*, *-ею*. Двусложные окончания являются архаизмами и встречаются преимущественно в книжной речи. В разговорной речи они мало употребительны.

После шипящих *ж*, *ш*, *щ* и после аффрикат *ч*, *ц* возможны окончания *-о́й* или *-ей*, в зависимости от места ударения: *межа́ — межо́й (межо́ю)*, *свеча́ — свечо́й (свечо́ю)*, *овца́ — овцо́й (овцо́ю)*, но: *ко́жа — ко́жей (ко́жею)*, *грани́ца — грани́цей (грани́цею)* и т. п.

Формы родительного падежа множественного числа

Характерным признаком существительных второго склонения является нулевое окончание в родительном падеже множественного числа. Все твёрдые основы и большинство мягких основ образуют эту форму по образцу *шко́ла — школ*, *неде́ля — неде́ль*, с сохранением твёрдости или мягкости последнего согласного основы, ср. *звёзд*, *рыб*, *голо́в*, *кож*, *бурь*, *ви́шен*, *пе́сен* и т. д. Однако в русском языке, как, впрочем, и в словацком, у мягких основ наблюдается некоторый разнобой: общее правило в ряде случаев нарушается наличием других окончаний, ср. *неде́ля — неде́ль*,

но *ку́хня — ку́хонь, ви́шня — ви́шен, пе́сня — пе́сен*, ср. словац. *nedeľa — nedieľ, kuchyňa — kuchýň, višňa — višní//višieň, pieseň — piesní.*

Нулевое окончание имеется и у мягких основ на *-j-* после гласной: *ста́я — стай* (основа: *staj-*), *алле́я — алле́й, струя́ — струй, па́ртия — па́ртий.* Сюда же относятся существительные иностранного происхождения типа *иде́я (идеj-а), Коре́я (Кореj-а)*, охарактеризованные в словацком языке своеобразным склонением смешанного типа: *idea* — род. единств. *idey*, род. множ. *ideí* «идей», *Kórea* — род. единств. *Kórey* и т. п.

Родительный падеж множественного числа женских (и средних) имён существительных в словацком и чешском языках охарактеризован, кроме того, наличием количественного чередования гласных: в словацком языке чередуются краткие гласные в основе с долгим гласным или дифтонгом в родительном падеже множественного числа: *ryba — rýb, lipa — líp, zima — zím, čaša — čiaš, repa — riep, noha — nôh, ruka — rúk, žaba — žiab.* В чешском языке количественное чередование гласных обратное: в родительном падеже множественного числа стоит краткий гласный, если в остальных падежах гласный основы долгий; ср. *lípa — lip, žába — žab, vrána — vran* и т. д. В русском языке, вообще не знающем количественных чередований, гласные фонемы основы остаются неизменяемыми: *рука́ — рук, нога́ — ног, жа́ба — жаб* и т. п.

В русском языке можно считать нулевое окончание в родительном падеже множественного числа правильным не только у твёрдых, но и у мягких основ второго склонения. Существительные на *-ня* и *-ля* образуют без исключения данную форму с нулевым окончанием: *дере́вня — дереве́нь, ви́шня — ви́шен, ку́хня — ку́хонь, ба́рышня — ба́рышень, кро́вля — кро́вель*; все nomina loci на *-льня: чита́льня — чита́лен, купа́льня — купа́лен, краси́льня — краси́лен, бо́йня — бо́ен* »bitúnok«.

У некоторых существительных допускается наряду с нулевым окончанием и окончание *-ей: свеч* и *свече́й, меж* и *меже́й.* Существительные *ноздря́* и *ю́ноша* образуют родительный падеж множественного числа только на *-ей: ноздре́й, ю́ношей.*

У «мягких» основ на *-ня* с предшествующим согласным конечный согласный в родительном падеже множественного числа отвердевает, ср. *ба́шня — ба́шен, ви́шня — ви́шен, чере́шня — чере́шен, пе́сня — пе́сен, ба́сня — ба́сен, чита́льня — чита́лен*; исключением являются существительные *ку́хня — ку́хонь, дере́вня — дереве́нь, ба́рышня — ба́рышень.* Ср. *пусты́ня — пусты́нь, я́блоня — я́блонь.*

Совершенно изолированное чередование *х/к* в основе имеем у существительного *па́сха* «veľkonočné jedlo z tvarohu«, образующего родительный падеж множественного числа *па́сок.*

Беглые гласные *о*, *е*, *ё*

Если основа существительного женского (и среднего) рода оканчивается на группу согласных, то в русском, словацком и чешском языках, как правило, между последними согласными основы появляется «беглый» гласный. В словацком языке таким гласным может быть *о*, *ie*, *е* или *á*: *fajok*, *izieb*, *výher*, *dosák*, в чешском только *-e-* (*desek*, *bajek*, *jizeb*).

В словацком языке вставные гласные являются существенной характеристикой формы родительного падежа множественного числа и широко распространяются на слова иностранного происхождения, в то время как в русском языке основы иностранных слов, как правило, остаются неизменёнными, ср. словац. *foriem*, чеш. *forem* «форм», словац. *noriem*, чеш. *norem* «норм», словац. *urien*, чеш. *uren* «урн», словац. *firiem*, чеш. *firem* «фирм», словац. *dogiem*, чеш. *dogem* «догм», словац. *paradigiem*, чеш. *paradigem* «парадигм», словац. *katedier*, чеш. *kateder* «кафедр», словац. *karát*, чеш. *karet* «карт» и т. п.

В отличие от словацкого и чешского, без беглых гласных образуются также формы родительного падежа множественного числа некоторых исконно славянских существительных, начинающихся на *и-*: *игра́* — *игр* (ср. словац. *hier*, чеш. *her*), *изба́* — *изб* (ср. словац. *izieb*), *и́скра* — *искр* (ср. словац. *iskier*), *икра́* — *икр* (ср. словац. *ikier*), *игла́* — *игл* (ср. словац. *ihiel* или *ihál*).

В словацком языке качество гласного обусловлено, с некоторыми оговорками, количеством коренного гласного: после краткого вставляется *-ie-*: *knižiek*, *mariek*, *izieb*, *ovečiek*, после долгого *-o-*: *látok*, *plienok*. После *j* вставляется *-o-* независимо от количества гласного: *fajok*, *kopejok*.[1] В нескольких словах имеются параллельные формы с *-ie-* или с *-á-*: *sestier||sestár*, *dosiek||dosák*, *perál||periel*, *tehál||tehiel*, *jedál||jediel*.

В русском языке качество беглого гласного определяется качеством предшествующего согласного: если перед последним согласным основы стоит *ж*, *ч*, *ш*, *й* или мягкий согласный, обозначаемый в письме знаком ь, то в качестве беглого гласного появляется *-е-*:

ж:	кни́ж-ка	— кни́жек	й:	копе́й-ка	— копе́ек
	но́ж-ка	— но́жек		тро́й-ка	— тро́ек
	бума́ж-ка	— бума́жек		бо́й-ня	— бо́ен
			Но:	война́	— войн!

[1] Ср., однако, *húžev*, *vojen*, *lajen*.

ч:	ру́ч-ка	— ру́чек	
	де́воч-ка	— де́вочек	
	ове́ч-ка	— ове́чек	
ш:	пу́ш-ка	— пу́шек	
	де́вуш-ка	— де́вушек	
	дереву́ш-ка	— дереву́шек	
ь:	судь-ба́	— су́деб	
	тюрь-ма́	— тю́рем	
	де́нь-ги	— де́нег	
Но:	па́льма	— пальм	
	(иностранное слово!)		

Во всех приведённых случаях ударение в род. множ. падает не на окончание. В словах типа *кишка́* »črevo« с ударением на последнем слоге в качестве беглого гласного выступает *-о-: кишо́к.*

Беглый гласный *-о-* выступает в русских и обрусевших словах, если перед последней согласной основы стоит твёрдый согласный:

лод-ка	— ло́док	студе́нт-ка	— студе́нток
дос-ка́	— досо́к	ни́т-ка	— ни́ток
ма́р-ка	— ма́рок	пе́н-ка	— пе́нок

Перед *-ка* это правило не знает исключений. С точки зрения русского языка слог *-ка* в словах типа *доска́, ма́рка*, конечно, не является суффиксом. Но в данном случае производные слова не отличаются от непроизводных.

Лишь в некоторых словах на *-ня, -ля, -на* и *-ла* в качестве беглого гласного выступает *-е-* не после *ж, ч, ш, й* и *ь:*

пе́сня	— пе́сен	земля́	— земе́ль	сосна́	— со́сен
ба́сня	— ба́сен	ка́пля	— ка́пель	весна́	— вёсен
дере́вня	— дереве́нь	метла́	— мётел	ветла́	— вётел,

а также у всех производных на *-ня*, обозначающих помещение: *купа́льня — купа́лен, спа́льня — спа́лен, краси́льня — краси́лен.* Беглый гласный *-е-* имеется также у слов: *овца́ — ове́ц, су́мерки — су́мерек.* Беглый гласный *-ё-* имеется в словах: *копна́ — копён, сестра́ — сестёр, серьга́ — серёг* »náušnica«.

Существительное *мечта́* »túžba, sen« образует род. мн. супплетивно: *мечта́ний.*

Омонимы *ла́ска* »láskanie, nežnosť« и *ла́ска* »lasica« различаются формой родительного падежа множественного числа: *ласк* »nežností« и *ла́сок* »lasíc«.

Акцентологические типы

Акцентология существительных, входящих во второе склонение, необыкновенно пестра. Единственным продуктивным типом является тип с постоянным ударением не на окончании. Наоборот, почти все существи-

тельные с ударением на окончании *-á*, *-я́* или *-ья́* относятся к тому или иному непродуктивному акцентологическому типу.[1] У ряда существительных наблюдаются колебания в ударении.

При анализе акцентологии существительных второго склонения следует учитывать не только переходы ударения в пределах падежных форм, но и своеобразные переносы ударения на предлог типа *за́_ногу*, *на́_голову*.

1. Продуктивный акцентологический тип с постоянным ударением не на окончании: *шко́ла*. Сюда относится множество слов непроизводных типа *ко́жа*, *ме́ра*, *му́ха*, *во́ля*, *ли́па*, *ре́па*, *ве́ра*, *лопа́та*, *неде́ля*, ряд производных, утративших в современном языке связь с соответствующими непроизводными типа *ло́жка*, *сва́дьба*, а также живые производные, соотнесённые в современном языке с непроизводными: *пе́чка* — *печь*, *но́жка* — *нога́*, *ве́точка* — *ве́тка*, *студе́нтка* — *студе́нт*, *чита́льня*, *краси́льня*. Сюда же относятся слова иностранного происхождения, вошедшие в систему русского языка: *фа́брика*, *ка́федра*, *культу́ра*, *па́льма*, *газе́та*, *систе́ма*, *поле́мика*.

2. Непродуктивный акцентологический тип с ударением на окончании во всех формах единственного числа и с оттяжкой ударения во множественном числе. В рамках этого типа можно различать три варианта.

а) Ударение не на окончании во всех формах множ. числа: *трава́* — мн. ч. *тра́вы* — *трав* — *тра́вам* — *тра́вах*.

Ед. ч.	Мн. ч.
трава́	тра́вы
травы́	тра́в
траве́	тра́вам
траву́	тра́вы
траво́й	тра́вами
траве́	тра́вах

К этому варианту относятся следующие двухсложные существительные: *арба́* »kára«, *беда́*, *вдова́*, *весна́*, *ветла́* »vrba« (мн. ч. *ве́тлы*), *вина́*, *война́*, *глава́*, *гроза́*, *гряда́*, *дыра́*, *жена́*, *звезда́*, *змея́*, *игла́*, *игра́*, *икра́*, *коза́*, *коса́*, *лоза́* »réva«, *лука́*, *луна́*, *метла́*, *нора́*, *нужда́*, *овца́* (мн. ч. *о́вцы* — *ове́ц*), *ольха́* »jelša«, *орда́*, *оса́*, *пила́*, *плита́*, *пола́*, *пчела́*, *руда́*, *свинья́*, *семья́*, *скала́*, *скула́*, *слуга́*, *слюда́*, *слюна́* (мн. ч. *слю́ни* — *слюне́й*), *сестра́* (мн. ч. *се́стры* — *сестёр*), *смола́*, *сова́*, *сосна́*, *среда́*, *стрела́*, *страна́*, *струна́*, *строфа́*, *струя́*, *толпа́*, *узда́*, *труба́* и некоторые другие.

---

[1] Случаи сохранения ударения на окончании во всех падежах единственного и множественного числа единичны: *семья́*, *статья́*, *черта́*, *кочерга́* и некоторые другие.

Сюда же относятся трёхсложные существительные на *-отá*: *кислотá — кислóты*, *красотá — крáсóты*, *высотá — высóты*, непроизводное *сиротá — сирóты*, а также слова *колбасá — колбáсы*, *стрекозá — стрекóзы* »vážka«, *быстринá — быстрúны*.

б) Ударение переносится с последнего слога только в имен.-вин. множ. числа, в остальных же формах множ. числа остаётся на окончании: *свечá — мн. ч. свéчи — свечéй — свечáм, -áми, -áх*.

Ед. ч.	Мн. ч.
свечá	свéчи
свечú	свечéй
свечé	свечáм
свечý	свéчи
свечóй	свечáми
свечé	свечáх

Сюда относятся следующие существительные: *блохá, вожжá, губá, деснá, железá* (мн. *жéлезы — желёз*), *межá, ноздря́* (мн. ч. *нóздри — ноздрéй*), *пятá, серьгá* »náušnica«, *скирдá* »stoh«, *скобá, сковородá* (мн. ч. *скóвороды — сковорóд*), *слезá, средá* »prostredie«, *строкá, простыня́* »plachta« (мн. ч. *прóстыни — простынь*).

в) Ударение в косвенных падежах множественного числа колеблется: наряду с формами *волнáм, волнáми, волнáх* имеются формы *вóлнам, вóлнами, вóлнах*.

Ед. ч.	Мн. ч.
волнá	вóлны
волнú	вóлн
волнé	вóлнам ~ волнáм
волнý	вóлны
волнóй	вóлнами ~ волнáми
волнé	вóлнах ~ волнáх

Сюда можно отнести следующие слова: *волнá, дугá, копнá* »kopa« (род. мн. *копён*), *судьбá, судья́*.

У многих существительных этого акцентологического типа гласный *-е-* в единственном числе чередуется с гласным *-ё-* во множественном: *ветлá — вётлы, деснá — дёсны — дёсен, женá — жёны, слезá — слёзы, звездá — звёзды*. В остальных случаях гласный *-е-* сохраняется: *бедá — бéды*,

змея́ — зме́и, семья́ — се́мьи, стрела́ — стре́лы, свеча́ — све́чи, среда́ — сре́ды.[1]

3. Непродуктивный акцентологический тип с оттяжкой ударения в вин. падеже единственного и имен.-вин. падеже множественного числа. В этом типе следует различать двусложные и трёхсложные слова.

а) двухсложные существительные типа *рука́ — ру́ку — ру́ки — рука́м, рука́ми, рука́х.*

Ед. ч.	Мн. ч.
рука́	ру́ки
руки́	рук
руке́	рука́м
ру́ку	ру́ки
руко́й	рука́ми
руке́	рука́х

У некоторых существительных допустимы две акцентологические формы в вин. единств. и в дат., твор. и предл. множ. числа; эти случаи здесь отмечаются в скобках, причём более употребительная форма стоит перед более архаической.

Сюда относятся следующие существительные: *верста́* (вин. ед. *версту́* и *вёрсту*), *вода́* (дат. мн. *вода́м* и *во́дам*), *гора́, доска́* (род. мн. *доско́к* и *до́сок*), *душа́* (дат. мн. *ду́шам* и *душа́м*), *зима́* (дат. мн. *зи́мам* и *зима́м*), *краха́, коса́, река́* (вин. ед. *реку́* и *ре́ку*), *рука́, соха́* (вин. ед. *сохо́́* и *со́ху*), *спина́, среда́* »stredа«, *стена́* (дат. мн. *стена́м* и *сте́нам*), *стопа́, щека́.*

в) трёхсложные существительные типа *голова́ — го́лову — го́ловы — голо́в — голова́м.*

Ед. ч.	Мн. ч.
голова́	го́ловы
головы́	голо́в
голове́	голова́м
го́лову	го́ловы
голово́й	голова́ми
голове́	голова́х

Сюда относятся: *борода́, борозда́* (вин. *борозду́* и *бо́розду*), *борона́, голова́, полоса́* (вин. ед. *полосу́* и *по́лосу*), *слобода́* »osadа«, *сторона́.*

---

[1] Гласный *-е-* не переходит в *-ё-* в тех случаях, где в древнем языке в основе имелось *ѣ*: *бѣда, стрѣла, срѣда.* Исключением является форма *звёзды*, восходящая к *звѣзды.* Здесь *-ё-* объясняется действием аналогии.

в) у некоторых слов наблюдается оттяжка ударения только в вин. падеже единств. числа; во множ. числе ударение падает на основу во всех падежах. В ряде случаев наблюдаются колебания.

Ед. ч.	Мн. ч.
земля́	зе́мли
земли́	земе́ль
земле́	зе́млям
зе́млю	зе́мли
землёй	зе́млями
земле́	зе́млях

Сюда относятся: *весна́* (вин. ед. *весну́* и *вёсну*), *изба́* (вин. ед. *избу́* и *и́збу*), *нора́* (вин. ед. *нору́* и *но́ру*), *роса́*, *цена́* (вин. мн. *це́ну* и *цену́*). Слова этого типа сохраняют своё ударение в сочетании с предлогами.

4. Несколько изолированных существительных, не входящих ни в один из приведённых акцентологических типов:

существительные *дере́вня* и *дбля* имеют во всех падежах постоянное ударение, кроме род. множ.: *дереве́нь*, *доле́й*;

существительное *заря́* образует наряду с формой вин. ед. *зарю́* своеобразную форму *збрю*; во множ. числе наблюдается тот же переход *а* в *о*: *збри*, *зорь*.

Оттяжка ударения на предлог

Оттяжка ударения на предлог наблюдается у ряда существительных второго склонения, относящихся к 3-му непродуктивному акцентологическому типу *(рука́, голова́)*. Ударение переносится на предлоги *на́*, *за́*, *по́*, *по́д*, *о́б*, сочетающиеся с винительным падежом, причём в обоих числах: *на́_руку*, *на́_руки*. Надо отметить, что у существительных второго склонения сочетания с ударением на предлоге носят часто более «свободный» характер, чем у существительных первого склонения. Они далеко не всегда связаны фразеологически, ср. *взять кого-либо за́_руку* и т. п. Сюда относятся следующие случаи:

вода́: пойти́ по́_воду »ísť po vodu«, *лечь на́_воду*, *пое́хать на́_воды* »ísť do kúpeľov«. В других сочетаниях ударение остаётся на существительном: *вы́тянуть из воды́*.

борода́: схвати́ть кого-либо за́_бороду.

голова́: схвати́ться за́_голову; кирпи́ч упа́л ему́ на́_голову, фразеологическое выражение *как снег на́_голову* »z čista jasna«, *сказа́ть кому-либо на́_голову* »do očí«, *положи́ть поду́шку по́д_голову*.

гора́: взбира́ться на́_гору; по́д_гору »dole kopcom«, но: *смотре́ть на го́ры*.

душа́: за́_душу хвата́ющий »dojímavý«, *взять грех на́_душу.*

зима́: уе́хать на́_зиму в го́ры; за́_зиму он око́нчил свою́ кни́гу; запасти́сь на́_зиму я́блоками.

нога́: наступи́ть кому-либо на́_ногу или *на́_ноги; схвати́ть кого-либо за́_ногу* или *за́_ноги; поста́вить кого-либо на́_ноги; подложи́ть ковёр по́д_ноги.*

река́: пойти́ на́_реку; отпра́виться за́_реку; но: *смотре́ть на ре́ку* или *на реку́.*

рука́: взять за́_руку или *за́_руки; положи́ть на́_руку; подня́ть ребёнка на́_руки; идти́ с кем-либо по́д_руку* »pod pazuchu«, *де́йствовать рука́ об_руку с кем-либо* »ruka v ruke«.

спина́: лечь, упа́сть на́_спину.

стена́: в выражениях *он на́_стену ле́зет, как об_стену горо́х.*

сторона́: отдава́ть рабо́ту на́_сторону »dávať prácu iným«.

Склонение существительных на -ья

У существительных женского, мужского и «общего» рода на -ья следует различать два типа склонения. Существительные с ударением на основе (типа *шалу́нья* »nezbednica«, *лгу́нья*) являются вполне продуктивным типом: ср. *бегу́н — бегу́нья, крику́н — крику́нья, колду́н — колду́нья* »čarodejnica«. Сюда же относятся такие выражения, как *я́ичница-глазу́нья* »volské oká«, *го́стья* (к муж. форме *гость*) и др. Наоборот, существительные на ударяемое -ья́ непродуктивны: сюда входят слова *бадья́* »putňa«, *скамья́* »lavica«, *семья́* »rodina«, *статья́, свинья́, судья́*, календарное имя *Илья́.*

В родительном падеже множ. числа существительные на ударяемое и безударное -ья обнаруживают разные окончания:

	Ударение на основе	Ударение на окончании
Ед. ч. И.	шалу́н-ья	стат-ья́
Р.	шалу́н-ьи	стат-ьи́
Д.	шалу́н-ье	стат-ье́
В.	шалу́н-ью	стат-ью́
Т.	шалу́н-ьей	стат-ьёй
П.	о шалу́н-ье	о стат-ье́
Мн. ч. И.	шалу́н-ьи	стат-ьи́
Р.	шалу́н-ий	стат-е́й
Д.	шалу́н-ьям	стат-ья́м
В.	шалу́н-ий	стат-ьи́
Т.	шалу́н-ьями	стат-ья́ми
П.	о шалу́н-ьях	о стат-ья́х

Склонение существительных на *-ия*

Большинство существительных, относящихся к этому типу склонения, являются словами иноязычного происхождения. С точки зрения современного языка многие из них непроизводны: *па́ртия, ли́ния, на́ция, а́рия, се́кция, мили́ция, ко́пия, та́лия.* Продуктивность этого типа склонения обеспечена рядом весьма продуктивных суффиксов:

-ия: аномальный — аномалия, симпати́чный — симпа́тия, герма́нец — Герма́ния и т. п.;

-ация; -яция: декларировать — деклара́ция, компиллировать — компилля́ция и т. п.;

-иза́ция: организова́ть — организа́ция, мобилизова́ть — мобилиза́ция, авторизова́ть — авториза́ция и т. п.;

-фика́ция: кинофика́ция, звукофика́ция и т. п.

Суффиксы этой группы легко примыкают к исконно русским словам, создавая новые термины: *звукофика́ция сове́тского кино́, яровиза́ция пшени́цы* и т. п.

Тип партия

	Единст. число	Множ. число
И.	па́рт-ия	па́рт-ии
Р.	па́рт-ии	па́рт-ий
Д.	па́рт-ии	па́рт-иям
В.	па́рт-ию	па́рт-ии
Т.	па́рт-ией	па́рт-иями
П.	о па́рт-ии	о па́рт-иях

По окончанию предложного падежа единственного числа *(о парт-ии)* и родительного падежа множественного числа *(парт-ий)* этот тип совпадает со склонением существительных среднего рода типа *жела́ние (о жела́нии, жела́ний).*

Склонение существительных мужского и «общего» рода на *-а, -я, -ья* и *-ия*

Существительные мужского рода типа *мужчи́на, мальчи́шка, ста́роста, колле́га; па́па, де́душка, дя́дя,* а также существительные «общего» рода типа *сирота́, пья́ница, уби́йца, броди́га* склоняются в русском языке по образцу соответствующих существительных женского рода. В этом отношении склонение существительных мужского (и общего) рода на *-а, -я* и *-ья* принципиально отличается от склонения соответствующих существительных в словацком или чешском языках типа *traktorista, hrdina, sudca.* Существительные мужского рода, относящиеся к этой группе, являются в русском языке единственной группой существительных «одушевлённых», у которых

форма винительного падежа единственного числа не совпадает с формой родительного падежа единственного числа, ср. *получи́л от Ва́ни* (род. п.) — *ви́дел Ва́ню, был у де́душки — ви́дел де́душку.* В словацком языке и здесь сохраняется основной признак «одушевлённости»: форма винительного падежа совпадает с формой родительного.

Склонение имён существительных мужского рода на *-а, -я, -ья* и *-ия* из всех типов склонения обнаруживает наиболее существенные расхождения со склонением соответствующих существительных словацкого языка. Целесообразно привести параллельно русскую и словацкую парадигму:

Ед. ч.	И.	колле́г-а	koleg-a	Фе́д-я	Feď-o	суд-ья́	sudc-a
	Р.	колле́г-и	koleg-u	Фе́д-и	Feď-u	суд-ьи́	sudc-u
	Д.	колле́г-е	koleg-ovi	Фе́д-е	Feď-ovi	суд-ье́	sudc-ovi
	В.	колле́г-у	koleg-u	Фе́д-ю	Feď-u	суд-ью́	sudc-u
	Т.	колле́г-ой	koleg-om	Фе́д-ей	Feď-om	суд-ьёй	sudc-om
	П.	колле́г-е	koleg-ovi	Фе́д-е	Feď-ovi	суд-ье́	sudc-ovi
Мн. ч.	И.	колле́г-и	koleg-ovia			су́д-ьи	sudc-ovia
	Р.	колле́г	koleg-ov			суд-е́й	sudc-ov
	Д.	колле́г-ам	koleg-om			су́д-ьям	sudc-om
	В.	колле́г	koleg-ov			суд-е́й	sudc-ov
	Т.	колле́г-ами	koleg-ami			су́д-ьями	sudc-ami
	П.	колле́г-ах	koleg-och			су́д-ьях	sudc-och

Для правильного усвоения русского языка необходимо внимательно проследить имеющиеся существенные различия между склонением русских и соответствующих словацких существительных, ибо перенесение флексии из одного языка в другой («интерференция») является в данном случае постоянным источником грубых ошибок.

К числу существительных, склоняемых по образцу *колле́га, Фе́дя, судья́,* относятся такие слова, как *возни́ца* »furman«, *старши́на* (военный чин), *ста́роста*, устар. *городско́й голова́* »mešťanosta«, *вельмо́жа, самоуби́йца, левша́* »ľavák«, и целый ряд существительных с более или менее эмоциональной окраской: *неве́жа* »grobian«, *неве́жда* »nevedomec«, *недотро́га* »cintľavec«, *пья́ница, пла́кса* »ufňukanec«, *со́ня* »spachtoš«. Ср. экспрессивные *банди́га* »bandita«, *немчура́* и т. п.

Единственным существительным на *-ия*, склоняющимся по данному образцу, является устар. (теперь ироническое) *вити́я* »rečník«.

ТРЕТЬЕ СКЛОНЕНИЕ

Существительные женского рода с нулевым окончанием в именительно-винительном падеже единственного числа склоняются в словацком языке либо по образцу *kosť*, либо по образцу *dlaň*. Точно так же в чешском языке имеются два парадигматических типа: *kost* и *píseň*. В русском языке со-

ответствующие существительные склоняются по одному общему образцу *кость* или *тетра́дь*; склонение типа *dlaň — dlane*, чеш. *píseň — písně* в русском языке неизвестно, ср. *ладо́нь — ладо́ни*.

В третье склонение входят существительные корневые (типа *кость*, *речь*, *степь*, *ночь*, *вещь*), отвлечённые производные бессуффиксные со смягчением последней согласной основы (типа *глушь*, *даль*, *гладь*, *рябь*) и большое количество отвлечённых существительных с суффиксом *-ость* или *-есть* (*мо́лодость*, *ра́дость*, *све́жесть*, *теку́честь*). Сюда же входят географические названия типа *Сиби́рь*, *Куба́нь*, *Обь*, *Тама́нь*, *Сы́зрань*, *Каза́нь*, *Ряза́нь*, *Су́здаль*, *Астрахань*, *Керчь* и др.

В словацком языке почти нет слов иностранного происхождения, склоняющихся по образцу *kosť* или *dlaň*, если не считать слов типа *prax*, *syntax* и *Budapešť*. В русском языке таких слов довольно много. В большинстве случаев это существительные на *-ль*: *сталь*, *ме́бель*, *акваре́ль*, *дуэ́ль*, *форе́ль*, *арте́ль*, *магистра́ль*, *мора́ль*, *шаль*. Имеется и некоторое число старых заимствований из тюркских языков или из греческого, ср. *ло́шадь*, *нефть*, *тетра́дь* и др.

К третьему склонению относим также существительное мужского рода *путь* (ср. слов. *púť* жен. рода!), а также слова *лю́ди*, *де́ти*, *са́ни* и некоторые другие слова, употребляющиеся только во множ. числе.

В русском правописании все существительные, относящиеся к третьему склонению, имеют в имен.-вин. падеже единственного числа графическое окончание *-ь*, которое пишется и после *ж*, *ч*, *ш* и *щ*, хотя в этих случаях оно не обозначает мягкости, а является лишь морфологическим показателем: *мышь*, *вещь*, *молодёжь*, *ночь*.

В виду того, что в пределах третьего склонения нет морфологических вариантов, приводим в качестве парадигм акцентологические типы.

	Постоянное ударение	Подвижное ударение		
Ед. ч. И.	1) тетра́д-ь	2) вещ-ь	3) печ-ь	пут-ь
Р.	тетра́д-и	ве́щ-и	пе́ч-и	пут-и́
Д.	тетра́д-и	ве́щ-и	пе́ч-и	пут-и́
В.	тетра́д-ь	ве́щ-ь	пе́ч-ь	пут-ь
Т.	тетра́д-ью	ве́щ-ью	пе́ч-ью	пут-ём
П.	о тетра́д-и	о ве́щ-и	о пе́ч-и на печ-и́	о пут-и́
Мн. ч. И.	тетра́д-и	ве́щ-и	пе́ч-и	пут-и́
Р.	тетра́д-ей	вещ-е́й	печ-е́й	пут-е́й
Д.	тетра́д-ям	вещ-а́м	печ-а́м	пут-я́м
В.	тетра́д-и	ве́щ-и	пе́ч-и	пут-и́
Т.	тетра́д-ями	вещ-а́ми	печ-а́ми	пут-я́ми
П.	о тетра́д-ях	о вещ-а́х	о печ-а́х	о пут-я́х

Акцентологические типы

1. Единственно продуктивным является тип с постоянным ударением: *тетра́дь*. Сюда относятся односложные корневые существительные типа *жесть* »plech«, *медь*, *жизнь*, *сталь*, *шерсть*, *нефть*, двухсложные типа *ладо́нь*, *крова́ть*, *посте́ль*, *пре́лесть*, *па́мять*, *по́мощь*, а также подавляющее большинство производных на *-ость*, *-есть* (*ра́дость*, *глу́пость*, *неожи́данность*, *неприя́тность*) и почти все слова иностранного происхождения: *ме́бель*, *меда́ль*, *доре́ль*, *пане́ль*, *мора́ль* и др. Следует отметить, что многие слова этой группы употребляются только в единственном числе.

2. Непродуктивный тип с подвижным ударением, падающим в единств. числе и в имен.-вин. множественного числа на основу, в остальных падежах множ. числа на окончание: *вещь* — мн. ч. *ве́щи* — *веще́й* — *веща́м*. В состав этого типа входят:

а) односложные непроизводные: *весть*, *ветвь*, *вещь*, *власть* (*вла́сти* — *власте́й* »vrchnosť, orgány«), *кисть*, *масть* »farba« («идеалисты всех мастей»), *мышь*, *ночь*, *плеть* »korbáč«, *пядь*, *речь*, *роль*, *сельдь*, *сеть*, *сласть*, *смерть*, *снасть*, *соль*, *стать*, *страсть*, *треть*, *трость*, *часть*;

б) двухсложные, преимущественно производные: *ве́домость* »listina«, *до́лжность* »hodnosť, funkcia«, *кре́пость*, *ло́пасть*, *ло́шадь*, *ме́лочь*, *но́вость*, *о́бласть*, *о́чередь*, *пло́скость*, *пло́щадь*, *по́весть*, *по́дать*, *по́лость*, *при́стань* »prístav«, *ско́рость*, *сте́пень*, *сте́рлядь*, *це́рковь*, *че́тверть*; но: *о́трасли* — *о́траслей*; ударение в имен. падеже единств. числа во всех случаях падает на первый слог.

3. Непродуктивный тип с подвижным ударением, отличающийся от предыдущего только тем, что после предлогов *в* и *на* с местным значением ударение переносится на окончание: *на печи́*. Таким образом, в этих словах различается собственно предложный падеж (*о пе́чи*) и предложные сочетания с местным значением (*в печи́*, *на печи́*). Некоторые исследователи считали, что в данном случае мы имеем дело с особым местным падежом. Однако в виду немногочисленности слов, образующих формы на *-и́* ударяемое, а также в виду полной непродуктивности этих форм о наличии особого местного падежа говорить не приходится. Речь идёт о своеобразном оформлении некоторых предложных сочетаний.

Сюда относятся следующие существительные: *бровь*, *глушь* »zapadnutá krajina« (*жить в глуши́*), *горсть*, *грудь*, *грязь*, *дверь*, *жердь*, *Керчь*, *кость*, *кровь*, *мель*, *ось*, *Пермь*, *печь*, *пыль*, старослав. *нощь* (только в выражении *как тать в нощи́* »ako zlodej v noci«), *Русь*, *связь*, *сеть*, *степь*, *Тверь*, *тень*, *цепь* »reťaz«.

Некоторые односложные существительные переносят ударение на окончание также в родительном и дательном падежах единственного числа: *по Руси́* (дат. падеж), *царь всея́ Руси́* (род.), но: *Ру́сью* («здесь *Ру́сью* па́хнет», Пушкин), *сорва́ться с цепи́*, *прижа́ть к груди́* (но: *гру́дью*), *по степи́* (дат).

Оттяжка ударения на предлог

Оттяжка ударения на предлог имеет место у шести существительных: *кровь: дб҃крови* (избúть кого-либо, порéзаться);

ночь: зá҃ночь (прочéсть книгу); *дб҃ночи* (ждать кого-либо); *нá҃ночь* »pred spánkom« (приня́ть лека́рство);

смерть: дб҃смерти »na smrť« (испуга́ться);

соль: бéз҃соли (он ест карто́шку бéз соли); в современном языке преобладает форма без оттяжки ударения: *без со́ли.*

цепь: нá҃цепь (посади́ть соба́ку);

чéтверть: бéз҃четверти шесть или без оттяжки: *без чéтверти шесть.*

Оттяжка ударения на предлог имеется ещё в одном существительном, употребляющемся только во множественном числе: *щи* »kapustnica«, а именно в выражении *попáсть как кур во҃щи* »dostať sa ako Pilát do kréda«.

Иррегулярные формы творительного падежа на *-ию, -ми*

В творительном падеже единственного числа встречается в поэтическом языке вместо окончания *-ью* славянизм *-ию смéртию, любóвию.*

В творительном падеже множ. числа слова *лóшадь, дверь* и *плéть* образуют, наряду с регулярными формами *лошадя́ми, дверя́ми, плетя́ми,* также и иррегулярные формы *лошадьмú, дверьмú, плетьмú.* Форма *костьмú* встречается только в выражении *лечь костьмú* »zložiť kosti«.

Склонение слов *вошь, ложь, рожь, любóвь, цéрковь*

Пять существительных третьего склонения обнаруживают в основе беглое *-о-* во всех косвенных падежах, за исключением твор. единств. числа, где имеются формы основы без *-о-*: *вши, лжи, ржи, любвú, цéркви.* Слово *цéрковь,* кроме того, меняет во множ. числе основу: в правописании это отражается наличием твёрдых окончаний в дат., твор. и предл. падежах множ. числа.

	Ед. ч.			Мн. ч.	
И.	вошь	любóвь	цéрковь	вши	цéркви
Р.	вши	любвú	цéркви	вшей	церквéй
Д.	вши	любвú	цéркви	вшам	церквáм
В.	вошь	любóвь	цéрковь	вшей	цéркви
Т.	вóшью	любóвью	цéрковью	вшáми	церквáми
П.	вши	любвú	цéркви	вшах	церквáх

Следует отметить, что имя собственное *Любóвь* сохраняет беглое *-о-* во всех падежах: род. *Любóви Николáевны,* дат. *Любóви Николáевне* и т. д.

Склонение существительных *де́ти*, *лю́ди* и других pluralia tantum

К третьему склонению относятся также некоторые pluralia tantum. Существительные *де́ти* и *лю́ди* склоняются неправильно:

И.	де́ти	лю́ди	са́ни
Р.	дете́й	люде́й	сане́й
Д.	де́тям	лю́дям	саня́м
В.	дете́й	люде́й	са́ни
Т.	детьми́	людьми́	саня́ми
П.	о де́тях	о лю́дях	о саня́х

У остальных существительных имеется подвижное ударение, соответствующее типу *вещь* — род. мн. *вещей*. Сюда относятся: *дрбжжи — дрожжей*, *ку́дри — кудре́й*, *мбщи — мощей* »relikvie«, *бвощи — овощей*, *бтруби — отрубе́й*, *пбмочи — помоче́й* »traky«, *са́ни — сане́й*, *се́ни — сене́й*, *слю́ни — слюне́й*, *со́пли — сопле́й*, *щи — щей* »kapustnica«.

ЧЕТВЁРТОЕ СКЛОНЕНИЕ

К четвёртому склонению мы относим все непродуктивные и ограниченно-продуктивные типы склонения с чередованием основы единственного и множественного числа (так называемые «разносклоняемые» существительные). Исторически почти все эти типы восходят к парадигмам так называемых консонантических основ.

В пределах четвёртого склонения можно выделить следующие группы:

1. Существительные мужского рода, образованные при помощи ограниченно-продуктивного суффикса *-ёнок*, *-онок*, мн. ч. *-я́та*, *-а́та*, обозначающие детёнышей: тип *телёнок — теля́та*, *медвежбнок — медвежа́та*. К этой группе относятся также существительные типа *бесёнок — бесеня́та* (чередование основы *бесён-ок — бесеня́т-а*) и изолированное существительное среднего рода *дитя́ — дитя́ти* (без форм множ. числа).

2. Существительные мужского рода, образованные при помощи ограниченно-продуктивного суффикса *-анин- -янин*, множ. число *-ане*, *-яне*, обозначающие лиц: тип *киевля́нин — киевля́не*. К этой группе примыкает существительное *хозя́ин — хозя́ева*.

3. Два существительных женского рода с чередованием основы *мать — ма́тер-и*, *дочь — дбчер-и*.

4. Десять существительных среднего рода на *-мя*: тип *вре́мя — вре́мени*.

5. Несколько изолированных существительных с неправильным чередованием основы единственного и множественного числа: *чу́до — чудеса́, не́бо — небеса́, су́дно — суда́, ку́рица — ку́ры.*

Существительные типа *телёнок — теля́та*

Названия детёнышей относятся в большинстве славянских языков к среднему роду, ср. словац. *teľa*, чеш. *tele*, укр. *теля*. В русском языке эти слова перешли в мужской род. Однако во множественном числе сохранён старый суффикс среднего рода: *теля́та — теля́т*. По своей семантике эти существительные входят в русском языке в класс «живых существ»; отсюда совпадение формы винительного падежа обоих чисел с формой родительного: *я ви́дел телёнка, я ви́дел теля́т*, ср. словац. *videl som teľa, videl som teľatá, teľce.*

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	телёнок	теля́та
Р.	телёнка	теля́т
Д.	телёнку	теля́там
В.	телёнка	теля́т
Т.	телёнком	теля́тами
П.	о телёнке	о теля́тах

В пределах узкого семантического круга суффикс *-ёнок, -онок* в русском языке продуктивен, точно так же, как продуктивен в словацком языке суффикс *-a, -ať́a (-ä, -äť́a)*. В русском языке можно образовать название любого детёныша при помощи этого суффикса: *жеребёнок, поросёнок, козлёнок, ягнёнок, котёнок, волчо́нок, медвежо́нок, верблюжо́нок, тигрёнок, слонёнок, страусёнок, гусёнок, утёнок, цыплёнок* и др.

Слово *щено́к* »šteňa« допускает двоякое образование множественного числа: *щенки́ — щенко́в* и *щеня́та — щеня́т.*

В современном языке возникли новые образования типа *октябрёнок — октября́та.*

Существительные *бесёнок* и *чертёнок* образуют формы множественного числа при помощи смешанного суффикса *-еня́та*: *бесеня́та, чертеня́та.*

Существительное *ребёнок* в современном языке не соотнесено с формой *ребя́та.* Существительное *ребёнок* соответствует словацкому »dieťa«, в то время как *ребя́та* обозначает «молодые люди, па́рни, това́рищи» (Ушаков, том III, стр. 1806), и может относиться одновременно к юношам и девушкам.

Слово *ребёнок* семантически соотнесено со словом *де́ти*, ср. *грудно́й ребёнок — грудны́е де́ти*, при невозможности сказать *«грудны́е ребя́та»*.

Совершенно изолированно стоит в современном языке существительное

дитя́ и *дитё*. Первое, как архаизм, употребляется только в поэтической речи или в переносном смысле, ср. «не плачь, дитя́, не плачь напра́сно!», и в сочетаниях *дитя́ приро́ды, дитя́ своего́ ве́ка, дитя́ свое́й эпо́хи.*

Слово *дитё*, наоборот, является формой просторечия, ср. *пла́чет, как ма́лое дитё*. В современном языке употребление этих слов в косвенных падежах избегается. В литературе, однако, встречается архаичное склонение этих слов:

И.	дитя́	дитё
Р.	дитя́ти	дитя́, дити́
Д.	дитя́ти	дитю́
В.	дитя́	дитё
Т.	дитя́тею	дитёй
П.	о дитя́ти	о дите́

Существительное *дитя́* соотнесено только в переносном значении с формой множ. числа *де́ти (де́ти своего́ ве́ка).*

Существительные типа *горожа́нин — горожа́не*

В данную группу входят существительные, обозначающие лиц по месту жительства *(киевля́нин)*, по происхождению из какой-либо местности *(южа́нин)*, по принадлежности к какой-либо общественной группе *(граждани́н, мещани́н, лютера́нин)*, по принадлежности к какой-либо этнической группе *(англича́нин, египтя́нин).*

Несколько примеров: *афиня́нин, витебля́нин* (житель города *Ви́тебск*), *карфагеня́нин, куря́нин* (житель города *Курск*), *горьковча́нин, харьковча́нин, рижа́нин (Рига), ри́млянин, парижа́нин; — южа́нин, северя́нин, глича́нин, марсия́нин; — горожа́нин* »obyvateľ mesta«, *мещани́н* »malomešťan«, *граждани́н* »občan«, *крестья́нин, хуторя́нин, односельча́нин, однополча́нин; — англича́нин, датча́нин, армяни́н* и др.

Суффикс *-анин, -янин* отчасти продуктивен и поныне, ср. *политкаторжа́нин.*

Необходимо отметить, что суффикс *-анин, -янин* гораздо менее продуктивен, чем в словацком языке суффиксы *-čan* и *-an;* ср. разнообразие суффиксов в словах *ленингра́дец, москви́ч* (при устар. *москвитя́нин*), *одесси́т, сибиря́к, пража́нин, братисла́вец, парижа́нин, берли́нец, ло́ндонец,* при слов. *Leningradčan, Moskovčan, Pražan, Berlínčan, Londýnčan.*

У некоторых существительных с ударением на последнем слоге наблюдается подвижное ударение; во множ. числе оно переносится на предпоследний слог: *армяни́н — арме́не, дворяни́н — дворя́не, мещани́н — ме-*

ща́не, христиани́н — христиа́не; с оттяжкой ударения на первый слог существительное *граждани́н — гра́ждане*.

К этой группе примыкают существительные, обнаруживающие суффикс *-ин* (а не *-я́нин*): *ба́рин, боя́рин*. Формы множественного числа: *ба́ре* (и *ба́ры*) — *бар, боя́ре — боя́р*.

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	горожа́нин	горожа́не
Р.	горожа́нина	горожа́н
Д.	горожа́нину	горожа́нам
В.	горожа́нина	горожа́н
Т.	горожа́нином	горожа́нами
П.	о горожа́нине	о горожа́нах

Слово *господи́н* образует формы множ. числа *господа́ — госпо́д — господа́м, -а́ми, -а́х*.

Целый ряд существительных, образованных при помощи суффикса *-ин*, однако, сохраняет этот суффикс и во множественном числе: *грузи́н — грузи́ны, осети́н — осети́ны*. В род.-вин. мн. ч. выступает форма *грузи́н, осети́н*.

Существительное *хозя́ин* образует формы множ. числа при помощи суффикса *-ева*: *хозя́ева — хозя́ев*.

Существительные *мать* и *дочь*

У этих существительных сохранилось старое склонение основ на *-р-* (или, вернее, на **-tēr-*: ср. греч. *μητήρ, θυγάτηρ* «дочь»). Имен.-вин. падеж единственного числа противопоставляется всем остальным:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
И.	мать	дочь	ма́тери	до́чери
Р.	ма́тери	до́чери	матере́й	дочере́й
Д.	ма́тери	до́чери	матеря́м	дочеря́м
В.	мать	дочь	матере́й	дочере́й
Т.	ма́терью	до́черью	матеря́ми	дочеря́ми, дочерьми́
П.	о ма́тери	о до́чери	о матеря́х	о дочеря́х

Эти существительные склоняются по образцу третьего склонения (типа *кость*) с той только разницей, что в косвенных падежах единственного и во всём множественном числе имеется основа *матер-, дочер-*.

Существительные типа *вре́мя*

В русском языке имеется десять существительных среднего рода на *-мя*. Все они противопоставляют основу имен.-вин. единственного числа всем остальным падежным формам. В единственном числе эти существительные подверглись влиянию склонения типа *путь*, во множественном числе они имеют окончания первого склонения (среднего рода).

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	вре́мя	времена́
Р.	вре́мени	времён
Д.	времени	времена́м
В.	вре́мя	времена́
Т.	вре́менем	времена́ми
П.	о вре́мени	о временах

По этому образцу склоняются: *пле́мя — пле́мени* — мн. ч. *племена́ — племён*, *бре́мя — бре́мени* — мн. ч. *бремена́ — бремён*; *зна́мя — зна́мени* — мн. ч. *знамёна — знамён*; *и́мя — и́мени* — мн. ч. *имена́ — имён*; только в единств. числе *те́мя — те́мени*, *пла́мя — пла́мени* (ср. словац. *v plameňoch*), *вы́мя — вы́мени*. Существительные *се́мя* и *стре́мя* имеют формы род. множ *семя́н*, *стремя́н*.

Изолированные существительные

В эту группу отнесены все изолированные существительные, поскольку они обнаруживают суффиксальное чередование между формами единственного и множественного числа.

Существительное *ку́рица* имеет, кроме нормальной формы множ. числа *ку́рицы*, более употребительную форму *ку́ры*, *кур*. Ср. также в поговорках: *у него́ де́нег ку́ры не клюю́т*, *это ку́рам на_смех*.

Два существительных *чу́до* и *не́бо* образуют множ. число при помощи суффикса *-ес-: чудеса́ — чуде́с — чудеса́м*, *небеса́ — небе́с — небеса́м*. В отличие от словацкого, предл. падеж единств. числа от слова *не́бо* звучит *на не́бе — na nebi*.

Существительное *су́дно* (или *судно́*) »lod'« отбрасывает *-н-* во множ. числе: *суда́ — судо́в — суда́м*.

Существительное *дно* образует формы множ. числа от другой основы: *до́нья*, *до́ньев* (бочки).

Склонение существительных pluralia tantum

Существительные, употребляющиеся только во множественном числе, склоняются по образцу первого, второго и третьего склонения; однако, с точки зрения современного языка, не всегда легко определить, по какому именно образцу они склоняются. Затруднения связаны с определением формы род. падежа, а также с акцентологическими особенностями этих существительных.

Сравнительно просто дело обстоит у тех существительных pluralia tantum, которые исторически являются формами множественного числа, семантически оторванными от соответствующих парадигм единственного числа. Имеются в виду такие слова, как *духи́* — *духо́в* »voňavka« (при наличии существительного *дух*), *леса́* — *лесо́в* »lešenie« (при наличии формы *лес*), *поля́* — *поле́й* »okraj, margo; strecha klobúka«, *мостки́* — *мосто́к*, *де́ньги* — *де́нег* (при *деньга́*), *часы́* — *часо́в* (при *час*) и др. Эти существительные являются как бы омонимами соответствующих форм множественного числа или во всяком случае параллельными их формами.

Существительные pluralia tantum с мягкой основой склоняются по образцу третьего склонения (типа *кость*): *бу́дни* — *бу́дней* »všedné dni«, *гра́бли* — *гра́блей*, *гу́сли* — *гу́слей* »gusle«, *ро́звальни -ей* »široké sedliacke sane«, *ону́чи* — *ону́ч* и *ону́чей*, *щи* — *щей* »kapustnica«, *ходу́ли -ей* »chodúle«, *поля́ти -ей* »prípecok«, *я́сли -ей*.

Подвижное ударение имеют: *дро́жжи* — *дрожже́й*, *о́вощи* — *овоще́й*, *по́мочи -е́й*, *кле́щи -е́й*, *са́ни -е́й*, *слю́ни -е́й*, *о́трубы -е́й*, *се́ни -е́й*, *че́рви -е́й* »srdcia (farba karát)«.

Остальные существительные pluralia tantum могут иметь окончание *-ов*, *-ев* или нулевое окончание. Распределение этих окончаний не поддаётся, с точки зрения современного языка, ни формальной, ни семантической классификации.

Окончания -ов, -ев имеют: *весы́ -о́в*, *духи́ -о́в*, *очки́ -о́в*, *плоскогу́бцы -ев*, *побо́и -о́ев* »bitka«, *помо́и -о́ев*, *по́иски -ов* »hľadanie«, *порткй -о́в* »gate«, *подшта́нники -ов* »spodky«, *рейту́зы -ов* »jazdecké nohavice«, *штаны́ -о́в*, *часы́ -о́в*, *щипцы́ -о́в*.

Некоторые слова на *-а́* образуют форму родительного падежа с нулевой флексией: *дрова́ — дров*, *воро́та — воро́т*, *вели́ла — вели́л*, *пери́ла — пери́л*, *румя́на — румя́н*, *черни́ла — черни́л*.

У большинства существительных, обозначающих «составные предметы», имеется в род. падеже нулевая флексия: *но́жницы — но́жниц*, *носи́лки -лок*, *кальсо́ны — кальсо́н* »spodky«, *де́ньги — де́нег*, *сала́зки -зок* »sánky«, *ко́злы — ко́зел* »kozlík (na voze)«, *чётки -ток* »ruženec«, *ша́хматы — ша́хмат* и др. Сюда же относятся существительные, обозначающие обряды: *именины*

— *имени́н*, *по́хороны* — *похоро́н* — *похорона́м*; названия отрезков времени: *су́тки -ток*, *су́мерки -ерек* (!), *кани́кулы -кул*; отбросы: *опи́лки -лок*, *стру́жки -жек* »hobliny«; некоторые изолированные существительные: *сли́вки -вок* »smotana«, *хло́поты* — *хлопо́т* — *хло́потам* »starosti, behanie«.

Особо отметим масти игральных карт: *тре́фы* — *треф* »kríže«, *бу́бны* — *бубён* »káro«, *пи́ки* — *пик*.

НЕСКЛОНЯЕМЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Во всех славянских языках имеется ряд несклоняемых существительных, представленных именами существительными нарицательными (тип *kakadu*), именами собственными (тип *Peru*) и литерными аббревиатурами (тип *ÚRO*, *ÚV*). Это прежде всего имена существительные, по своему фонетическому облику не подводимые ни под один из существующих типов склонения. В то время, как в других славянских языках число имён существительных нарицательных, не поддающихся изменению по падежам, незначительно, в русском языке, по подсчётам проф. Б. Унбегауна,[1] имеется не менее 350 таких существительных, не считая названий букв и нот, а также исключая вполне продуктивную группу сложносокращённых слов типа *МТС*, *КПСС*, *ЦК* и имён собственных типа *Дюма́*, *Гёте*. Можно утверждать, что в других славянских языках, в частности в словацком, все существительные иностранного происхождения, в той или иной степени подводимые под существующие типы склонения, склоняются без затруднений, ср. *kakao* — *kakaa*, *Meillet* — *Meilleta*, *byro* — *byra*, *Rousseau* — *Rousseaua*. Иногда даже создаются особые парадигмы для склонения непривычных существительных иностранного происхождения, ср. словац. *kuli* — *kuliho*, *Goethe* — *Goetheho*, *Sardou* — *Sardoua*.[2] Русский язык, вообще отличающийся меньшей «стандартностью» формообразования и словообразования по сравнению со словацким языком, включает в состав склоняемых только такие существительные, которые по своему фонетическому оформлению (по своему «окончанию») легко подводятся под один из продуктивных типов склонения.

Существительные, не подлежащие склонению в русском языке, можно разбить на несколько групп:

1. Существительные на *-у*, *-ю* или *-ы*: *марабу́*, *какаду́*, *интервью́*, *меню́*. Сюда же относятся имена собственные и географические названия типа

[1] B.O. Unbegaun: Les substantifs indéclinables en russe. Revue des études slaves XXIII, 1947, 130—145.

[2] Ladislav Dvonč: Skloňovanie typu *kilu* a *Sardou* v spisovnej slovenčine. Slovo a tvar III, 1949, 129—137.

Сардý, *Перý*, *Ремю́*, *Генч-Оглы́* и т. п. Соответствующие существительные нарицательные в русском языке не склоняются.

2. Существительные на *-и*: *парú* »stávka« (*держáть парú* »staviť sa«), *жюрú* »porota«, *таксú*, *колúбри*, *пóни*, *кýли*, *я́нки*, *жалюзú* »obločnice«. Сюда же относятся *Вéрди*, *Гáнди*, *Толья́тти*, *Гаúти*, *Кáпри* и т. п. В словацком языке наблюдается тенденция склонять такие существительные, ср. *kuli — kuliho*, *Yankee — Yankeeho*, *Bambi — Bambiho*, *Freddy — Freddyho*, *Togliatti — Togliattiho*, *Verdi — Verdiho*, *Gandhi — Gandhiho*.

3. Существительные на *-е* или *-э*: *ателье́*, *клише́*, *резюме́*, *алóэ*, *атташе́*, *протежé* »chránenec«, *бланманжé* »krém« и т. п. Сюда же относятся существительные типа *Гёте*, *Лúнде*, *Нексё* и др. Имена собственные муж. рода на *-е* в словацком языке, как правило, склоняются, ср. *Goethe — Goetheho*, *Linde — Lindeho*, даже *duce — duceho*.

4. Существительные на *-о*: большинство несклоняемых существительных на *-о* имеет ударение на последнем слоге — *метрó*, *кино́*, *депó*, *бюрó*, *пальтó*, *килó*, *аргó* и др. Лишь немногие существительные вроде *динáмо* или *какáо* имеют ударение не на последнем слоге. Сюда же относятся несклоняемые имена собственные *Виктóр Гюгó*, *Жан-Жак Руссó*, географические названия типа *Бордó*, *Брнó* и др.

В словацком языке существительные как *metro*, *kino*, *byro*, *kilo*, *depo*, *dynamo*, *kakao*, а также *Viktor Hugo*, *Rousseau*, и, конечно, *Brno* склоняются без затруднений.

Несклоняемость приведённых имён существительных объясняется тем, что в русском языке не было модели, могущей послужить образцом для склонения этих существительных. Дело в том, что русские существительные среднего рода с ударением на *-ó* воспринимаются в современном языке как слова непроизводные (*селó*, *ребрó*, *ведрó*) и являются теперь вполне замкнутым, непродуктивным акцентологическим типом. Следовательно, существительные типа *пальтó* уже не могли ассимилироваться, не могли войти в разряд существительных среднего рода с ударением на флексии (*селó*). Вот почему существительные иноязычного происхождения на *-о* в русском языке отнесены к среднему роду не в силу своего «окончания» — ибо у заимствованных слов, воспринимаемых как неразложимое целое, «окончание» (флексия) не выделяется, — а в силу своей несклоняемости.

К несклоняемым существительным относятся в литературном языке и украинские имена на *-о* (*Шевчéнко*, *Франкó*), а также русские фамилии типа *Дурновó*, *Первáго* и т. п. См. стр. 144.

5. Существительные на *-а*: *буржуá*, *альпакá*, *па* »tanečný krok«, *амплуá*. С точки зрения русского языка эти существительные являются непроизводными. В составе же русских непроизводных существительных на *-á* уда-

ряемое *(рука́, нога́, вода́, весна́)* находятся почти исключительно слова непроизводные. Этот разряд является в русском языке непродуктивным, замкнутым, лишённым возможности ассимилировать себе новые непроизводные слова. Несклоняемыми являются также имена типа *Бенуа́*, *Дюма́* и т. п.

К словам, избегающим изменения по падежам, можно отнести далее географические названия на *-а* даже в том случае, если речь идёт о словах славянского происхождения. Только такие названия, как *Пра́га* или *Варша́ва*, *Мора́ва*, *Ри́га*, издавна употребляемые в русском языке, склоняются свободно. Такие же названия, как *Братисла́ва*, *Трна́ва*, *Опа́ва*, *Трстена* употребляются предпочтительно в неизменённом виде. При этом прибегают к описательным формам: *в гброде Братисла́ва*, *из гброда Трнава* и т. п. Точно так же не склоняются названия городов, употребляющиеся в словацком языке только во множественном числе, напр. *Кошице*, *Пешта́ны*, *Шенквице* и др., по той простой причине, что для русского языкового сознания окончание *-е* не связано с представлением о множественном числе.

6. Несклоняемыми являются в русском, как и в словацком языке, сложносокращённые существительные (литерные аббревиатуры) типа *КПСС*, *ЦК*, *МТС*, *ФЗО* и т. п.

7. Несклоняемыми являются также названия нот *(до, ре, ми, фа, соль, ля, си, бемо́ль)*, а также названия букв (*бе*, *ве*, *ге*, *ка*, *эль*, *эм*, *эф*, *ха*, *це*, *ша* и т. п.).

8. Несклоняемыми являются фамильные имена типа *Черны́х*, *Седы́х*, *Кручёных*, а также фамильные имена на *-ич*, *-енко*, если ими обозначаются женщины: *у Ве́ры Мале́вич* и т. п. Несклоняемыми являются, наконец, существительные *мада́м* и *мисс*, а также *Карме́н*.

В общем можно утверждать, что несклоняемые существительные представлены в русском языке некоторыми продуктивными сериями и рядом изолированных слов.

Субстантивированные прилагательные

К разряду имён существительных относятся в русском и словацком языке также слова, обозначающие предметы или опредмеченные понятия, но сохраняющие флексию имён прилагательных: *рабо́чий* »robotník«, *столо́вая* »jedáleň«, *запята́я* »čiarka«, *су́точные* »diéty« и т. п. Эти слова обладают всеми морфологическими категориями имён существительных и в предложении функционируют как эти последние. В то же время они утратили морфологические категории имён прилагательных. Кроме указанных типов субстантивированных имён прилагательных, в русском языке существуют и имена собственные, восходящие к именам прилагательным,

ср. *Иванбв, Онéгин, Петрóвский* и т. п. В виду того, что эти существительные сохраняют флексию имён прилагательных, а также в виду того, что в этой области наблюдаются разные степени субстантивации, считаем целесообразным отнести более подробный разбор слов данного типа к главе, посвящённой имени прилагательному, см. стр. 233.

Соотношения между типом склонения и грамматическим родом

В современных славянских языках старое различие именных основ (kmeĭov) почти полностью утрачено. На смену «основ» пришли типы склонения. Однако ни в одном из современных славянских языков нет полного совпадения между типом склонения и грамматическим родом. Принадлежность существительного к тому или иному типу склонения не допускает однозначного отнесения данного существительного к одному из грамматических родов.

Тем не менее, каждый из продуктивных типов склонения совмещает не больше двух возможных родов, исключая третий. Таким образом, принадлежность к тому или иному типу склонения позволяет с уверенностью сказать, какой из грамматических родов в данном случае исключён. Представим факты в виде наглядной таблицы:

	муж.	жен.	сред.
I склонение *вавóд* *болóто*	+	—	+
II склонение *шкóла* *слугá*	+	+	—
III склонение *кость* *путь*	+	+	—

В словацком языке картина несколько сложнее, так как количество непродуктивных образцов склонения отчасти нарушает стройность общей картины.

ГЛАВА III

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Семантические, морфологические и синтаксические особенности имён прилагательных

Имя прилагательное — это та часть речи, которая включает в себя слова, обозначающие признак предмета, определяющие имя существительное, и обычно согласованные с ним в падеже, числе и роде. Основным организующим началом имени прилагательного в русском языке является, следовательно, его семантика: признак (качество, свойство, отношение), являющийся «атрибутом» «субстанции», всегда связан с этой последней. Будучи выделен путём абстракции, признак необходимо является понятием более отвлечённым, чем носитель признака, соответствующий имени существительному.

В морфологическом отношении имена прилагательные образуют в русском языке формы падежей, чисел и родов (только в единственном числе), но в отличие от имён существительных, грамматический род, число и падеж не являются у имён прилагательных самостоятельными грамматическими категориями: они всецело зависят от соответствующих грамматических категорий (рода, числа и падежа) определяемого имени существительного. Грамматический род, число и падеж не могут выступать у имени прилагательного как показатели тех или иных категориальных грамматических свойств самого имени прилагательного: они выступают лишь как результат согласования с именем существительным.[1] Это даёт нам право говорить о формах рода, числа и падежа имени прилагательного как о формах синтаксических.

Не подлежит сомнению, что основной синтаксической функцией имени прилагательного следует считать функцию определения (přívlastok).[2] Однако синтагматические связи имени прилагательного разнообразны: оно выступает в определительной (детерминативной) синтагме (типа *со́лнечный*

[1] Это относится, в первую очередь, к тем случаям, где имя прилагательное выступает в качестве определения. В предикативном же употреблении имя прилагательное сохраняет известную морфологическую самостоятельность, подчиняясь правилам синтаксиса, ср. *он пришёл голо́дный* и *он пришёл голо́дным*.

[2] Ср. J. Kuryłowicz: Acta linguistica VI, 1950—1951, 103.

день), далее в качестве обособленного определения *(эти дни, со́лнечные и безмяте́жные, оста́лись навсегда́ в его́ па́мяти)*, оно выступает в предикативной синтагме в качестве именного сказуемого *(день был со́лнечный, ма́льчик бо́лен)*, или, наконец, в предикативно-определительной синтагме в качестве именного сказуемостного члена (doplnku) в таких сочетаниях, как *ма́льчик хо́дит оби́женный, он верну́лся взволно́ванный.*

Относительная грамматическая несамостоятельность имени прилагательного сказывается прежде всего в приёмах согласования, характерных для многих языков флективного типа. Имя прилагательное, согласованное с именем существительным, принимает формы рода, числа и падежа этого последнего. Характерно также потенциальное согласование имени прилагательного с существительным в употреблении суффиксов субъективной оценки, ср. *малю́сенький кусо́чек, длинню́щий носи́ще*, словац. *velikánsky chlapisko, bledulinká tvárička.*

В языках со слабо развитой именной флексией согласование прилагательного с существительным сказывается менее отчётливо. Например, в французском языке, почти полностью утратившем именную флексию, прилагательное далеко не всегда согласуется с именем существительным. Французская графика, правда, требует согласования везде, где оно может быть выражено графически, но в живом произношении согласование в роде выражается не всегда, ср. le papier *blanc* — la fleur *blanche* при le drapeau *rouge* — la fleur *rouge*. В языках, представляющих аналитический тип в ещё более чистом виде, как напр. в английском, согласование прилагательного с существительным вовсе не имеет места: ср. *the new house* «новый дом» — *the new houses* «новые дома». Точно так же нет согласования и в языках агглютинативного типа, ср. венг. *az új ház* «но́вый дом» — *az új házok* «новые дома́» — *új házban* «в новом доме» и т. д.

В ряде языков формы имени прилагательного служат для выражения той или иной грамматической категории имени существительного. Так в сербохорватском или словенском языках так называемые «краткие» формы прилагательного, употребляемые в качестве определения, выражают «неопределённость» имени существительного. Эта категория не существует ни в русском, ни в словацком языках, но хорошо известна в языках, располагающих определённым и неопределённым членом (артиклем). Сочетание с краткой формой прилагательного, типа сербохорв. *mlad konj*, словен. *mlad konj* «молодая лошадь», соответствует нем. *ein* junges Pferd, фр. *un* jeune cheval, англ. *a* young horse.

Наоборот, атрибутивное сочетание с так называемой «полной» формой, сербохорв. *mladi konj*, словен. *mladi konj* соответствует формам с определённым членом, ср. нем. *das* junge Pferd, фр. *le* jeune cheval, англ. *the* young horse. В данном случае формы прилагательного использованы в целях выражения грамматической категории «определённости — неопределённости» имени существительного.[1] Эта особенность сербохорватского и словеского языков лишний раз подтверждает грамматическую несамостоятельность имени прилагательного.

Историческая справка. В процессе образования и выделения частей речи, ка-

[1] Ср. А. В. Исаченко: О сравнительно-историческом изучении грамматических категорий в славянских языках, Slavia XXI, стр. 208.

тегория имён прилагательных образовалась сравнительно поздно, выделившись из общей категории имён. «В истории языков, — писал выдающийся русский лингвист А. А. Потебня, — различающих названия вещи и признака (а не все это делают), прилагательное, как выделенное из связи признаков, как более отвлечённое, чем существительное, позднее существительного и оторвалось от него» («Из записок по русской грамматике», т. III, стр. 73). Генетическая связь между именем прилагательным и существительным прослеживается в целом ряде корней: *мя́гкий* (из **mę̆kъkъ*) содержит тот же корень, но с другой огласовкой, что и слово *мука́* (из **moⁿka*), *звóнкий* (из **zvonъkъ*) содержит тот же корень с другим суффиксом, что и слово *звук* (из **zvoⁿkъ*), *лёгкий* (из **lьgъkъ*) тот же корень с другими суффиксами, что и слова *льгóта*, *пóльза* (из **lьgota*, **po-lьga*).

Генетическая связь имени прилагательного с именем существительным наглядно сказывается и на грамматическом оформлении прилагательного. В языках флективного типа имя прилагательное склоняется по образцу существительных или местоимений. Так в латинском языке все типы склонения имени прилагательного восходят к парадигмам имён существительных. Точно так же в старославянском или древнерусском языках флексия имени прилагательного не отличалась от флексии имён существительных:

мужской род	средний род	женский род
И. *нов-ъ закон-ъ*	И. В. *нов-о сел-о*	И. *нов-а лопат-а*
Р. *нов-а закон-а*	Р. *нов-а сел-а*	Р. *нов-ы лопат-ы*
Д. *нов-у закон-у*	Д. *нов-у сел-у*	Д. *нов-ѣ лопат-ѣ*
В. *нов-ъ закон-ъ*	П. *нов-ѣ сел-ѣ* и т. д.	В. *нов-у лопат-у* и т. д.

В древнерусских памятниках такие именные формы широко распространены, ср. имен. *Новъгородъ*, род. *Новагорода*, местн. *Новѣгородѣ*. В современном языке сохранились следы именного склонения прилагательных в таких устойчивых сочетаниях, как *на босу но́гу*, *раздéться догола́* (из *до гола*), *средь бéла дня*, ср. словац. *do hola*, *za živa*.

Полные (местоименные, «членные») формы имени прилагательного являются в славянских языках позднейшим сочетанием именных форм с формами анафорического местоимения *jь*, *ja*, *je*. Ср.

новъ + *jь* < словац. *nový* (контракция); русск. *новый*

нова + *ja* < словац. *nová* (контракция); русск. *новая*

ново + *je* < словац. *nové* (контракция); русск. *новое*

Семантические разряды имён прилагательных

Качество или свойство, обозначаемое при помощи имени прилагательного, может быть выражено по-разному. В одних случаях признак (качество, свойство) обозначается прямо и непосредственно непроизводными именами прилагательными: такие слова как *твёрдый*, *весёлый*, *сухóй* вы-

зывают непосредственно представление об определённых явлениях действительности. Прилагательные, непосредственно называющие признак, принято выделять в особый разряд качественных прилагательных.

Признак предмета может быть обозначен путём сравнения с другим предметом, ссылки на другой предмет. Такие сочетания, как *со́лнечные лучи́, послевое́нный пери́од, речно́й парохо́д* равнозначны сочетаниям *лучи́ со́лнца, пери́од по́сле войны́, парохо́д для речно́го пла́вания.* Имена прилагательные *со́лнечный, послевое́нный, речно́й* не называют признак непосредственно, а относят к другому предмету, к другому понятию. Такие прилагательные называются относительными.

Отнесённость к имени существительному выражена в прилагательных типа *ма́мин, Пе́тин, Ната́шин*, а также в прилагательных *соба́чий, медве́жий, охо́тничий.* Прилагательные этого типа выражают принадлежность. Если в словах *ма́мин, Пе́тин, Ната́шин* выражена принадлежность индивидуальная, то в словах *соба́чий, медве́жий, охо́тничий* выражена принадлежность видовая. Первую группу прилагательных, выражающих индивидуальную принадлежность, назовём прилагательными притяжательными, вторую группу, выражающую видовую принадлежность — относительно-притяжательными.

Эти основные разряды имён прилагательных охарактеризованы рядом морфологических признаков.

Качественные имена прилагательные

К качественным именам прилагательным относятся слова, обозначающие признак прямо и непосредственно. Качественные прилагательные обыкновенно являются непроизводными и входят в основной словарный фонд.

Сюда относят, например, цвета (*кра́сный, си́ний, бе́лый, чёрный, зелёный* и др.), обозначения физических качеств *(сла́бый, си́льный, краси́вый, то́лстый, хи́лый)*, обозначения физических недостатков *(немо́й, хромо́й, слепо́й, криво́й)* и множество других прилагательных типа *большо́й — ма́лый, чи́стый — гря́зный, твёрдый — мя́гкий, ста́рый — молодо́й* и т. п.

С точки зрения морфологии важно то, что качественные прилагательные в русском языке отличаются от остальных разрядов прилагательных не только семантически, но и формально. Формальные признаки качественных прилагательных сводятся к следующему:

1. Способность образовывать формы степеней сравнения: *чи́стый — бо́лее чи́стый* и *чи́ще — са́мый чи́стый* и *чисте́йший.*

2. Способность выступать в качестве сказуемого в краткой («нечленной») форме: *во́здух чист, вода́ чиста́.*

3. Способность принимать суффиксы субъективной оценки: *чи́стенький, грязнова́тый, толсте́нный, большу́щий.*

4. Способность сочетаться со словами *о́чень, весьма́, совсе́м, чуть* и т. п.: *о́чень чи́стый, чуть тёплый*, а также способность удвоенного употребления в целях экспрессивности: *сла́дкий-сла́дкий* (т. е. «очень сладкий») и т. п.

Более подробный семантический и формальный анализ прилагательных, объединяемых под общим названием «качественных», может, однако, привести к несколько иным выводам. Дело в том, что в кругу разбираемых прилагательных выделяются две группы, семантически настолько разнородные, что позволительно было бы выделить каждую из них в особый разряд.

Возьмём в качестве примера прилагательное *бе́лый*. Оно возникло в результате абстрагирования определённого оптического признака таких предметов, как снег, молоко, известь и т. п. Поэтому, будучи применяемо к таким предметам, как бумага, цветок, облако или шёлк, прилагательное *бе́лый* всегда обозначает одно и то же: определённый цвет, определённый признак, определённое качество — «белизну». Но что обозначает, например, прилагательное *глубо́кий?* Мы говорим: *глубо́кая ра́на, глубо́кая я́ма, глубо́кое о́зеро, глубо́кое мо́ре* (оставляем пока в стороне переносные значения этого прилагательного: *глубо́кое впечатле́ние, глубо́кие мы́сли* и т. п.). Обозначает ли данное прилагательное какое-либо определёное качество или свойство предмета, соответствующее реальной действительности? Ведь глубина раны измеряется в сантиметрах, глубина ямы в метрах, глубина озера — в сотнях метров, а глубина морей — в тысячах метров. Оказывается, прилагательное типа *глубокий* является обозначением понятия весьма растяжимого. Как толкуется в словарях значение этого прилагательного? В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Ушакова мы читаем под словом *глубо́кий*: «Имеющий значительное протяжение сверху вниз, большую глубину» (т. I, стр. 575). В этом определении имеются слова «значительный» и «большой», которые сами, в свою очередь, нуждаются в определении. Слова этого типа могут быть определены лишь как противоположности других прилагательных: *большо́й* — противоположное *ма́лый, ма́ленький*; *глубо́кий* — противопол. *ме́лкий* и т. д. Рассматриваемые прилагательные типа *глубо́кий* не имеют абсолютного значения; я могу назвать яму «глубокой» только по отношению к другой яме, о глубоком озере я могу говорить, лишь имея в виду менее глубокие озёра и т. д. Имеющиеся здесь в виду прилагательные наделены специфической относительной (релятивной) семантикой и выступают обычно в антонимных парах: *высо́кий — ни́зкий, хоро́ший — плохо́й, то́лстый — то́нкий, чи́стый — гря́зный* и т. п. В отличие от прилагательных типа *бе́лый, го́лый, слепо́й* эти прилагательные не обозначают «абсолютный» признак, существующий в реальном мире независимо от познающего субъекта. Прилагательные типа *высо́кий — ни́зкий* указывают лишь на относительное свойство предмета, выделяемое в процессе оценки. Эти прилагательные можно было бы назвать качественно-оценочными.

Антонимные пары типа *высо́кий — ни́зкий, твёрдый — мя́гкий* являются как бы системой координат, позволяющей познающему субъекту ориентироваться в кругу основных отношений: пространственных (напр. *глубо́кий — ме́лкий, широ́кий — у́зкий*), временны́х (напр. *ра́нний — по́здний*), чувственных восприятий *(тёплый — холо́дный, я́ркий — ту́склый, сла́дкий — шершаво́вый)*, отношений экономических *(дорого́й — дешёвый)* и ряда других, ср. *тяжёлый — лёгкий, ста́рый — молодо́й, ста́рый — но́вый, о́стрый — тупо́й, бы́стрый — ме́дленный, до́брый — злой* и др. В целом ряде случаев антоним выражается при помощи отрицания: *прия́тный — неприя́тный, прили́чный —*

неприли́чный, обыкнове́нный — необыкнове́нный. Характерно, что формы с *не-* не являются лишь отрицанием того или иного оценочного признака, а приобретают самостоятельное значение.

Почти все качественно-оценочные прилагательные с точки зрения современного языка являются словами непроизводными.

С формальной стороны качественно-оценочные прилагательные охарактеризованы теми морфологическими признаками, которые обыкновенно приписываются качественным прилагательным, т. е. они образуют формы степеней сравнения, краткие формы, выступающие в функции сказуемого, принимают суффиксы субъективной оценки и могут сочетаться со словами типа *о́чень, совсе́м* и т. п. Важным признаком качественно-оценочных прилагательных является то обстоятельство, что они соотнесены с наречиями: *тяжёлая рабо́та — тяжело́ рабо́тать, тёплая оде́жда — тепло́ одева́ться* и т. п.

Естественно, что значение оценочности присуще разбираемым прилагательным только в их основном, прямом значении. В переносном значении эти прилагательные утрачивают эту свою основную оценочную семантику. В ряде более или менее тесных фразеологических оборотов и образных выражений оценочная семантика исчезает, ср. *широ́кое распростране́ние* (при невозможности сказать «узкое распространение»), *глубо́кое впечатле́ние* (при невозможности сказать «мелкое впечатление»), *я́ркий приме́р* (при невозможности сказать «тусклый пример»), *гро́мкое и́мя* (сочетание «тихое имя» не существует), *у́зкое ме́сто* »úzky profil« (при отсутствии антонима «широ́кое место» — »široký profil«).

Наряду с качественно-оценочными прилагательными типа *высо́кий — ни́зкий* можно выделить в особую группу собственно качественные прилагательные. Качественные прилагательные в узком смысле этого слова обозначают признак абсолютный, не зависящий от оценки говорящего. Такие прилагательные, как *слепо́й, хромо́й, ли́сый, седо́й, щу́плый, немо́й, босо́й, го́лый, больно́й, мёртвый, пря́ный, гото́вый, пусто́й, по́лный* и т. п., не являются выражением оценки, а называют признак прямо. К ним относятся, очевидно, и названия красок (*бе́лый, си́ний, жёлтый, зелёный* и т. п.), вкусовых ощущений *(сла́дкий, ки́слый, солёный, го́рький, те́рпкий, пре́сный)* и некоторые другие.

Качественные прилагательные в узком смысле этого слова не всегда образуют степени сравнения. Нельзя, например, сказать *бо́лее босо́й* или *са́мый немо́й*, при условии, конечно, что прилагательные употребляются в их прямом, а не в переносном значении. А. М. Пешковский, обративший внимание на это обстоятельство, указал, что качество этих прилагательных «представляется нам абсолютным, не могущим изменяться количественно».[1] Можно утверждать, что в своём прямом значении названия цвета, вроде *бе́лый, чёрный, жёлтый*, лишь с большой натяжкой образуют степени сравнения: в предложении *э́то полотно́ белее сне́га* слово *белее* употребляется уже в переносном смысле и означает «светлее» (ср. *черне́е но́чи*, т. е. «темнее»). Здесь общая семантическая черта качественных прилагательных — абсолютное выделение данного признака — сказывается в какой-то степени и в формальном плане, отличая их и в этом отношении от прилагательных качественно-оценочных.

Наиболее выпуклым формальным признаком качественных прилагательных можно считать их несоотнесённость с наречиями. Ведь от прилагательных *бе́лый, кра́сный, пёстрый, ки́слый, пре́сный, живо́й, босо́й, слепо́й, борода́тый* в прямом и основном значении этих слов наречия не образуются. Только в переносном смысле можно употребить

---

[1] А. М. Пешковский: Русский синтаксис в научном освещении, М. 1914, стр. 101.

такие наречия, как *сла́дко (вы́спаться)*, *ки́сло (улыбну́ться)*, *жи́во (прибежа́ть*, т. е. «быстро прибежа́ть»), *жи́во себе́ представи́ть* и т. д. Но в переносном значении наречия от качественных прилагательных приобретают оценочное значение, ср. *вдо́рово* »veľmi, poriadne« (уже не соотнесённое с *здоро́вый*) и *вдоро́бо* (в фразеологическом сочетании *вдоро́бо живёшь* »z ničoho nič«).

Точно так же в словацком языке нельзя образовать наречия типа *bielo, modro, šedo, cudzo, hotovo, naho* в прямом значении. В переносном значении такие наречия образуются свободно (ср. *сле́по ве́рить кому-л., slepo verit niekomu*), но этим самым они перестают быть семантически соотнесёнными с соответствующими качественными прилагательными.

Относительные имена прилагательные

Прилагательные, не выражающие признак предмета прямо, а относящиеся к какому-нибудь другому предмету или явлению, называются прилагательными качественно-относительными (акад. В. В. Виноградов) или просто относительными. Они семантически обыкновенно соотнесены со словом, на которое они указывают, ср. *морско́й — мо́ре, песо́чный — песо́к, физи́ческий — фи́зика, зде́шний — здесь, вчера́шний — вчера́.*

Совершенно очевидно, что относительные прилагательные не могут образовать степеней сравнения. Ведь нельзя сказать, что «одно дно *бо́лее морско́е*, чем другое»! Сравнительная форма «бо́лее вчера́шний», «бо́лее зде́шний» была бы совершенно бессмысленна.

Относительные прилагательные могут выступать также в качестве сказуемого, но они не образуют кратких форм. Можно, например, сказать *эта рабо́та, в основно́м, иссле́довательская*, но нельзя, например, сказать: «э́то дно — морско́»! Основной синтаксической сферой относительных прилагательных являются определительные синтагмы.

Точно так же, относительные прилагательные не принимают суффиксов субъективной оценки и не могут сочетаться со словами типа *о́чень*: нельзя сказать «о́чень морско́е дно», «о́чень физические зако́ны» и т. п.

По своему существу относительные прилагательные являются словами производными, в то время как качественные прилагательные по большей части являются, с точки зрения современного языка, словами непроизводными, ср., с одной стороны, *морско́й* (к *мо́ре*), *зде́шний* (к *здесь*), *ме́сячный* (к *ме́сяц*), *революцио́нный* (к *революция*) и, с другой стороны, *бе́лый, немо́й, ки́слый, лы́сий, коро́ткий, тёплый, сухо́й.*

Притяжательные имена прилагательные

К числу притяжательных имён прилагательных относятся слова, выражающие индивидуальную принадлежность, т. е. принадлежность одному определённому лицу. В этот разряд входят прилагательные типа

ма́мин, *ба́бушкин*, *дя́дин*, образованные от названий членов семьи, а также прилагательные типа *Ната́шин*, *Ва́нин*, *Пётин*, образованные от уменьшительных форм личных имён собственных.

Притяжательные прилагательные отличаются тем, что выражают принадлежность не просто какому-либо лицу, а определённому конкретному лицу. Сочетание *ма́мина кни́га* обозначает не книгу, принадлежащую матерям вообще, а определённому, говорящему и слушающему хорошо известному лицу, являющемуся матерью тоже вполне определённого лица или лиц. Наоборот, относительное прилагательное *матери́нский* лишено притяжательного значения и обозначает «свойственный матерям вообще», ср. *матери́нская любо́вь*.

Относительно-притяжательные имена прилагательные

На границе между относительными и притяжательными прилагательными стоят такие прилагательные, как *медве́жий*, *соба́чий*, *ра́чий*, *охо́тничий*. Некоторые грамматисты относят их прямо к притяжательным. Однако семантическая разница между прилагательными типа *ма́мин* и *медве́жий* очевидна: в первом случае выражена принадлежность какому-нибудь конкретному лицу, во втором случае выражен признак, свойственный целой группе (животных, лиц). Это легко проверить. В предложении *на столе́ лежа́ла ма́мина кни́га* мы не можем заменить сочетание прилагательного с существительным выражением «на столе́ лежа́ла кни́га *како́й-то* ма́мы», поскольку речь идёт о конкретном и определённом лице. В предложении же *из-за де́рева показа́лась медве́жья голова́* сочетание прилагательного с существительным легко заменить выражением «показа́лась голова́ *како́го-то* медве́дя», т. е. медведя, как родового понятия. *Охо́тничье ружьё* — это не ружьё определённого охотника, а такое ружьё, которое употребляется охотниками. Предлагаем в силу всего сказанного назвать этот последний разряд имён прилагательных — прилагательными относительно-притяжательными.

Переходы из одного разряда в другой

Было бы совершенно ошибочно думать, что намеченные выше семантические разряды прилагательных отделены друг от друга непроницаемой стеной. Наоборот, переходы прилагательных из одного разряда в другой — явление весьма распространённое.

Наиболее обычны переходы прилагательных относительных в разряд прилагательных качественных. Отправной точкой является при этом пере-

носное употребление данного относительного прилагательного, его метафоризация. В сочетаниях *кни́жный магази́н, кни́жная по́лка, кни́жный переплёт* мы имеем дело с относительным прилагательным; приведённые сочетания можно заменить сочетаниями *по́лка для книг, переплёт кни́ги*. Но прилагательное *кни́жный* употребляется в русском языке и в переносном смысле: «характерный для литературного письменного изложения, свойственный такому изложению», например *кни́жный стиль, кни́жное выраже́ние*. В этом переносном смысле налицо уже не относительное, а качественное прилагательное, могущее выступать в качестве сказуемого и образовать краткую форму: *э́то выраже́ние о́чень кни́жно*.

Переходы относительных прилагательных в семантический разряд качественных прилагательных облегчаются в ряде случаев наличием двух параллельных суффиксов, из которых один оформляет прилагательные относительные, другой — прилагательные качественные. Большинство прилагательных на *-и́ческий* (обыкновенно греко-латинского происхождения, так называемые «европеизмы») употребляется в значении относительных: *логи́ческий* (в сочетании *логи́ческие катего́рии*), *истори́ческий* (в сочетании *истори́ческий проце́сс*), *драмати́ческий* (в сочетании *драмати́ческий теа́тр*). Эти прилагательные не имеют кратких форм. При переходе приведённых прилагательных из разряда относительных в разряд качественных прилагательных появляется другая суффиксация: *э́то заключе́ние вполне́ логи́чно, тако́е объясне́ние не истори́чно, разгово́р был драмати́чен*.

В словацком и чешском языках семантическая разница между относительными и качественными прилагательными выражается часто посредством чередования суффиксов, ср. *не́рвная боле́знь — nervová choroba* (относительное прилагательное) при *не́рвная же́нщина — nervózna žena* (качественное прил.), *серде́чный припа́док — srdcový záchvat* (относ. прил.) при *серде́чный приве́т — srdečný pozdrav* (кач. прил.), ср. чеш. *srdeční záchvat ~ srdečný pozdrav*.

Относительные и качественные прилагательные иногда различаются по месту ударения: *мелочна́я ла́вка* »obchod s drobným tovarom« ~ *ме́лочная же́нщина* »malicherná žena«.

Переход относительных прилагательных в разряд прилагательных качественных является одним из наиболее живых приёмов для пополнения разряда этих последних. Прилагательные типа *кори́чневый* »hnedý«, *голубо́й* »belasý«, *черво́нный* и мн. др., функционирующие ныне в разряде прилагательных качественных, генетически связаны с именами существительными *кори́ца* »škorica«, *го́лубь, червь*. В древнем языке эти прилагательные, несомненно, были относительными, они указывали на определённый признак предмета: *голубо́й — цве́та го́лубя*. Отрыв от разряда относительных прилагательных явствует из современного значения слова *голубо́й*: в современном языке это слово уже не обозначает «цвет голубя», а «цвет неба».

Итак, следует подчеркнуть, что семантические разряды прилагательных не представляют ничего статического, что границы между ними зыбки и не чётки.

Нейтрализация семантических разрядов в комплексных лексических единицах

Прилагательные часто используются для создания комплексных лексических единиц, утрачивая при этом свои семантические и формальные свойства. В сочетании *бе́лое вино́* прилагательное *бе́лое* уже не является качественным прилагательным: здесь оно уже не обозначает цвет снега, молока или извести, а противопоставлено семантически комплексной лексической единице *кра́сное вино́*. Точно так же, в сочетаниях *бе́лый у́голь*, *бе́лая горя́чка*, *Бе́лое мо́ре* прилагательное утрачивает свой качественный характер.

Комплексные лексические единицы создаются также при помощи сочетания существительного с притяжательным или относительно-притяжательным прилагательным, ср. *аню́тины гла́зки* »sirôtky«, *ада́мова голова́* »motýľ smrtihlav«, *ахилле́сова пята́*, *во́лчьи я́годы* и др. Ср. также словац. *kurie oko*.

В состав комплексных лексических единиц могут входить также качественные прилагательные с оценочным оттенком значения, ср. *коро́ткое замыка́ние* »krátke spojenie«, *прямо́й у́гол*, «*больша́я четвёрка* » (представители четырёх великих держав), *Ма́лая А́зия*, *ско́рый по́езд* и др. Поскольку здесь речь идёт о сочетаниях лексических, прилагательные, входящие в состав таких лексических комплексных единиц, утрачивают некоторые свои грамматические свойства (напр. степени сравнения; нельзя сказать, что одно вино *беле́е* другого или что одно замыкание *коро́че* другого и т. п.).

Сложносокращённые слова в русском языке возникают именно на базе комплексных лексических единиц. Перестав быть определением, прилагательное сливается с существительным, обыкновенно в усечённой форме: *профсою́з* «профессиона́льный союз», *драмкружо́к* «драмати́ческий кружо́к», *медсестра́* «медици́нская сестра́», *ветвра́ч* «ветерина́рный врач» и т. п.

Суффиксы субъективной оценки

Славянские языки располагают формальными средствами для выражения разных степеней наличия признака у качественных прилагательных и для передачи субъективного отношения говорящего к этим признакам.

Суффикс *-а́тый* выражает, например, наличие признака в неполной мере. В ряде случаев в словацком и чешском языках этому соответствуют при-

лагательные, образованные при помощи определённых префиксов и суффиксов:

русск.	словац.	чеш.
кислова́тый	*kyslastý*	*nakyslý*
глупова́тый	*nasprostastý*	*nahlouplý*
горькова́тый	*horkastý*	*nahořklý*
желтова́тый	*žltkastý*	*nažloutlý*
краснова́тый	*červenkastý*	*načervenalý*

Прилагательные на *-а́тый* семантически не соотнесены с наречиями и формами «категории состояния» на *-а́то*. Суффикс *-а́то* обозначает чрезмерное наличие признака, ср. *ты пришёл рановáто* »prišiel si trochu (pri)skoro«, *пора́ нача́ть рабо́ту, уже́ поздновáто* »už je trochu neskoro«, *э́то дороговáто* »to je trochu (pri)drahé«.

Вопросы образования прилагательных субъективной оценки связаны прежде всего с лексикой, с приёмами словообразования. Поэтому мы не будем разбирать вопросы суффиксации имён прилагательных в полном объёме. Отметим лишь те факты, которые в какой-то степени отражают грамматические свойства разбираемых прилагательных.

В русском языке имеются так называемые уменьшительные и ласкательные прилагательные, образуемые от качественных прилагательных посредством суффиксов *-енький, -онький, -усенький: коро́ткий — коро́тенький, у́зкий — у́зенький, дешёвый — дешёвенький, бе́лый — бе́ленький, глу́пый — глу́пенький*. В ряде случаев суффикс *-енький* утратил уменьшительный или ласкательный оттенок: прилагательное *ма́ленький* значит просто »malý«, а не »malučký«, прилагательное *хоро́шенький* значит »pekný«, а не »dobručký«. От прилагательного *ма́ленький* можно образовать вторичное уменьшительное *малю́сенький* »malulinký«.

Наряду с уменьшительными и ласкательными оттенками могут быть выражены при помощи суффиксов увеличительные и неодобрительные оттенки значения. Наиболее распространёнными суффиксами, выражающими оттенки увеличительные или неодобрительные, являются суффиксы *-е́нный, -у́щий, -ю́щий: то́лстый — толсте́нный, широ́кий — широче́нный, большо́й — большу́щий, злой — злю́щий, худо́й — худю́щий*.

Естественно, что не каждое качественное прилагательное может сочетаться с уменьшительно-ласкательными и с увеличительно-неодобрительными суффиксами. У парных прилагательных, обозначающих антонимные понятия, деривация обычно возможна лишь в одном направлении (увеличительном или уменьшительном).

у́зкий — у́зенький *широ́кий — широче́нный*
то́нкий — то́ненький *то́лстый — толсте́нный*
ма́ленький — малю́сенький *большо́й — большу́щий* и т. д.

Если можно образовать прилагательные *толстéнный* и *тóлстенький* (с оттенком ласкательности), то трудно сказать «широ́кенький» или «бо́льшенький».

Следует отметить, что уменьшительно-ласкательные прилагательные образуются часто не от основы качественного прилагательного, а от его «корня», ср. *у́зк-ий — у́з-енький, коро́тк-ий — коро́т-енький* и т. п.

Относительная несамостоятельность имён прилагательных, проявляющаяся грамматически в приёмах согласования с именем существительным, сказывается до некоторой степени и в семантическом плане. Качественные прилагательные с суффиксами субъективной оценки как бы «согласуются» с существительными, выражающими тот или иной оттенок субъективной оценки: *голу́бенькие гла́зки, весёленькая стару́шка, большу́щий сапожи́ще*, при невозможности сказать «голу́бенькие глази́ща» или «толсте́нные но́жки».

В русском языке имеются и другие приёмы для передачи субъективной оценки прилагательных. Это — удвоение прилагательного и префикс *пре-: коридо́р был дли́нный-дли́нный, небо́ си́нее-си́нее, получи́лась пренепри́ятная* (т. е. о́чень непри́ятная) *исто́рия.*

Сфера действия прилагательных, выражающих субъективную оценку — это, в первую очередь, эмоционально окрашенная речь, интимный диалог, детская речь. Суффиксы субъективной оценки нередки также в народном творчестве (сказки, старины, поговорки). В народном просторечии бытуют также краткие формы субъективной оценки типа *малёхонек, тихо́хонек, веселёхонек*, выступающие в качестве сказуемого. Из народного просторечия эти формы попали в художественную литературу XIX века.

Парадигматический состав качественных и относительных прилагательных

Твёрдый тип

Имена прилагательные, относящиеся к «твёрдому» типу склонения, образуются в русском языке при помощи следующих окончаний:

а) при ударении на основе

-ый, -ая, -ое, мн. ч. **-ые** *(но́вый, но́вая, но́вое; но́вые)*;

-ий, -ая, -ое, мн. ч. **-ие** (графический вариант после задненёбных согласных *г, к, х: ру́сский, ру́сская, ру́сское; ру́сские)*;

б) при ударении на окончании

-о́й, -а́я, -о́е, мн. ч. **-ы́е** *(просто́й, проста́я, просто́е; просты́е)*;

-о́й, -а́я, -о́е, мн. ч. **-и́е** (графический вариант после *ж* и *ш: большо́й, больша́я, большо́е; больши́е*, а также после *г, к, х: туго́й, туга́я, туго́е; туги́е.*

Распределение окончаний *-ый (-ий)* и *-о́й* всецело зависит от места ударения. Так как для нерусского место ударения имён прилагательных в большинстве случаев неясно, целесообразно будет привести хотя бы важнейшие прилагательные, носящие ударение на окончании.

1. Из первичных (непроизводных) качественных и оценочных прилагательных сюда относятся прилагательные, обозначающие физические недостатки и недуги, как *больно́й, криво́й* »jednooký«, *немо́й, слепо́й, хромо́й*; далее *большо́й, босо́й, гнедо́й* (о лошади), *голубо́й, густо́й, дорого́й, живо́й, косо́й, круто́й, молодо́й, нагло́й, плохо́й, просто́й, прямо́й, пусто́й, сухо́й, сыро́й, туго́й, холосто́й, худо́й, чужо́й* и др.

2. На основании исторически сложившихся акцентологических отношений можно выделить в особую группу прилагательные на *-ово́й, -ево́й*, образованные от существительных мужского рода, относящихся к 3-му акцентологическому типу. Эти существительные сохраняют в единственном числе ударение на основе, но переносят его на окончание во всех падежах множественного числа: тип *нос — но́са — носы́*. Если знать эти существительные, то можно, как правило, считать, что соответствующие прилагательные образуются при помощи суффикса *-ово́й, -ево́й* с ударением на окончании. Вот несколько таких прилагательных:

беговой́ (ср. *бег — бега́*), *береговой́, боевой́, боковой́, бредовой́, бытовой́, вековой́, верхово́й, видовой́, годовой́, гробовой́, голосовой́, домовой́, дымовой́, жировой́, круговой́, ледовой́, лобовой́, меховой́, мировой́, мозговой́, мостово́й (мостова́я), низовой́, носовой́, паровой́, полковой́, портовой́, пуховой́, рядовой́, снеговой́, строевой́, тыловой́, угловой́, фронтовой́, цеховой́, часовой́* и др. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идёт не об акцентологической соотнесённости слов типа *пар — паровой́*, а лишь о довольно последовательном проявлении старых акцентологических отношений, приводимых здесь исключительно для облегчения усвоения прилагательных с ударением на окончании.

Другие прилагательные, образующиеся при помощи суффиксов *-но́й (ручно́й, речно́й, головно́й), -яно́й (платяно́й, кровяно́й, шерстяно́й)*, не поддаются никакому обобщению.

Итак, в пределах «твёрдого» склонения качественных и относительных прилагательных имеются два типа склонения, отличающиеся местом ударения и окончанием имен.-вин. падежа единственного числа мужского рода.

В творительном падеже единственного числа женского рода окончание *-ой* может быть заменено в торжественном или поэтическом стиле двусложным окончанием *-ою: кровавою рукою, пламенною речью* и т. п.

Прилагательные, основа которых оканчивается на задненёбный согласный *г, к, х*, не образуют особой парадигмы. Склонение этих прилагательных

Тип но́вый

	мужской род	средний род	женский род	множ. число
И.	но́в-ый	но́в-ое	но́в-ая	но́в-ые
Р.	но́в-ого		но́в-ой	но́в-ых
Д.	но́в-ому		но́в-ой	но́в-ым
В.	= И. или Р.		но́в-ую	= И. или Р.
Т.	но́в-ым		но́в-ой (-ою)	но́в-ыми
П.	но́в-ом		но́в-ой	но́в-ых

является чисто орфографическим вариантом типа *но́вый*, с той только разницей, что *ы* во всех случаях заменяется буквой *-и-: ру́сский*, твор. п. единств. ч. мужского и среднего рода *ру́сским*, множ. число *ру́сские*, *-их*, *-им*, *-ими*, *-их*.

Тип пусто́й

	мужской род	средний род	женский род	множ. число
И.	пуст-о́й	пуст-о́е	пуст-а́я	пуст-ы́е
Р.	пуст-о́го		пуст-о́й	пуст-ы́х
Д.	пуст-о́му		пуст-о́й	пуст-ы́м
В.	= И. или Р.		пуст-у́ю	= И. или Р.
Т.	пуст-ы́м		пуст-о́й (-о́ю)	пуст-ы́ми
П.	пуст-о́м		пуст-о́й	пуст-ы́х

Прилагательные с ударением на окончании, основа которых оканчивается на шипящую *ж* или *ш*, не составляют самостоятельной парадигмы, а являются лишь орфографическим вариантом типа *пусто́й*. Во всех случаях *ы* заменяется буквой *и* (причём фонетически это не сказывается), ср. *большо́й*, *чужо́й*, *большо́е*, *чужо́е*. Таким же орфографическим вариантом являются прилагательные, основа которых оканчивается на заднеязычную *г*, *к*, *х*, ср. *туго́й — туго́й — туго́е*.

Мягкий тип прилагательных

В словацком языке к мягкому типу прилагательных относятся:

1. по орфографическому признаку все прилагательные, основа которых оканчивается на согласную *c*, *dz*, *č*, *š*, *ž*, ср. *horúci*, *cudzí*, *rúči*, *peší*, *svieži;*

2. по семантическому признаку все притяжательно-относительные прилагательные типа *hadí*, *myšací*, *vlčí*, *jelení*, *orlí*, *myší*, *osí*, *holubí*, *sovÍ*

и т. п.; как видно, здесь решает исключительно семантика прилагательного, его принадлежность к разряду притяжательно-относительных;

3. по морфологическому и орфографическому признаку все причастия настоящего времени действительного залога типа *horiaci*, *bojujúci*, а также причастия прошедшего времени действительного залога типа *vrátivší sa.*

В русском языке представлены все три типа. Но в отличие от словацкого, в русском языке нет единого «мягкого» типа склонения прилагательных. Следует различать следующие случаи:

1. «мягкие» прилагательные на **-ий, -ая, -ее,** множ. число **-ие.** Сюда относятся по орфографическому признаку все прилагательные, основа которых оканчивается на *ж*, *ч*, *ш*, *щ* (но не на *ц!*), при условии, что ударение падает на основу: *свéж-ий -ая -ее -ие*, *могýч-ий -ая -ее -ие*, *хорóш-ий -ая -ее -ие*, *тóщ-ий -ая -ее -ие* (но *кýц-ый -ая -ое -ые!*); сюда же следует отнести причастия действительного залога: *несýщий*, *горя́щий*, *пришéдший*, *взя́вший;*

2. «мягкие» прилагательные на **-ий, -ья, -ье,** множ. число **-ьи.** Сюда относятся по семантическому признаку притяжательно-относительные прилагательные типа *вóлч-ий -ья -ье -ьи*, *барáн-ий -ья -ье -ьи* и т. п.;

3. в отличие от словацкого языка в русском языке имеются «мягкие» прилагательные на **-ий, -яя, -ее,** множ. число **-ие,** «мягкое» окончание которых не мотивировано ни орфографически, ни семантически. К этой группе «мягких» прилагательных относятся:

а) прилагательные с временны́м значением: *зи́мний — весéнний — лéтний — осéнний; вечéрний —ýтренний; вчерáшний — сегóдняшний — завтрашний; ны́нешний; тепéрешний — тогдáшний; рáнний — пóздний; прéжний; дáвний — недáвний;*

прилагательные, содержащие элемент *-гóдний: прошлогóдний, новогóдний;*

б) прилагательные с пространственным значением: *вéрхний — ни́жний; перéдний — зáдний; внýтренний — внéшний; дáльний — блúжний.* Сюда же можно отнести прилагательные *срéдний*, *крáйний*, *послéдний; здéшний — тáмошний;*

в) прилагательные, содержащие элемент *-лéтний: многолéтний*, *двухлéтний*, *однолéтний*, *совершеннолéтний* »plnoletý«;

прилагательные, содержащие элемент *-сторóнний: односторóнний*, *разносторóнний;* сюда же: *посторóнний* »cudzí«;

г) отдельные прилагательные: *дрéвний*, *замýжняя*, *úскренний*, *лúшний*, *излúшний*, *пустопорóжний* »ležiaci ladom«, *суббóтний.* Особняком стоят

качественные прилагательные *си́ний*[1] и *ка́рий* »hnedý« (только в сочетании *ка́рие глаза́, о́чи*).

Немотивированные мягкие прилагательные с временным или пространственным значением образуются при помощи суффиксов *-ний* или *-шний*. Суффиксы *-ний* и *-шний* соответствуют словац. суффиксам *-jší*, *-ňajší*: ср. *tunajší*, *terajší*, *tamojší*, *včerajší*, *zajtrajší*, *sobotňajší*.

Распределение мягких прилагательных в чешском языке несколько иное, чем в русском и словацком. Кроме «мягких» прилагательных типа *cizí* (орфографический признак) и мягких прилагательных типа *poslední* (словац. *posledný*) «последний», *zimní* (словац. *zimný*), *letní*, *podzimní*, *dnešní*, в чешском языке весьма широко представлен разряд мягких относительных прилагательных на *-ní* типа *osobní*, *fakultní*, ср. *obecný* «общий» — *obecní* «муниципальный», *raný* «ранний» — *ranní* «утренний».

Тип све́жий (после ж, ч, ш, щ)

	мужской род	средний род	женский род	множ. число
И.	све́ж-ий	све́ж-ее	све́ж-ая	све́ж-ие
Р.		све́ж-его	све́ж-ей	све́ж-их
Д.		све́ж-ему	све́ж-ей	све́ж-им
В.		= И. или Р.	све́ж-ую	= И. или Р.
Т.		све́ж-им	све́ж-ей (-ею)	све́ж-ими
П.		све́ж-ем	све́ж-ей	све́ж-их

Тип зи́мний

	мужской род	средний род	женский род	множ. число
И.	зи́мн-ий	зи́мн-ее	зи́мн-яя	зи́мн-ие
Р.		зи́мн-его	зи́мн-ей	зи́мн-их
Д.		зи́мн-ему	зи́мн-ей	зи́мн-им
В.		= И. или Р.	зи́мн-юю	= И. или Р.
Т.		зи́мн-им	зи́мн-ей (-ею)	зи́мн-ими
П.		зи́мн-ем	зи́мн-ей	зи́мн-их

Склонение прилагательных типа *све́жий* является лишь графическим вариантом типа *зи́мний*: в силу действующих правил после шипящих вместо *я*, *ю* пишется *а*, *у* (ср. *зи́мн-яя* и *све́ж-ая*, *зи́мн-юю* и *све́ж-ую*).

---

[1] Следует отметить, что прилагательное *синий* не входит ни в одну из приведённых семантических групп «мягких» прилагательных и, следовательно, не может быть признано типичным для этого типа склонения. Тем не менее, именно это прилагательное неизменно фигурирует в учебниках в качестве парадигмы.

Примечание об архаизмах. В языке писателей XVIII и XIX вв. нередко встречаются славянизмы, нарушающие парадигматический состав русских прилагательных. Это, во-первых, прилагательные типа *благи́й*, сохраняющие окончание *-и́й*, *-ы́й* под ударением (вместо русского окончания *-о́й*), сообразно с морфологией церковнославянского языка: *благи́й* (при русск. *благо́й*), *честны́й* (при русск. *честно́й* и *че́стный*), *святы́й* (при русск. *свято́й*) и др.:

И схи́му здесь честну́ю восприму́,
К стопа́м твои́м, святы́й оте́ц, припа́дши.
(А. С. Пушкин, Борис Годунов.)

Во-вторых — это славянские окончания отдельных форм, например окончание *-ыя* в род. падеже единств. числа женского рода, ср.

И жа́ло му́дрыя змей
В уста́ замёрзшие мои́
Вложи́л десни́цею крова́вой.
(«Пророк» А. С. Пушкина.)

В поэтическом языке XVIII и первой половины XIX в. встречаются так называемые «усечённые» формы прилагательных, т. е. краткие формы, употребляющиеся атрибутивно, ср.

Богоподо́бная царе́вна
Киргиз-Кайса́цкия орды́!
Кото́рой му́дрость несравне́нна
Откры́ла ве́рные следы́
Царе́вичу младо́му Хло́ру
Войти́ на ту высо́ку го́ру,
Где ро́за без шипо́в расте́т ...
(«Ода к Фелице» Г. Р. Державина.)

«Усечённые» формы употреблялись в поэзии как дублеты полных форм, причём решающую роль здесь играли метрические требования. У поэтов XIX в. «усечённые» формы встречаются уже гораздо реже, хотя в языке Крылова их можно ещё найти:

Наво́зну ку́чу разрыва́я,
Пету́х нашёл жемчу́жное верно́ ...

В устной народной поэзии, особенно в «старинах», встречаются также «распространённые» окончания типа *-оей*, *-иих*, *-ыих*:

Сам еще Вольга́ во тридца́тыих ...
Ёны про́сят грошо́в подоро́жныих ...
А ко э́той ко со́шке ко клено́воей ...
По́йте его́ пи́тьецем медвя́ныим ... и т. п.

В данном случае отступления от нормы обусловлены, несомненно, метрическими требованиями.

Краткие формы прилагательных

В ряде славянских языков краткие (или «нечленные») формы прилагательных выступают в качестве определения (prívlastok), выражая не-

определённость согласованного с ними имени существительного мужского рода. В словенском языке *bel kamen* обозначает «один (какой-нибудь) белый камень», а *beli kamen* обозначает «уже известный, определённый белый камень» (см. выше, стр. 174). В русском языке краткие (нечленные) формы прилагательных встречаются в атрибутивной функции только в немногочисленных идиоматических сочетаниях типа *средь бе́ла дня*. В современном русском языке краткие формы прилагательных выступают прежде всего в функции сказуемого: *ма́льчик здоро́в* »chlapec je zdravý«, *я сыт* »som sýty«, *он был гото́в* »bol hotový«. В словацком языке, особенно в его разговорных стилях, почти нет кратких форм прилагательных. В литературном языке сохраняются краткие формы *dlžen*, *hoden*, *vinen*, выступающие исключительно в функции сказуемого. Слово *rád*, *rada* употребляется, как и в русском языке, только в краткой форме. Во всех остальных случаях прилагательные, выступающие в словацком языке в функции именного сказуемого, ничем не отличаются от прилагательных, выступающих в атрибутивной функции, ср. *chorý chlapec — chlapec je chorý*.[1]

В отличие от словацкого языка, в чешском литературном языке применяются краткие формы прилагательных. Они употребляются в функции именного сказуемого при связке, напр. *syn je nemocen* «сын бо́лен», *dcera je nemocna* «дочь больна́», *všechno je hotovo* «всё гото́во», *jsme šťastni* «мы сча́стливы». Кроме того, краткие формы прилагательных употребляются в литературном языке в качестве сказуемостно-именного приглагольного члена (doplněk) в таких предложениях, как *syn se vrátil nemocen*, *dcera se vrátila nemocna*. Тот факт, что прилагательное, выступающее в чешском литературном языке в функции сказуемостно-именного приглагольного

---

[1] Традиционная словацкая грамматика до недавного времени рассматривала прилагательное в сочетаниях типа *lúka je zelená*, *chlapec je chorý* как особый член предложения, получивший название »doplnok«. Такое толкование вытекало из тезиса, согласно которому сказуемым может быть только личная форма глагола. При этом упускалось из вида, что в предложении *chlapec je chorý* глагольная форма *je* не является полнозначным глаголом: в данном случае форма *je* выступает в функции связки (копулы, spony). Так толковал данный вопрос ещё Само Цамбель (Rukoväť spisovnej reči slovenskej, 226), но его аргументы не были приняты последующими поколениями словацких лингвистов. Мои взгляды на этот вопрос были изложены в статье »K teórii dvojčlennej vety v slovenčine«, напечатанной в журнале Slovo a tvar, II, 1948, 65—75. В новейших школьных грамматиках словацкого языка вопрос »doplnku« уже трактуется по-новому.

В словацком языке, действительно, существует особый член предложения (doplnok), который по своей функции является сказуемостно-именным приглагольным членом, а по своему значению выражает «сопутствующее состояние». Словацкий doplnok выступает, между прочим, в предложениях типа chlapec chodí *otrhaný*, vrátil sa *unavený*, bývame v izbe *dvaja*, т. е. при полнозначимых глаголах. В предложениях типа *chlapec je chorý* прилагательное должно рассматриваться как сказуемое (prísudok), связанное с подлежащим при помощи связки.

члена (doplněk), охарактеризовано той же краткой формой, как и в случаях сказуемостного его употребления (ср. syn se vrátil *nemocen* — syn *je nemocen*), свидетельствует о том, что так называемый doplněk в чешском (а также и в словацком) языке, по своему синтаксическому характеру, является именно сказуемостным (предикативным) членом.

Конструкцию типа чеш. *syn se vrátil nemocen* можно раскрыть так: *syn se vrátil (a byl přitom) nemocen.* Характерно, что краткая форма здесь выражает именно «сопутствующее состояние».

Сфера употребления кратких форм прилагательных в русском языке несколько шире, чем это обыкновенно указывается в грамматиках. Кроме чисто предикативного употребления краткой формы (ср. *он бо́лен, он сыт* и т. п.), можно привести в русском языке ряд случаев, где краткая форма прилагательного выступает в функции приглагольного именного сказуемостного члена, т. е. в той же функции, как и в чешском или словацком «доплнке».

Как правило, чешскому или словацкому «доплнку», выраженному именем прилагательным, в русском языке соответствует прилагательное в именительном падеже полной формы *(он верну́лся голо́дный, он пришёл уста́лый, он вошёл нике́м не заме́ченный)*, или форма имени прилагательного в творительном падеже *(он верну́лся больны́м, она́ ушла́ довольной)*. Ср. ещё: «Она́ шла бы́стро, *возбуждённая*» (В. Панова: Кружилиха), «она́ шла *простоволо́сая*» (В. Панова: Ясный берег), «Лео шёл *угрю́мый* »(И. Эренбург: Буря). Эти случаи следует признать нормальными и типичными для разговорных стилей русского языка. Однако в художественной прозе есть случаи, когда в функции сказуемостно-приглагольного именного члена стоит, как в чешском литературном языке, краткая форма прилагательного в именительном падеже. Такие случаи приводит акад. А. А. Шахматов: «Я возвратился к Зурину *гру́стен* и *печа́лен*» (Капит. дочка), «Наконец приподня́лся, *бле́ден* как сама́ поко́йница...» (Пиковая дама).[1] Приводя аналогичные случаи употребления краткой формы прилагательного, акад. В. В. Виноградов называет это «обособленно-приглагольное» употребление кратких форм — полупредикативным.[2] С этим пониманием синтаксической роли данных форм можно согласиться, если учесть, что прилагательное в подобных случаях «делится» своей предикативностью с глаголом. В предложении *он верну́лся цел и невреди́м*, где мы имеем случай такого употребления краткой формы, сказуемым является всё сочетание *верну́лся цел и невреди́м*, т. к. глагол *верну́лся* здесь частично утрачивает свою лексическую нагрузку. Недаром краткие формы выступают в при-

[1] А. А. Шахматов: Синтаксис русского языка, Ленинград 1925, стр. 215.
[2] В. В. Виноградов: Русский язык, стр. 269.

глагольном употреблении преимущественно при таких глаголах, как *стоя́ть, сиде́ть, оста́ться, верну́ться, войти́, ходи́ть*, способных «снижать» свою семантику, ср. *он хо́дит оби́женный*, где *хо́дит* явно превращается в полусвязочный глагол. Краткие формы вполне нормальны в таких предложениях, как *он оста́лся дово́лен, она́ оста́лась дово́льна* и т. п.

В художественной литературе случаи употребления краткой формы прилагательного в приглагольном сказуемостном члене весьма распространены: «ста́рый дом стоя́л *пуст* и *глух*», «я верну́лся домо́й *угрю́м* и *серди́т*» (Лермонтов: Тамань), «она́ *(т. е. ло́дка)* ло́вко повернула́сь бо́ком и вскочи́ла в ма́ленькую бу́хту *невреди́ма*» (там же), «Смотри́тель пошёл домо́й ни *жив* ни *мёртв*» (Пушкин), «Наконе́ц к ве́черу прие́хал он *оди́н* и *хмелён*» (Пушкин), «о́ба е́ли с больши́м аппети́том... и расста́лись о́чень *дово́льны* друг дру́ьом» (Пушкин), ср. в «Борисе Годунове»:

Заду́мчив, тих сиде́л пред на́ми Гро́зный...

или в «Медном всаднике»:

На берегу́ пусты́нных волн
Стоя́л он, дум вели́ких полн,
И в даль глядёл.

Подобные конструкции встречаются и у современных авторов, ср. «Пётр Дани́лыч... часто е́здил на ме́льницу... и домо́й возвраща́лся по бо́льшей ча́сти *трезв*» (В. Я. Шишков: Угрюм река). Нельзя сказать, чтобы такое употребление кратких форм было бы типичным для всех стилей русского литературного языка. Ведь и в чешском языке краткие формы в разговорном языке явно избегаются. Всё же следует считаться с изложенными фактами, тем более, что в поэтическом языке краткие формы в качестве приглагольно-именного сказуемостного члена встречаются и в новейшей поэзии, ср.:

Мой мальчи́шка кре́пко спит в крова́тке,
Одея́лом бе́режно укры́т
(С. Орлов в новогоднем номере журнала «Огонёк» за 1953 г.)

Экскурс о «втором сказуемом». Далеко не каждый doplnok словацкого или чешского языка может быть передан в русском языке формой прилагательного. В целом ряде случаев словацкому прилагательному, выступающему в функции сказуемостно-именного приглагольного члена (doplnok) соответствует в русском языке адвербиальная или адвербиализованная конструкция, ср.

chlapec behá *bosý*	ма́льчик бе́гает *босико́м;*
deti sa kúpu *nahé*	де́ти купа́ются *нагишо́м;*
vlak sa vrátil *prázdny*	по́езд верну́лся *порожняко́м;*
vlka chytili *živého*	во́лка поймали *живьём.*

Наречия типа *нагишо́м* могут быть заменены «аналитическими» адвербиальными оборотами типа *в го́лом ви́де*, ср. также:

ovocie jeme *surové*	фру́кты едя́т *сыры́ми* или *в сыро́м ви́де.*

Как видно, употребление частей речи даже в таких родственных и по своей структуре близких языках, как русский и словацкий, далеко не всегда совпадает. В этом несоответствии грамматических средств и сказывается прежде всего национальное своеобразие каждого из славянских языков. Вскрытие таких несоответствий имеет значение методическое, но может принести также пользу при сравнительно-историческом изучении синтаксиса славянских языков. С точки зрения изучения иностранного и вместе с тем структурно близкого языка, такое несоответствие в частях речи является источником многочисленных ошибок, ибо здесь речь идёт о несоответствии «категориальном».[1]

С формальной точки зрения краткие формы прилагательных отличаются следующими особенностями: они не склоняются, но согласуются в роде и числе с подлежащим.[2] В мужском роде единств. числа они охарактеризованы нулевым окончанием *(гото́в, сыт, бо́лен, прису́щ)*, в женском роде — окончанием *-а (гото́ва, сыта́, больна́, прису́ща)*, в среднем роде окончанием *-о (гото́во)* или *-е (прису́ще)*, во множественном числе окончанием *-ы (гото́вы)* или *-и (прису́щи)*. Мягкие прилагательные на *-ний, -няя, -нее* в большинстве случаев не образуют кратких форм. В грамматиках приводится обыкновенно краткая форма прилагательного *си́ний (синь, синя́, си́не; си́ни)*, в живом литературном языке довольно редкая. Мягкие прилагательные *и́скренний, изли́шний, ли́шний, односторо́нний, многосторо́нний, разносторо́нний*, образуют краткую форму мужского рода на твёрдый согласный: *и́скренен, изли́шен, ли́шен, односторо́нен, многосторо́нен, разносторо́нен*, женскую форму обыкновенно на *-ня*: *изли́шня, односторо́ння*.

Прилагательное *и́скренний* имеет следующие формы: *и́скренен, и́скренна* (твёрдое окончание!), множ. число *и́скренны*. Особняком стоит форма *общё*: «Художественный театр — это *общё*» (Литературная газета № 2485 за 1948 г.).

Выступая в функции сказуемого, краткие формы прилагательных утрачивают некоторые грамматические признаки полных форм (напр. изменение по падежам). Наряду с этим наблюдается семантическое сужение кратких форм. Если полная форма прилагательного *голо́дный* может употребляться и в прямом значении *(голо́дный волк)* и в переносном *(голо́дный взгляд)*, если полная форма является также относительным прилагательным *(голо́дная смерть, голо́дный бунт)*, то за краткой формой сохраняется лишь первое, прямое значение: *он го́лоден*; нельзя сказать «его взгляд был го́лоден» или «смерть была́ голодна́»! Семантическое сужение кратких форм прилагательных зачастую приводит к полному семантическому разрыву

---

[1] Ср. статью A. V. Isačenko: Čo zodpovedá doplnku v ruštine, Ruský jazyk, III, 1953, č. 5, str. 141.

[2] Неудачным следует признать термин »neurčité tvary přídavného jména«, употребляющийся в чешских грамматиках русского языка.

между краткими и полными формами: краткая форма *до́лжен, должна́* семантически не соотнесена с полной формой *до́лжный, до́лжная*, ср. *он до́лжен прийти́* »musí prísť« и *приступи́ть к вопро́су с до́лжным внима́нием* »s náležitou pozornosťou«.

Выступая в функции сказуемого, краткие формы прилагательных приобретают некоторые грамматические формы, не присущие полным формам прилагательных. Это, в первую очередь, формы времени: *он бо́лен, он был бо́лен, он бу́дет бо́лен.* Предикативность кратких форм роднит их синтаксически с глаголом, главной синтаксической функцией которого является именно осуществление предикации. Эта черта особенно наглядно сказывается при сопоставлении фактов русского языка со словацкими. Дело в том, что в ряде случаев русской конструкции с краткой формой прилагательного в словацком языке соответствует глагольная конструкция; ср.:

русск.	словац.	чеш.
он похо́ж на отца́	*podobá sa na otca*	*podobá se otci*
я наме́рен отве́тить	*mienim odpovedať*	*míním odpovědět*
я согла́сен с ва́ми	*súhlasím s vami*	*souhlasím s vámi*
он го́ден	*hodí sa*	*hodí se*
он на меня́ зол	*hnevá sa na mňa*	*hněvá se na mne*

Ср., напр., восклицание матери, получившей от сына известие с фронта: «Мой сын *жив!*» (прилагательное) — »Môj syn *žije!*« (глагольная форма).

В ряде случаев в функции сказуемого наряду с краткой формой может выступать и полная форма. Можно сказать *он бле́ден* и *он бле́дный, э́та ко́мната светла́* и *э́та ко́мната све́тлая.* Однако между обеими формами существует тонкая, но вполне уловимая разница. «Краткие формы обозначают качественное состояние, протекающее или возникающее во времени; полные — признак, мыслимый вне времени, но в данном контексте отнесённый к определённому времени», пишет акад. В. В. Виноградов.[1] Разница эта как-будто вскрывается в следующих контекстах: *от него́ нельзя́ тре́бовать физи́ческой рабо́ты — он больно́й* (признак, мыслимый вне времени), но *его сейча́с нельзя́ трево́жить — он бо́лен* (качественное состояние, протекающее во времени). Ср. *он злой* (т. е. злой человек; постоянный признак) — *он зол на меня́* »hnevá sa na mňa« (временный признак).

Смысловой оттенок полной формы, выражающей «постоянный» признак, с полной наглядностью выступает в следующем пассаже из романа «Спутники» В. Пановой:

---

[1] Русский язык. 1947, стр. 263.

« — За что ты полюби́ла меня́? ...

— За то, что ты *скро́мный*, — перечисля́ла она восто́рженно, — за то, что ты тако́й *ве́жливый, интеллиге́нтный*, вообще́ — *удиви́тельный* ...»

Полная форма прилагательных, выступая в качестве сказуемого, может соединяться с подлежащим при помощи существительных *челове́к, мужчи́на, же́нщина, де́вушка, ребёнок, де́ло* и т. п., ср. *он челове́к энерги́чный, она́ же́нщина неглу́пая, она́ де́вушка самостоя́тельная, это де́ло не спе́шное.* В этих случаях признак выражен как постоянный, не зависящий от времени.

Сказуемостная форма прилагательного сочетается в русском языке с адвербиальными местоимениями *как, так*, а не с прилагательными местоимениями *како́й, тако́й*, как в словацком языке, ср.

он *так* сча́стлив	je *taký* šťastný
как он бле́ден!	*aký* je bledý!

Эта особенность лишний раз подчёркивает близость сказуемостных форм прилагательных с глаголом.

В силу бесспорной близости между краткими формами прилагательных и глаголом, некоторые языковеды склонны видеть в них особую грамматическую категорию. Так акад. А. А. Шахматов относит краткие формы прилагательных к «спрягаемым» формам, приравнивая формы типа *я бо́лен, ты бо́лен, он бо́лен* к глагольным формам типа *я боле́ю, ты боле́ешь, он боле́ет* и выделяя их в особую категорию «прилагательных сказуемых».[1]

Разница между краткими и полными формами прилагательного, выступающего «в качестве сказуемого», сводится, по существу, к следующему:

Только краткие формы являются чисто предикативными формами прилагательного; это и роднит их с личными формами глагола, являющимися специфическими предикативными формами. Утверждая, что

1. *Кита́йский язы́к бчень тру́ден,*

я создаю предикативную связь между подлежащим и сказуемым, иными словами, приписываю объекту *(кита́йский язы́к)* определённый признак («быть *тру́дным*»).

Полная форма прилагательного специализирована в современном языке как форма, прежде всего, атрибутивная *(тру́дный язы́к)*. Эта атрибутивная форма вторично попадает в позицию сказуемого:

2. *Кита́йский язы́к — бчень тру́дный (язы́к).*

Согласно правилам, регулирующим устранение идентичного члена при повторе, существительное *(язы́к)* опускается в атрибутивной синтагме, попавшей в позицию сказуемого *(тру́дный язы́к → тру́дный)*. Выпадение

---

[1] А. А. Шахматов: Очерк современного русского литературного языка, стр. 140.

существительного в атрибутивной синтагме обычно рассматривается как субстантивация. В данном случае мы имеем дело с особым видом субстантивации, вызванной не лексическими потребностями (ср. *дéтская кóмната* → *дéтская*), а правилами грамматики. В предложении *Китáйский язы́к óчень тру́дный* утверждается (а) что существует класс трудных языков, и (б) что именно китáйский язык включается говорящим в этот класс, мыслится им как элемент данного класса.

Разница между предложениями 1. и 2. сводится, таким образом, к разнице между общим грамматическим значением предикативного прилагательного с одной, и общим грамматическим значением субстантивированного прилагательного — с другой стороны. В словацком языке эту разницу можно было продемонстрировать на следующем примере:

Čínština je ťažká.
Čínština je ťažký jazyk.

Теперь станет понятным, почему в ряде случаев в конструкциях с полной формой прилагательного появляются такие «прономинальные» существительные (с очень обобщённым значением) как, *человéк*, *пáрень*, *мáльчик*, *жéнщина*, *дéвушка*, *вещь*, *вопрóс*, *дéло*, ср.:

Он человéк дóбрый (← Он дóбрый человéк)
Вáня пáрень неглу́пый (← Вáня неглу́пый пáрень)
Онá жéнщина скрóмная (← Онá скрóмная жéнщина)
Это дéло неплохóе (← Это неплохóе дéло)

Теперь можно будет без труда интерпретировать такие конструкции, как *Он злой*, *Он больнóй*. В этих конструкциях мы имеем дело с «субстантивированными» прилагательными, т. к. сами конструкции восходят к предложениям типа *Он злой человéк*, *Он больнóй человéк*.

Если считать, что конструкции типа *Он верну́лся больнóй* восходят к «скрещению» двух предложений типа

Он верну́лся × *Он больнóй*

то сочетание полной формы прилагательного с глаголом не будет представлять никаких затруднений. Возможные параллельные формы типа *Он верну́лся больны́м* (с прилагательным в творительном падеже) должны толковаться как «скрещения» таких предложений:

Он верну́лся × *Он был больны́м.*

Этим самым элиминируется вся проблематика «второго сказуемого» в русском и »doplnka« в словацком языке.

Предлагаемое здесь теоретическое объяснение не снимает, однако, практических трудностей правильного употребления кратких и полных

форм прилагательного. Для нерусского остаётся не вполне понятным, почему говорят

Этот цветóк крáсный (а не: **э́тот цветóк крáсен*)
Эта бумáга бéлая (а не: **э́та бумáга белá*) и т. п.

Несмотря на богатый и отчасти весьма ценный материал, накопленный многочисленными исследователями, вопрос об употреблении кратких и полных форм прилагательного остаётся все ещё недостаточно изученным.

Во всяком случае различение «постоянного» и «врéменного» признака оказалось недостаточным для разграничения полных и кратких форм прилагательных.

Сфера употребления кратких форм прилагательных

В грамматической литературе неоднократно отмечалось, что сферой употребления кратких форм прилагательных являются, в первую очередь, книжные стили. Поэтому в научных определениях, в точных формулировках мы встречаем исключительно краткие формы, ср. «квадрáт гипотенýзы *рáвен* сýмме квадрáтов кáтетов», «грамматúческий строй языкá *устóйчив*», «язы́к *неклáссов*» (в статье акад. В. В. Виноградова). В специальной литературе иногда указывается на то, что категория кратких прилагательных «в современном русском языке является малопродуктивной».[1] Это может быть отнесено разве только к обиходно-разговорному языку. В теоретических стилях и особенно в языке художественной прозы краткие формы являются вполне живой и продуктивной категорией.

В русском языке можно наметить ряд случаев, когда употребление кратких форм если не обязательно, то во всяком случае предпочтительно.

Если сказуемое, выраженное прилагательным, стоит на первом месте в предложении, то предпочтение бесспорно даётся краткой форме, ср. «*широкá* странá моя роднáя», «*многочúсленны* примéры героизма совéтских пионéров». Ср. также в классической поэзии:

Тихá украúнская ночь (А. С. Пушкин)
Богáт и *слáвен* Кочубéй (А. С. Пушкин)

Интересно чередование кратких и полных форм в пределах одного предложения: сказуемостное прилагательное, стоящее на первом месте, принимает краткую форму, ср. «*Красúв* пан полкóвник Гóлуб; брóви *чёрные*, лицó *блéдное* с лёгкой желтизнóй от бесконéчных попóек» (Н. Островский «Как закалялась сталь») или «Сын Фаркова — двадцатилéтний Тимóха — *здорóв*, как бык, и *огрóмен* рóстом, шéя *тóлстая*, лоб *широ́кий*

---

[1] Современный русский язык, Морфология. Издательство Московского университета, 1952, стр. 135.

(В. Я. Шишков: «Угрюм река»). Употребление краткой формы в начале предложения следует признать характерным для книжной речи.

Наоборот, полные формы, употребляемые в качестве сказуемого, типичны для разговорных стилей. Вот несколько примеров из диалогической речи персонажей современных романов: «Ва́ша жена́ о́чень *сурóвая*» (И. Эренбург «Буря»), «... но всё-таки он *непреклóнный*» (К. Федин «Первые радости»), «Он *гóрдый*, он не поймёт» (там же), «Дире́ктор стра́шно *стрóгая*» (В. Панова, Ясный берег).

Естественно, что такое стилистическое распределение кратких и полных форм прилагательных возможно лишь в силу тех семантических оттенков, о которых говорилось выше (ср. стр. 194).

Помимо стилистических оттенков, в той или иной степени определяющих употребление прилагательных в краткой или в полной форме, в русском языке имеются случаи, когда в качестве сказуемого преимущественно выступает краткая форма. Эти случаи сводятся к следующему:

а) Несколько прилагательных допускают в качестве сказуемого только краткую форму:

русск.	словац.	чеш.
он жив	*žije (nie je mŕtvy)*	*žije*
он прав	*má pravdu*	*má pravdu*
он готóв	*je hotový*	*je hotov*
он виновáт	*je vinný*	*je vinen*

Сюда же относится слово *рад*, *рáда*, *рáды*, имеющее, так же, как и в словацком и чешском языках, только краткую предикативную форму: *я рад, что мы встрéтились* »som rád, že sme sa stretli«.

В русском языке слово *рад* не может сочетаться со спрягаемой глагольной формой: *я рад вас вúдеть* »som rád, že vás vidím«. Словацкому *rád chodím do divadla* соответствует русское *я люблю́ ходúть в теáтр*, словацкому *rád ti pomôžem* — русское *я тебé охóтно помогý*. Словацкой и чешской идиоме *mať rád* соответствует русский глагол *любúть*.

б) Если прилагательное, выступающее в качестве сказуемого, сохраняет своё управление, т. е. сочетается с какой-либо падежной формой (с предлогом или без предлога) или с какой-либо глагольной формой, то оно обычно стоит в краткой форме: *я довóлен результáтами рабóты, он похóж на своего брáта, он подóбен чему-нибудь, он извéстен всей стране́, я увéрен в чём-нибудь, он намéрен это сдéлать, он гóден для употребле́ния, он блúзок к úстине, он далёк от такóй мы́сли, он женáт на егó сестре́* и мн. др.

в) Наряду с прилагательными, в функции сказуемого могут выступать также причастия страдательного залога. Причастия настоящего времени страдательного залога на *-мый*, а также прилагательные, возникшие из этих

причастий, всегда употребляются в краткой форме, если они выступают в функции сказуемого:

он был уважáем всéми (причастие);
наш нарóд непобедúм (прилагательное).

Сюда же относятся прилагательные типа *необходúм*, *неразрешúм*, *неизгладúм*, *неукротúм*, *недостижúм*, *невыносúм*, *непреодолúм* и мн. др.

г) Прилагательные на *-щий*, восходящие к причастиям настоящего времени действительного залога, употребляются в краткой форме, если они выступают в качестве сказуемого:

емý присýщ оптимúзм	»je mu vlastný optimizmus«,
он не всевéдущ	»nie je vševedúci«,
он свéдущ в э́том дéле	»vyzná sa v tom«.

Ср. «óчень нам *подходя́щ*» »veľmi sa nám hodí« (В. Панова: Ясный берег).

д) Причастия прошедшего времени страдательного залога, выступающие в качестве сказуемого, употребляются исключительно в краткой форме: *урóк напúсан*, *рабóта закóнчена*, *заявлéние пóдано*, *дéньги уплáчены*. В этом отношении мы находим полный параллелизм в чешском литературном языке, где в соответствующих случаях всегда выступает краткая форма: *dopis je napsán*, *kniha je přečtena*. В словацком языке, не знающем кратких сказуемостных форм, употребляется и здесь полная форма: *list je napísaný*, *kniha je prečítaná*.

е) Прилагательные на *-úческий* обычно выступают в качестве атрибута. Они соотнесены с прилагательными на *-úчен*, *-úчна*, которые и фигурируют в функции сказуемого:

логúческий вы́вод — э́тот вы́вод логúчен
трагúческая сцéна — э́та сцéна былá трагúчна и т. п.

Если же формы на *-ический* выступают «в качестве сказуемого», то это опять-таки объясняется опущением существительного в атрибутивной синтагме, попавшей в предикат:

Причúны э́той болéзни чúсто психúческие (причúны).

Здесь прилагательное **психúчны* — невозможно.

ж) В сочетании с дательным падежом лица многие оценочные прилагательные, выступающие в функции сказуемого, употребляются в краткой форме: *он мне мил* (ср. *он мúлый*), *он мне блúзок*, *он мне дóрог*, *он мне неприя́тен* (ср. *он неприя́тный*) и т. п.

з) Прилагательные, согласованные с местоимением *вы* (в форме вежливости) обычно употребляются в краткой форме: *вы óчень блéдны*, *бýдьте так добры́*, *бýдьте любéзны* и т. п. При этом форма краткого прилагатель-

ного стоит во множественном числе. Наряду с такими конструкциями вполне правильными являются конструкции типа *Вы о́чень бле́дный* (с полной формой в единственном числе!). Ср. также: *Вы смешно́й, Вы тако́й глу́пенький.*

В противовес прилагательным, требующим при известных условиях употребления краткой формы в качестве сказуемого, в русском языке имеется целый ряд случаев, когда краткая форма либо вовсе невозможна, либо в живой речи избегается. Акад. В. В. Виноградов приводит перечень относительных прилагательных, вовсе не знающих краткой формы.[1] Это прилагательные со следующими окончаниями:

1. *-ий, -ья, -ье (коша́чий, оле́ний, охо́тничий);*
2. *-ний, -няя, -нее (ле́тний, зи́мний, после́дний);*
3. *-иный (гуси́ный, лошади́ный);*
4. *-шний (сегодня́шний, за́втрашний, зде́шний);*
5. *-янный, -яный* и *-енный* (*овся́ный, стекля́нный, деревя́нный, соло́менный* и т. п.) и др.

Все эти прилагательные являются прилагательными неоценочными и некачественными, не знающими в русском языке краткой формы.

Кроме приведённых случаев, в современном русском языке наблюдается тенденция избегать краткие формы прилагательных в среднем роде, типа *э́то помеще́ние тепло́, э́то перо́ ту́по* и т. п. Отсутствие в живой речи таких форм объясняется их омонимностью с соответствующими наречиями (*тепло́ одева́ться, ту́по гляде́ть*). Русский язык предпочитает в указанных случаях полные формы: *э́то помеще́ние тёплое, э́то перо́ тупо́е, э́то кре́сло мя́гкое* и т. п. Однако к формам причастий это ограничение не относится, ср. *письмо́ напи́сано, разреше́ние полу́чено* и т. п.

Предикативные безличные формы прилагательных среднего рода

В словацком языке полные формы прилагательного среднего рода употребляются в безличных предложениях в качестве сказуемого: *je pochopiteľné, je zaujímavé, bolo nejasné* и т. п. В русском языке в подобных случаях выступает краткая форма прилагательного, в большинстве случаев формально совпадающая с соответствующим наречием: *поня́тно, что..., интере́сно, что..., бы́ло нея́сно* и т. п.

Краткие формы прилагательных среднего рода в приведённых случаях выражают не постоянный признак, а состояние, протекающее во времени

---

[1] Русский язык, стр. 271.

и, следовательно, полностью относятся к особому классу слов, к так называемым предикативам («категория состояния»). О них будет подробно говориться в соответствующей главе (см. стр. 290 сл.).

Значение кратких форм некоторых качественных прилагательных

Выше уже говорилось о том, что краткие формы нередко отрываются от семантики полных форм и приобретают смысловые оттенки, не присущие полным формам. В кругу качественных («качественно-оценочных») прилагательных такой семантический отрыв кратких форм от полных намечается с достаточной последовательностью.

Краткие формы некоторых качественных («качественно-оценочных») прилагательных приобретают значение чрезмерности:

сапоги́ малы́	*čižmy sú (pri)malé*
боти́нки велики́	*topánky sú (pri)veľké*
ко́фта длинна́	*blúzka je (pri)dlhá*
костю́м у́зок	*oblek je (pri)úzky*
он ещё мо́лод	*je ešte (pri)mladý*
он уже́ стар для э́того	*na to je už (pri)starý*

Любопытно, что краткие формы *мал -á -ó -ы́* семантически не соотнесены с прилагательным *ма́лый*, а с прилагательным *ма́ленький*. С другой стороны, прилагательное *большо́й* образует краткую форму супплетивно: *вели́к -á -ó -и́: большие́ успе́хи ~ на́ши успе́хи велики́, большие́ сапоги́ ~ сапоги́ велики́*. Форма *вели́к -á* одновременно соотнесена с формой *вели́кий: вели́кий мысли́тель ~ он вели́к свои́м вкла́дом в нау́ку*.

Отсутствие семантической соотнесённости наблюдается и в парах *хорбший ~ хорбш -á, плохо́й ~ плох -á*. Если полная форма *хорбший* выражает положительную оценку *(хорбшая кни́га, хорбший челове́к)*, то краткие формы *хорбш -á* выражают либо ироническое отношение *(хорбш учёный, не владе́ющий элементарными приёмами свое́й нау́ки)*, либо дают эстетическую оценку: *в э́тот ве́чер она́ была́ о́чень хороша́* »tento večer bola veľmi pekná«. Полная форма *плохо́й* выражает отрицательную оценку *(плоха́я кни́га, плохо́й челове́к)*, в то время как краткая форма *плох* выражает нечто иное: *он о́чень плох* говорится о больном, положение которого вызывает опасения.

Вставные гласные в кратких формах прилагательных мужского рода

Если в основе прилагательного перед последним согласным стоит гласный, то краткая форма мужского рода образуется без изменений основы:

краси́вый — краси́в, бога́тый — бога́т. Если же основа кончается на группу согласных, то в краткой форме в мужском роде обыкновенно появляется вставной гласный о, е, ё или (редко) и.[1]

Вставной гласный *-о-* появляется в мужской форме, если основа прилагательного оканчивается на «согласный + к»:

-о-:	*мя́гкий — мя́гок*	*звóнкий — звóнок*
	лёгкий — лёгок	*ни́зкий — ни́зок*
	ме́лкий — ме́лок	*бли́зкий — бли́зок*
	сла́дкий — сла́док	*ли́пкий — ли́пок*
	корóткий — кóроток	*жи́дкий — жи́док*
	гла́дкий — гла́док	*ре́дкий — ре́док*

Сюда же относятся формы *дóлгий — дóлог, пóлный — пóлон, рéзвый — резóв* (устар.), *смешнóй — смешóн* (из *смешён*).

Вставной гласный *-е-* появляется в мужской форме, если основа прилагательного оканчивается на «согласный + *н*», на «мягкий знак + *н*» или на группу «*й* + согласный»:

-е-:	*холóдный — хóлоден*	*сознáтельный — сознáтелен*
	голóдный — гóлоден	*пы́льный — пы́лен*
	интерéсный — интерéсен	*гря́зный — гря́зен*
	скорóмный — скорóмен	*больнóй — бóлен*
	бóйкий — бóек	*стóйкий — стóек*

У слов на *-нный* в мужской форме появляется группа *-нен: стрáнный — стрáнен, разносторóнний — разносторóнен*, ср. *он нéжен* и *благоухáнен* (И. Эренбург «Единый фронт»).

Ср. *цéнный — цéнен, длúнный — длúнен, склóнный — склóнен.* У прилагательных на *-енный* в краткой форме появляется суффикс *-ен: нрáвственный — нрáвствен, торжéственный — торжéствен, искýсственный — искýсствен*, ср.

Если б
был он цáрствен и божéствен
(Маяковский).

У прилагательных типа *одновремéнный, плáменный*, образованных от основ *времен-, пламен-*, краткая форма мужского рода звучит *одновремéнен, плáменен.*

---

[1] При формулировке данного правила традиционная грамматика исходит из предположения, что «полные» (атрибутивные) формы прилагательного являются «первичными», и «краткие» формы — вторичными, образованными «от полных форм». Есть, однако, серьёзные основания считать краткие формы первичными, а «полные», атрибутивные формы, образованными от кратких. В настоящем изложении мы следуем примеру традиционных грамматик.

Вставной гласный *-ё-* появляется лишь в нескольких случаях:

-ё-: *си́льный — силён* *хи́трый — хитёр*
у́мный — умён *бо́стрый — остёр*
недурно́й — недурён *хмельно́й — хмелён* »opitý«

Вставной гласный *-и-* встречается лишь в слове *досто́йный — досто́ин.*

В ряде случаев группа согласных в конце слова остаётся без изменений. Следует различать следующие случаи:

а) в конце основы стоит *р* или *л*:

бы́стрый — быстр *на́глый — нагл*
до́брый — добр *по́длый — подл*
пёстрый — пёстр *кру́глый — кругл*

Однако имеются и исключения:

ки́слый — ки́сел *све́тлый — све́тел*
тёплый — тёпел

б) в конце основы стоит группа *-ст-*:

то́лстый — толст *просто́й — прост*
густо́й — густ *чи́стый — чист,*

прилагательные на *-а́стый, -и́стый:*

зуба́стый — зуба́ст *пуши́стый — пуши́ст*
плечи́стый — плечи́ст *боло́тистый — боло́тист*

Акцентологические типы кратких форм

Большинство прилагательных образует краткие формы без переноса ударения на другой слог. Это, в первую очередь, прилагательные производные (типа *нау́чный — нау́чен, разбо́рчивый — разбо́рчив*), сложные (типа *многогра́нный*) и прилагательные иностранного происхождения *(интере́сный — интере́сен -сна, литерату́рный — литерату́рен -рна).* К прилагательным, не меняющим места ударения в краткой форме, относится также немало непроизводных прилагательных типа *краси́вый -и́ва.*

Прилагательные, меняющие место ударения в краткой форме, можно разбить на две основных группы.

1. Наиболее многочисленной является группа прилагательных, краткие формы которых носят ударение на том же слоге, как и полные формы, за исключением краткой формы женского рода:

Полная форма	Краткая форма			
	муж. р.	жен. р.	ср. р.	множ. ч.
сла́бый	слаб	слаба́	сла́бо	сла́бы

Сюда относятся: *бе́дный, бле́дный, бли́зкий, бо́йкий, ве́рный, вре́дный, га́дкий, ги́бкий, глу́пый, гла́дкий, гру́бый, гру́стный, густо́й, де́рзкий, ди́кий, до́лгий, жёсткий (жестка́), жесто́кий, жив (жива́),*[1] *кра́сный, кре́пкий, ло́вкий, мо́крый, мя́гкий, ни́зкий, плохо́й, прав (права́), пусто́й, ре́дкий, ре́зкий, све́тлый, ску́чный, сла́бый, сла́дкий, слепо́й, сме́лый, стро́гий, сухо́й, ти́хий, то́лстый, то́нкий, то́чный, тру́дный, худо́й, це́лый, чёрный, че́стный, чи́стый, чу́ждый, я́сный* и многие другие.[2]

Вариантом этого типа являются те немногочисленные прилагательные с двусложной основой, у которых краткая форма мужского рода образуется с переносом ударения на первый слог.

Полная форма	Краткая форма			
	муж. р.	жен. р.	ср. р.	множ. ч.
голо́дный	го́лоден	голодна́	го́лодно	го́лодны
холо́дный	хо́лоден	холодна́	хо́лодно	хо́лодны
коро́ткий	ко́роток	коротка́	ко́ротко	ко́ротки
дешёвый	дёшев	дешева́	дёшево	дёшевы

2. Менее многочисленна группа прилагательных, в которых ударение переносится на окончание во всех кратких формах, кроме формы мужского рода.

Полная форма	Краткая форма			
	муж. р.	жен. р.	ср. р.	множ. ч.
высо́кий	высо́к	высока́	высоко́	высоки́

Сюда относятся: *бе́лый, глубо́кий, далёкий, до́брый, кру́глый, лёгкий, ро́вный, си́льный, тёмный, тяжёлый, хоро́ший* и др.

Следует отметить, что в ряде случаев в современном русском языке наблюдаются колебания: у Э. Яначек приведены случаи типа *дли́нен — дли́нна* и *длинна́, ва́жны* и *важны́, го́дны* и *годны́* и мн. др.

---

[1] Форма *жив, жива́* уже не соотнесена с полной формой *живо́й*.

[2] Полный список дан в статье E. Janáčková: Přízvuk krátké formy ruských přídavných jmen. Ruský jazyk II, č. 8, 1951—1952, 240—242.

Вопрос о грамматическом характере степеней сравнения

Все качественно-оценочные и большинство качественных прилагательных образуют степени сравнения, выражающие разные степени качества. Мы знаем, что в ряде случаев качественные прилагательные не имеют степеней сравнения в силу своей семантики: прилагательные типа *немо́й*, *босо́й*, *слепо́й*, *го́лый* и др. обозначают абсолютное качество и логически не допускают образования сравнительной или превосходной степени.

Несмотря на то, что в учебниках и в большинстве теоретических грамматик степени сравнения неизменно помещаются в отделе парадигматики имён прилагательных, позволительно поставить вопрос, являются ли степени сравнения в самом деле формами прилагательных, образующимися по правилам парадигматического словоизменения, т. е. по правилам грамматики, или же вернее будет отнести степени сравнения и их образование к отделу словообразования, т. е. к одной из областей лексикологии.

В пользу отнесения степеней сравнения к отделу парадигматики говорит, прежде всего, полная соотнесённость между положительной, сравнительной и превосходной степенью в современном языке. Каждое (или почти каждое) качественное и каждое качественно-оценочное прилагательное образует степени сравнения. В пользу грамматической трактовки данного явления говорит также значительная абстрактность, «категориальность» значений степеней сравнения. Но нельзя забывать, что сравнительная и превосходная степень обозначают нечто иное, чем положительная степень, что между положительной степенью и сравнительной степенью имеется количественная разница, подобная той, с которой мы встречались при анализе семантического соотношения единственного и множественного числа.

В пользу трактовки степеней сравнения как результата одного из словообразовательных, деривативных приёмов, можно привести следующие соображения:

1. В ряде случаев сравнительная и превосходная степень образуются от других корней, чем положительная степень, составляя своеобразную супплетивную парадигму: ср. *хоро́ший — лу́чший — наилу́чший*, *плохо́й — ху́дший — наиху́дший*, *ма́ленький — ме́ньший — наиме́ньший* и т. п., словац. *dobrý — lepší — najlepší*, *veľký — väčší — najväčší*, *pekný — krajší — najkrajší*, *zlý — horší — najhorší*.[1] Такое положение вещей свидетельствует

---

[1] Ср. также по языкам: лат. *bonus — melior — optimus*, *parvus — minor — minimus*, *magnus — maior — maximus*; нем. *gut — besser — der beste*; наречие *viel — mehr — am meisten;* англ. *good — better — best*, наречие *much — more — most* и др.

о том, что в доисторической древности бóльшее наличие признака обозначалось самостоятельным словом, этимологически не связанным с положительным прилагательным. Соединение разных корней в одной «парадигме» (тип *хорóший — лýчший*) можно сравнить с процессами, имевшими место в системе глаголов, ср. *идти́ — шёл*, словац. *byť — som — budem*, фр. *aller — je vais — j'irai*.

2. Слова типа *лýчше, молóже, бóльше, умнéе* лишены некоторых грамматических признаков соответствующих прилагательных положительной степени: они не имеют форм рода, числа и падежа и не вполне соотнесены с соответствующими прилагательными *хорóший, молодóй, большóй* (или *велúкий*), *ýмный* в грамматическом отношении. Слова типа *лýчше, молóже* и т. д. выступают в русском языке преимущественно в качестве сказуемого, между тем как соответствующие слова *хорóший, молодóй* и т. д. могут выступать как в функции сказуемого, так и в функции определения.

3. Приёмы образования степеней сравнения непродуктивных качественно-оценочных и качественных прилагательных напоминают приёмы деривативного словообразования. Во многих случаях сравнительная степень не образуется от основы положительной степени, ср. *корóт-кий — корóче, шир-óкий — шúре, глуб-óкий — глýбже, выс-óкий — вы́ше, нúз-кий — нúже, слáд-кий — слáще* и т. п.[1]

4. Некоторые формы превосходной степени отрываются от парадигмы и употребляются в особом, элятивном значении, т. е. в значении абсолютно (а не относительно) бóльшей степени качества: *величáйший учёный* уже не значит «самый великий учёный»: в словацком языке этому соответствует »významný vedec, jeden z najvýznamnejších vedcov«.

5. Некоторые формы сравнительной степени употребляются также в значении превосходной степени: *лýчший ученúк* »najlepší žiak«.

Всё это заставляет нас рассматривать степени сравнения как явление, стоящее на грани между грамматическим словоизменением (парадигматикой) и лексическим словообразованием (деривацией).

Типы образования степеней сравнения

В традиционных грамматиках русского языка, в том числе и в школьных, основное внимание сосредоточено на так называемых простых типах образования степеней сравнения *(красúвый — красúвее, слáдкий — слáще, глýбкий — глýбже)*. Нельзя отрицать, что этот тип широко распространён

[1] Ср. ст.-слав. *добрѣ*, являющееся сравнительной степенью к *добръ*; данная форма образована от корня *доб-*, а не от суффиксального образования *доб-ръ*, где суффикс *-ръ* тот же, как в *бъд-ръ* «бодрый», *храб-ръ*, *мжд-ръ*, *баг-ръ* и т. п.

в русском языке и требует внимательного к себе отношения. Большинство прилагательных, относящихся к непроизводным словам русского языка, имеет простые формы сравнительной степени. Однако именно у непроизводных имён прилагательных этот тип образования сравнительной степени наименее «грамматичен»: именно в сфере основных прилагательных бытуют супплетивные формы типа *хоро́ший — лу́чше, плохо́й — ху́же*, именно здесь имеют место морфологические неправильности типа *широ́кий — ши́ре, у́зкий — у́же*. Сложным (описательным или аналитическим) формам образования степеней сравнения *(глубо́кий — бо́лее глубо́кий — са́мый глубо́кий)* в традиционных грамматиках обыкновенно уделяется мало внимания.[1]

Акад. В. В. Виноградов справедливо указывает, что такая односторонняя трактовка «простых» форм сравнительной степени связана с узко «формальным» пониманием грамматики[2].

В нашем сопоставительном изложении целесообразно будет исходить из материала словацкого языка.

В морфологическом отношении в словацком языке имеется только один тип продуктивного образования сравнительной степени, охарактеризованный суффиксом *-ejší (silnejší, pevnejší, chladnejší)*, и один единственный тип образования превосходной степени, охарактеризованный комплексным префиксально-суффиксальным образованием на *naj... -ejší*. Помимо этого имеется ряд непродуктивных форм на *-ší (kratší, širší)* и на *naj...ší*. Приведенные формы степеней сравнения употребляются в словацком языке стандартно как в функции определения *(teplejšia voda)*, так и в функции сказуемого *(táto voda je teplejšia)*.

Этим сравнительно простым и стандартным приёмам образования степеней сравнения в словацком языке соответствует в русском языке целый ряд морфологически разнотипных образований. Для того, чтобы наглядно показать систему соотношений между словацкими и русскими приёмами образования степеней сравнения, необходимо охарактеризовать синтаксические (синтагматические) условия применения той или иной формы.

---

[1] Так, например, в учебнике «Русский язык» А. М. Земского—С. Е. Крючкова—М. В. Светлаева (1950 г.) подробно разработаны приёмы образования простых форм сравнительной степени (типа *краси́вее, вы́ше*) и лишь в последнем абзаце приводятся сложные формы (типа *бо́лее си́льный*), без указания специфических функций этих последних (стр. 156). В учебнике «Русский язык» А. С. Беднякова и А. С. Матийченко (1951 г.) сложные или описательные формы также приводятся лишь в последнем абзаце. У учащегося, таким образом, может возникнуть впечатление, будто формы типа *бо́лее си́льный* в современном русском языке малоупотребительны и не имеют своих специфических функций.

[2] Русский язык, стр. 244; ср. также примечание 56 на стр. 286.

Всякое качественно-оценочное или качественное прилагательное в положительной, в сравнительной и в превосходной степени может употребляться в функции определения или в функции сказуемого (поскольку, конечно, это позволяет его семантика). Помимо того, прилагательные в сравнительной и превосходной степени могут быть охарактеризованы определёнными семантическими и синтаксическими особенностями, заставляющими нас выделить по крайней мере четыре основных типа сочетаний, в которых могут выставить прилагательные в сравнительной и превосходной степени.

1. Прилагательные в сравнительной и превосходной степени употребляются в качестве определения (атрибута), выражая относительную степень наличия признака: тип словац. *krátka palica — kratšia palica — najkratšia palica.*

Этому типу в русском языке соответствуют так называемые «сложные» или аналитические образования. В качестве формального показателя выступает здесь слово *бóлее* (в сравнительной степени) и слова *сáмый, сáмая, сáмое* или *наибóлее* (в превосходной степени): *корóткая пáлка — бóлее корóткая пáлка — сáмая корóткая пáлка.*

Показатель превосходной степени *сáмый, сáмая, сáмое* стилистически нейтрален, в то время как показатель *наибóлее* носит определённо книжный характер, ср. *наибóлее актúвные рабóтники, наибóлее типúчные слýчаи, наибóлее крýпные предприя́тия* и т. п.

2. Прилагательные в сравнительной степени, выступающие в качестве определения, могут выражать в словацком языке не объективную степень наличия признака, а результат субъективной оценки: тип *požičal si knihu na kratší čas, odišiel na dlhšiu cestu, spisovateľ chystá niekoľko kratších noviel.*

Анализ семантики подобных форм в словацком языке показывает, что сравнительная степень выражает здесь наличие не бóльшей, а меньшей степени признака, обозначаемого положительной степенью прилагательного. Сравнение сочетаний požičal si knihu na *krátky* čas и požičal si knihu na *kratší* čas показывает, что прилагательное *kratší* не выражает «большую краткость», а, наоборот, некоторую, довольно значительную продолжительность. С другой стороны, *dlhá cesta* продолжается дольше, чем *dlhšia cesta.* Точно так же *Vysoká škola pedagogická* представляет собой более «высокий» тип высшего учебного заведения, чем *Vyššia škola pedagogická.* В отличие от прямого употребления сравнительной и превосходной степени, где градацию признака можно графически представить так:

krátky — kratší — najkratší,

в данном случае мы имеем градацию другого порядка, которую графически можно было бы изображать следующим образом:

dlhý — kratší — krátky.

Эти чрезвычайно тонкие оттенки словацкого языка в русском языке не имеют прямых соответствий. В переводе на русский язык приведённые словацкие предложения звучат: *он взял кни́гу на коро́ткое вре́мя, он отпра́вился в продолжи́тельную пое́здку, писа́тель гото́вит не́сколько коро́тких расска́зов.* Как видно, компаратив словацкого языка, который мы могли бы назвать сравнительной степенью субъективной оценки, не соответствует в русском языке сравнительной степени прилагательного.

В ряде случаев оттенок значения сравнительной степени субъективной оценки словацкого языка можно передать по-русски лексическими приёмами, ср. *starší človek* «пожило́й челове́к» (в отличие от «старого»), *to potrvá ešte dlhší čas* «это продлится ещё *не́которое* вре́мя» и т. п. При переводе русского текста надо иметь в виду, что русскому прилагательному в положительной степени может соответствовать в словацком языке прилагательное в сравнительной степени с оттенком субъективной оценки, ср. выражение *враща́ться в «хоро́шем» о́бществе* »pohybovať sa v „*lepšej*“ spoločnosti« (с ироническим оттенком), *в молоды́е го́ды* может значить »v *mladších* rokoch« и т. п.

3. Сравнительная и превосходная степень прилагательного может выступать в качестве именного сказуемого. Разберём сперва конструкции, в которых объект сравнения не выражен:

táto otázka je dôležitejšia — táto otázka je najdôležitejšia

В русском языке сравнительная степень прилагательного, выступающего в качестве именного сказуемого, может выражаться либо аналитически (при помощи формального слова *бо́лее*), либо синтетически, при помощи суффиксов *-ее -ей* или *-е*. В аналитическом сочетании с *бо́лее* имя прилагательное может выступать в полной или в краткой форме:

составная или аналитическая форма	*э́тот вопро́с бо́лее ва́жен;*
	э́тот вопро́с бо́лее ва́жный;
простая или синтетическая форма	*э́тот вопро́с важне́е* или *важне́й.*

Распределение форм типа *бо́лее ва́жен* и *бо́лее ва́жный* связано с теми же семантическими оттенками и стилистическими условиями, которые рассматривались в главе, посвящённой распределению кратких и полных форм прилагательных в положительной степени (см. стр. 197). Краткая форма *бо́лее ва́жен* и здесь выражает состояние, мыслимое во времени: при наличии временны́х определителей употребление краткой формы обязательно, ср. *в настоя́щий моме́нт э́тот вопро́с бо́лее ва́жен.* Обязательна краткая форма и там, где прилагательное управляет именем или глаголом, ср. *он бо́лее похо́ж на своего́ отца́, он бо́лее све́дущ в э́том де́ле.* Если ска-

зуемостная форма сравнительной степени стоит в начале предложения, то обыкновенно употребляется краткая форма: *бóлее вáжен вопрóс снабжéния.*

Типичной для русского языка и широко распространённой формой сравнительной степени является простая или синтетическая форма на *-ее, -ей* или *-е*. Эта форма омонимна с формой сравнительной степени наречия, ср. *он ведёт себя́ скромнéе* (наречие) »správa sa skromnejšie« и *егó трéбования скромнéе* (прилагательное) »jeho požiadavky sú skromnejšie«.

Сказуемостная форма сравнительной степени в русском языке лишена синтактических форм рода, числа и падежа; она не согласуется с существительным. В этом отношении нет параллелизма между русскими и соответствующими словацкими формами сравнительной степени. В словацком языке типы образования степеней сравнения стандартны: в атрибутивной, как и в предикативной функции, сохраняется согласование прилагательного с существительным: tento problém je *dôležitejší*, táto otázka je *dôležitejšia*, tieto otázky sú *dôležitejšie*. В виду морфологической оторванности форм сравнительной степени от форм положительной степени прилагательного, а также ввиду почти исключительно предикативной функции форм на *-ее* или *-ей*, некоторые исследователи склонны отнести формы сравнительной степени к «категории состояния».

Какого-либо чёткого разграничения между составной формой с кратким прилагательным (тип *бóлее вáжен*) и простой формой (тип *важнéе*) дать нельзя: обе формы вполне синонимичны. Можно говорить лишь о некоторых стилистических ограничениях в употреблении форм сравнительной степени с *бóлее*. Так, по тонкому наблюдению акад. В. В. Виноградова, при скоплении однородных прилагательных предпочтение отдаётся простым формам на *-ее, -ей* или *-е*:[1] «сегóдняшняя лéкция былá *живéе, интерéснее* и *корóче*». Что же касается разграничения между формами на *-ее* и формами на *-ей*, то первую можно считать более книжной, вторую — более разговорной.

Превосходная степень прилагательного, выступающая в функции именного сказуемого, имеет в русском языке три формы, аналогичные формам сравнительной степени:

э́тот вопрóс сáмый вáжный
э́тот вопрóс наибóлее вáжен
э́тот вопрóс важнéе всех (или *важнéе всегó*).

В языке публицистики, в научном языке и вообще в эмоционально мало окрашенных стилях предпочтение безусловно отдаётся конструкциям с «*наибóлее* + краткая форма прилагательного»: *наибóлее вáжен вопрóс*

[1] Русский язык, стр. 247.

снабжённия; наиболее интересна та часть книги, где автор делится своими личными впечатлениями; этот случай наиболее характерен.

В разговорно-бытовом языке широко распространены сочетания «сравнительная степень + *всех (всего)*»: *он был сильнее всех в классе* »bol najsilnejším v triede«, *мальчик оказался хитрее всех.* Приведённые формы характерны для конструкций, где превосходная степень выражает качество лица. Наоборот, если превосходная степень выражает качество неодушевлённого предмета (понятия), то предпочтение даётся формам «*самый* + полная форма прилагательного»: *этот чемодан самый тяжёлый, его работа самая лучшая.*

4. Сравнительная степень прилагательного в функции сказуемого употребляется в особых компаративных конструкциях, в которых так или иначе выражен объект сравнения: *moja palica je kratšia ako tvoja.*

В большинстве грамматик именно этот тип и разбирается наиболее подробно. Нельзя отрицать, что компаративные синтагмы являются наиболее типичной сферой применения прилагательных в сравнительной степени. Но всё же этот тип должен быть рассмотрен отдельно в силу его синтаксических особенностей, резко отличающихся от норм словацкого (и чешского) языка.

Сказуемостная сравнительная степень прилагательного в компаративных синтагмах осуществляется в русском языке двояко:

а) соединением простой формы сравнительной степени с родительным сравнения (genitivus comparationis): тип *моя палка короче твоей;*

б) соединением составной формы сравнительной степени, состоящей из слова *более* и краткой формы положительной степени, и союза *чем:* тип *моя палка более коротка, чем твоя.*

Синтагма типа «моя палка *короче, чем* твоя» в русском языке, по крайней мере, непривычна, синтагма типа «моя палка более коротка *твоей*» — просто неграмматична.

Наиболее распространённым следует считать первый способ образования (тип *а*): *слово тяжелее железа; речной транспорт выгоднее сухопутного; нет ничего ошибочнее такого взгляда.*

В некоторых случаях русская конструкция приближается по типу к соответствующим словацким синтагмам, ср. *он старше меня* »je starší ako ja, odo mňa«.

Как видно, употребление форм степеней сравнения не ограничивается простыми морфологическими правилами. Типы образования и функционирования степеней сравнения в русском языке должны изучаться и усваиваться в тесной связи с синтаксическими и семантическими условиями их употребления.

Формы сравнительной степени с приставкой *по-*

В русском языке имеются формы сравнительной степени с приставкой *по-* типа *поумне́е, повеселе́е, подеше́вле, поскоре́е.* Основная сфера употребления этих форм — наречие: *верни́сь поскоре́е, пой повеселе́е.* Характерно, что такие формы особенно часто сочетаются с повелительной формой глагола. Из этого можно заключить, что сами они наделены известной долей экспрессивности, своего рода «модальности».

Формы сравнительной степени с приставкой *по-* могут употребляться в качестве сказуемого. В таком случае они приобретают оттенок несколько «смягчённой» сравнительной степени, ср. *он помо́ложе меня́* »je (o niečo) mladší než ja«, *он бу́дет поумне́е нас всех* »ten je múdrejší ako my všetci«. В атрибутивном употреблении формы сравнительной степени с приставкой *по-* стоят обычно после определяемого существительного, часто в обособленном положении, ср. *спой нам пе́сню повеселе́е* »zaspievaj nám nejakú veselú pesničku«, *принеси́ мне папиро́с, да то́лько покре́пче* »dones mi cigarety, ale nejaké silné«. В ряде случаев оттенок «смягчённости» у этих форм вовсе утрачивается: *на рабо́ту выходи́ли все: кто помоло́же — пешко́м, кто поста́рше—на подво́дах* »do práce nastupovali všetci: mladší išli pešo, starší na vozoch«.

Непродуктивные типы образования сравнительной степени

В русском языке, как и в других славянских языках, имеется значительное количество прилагательных, образующих иррегулярную форму сравнительной степени (их около ста). Большинство из них относится к основному словарному фонду.

Иррегулярная (непродуктивная) форма сравнительной степени в русском языке, как правило, не имеет форм рода, числа и падежа, она неизменяема. Можно утверждать, что формы сравнительной степени *ши́ре, ху́же, ти́ше* и т. п. формально совпадают с формой сравнительной степени наречий. Поэтому считаем целесообразным рассматривать в этом отделе имена прилагательные вместе с наречиями.

В первую очередь следует выделить случаи супплетивного образования сравнительной степени:

хоро́ший — лу́чше
плохо́й — ху́же
ма́ленький — ме́ньше.

Сюда же следует отнести образования наречий типа

ма́ло — ме́ньше или *ме́нее*
мно́го — бо́льше или *бо́лее.*

Формы *ме́ньше* и *бо́льше* являются формами сравнительной степени к количественным словам *ма́ло*, *мно́го*, например: *он зна́ет ме́ньше (бо́льше) меня́, он ме́ньше (бо́льше) занима́лся* и т. п. Формы *ме́нее* и *бо́лее* употребляются в сочетании с прилагательными и наречиями в качестве показателей сравнительной степени: *ме́нее убеди́тельное доказа́тельство, бо́лее подходя́щий приме́р, он рабо́тает бо́лее усе́рдно.*[1]

Сравнительная степень *ху́же* не является соотнесённой со словом *худо́й*, как и в словацком языке сравнительная степень *horší* не соотнесена со словом *horký*, а со словом *zlý*. Ввиду богатой синонимики для обозначения отрицательной оценки, можно утверждать, что сравнительная степень *ху́же* соотнесена в русском языке с несколькими прилагательными, синонимными со словом *плохо́й: нехоро́ший, скве́рный, дурно́й* (ср. *ему́ ду́рно — ему́ ста́ло ху́же*).

Супплетивной формой сравнительной степени к *си́льно* или *мно́го* можно также считать слово *пу́ще: она́ распла́калась пу́ще пре́жнего.*

Архаизмом является сравнительная степень *вя́щий* (соответствующая словац. *väčší*) в полуиронических сочетаниях *для вя́щей убеди́тельности* »pre väčšiu presvedčivosť« и т. п. Архаизмом является также форма *кра́ше* к *краси́вый*, ср. идиому *кра́ше в гроб кладу́т* »vyzerá ako mŕtvola«, буквально: »aj krajšieho pochovávajú«.

Формальным признаком образования непродуктивных компаративов является окончание *-е* или *-ше*. Неправильно, конечно, утверждать, будто сравнительная степень «образуется» от корня, а не от основы.[2] С точки зрения современного русского языка, в прилагательных типа *широ́кий, высо́кий, мя́гкий, гла́дкий* нет суффиксов, хотя исторически эти прилагательные и восходят к суффиксальным образованиям типа *шир-окъ, выс-окъ, мяк-ъкъ, глад-ъкъ*. Непродуктивные типы именно тем и отличаются от живых, продуктивных, что они не «образуются», а являются лексико-грамматическими коррелятами исходных форм. Соотношение *широ́кий — ши́ре, гла́дкий — гла́же* правильнее всего толковать как чередование основ.

Среди непродуктивных типов образования сравнительной степени в русском языке выделяются две группы: первая не знает чередования согласных и характеризована окончанием *-ше* со смягчением предшествующего согласного *л* или *н:*

---

[1] Сочетания прилагательных и наречий со словом *бо́лее* являются, как мы видели, аналитическими формами сравнительной степени этих прилагательных и наречий: *бо́лее убеди́тельный* »presvedčivejší«, *бо́лее усе́рдно* »usilovnejšie«. Этого не учитывает, по-видимому, автор главы «Наречие», помещённой в учебнике «Современный русский язык. Морфология» (1952). Сочетания типа *бо́лее внима́тельно* рассматриваются там как «особые фразеологические сочетания» (стр. 392).

[2] А. С. Бедняков и А. С. Матийченко: Русский язык (1951), стр. 158.

далёкий — да́льше или *да́лее*
до́лгий — до́льше или *до́лее*
ра́но — ра́ньше или *ра́нее*
то́нкий — то́ньше
ста́рый — ста́рше.[1]

Суффикс *-е* име́ется в слове:

широ́кий — ши́ре.

Можно утверждать, что формы на *-ше* более конкретны, чем формы на *-ее*. Сравнительная степень *да́льше, до́льше* является конкретным компаративом к *далеко́ (далёкий)* и *до́лго (до́лгий)*, ср. «ма́льчик бро́сил ка́мень ещё *да́льше*», «я не могу́ оста́ться *до́льше*».

Формы *да́лее* и *до́лее*—книжны и более отвлечённы, ср. «*да́лее* сле́дует описа́ние го́рода». Здесь уже не сравнительная степень, а наречие, причём основное пространственное значение, присущие прилагательному *далёкий*, здесь стирается и уступает место значению временному. Форма *да́лее* выступает в сочетании *и так да́лее*. Ср. также идиому *не да́лее, как на про́шлой неде́ле* »práve minulý týždeň«. В поэтическом языке встречается устаревшая форма *да́ле:* «И *да́ле* мы пошли» (Пушкин).

Сравнительная степень *ра́ньше* является формой сравнительной степени к наречию *ра́но*, напр. *мы пришли́ ра́ньше други́х*, но одновременно употребляется в качестве временного наречия в значении »predtým«: *ра́ньше мы жи́ли в Москве́*. Формы *да́ле* и *ра́не* явно архаичны.

Вторая группа непродуктивных форм сравнительной степени характеризована непродуктивным суффиксом *-е* и чередованием согласных в основе. При этом можно выделить следующие типы чередований:

к — ч:	*вя́зкий — вя́зче*	*кре́пкий — кре́пче*
	го́рький — го́рче	*ле́гкий — ле́гче*
		(фонет. *-хч-*)
	гро́мкий — гро́мче	*ме́лкий — ме́льче*
	жа́ркий — жа́рче	*мя́гкий — мя́гче*
		(фонет. *-хч-*)
	жёсткий — жёстче	*ши́бкий — ши́бче,*

а также остальные прилагательные отглагольного образования на *-кий* типа *бро́ский, е́дкий, ко́вкий* и т. п.

ст — щ:	*густо́й — гу́ще*	**д — ж:**	*га́дкий — га́же*
	просто́й — про́ще		*гла́дкий — гла́же*
	то́лстый — то́лще		*жи́дкий — жи́же*

[1] Ср. также устаревшую форму *тяжёле*, при современном *тяжеле́е*.

	ча́стый — ча́ще		*молодо́й — моло́же*
	чи́стый — чи́ще		*по́здно — по́зже*
з — ж:	*бли́зкий — бли́же*		*ре́дкий — ре́же*
	ни́зкий — ни́же		*твёрдый — твёрже*
	у́зкий — у́же	с — ш:	*высо́кий — вы́ше*
т — ч:	*бога́тый — бога́че*	г — ж:	*поло́гий — поло́же*
	коро́ткий — коро́че		*отло́гий — отло́же*
	круто́й — кру́че		*дорого́й — доро́же*
			стро́гий — стро́же
			туго́й — ту́же
х — ш:	*сухо́й — су́ше*	в — вл:	*дешёвый — дешёвле*
	ти́хий — ти́ше		

Смешанный тип представлен прилагательными:

сла́дкий — сла́ще *глубо́кий — глу́бже.*

Во всех указанных случаях речь идёт только о сказуемостных формах сравнительной степени. Все непродуктивные формы сравнительной степени легко сочетаются с приставкой *по-: пода́льше, погро́мче, помя́гче, посла́ще* и т. п.

Значение слов типа *лу́чший, бо́льший*

В современном русском языке слова типа *лу́чший, ху́дший, вы́сший, ни́зший, ста́рший, мла́дший* употребляются либо в значении превосходной степени, либо в значении сравнительной степени.

Свободным, фразеологически несвязанным и живым является употребление слов типа *лу́чший, ху́дший* в значении превосходной степени: *Пе́тя лу́чший учени́к* »Peťo je najlepší žiak«, *в ху́дшем слу́чае* » v najhoršom prípade«. Наряду с этим образуются также формы типа *са́мый лу́чший, са́мый ху́дший: он са́мый лу́чший учени́к.*

Антонимная пара *вы́сший, ни́зший* обозначает превосходную степень в сочетаниях типа *вы́сшая ме́ра наказа́ния* »najvyšší výmer trestu« (т. j. »trest smrti«), *в вы́сшей сте́пени интере́сно* »nanajvýš zaujímavé«, но может применяться и в значении сравнительной степени: *вы́сшие кла́ссы шко́лы* »vyššie triedy školy« (ср., однако, *вы́сшая шко́ла* »vysoká škola«), *ни́зшие организмы.* Здесь значение сравнения стирается. Во всяком случае живые формы сравнительной и превосходной степени образуются аналитично: *бо́лее высо́кий, са́мый высо́кий.* Нельзя, например, сказать: «Эльбру́с — *вы́сшая* гора́ Европе́йской части Сою́за», а только: «*са́мая высо́кая гора́*» или «*высоча́йшая гора́*».

Слова *ста́рший* и *мла́дший* обозначают либо сравнительную, либо превосходную степень: *мой ста́рший (мла́дший) брат — в кла́ссе он был ста́ршим (мла́дшим).*

Слова типа *ста́рший, мла́дший, вы́сший* употребляются также для обозначения ранга, чина, должности или степени, входя в состав комплексных лексических единиц. В таких устойчивых сочетаниях значение сравнительной степени почти полностью теряется, ср. *ста́рший лейтена́нт* »nadporučík«, *мла́дший лейтена́нт* »podporučík«, *ста́рший инжене́р* »hlavný inžinier«, *ста́рший врач* »primár«, *мла́дший врач, ста́рший преподава́тель* (в вузах) »odborný asistent«, *вы́сшая шко́ла* »vysoká škola«.

Слова *бо́льший* и *ме́ньший* обыкновенно обозначают сравнительную степень: «литерату́рой он занима́ется с *бо́льшим* интере́сом» »s väčším záujmom« «из двух зол избра́ть *ме́ньшее*», «воспроизвести́ в *ме́ньших* разме́рах» и т. п. Однако в ряде фразеологических сочетаний слова *бо́льший* и *ме́ньший* обозначают как будто превосходную степень: *бо́льшею ча́стью, по бо́льшей ча́сти* »najviac, väčšinou«, *по ме́ньшей ме́ре* »najmenej, aspoň«. Можно утверждать, что в таких фразеологических сочетаниях значение степени сравнения почти полностью стирается.

Ударение форм сравнительной степени

Прилагательные с постоянным ударением, образующие сравнительную степень при помощи суффикса *-ее* или *-ей*, не меняют места ударения в сравнительной степени: *краси́вый — краси́вее, заме́тный — заме́тнее, интере́сный — интере́снее.*

Прилагательные с подвижным ударением образуют сравнительную степень на *-ее* или *-ей* с переносом ударения на тот слог, на котором оно лежит в краткой женской форме:

Полная форма мужского рода	Краткая форма женского рода	Сравнительная степень
сла́бый	слаба́	слабе́е
сме́лый	смела́	смеле́е
холо́дный	холодна́	холодне́е
тяжёлый	тяжела́	тяжеле́е
тру́дный	трудна́	труднее́

Это относится, однако, лишь к прилагательным, образующим простую форму сказуемостной сравнительной степени при помощи суффиксов *-ее* или *-ей*. Место ударения непродуктивных типов образования сравнительной

степени, с точки зрения современного языка, не зависит от места ударения краткой женской формы, ср. *коро́ткий — коротка́ — коро́че, широ́кий — широка́ — ши́ре.*

Значение слов на *-а́йший, -е́йший* и на *наи-*

Как указывает акад. В. В. Виноградов, прилагательные на *-а́йший* или *-е́йший* могут иметь в современном русском языке три значения:[1]

1. значение безотносительно большой меры признака (значение «элятивное»), тип: *он умне́йший челове́к* »je veľmi múdry, nanajvýš múdry človek«;

2. значение превосходной степени, тип: *верне́йший из друзе́й* »najvernejší z priateľov«, *велича́йший поэ́т*;

3. значение сравнительной степени, почти вымершее в современном языке, но оставившее по себе следы в фразеологии: *при ближа́йшем рассмотре́нии* »pri bližšom skúmaní«.

Наиболее распространённым и наиболее «свободным» является, по-видимому, употребление форм на *-а́йший, -е́йший* в элятивном значении. Следует отметить, что в словацком языке этот оттенок может передаваться по-разному. Русским формам на *-а́йший, -е́йший* могут соответствовать словацкие сочетания со словами *veľmi, krajne, nanajvýš, mimoriadne, obzvlášť*, ср. *тала́нтливейший учени́к* »mimoriadne nadaný žiak«, *опа́снейший враг* »obzvlášť nebezpečný nepriateľ«. С другой стороны, русским формам на *-а́йший, -е́йший* могут соответствовать в словацком языке префиксально-суффиксальные формы на *naj...(ej)ší* в элятивном значении. В сочетании *najprísnejší zákaz* прилагательное не выражает превосходную степень, а употребляется в значении элятивном, ср. *строжа́йшее запреще́ние.* При сопоставлении фактов русского языка с словацким необходимо иметь в виду разные оттенки значения словацких форм на *naj...(ej)ší.*

Формы на *-а́йший, -е́йший* с элятивным значением в свободных сочетаниях имеют явно оценочный характер: *э́то умне́йший, поря́дочнейший и тала́нтливейший челове́к; э́то интере́снейшая мысль; я попа́л в глупе́йшее положе́ние; редча́йший слу́чай; тончайший знато́к* и т. п.

Наряду с этим формы на *-а́йший, -е́йший* входят в состав фразеологических единиц и оборотов, где оценочное значение утрачено. В словацком языке этому употреблению соответствуют, как правило, формы на *naj... -(ej)ší*, ср. *в ближа́йшие дни* »v najbližších dňoch«, *к моему́ глубоча́йшему сожале́нию, испо́лнить что-нибудь в кратча́йший срок* »v najkratšej lehote«, *не име́ть ни мале́йшего представле́ния* »nemať ani najmenšiu predstavu«,

[1] Русский язык, стр. 251—258.

знать де́ло до мельча́йших подро́бностей; *э́то чисте́йший вздор* »úplný nezmysel«. В фамильярных стилях, например, в дружеском письме, употребляются выражения типа *дража́йший мой друг*.

В значении превосходной степени формы на *-айший*, *-ейший* выступают часто в сочетании с предлогом *из*: *гениа́льнейший из музыка́нтов*, *старе́йший из них* и т. п. Ср., однако, *велича́йшее водохрани́лище*.

В значении сравнительной степени формы на *-айший*, *-ейший* встречаются в литературе XIX в. (ср. *его́ лицо́ при́няло ещё зле́йшее выраже́ние*), но в современном языке эти формы уже почти вымерли. В ряде фразеологических сочетаний, однако, ещё просвечивает старое значение сравнительной степени, особенно при сопоставлении русских фактов с словацкими: *при ближа́йшем рассмотре́нии* »pri bližšom skúmaní«, *в дальне́йшем а́втор уже́ не ссыла́ется на э́ту кни́гу* »v ďalšom...«. Следует отметить, что значение сравнительной степени и в этих случаях весьма условно и что формы *ближа́йший*, *дальне́йший* здесь не являются грамматическими коррелятами к *бли́зкий* и *да́льний*.

Чередование суффиксов *-айший* и *-ейший* обусловлено последним согласным основы: после *ж*, *ч*, *ш* употребляется суффикс *-айший (ближа́йший, дража́йший, мельча́йший)*, после остальных согласных — *-ейший (умне́йший, тала́нтливейший, добре́йший)*. Ср. ещё: *просто́й — простейший*; *вели́кий — велича́йший*, *глубо́кий — глубоча́йший*, *ле́гкий—легча́йший*, *мя́гкий — мягча́йший*, *ре́дкий — редча́йший*, *ти́хий — тиша́йший*, *тя́жкий — тягча́йший*.

Приставка *наи-* (произносится двухсложно: *на-и-*!) встречается преимущественно в книжном языке в сочетании с формами сравнительной и реже превосходной степени в значении предельной степени признака: *наилу́чший* (ср. менее книжную форму *са́мый лу́чший*), *наибо́льший* (ср. *са́мый большо́й*), *наиме́ньший* (ср. разг. *са́мый ма́ленький*), *наивы́сший* и др. Формы с приставкой *наи-* встречаются в некоторых фразеологических сочетаниях: *ли́ния наиме́ньшего сопротивле́ния*, *не мо́жет быть наиме́ньшего сомне́ния* и т. п.

Парадигматический состав притяжательных прилагательных

К притяжательным прилагательным относятся по семантическому признаку все прилагательные, выражающие принадлежность одному определённому существу (лицу и, реже, животному): *ма́мина ко́мната Пе́тин костю́м*. Ядром притяжательных прилагательных являются прилагательные, выражающие «индивидуальную притяжательность» (термин акад. В. В. Виноградова).

Формально притяжательные прилагательные охарактеризованы тремя суффиксами, -ов (-ев), -нин и -ин (-ын).

Прилагательные на *-ов (-ев)* и *-нин*, с одной стороны, и прилагательные на *-ин (-ын)*, с другой, обыкновенно рассматриваются как суффиксальные варианты, выражающие в сущности одно и то же отношение. Однако, нельзя не заметить, что между прилагательными на *-ов (-ев)* и *-нин*, с одной стороны, и прилагательными на *-ин (-ын)*, с другой, в современном русском языке нет полного параллелизма. Во-первых, сфера употребления прилагательных на *-ов (-ев)* и *-нин* в современном русском языке явно сужается. Если акад. В. В. Виноградов говорит об «угасании» притяжательных суффиксов в книжных стилях литературного языка,[1] то это относится, в первую очередь, к прилагательным, образованным при помощи суффиксов *-ов (-ев)* и *-нин* типа *отцо́в, ме́льников, двбрников, пе́карев, учи́телев; бра́тнин, му́жнин.* Эти прилагательные по своему значению и особенно по своей стилистической окраске резко отличаются от прилагательных на *-ин (-ын)* типа *ма́мин, тётин, ба́бушкин, Пе́тин, Ва́нин, Волбдин* и т. п. Дело в том, что прилагательные на *-ов (-ев)* и *-нин* образуются от существительных стилистически нейтральных: от названий степеней родства *(оте́ц, сын, брат, муж)* и названий профессий *(ме́льник, двбрник, учи́тель).* В языке XIX века притяжательные прилагательные на *-ов, -ев* свободно образовывались от названий профессий (ср. *смотри́телева моги́ла, пивова́рова жена́* у Пушкина) и от имён собственных (ср. «я вообрази́л, что нашёл *гётеву* Миньбну» у Лермонтова). Притяжательные прилагательные на *-ин (-ын)* образуются, наоборот, от слов, стилистически «квалифицированных»: это разговорные, «интимные» слова, употребляющиеся в семейном быту: *ма́ма* (а не *мать*), *па́па* (а не *оте́ц*), *Ва́ня* (а не *Ива́н*), *Волбдя* (а не *Влади́мир*). Существительные типа *ма́ма, тётя, дя́дя, ба́бушка*, ласкательные имена типа *Ната́ша, Ва́ня, Пе́тя* применяются в узком семейном кругу. Эти существительные обладают особой «неустойчивой» семантикой, являясь словами-оборотнями (shift-words), по выражению О. Есперсена. Об этом свидетельствует их семантическая близость к притяжательным местоимениям *мой, твой, наш, ваш, чей.* В самом деле, между сочетаниями «моя ко́мната», «твоя ко́мната» и «ма́мина ко́мната» наблюдается известный семантический параллелизм.

Если сферой применения притяжательных прилагательных на *-ов (-ев)* и *-нин* являются, в современном языке, в первую очередь, книжные стили художественной литературы, то сферой применения прилагательных на *-ин (-ын)* является живой разговорный язык семейного быта. Действительно,

---

[1] В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 192—193.

прилагательные на *-ов (-ев)* и *-нин* в русском языке угасают. В художественной прозе и поэзии они спорадически встречаются, но в живой разговорной речи они явно избегаются и заменяются либо другими суффиксальными образованиями, либо конструкциями с родительным притяжательным или родительным отношения: вместо *отцо́в дом* говорят и пишут *отцо́вский дом*, *оте́ческий дом* или *дом отца́*.

Отмирание притяжательных прилагательных на *-ов (-ев)* и *-нин* начинает сказываться уже в литературном языке XIX века. Ведь Пушкин назвал свою повесть «Капита́нская дочь», а не «Капита́нова дочь» (при словац. «*Hájnikova žena*«), Л. Н. Толстой писал «Утро помещика», а не «Помещиково утро», Достоевский в «Братьях Карамазовых» называет отдельные главы «Речь прокуро́ра», «Речь защи́тника», а не «Прокуророва речь», «Защитникова речь» и т. д. Эти факты приводятся здесь, главным образом, для того, чтобы подчеркнуть отсутствие параллелизма между русскими и словацкими фактами в области употребления притяжательных прилагательных (см. ниже) и продемонстрировать отмирание притяжательных прилагательных на *-ов (-ев)* в русском языке, в отличие от словацкого и чешского.

Наоборот, притяжательные прилагательные на *-ин (-ын)* в современном русском языке вполне живы в пределах указанной семантики и специфической стилистической окраски. Более того: за последние сто лет притяжательные прилагательные на *-ин* претерпели некоторые морфологические изменения, втягиваясь в систему остальных прилагательных, ср. в современном языке допустимость и даже предпочтительность полных форм типа *ма́миного стола́*, *Пе́тиному това́рищу* при более архаическом *ма́мина стола́*, *Пе́тину това́рищу*. Формы прилагательных на *-ин* из «интимного» языка проникают в литературу, ср. такие названия, как «Дядюшкин сон» Достоевского, «Митина любовь» А. И. Бунина и др.

Итак, на основании всего сказанного можно утверждать, что в современном русском языке, особенно в его разговорных и теоретических стилях, притяжательные прилагательные на *-ов (-ев)* и *-нин* отмирают. Иностранцам, изучающим русский язык, рекомендуется ими не пользоваться. В учебниках русского языка, предназначенных для средних школ, им нет места. Если прилагательные на *-ов (-ев)* и встречаются у некоторых современных писателей, то это следует отнести за счёт индивидуального стиля автора, ср. у Леонида Леонова «*кли́мово* письмо» (Саранча), «в час *мазе́лева* торжества́» (от имени *Мазе́ль*; там же), ср. необычную форму *стару́хина* в предложении «улыбка прошла по всем лицам, кроме *стару́хина*» (там же), *ста́до бизо́ново* у В. Маяковского.

В общей массе притяжательные прилагательные образуются от имён существительных со значением лица. В редких случаях возможны образо-

вания от существительных, обозначающих животных, ср. *синúцын*, *кóшкин*, в детской песенке

Загорéлся *кóшкин* дом.

Здесь слово *кóшкин* показывает, что речь идёт не о кошке вообще, а о персонифицированном персонаже сказки; в бранном выражении *сýкин сын* прилагательное на *-ин* является, конечно, относительно-притяжательным.

Притяжательные прилагательные входят в состав целого ряда терминологических сочетаний и как таковые бытуют и в теоретических стилях литературного языка. Сюда относятся медицинские и анатомические термины как *кéсарево сечéние* »cisárský rez«, *антóнов огóнь* »gangréna, otrava krvi«, *глáуберова соль*, *евстáхиевы трýбы*, *гáйморовы пóлости* »Highmorove dutiny«, *адáмово я́блоко* »ohryzok«, ботанические названия как *кукýшкины слёзы* »kukučka«, *анютины глáзки* »sirôtky« и многие выражения, заимствованные из древних языков, напр. *áвгиевы конюшни* »Augiášov chliev«, *прокрýстово лóже*, *тантáловы мýки*, *Мáрсово пóле*, *крокодúловы слёзы* и т. п.

Притяжательные прилагательные в русском и словацком языках

Поскольку между русским и словацким языком наблюдаются в области образования и употребления притяжательных прилагательных существенные расхождения, целесообразно будет предварительно проанализировать факты словацкого языка, сопоставляя их с фактами русского языка.

Прилагательные на -ov. Суффикс *-ov* принимают в словацком языке все существительные мужского рода, обозначающие лицо, ср. *otcov*, *bratov*, *básnikov*, *autorov*. Основная разница между русским и словацким языком состоит в том, что в русском языке, как мы видели, суффикс *-ов (-ев)* ограничен очень узким кругом слов, т. е. малопродуктивен, в то время как в словацком языке суффикс *-ov* не только продуктивен, но в ряде случаев и обязателен. То же самое следует сказать и о соответствующем чешском суффиксе *-ův*.

Разница между словацким и русским употреблением данного суффикса сказывается, в формальном отношении, в том, что в словацком языке этот суффикс обязателен у всех существительных мужского рода со значением лица, а в русском языке он допустим только у существительных мужского рода, оканчивающихся на согласный *(мéльник — мéльников)*. В словацком языке имеются, следовательно, формы типа *Peťov* (к *Peťo*), *Mišov* (к *Mišo*), *Feďov* (к *Feďo*), при русск. *Пётин*, *Мúшин*, *Фёдин*.

Словацкий язык явно избегает формы родительного приимённого от имён существительных со значением лица, заменяя его во всех случаях формами прилагательного на *-ov*, ср. *Hviezdoslavov pomník*, *básnikov štýl*,

Puškinove básne. Можно утверждать, что сочетания типа *pomník Hviezdoslava*, *štýl básnika*, *básne Puškina* считаются в словацком языке некорректными. В русском языке формы на *-ов (-ев)* в разговорном языке и в теоретических стилях чрезвычайно редки. Нормальными и стилистически нейтральными являются формы с родительным приимённым типа *па́мятник Го́голя*, *стиль писа́теля*, *стихотворе́ния Пу́шкина*. В связи с этим позволительно поставить вопрос, не являются ли формы на *-ov (otcov, bratov)* в словацком языке парадигматическими формами существительного *otec*, *brat* и т. д.

Этот вопрос был в своё время поставлен Н. С. Трубецким применительно к притяжательным прилагательным старославянского языка.[1] Отмечая живость притяжательных прилагательных в старославянском языке, Н. С. Трубецкой указывал, что приимённый родительный падеж имён одушевлённых «употребляется, лишь если он сопровождается определительным словом *(сынъ бога живаго, домъ отьца моего)*, в противном же случае он обязательно заменяется притяжательным прилагательным *(сынъ божии, домъ отъчь)*. Поэтому от каждого существительного, обозначающего одушевлённое существо, образуется притяжательное прилагательное, которое принадлежит к парадигме склонения этого существительного так же, как причастия принадлежат к парадигме спряжения глагола»[2] Тот факт, что традиционная грамматика старославянского языка рассматривает притяжательные прилагательные в отделе словообразования, а причастия — в отделе спряжения, Н. С. Трубецкой объясняет влиянием грамматического учения классических языков, не знающих категории притяжательных в том виде, в каком она существует в славянских языках. Всё это вполне применимо к фактам словацкого языка. Притяжательная форма на *-ov* обязательна от каждого существительного мужского рода со значением лица, если оно не сопровождается определительным словом: ср. *Puškinove básne*, но *básne veľkého Puškina*. В редких случаях сохраняется притяжательная форма и там, где существительное со значением лица сопровождается определительным словом, особенно если этим определительным словом является местоимение, напр., *nášho Jankove knihy* «книги нашего Ванп», *pána učiteľova palica*, или если речь идёт о фразеологической единице, ср. *starého otcov dom* «дедушкин дом» (*starý otec* — «дедушка»). Ср. у Я. Есенского *kadejakého doktorovo*, *kadejakého hlupákovo dievča* (Demokrati); Ani *mojej tetkina* komora nebola by zhorela (Timrava: Dve doby). Такие формы существовали, впрочем, и в древнерусском языке, ср. сочетание притяжательного прилагательного с родительным приимённым: *судъ Ярославль Володимерича* (Русская Правда).

Здесь уместно будет поставить вопрос о том, являются ли формы на *-ov* в словацком языке действительно «притяжательными»? По своему грамматико-семантическому содержанию эти формы соответствуют не только родительному притяжательному (*otcov dom* — «дом отца»), но и родительному отношения (*katov pomocník* — «помощник палача», *Novákov prípad* — «дело Новака» и т. п.). Следовательно, их семантическое содержание шире,

---

[1] Н. С. Трубецкой: О притяжательных прилагательных (possessiva) в старославянском языке, Белићев зборник, Белград 1937, стр. 16.

[2] Там же.

чем это обыкновенно допускается словацкими грамматистами.[1] Если в ряде случаев формы на *-ov* в словацком языке лишены ярко выраженного значения притяжательности, если они просто заменяют или дублируют приимённый родительный падеж (в том числе и родительный отношения, genitivus relationis), то этим самым они приобретают чисто грамматическое качество и легко могут быть включены в состав парадигмы существительного.

Соотнесённость формы на *-ov* с формой родительного приимённого в словацком языке подчёркивается ещё и следующим обстоятельством: фамильные имена типа *Tajovský*, *Vajanský*, *Kopecký* не имеют притяжательной формы на *-ov*. Вместо формы на *-ov* употребляется родительный падеж. Характерно, однако, что и в этом случае соблюдается порядок слов, типичный для сочетаний с притяжательным прилагательным на *-ov*. В обоих случаях определение предшествует определяемому существительному, ср. *Tajovského realizmus*, при *realizmus Tajovského*, *Kopeckého prejav*, при *prejav Kopeckého*; ср. »A tam stojí *Ondreja Otiepku dvorec*« (F. Gabaj: Naši prví gyžiari). В русском языке такой порядок слов не допустим, ср. *рома́н Толсто́го*, *реали́зм Го́рького*, *речь Копецкого* и т. д.

В словацком языке притяжательные формы на *-ov* обязательны и в том случае, если имя существительное, от которого они образуются, уже содержит суффикс *-ov* или *-in*, ср. *Leninove spisy*, *Pavlovovo učenie*. В русском языке такие образования отсутствуют. Дело в том, что в русском языке суффиксы *-ов (-ев, -ёв)* и *-ин (-ын)* были широко использованы для образования фамильных имён типа *Петро́в* (из *Петро́в сын*), *Менделе́ев*, *Соловьёв*, *Ру́дин*, *Пу́шкин*, *Сини́цын* и т. п. Специфичность имён собственных и закрепление за ними суффиксов *-ов (-ев)* и *-ин (-ын)* значительно понизили продуктивность этих суффиксов в русском языке. Вот почему в русском языке формы типа *Pavlovovo učenie* соответствуют сочетаниям типа *уче́ние Па́влова*.

В словацком языке формы на *-ov* выступают ещё в одной функции, где с особой наглядностью вскрывается «относительное», а не «притяжательное» значение данной формы. Имеем в виду сочетания типа *Leninovo námestie*, *Gottwaldove závody*, *Fučíkova ulica*, ср. также *Gorkého ulica*. Здесь речь идёт, конечно, не о «принадлежности», а о совершенно особом отношении: данный завод, данная улица или площадь названы в честь какого-нибудь исторического лица. В русском языке этим словацким сочетаниям соответствуют особые сочетания со словом *и́мени*: *заво́д и́мени Го́ттвальда*, *у́лица и́мени Фучика* и т. п.

---

[1] Ср. B. Letz, Gramatika slovenského jazyka, 1950, 191—192; Učebnica slovenského jazyka pre I. triedu gymnázií a odborných škôl, 1951, »Privlastňovacie prídavné mená individuálne« 57—58.

Прилагательные на -in. В словацком языке прилагательные на *-in* образуются исключительно от существительных женского рода со значением лица, напр., *matkin*, *sestrin*, *tetkin*, *Zuzkin*, *Aničkin*. В русском языке притяжательные прилагательные на *-ин (-ын)* образуются от существительных на -а или -я, независимо от рода: *ма́мин* (от ма́ма), *тёткин* (от *тётка*), но и *дя́дин* (от *дя́дя*), *де́душкин* (от *де́душка*), *Пе́тин* (от *Пе́тя*) и т. д.

Склонение притяжательных имён прилагательных

Формы на *-ов* и *-ин* имеют в словацком языке, как и в русском, в именительном падеже только «краткое» окончание, ср. *ма́мин* при *но́вый*, *ма́мина* при *но́вая*, *ма́мино* при *но́вое*, *ма́мины* при *но́вые*, словац. *matkin* при *nový*, *matkina* при *nová*, *matkino* при *nové*, *matkini*, *matkine* при *noví*, *nové*. Точно так же в обоих языках имеются отклонения в окончаниях некоторых других падежных форм. Любопытно отметить, что притяжательные прилагательные в словацком языке совпадают по типу склонения с притяжательными местоимениями типа *môj*, *tvoj*, *náš*, *váš*, ср. *matkin-ho*, *môj-ho*, *náš-ho* при *nov-ého*, *matkin-mu*, *môj-mu*, *náš-mu* при *nov-ému*; этим самым формально подчёркивается семантическая близость между притяжательными прилагательными и притяжательными местоимениями, отмеченная рядом грамматистов.

Традиционная русская грамматика приводит обыкновенно лишь краткие формы склонения притяжательных прилагательных в родительном и дательном падежах единственного числа мужского рода (*ма́мина стола́*, *подойти́ к ма́мину столу́*). Эти формы приводятся и в Академической грамматике (стр. 321). Однако формы *ма́мина стола́*, *к ма́мину столу́* в живой разговорной речи не употребляются. Та же Академическая грамматика отмечает, что в современном русском языке у прилагательных на *-ин* краткие формы родительного и дательного падежей единственного числа мужского рода «вытесняются формами с полным окончанием» (стр. 322). Ввиду того, что полные окончания типа «он взял кни́гу с *па́пиного* стола́», «мать сказа́ла *Пе́тиному* однокла́сснику» в современном русском языке широко применяются не только в разговорных стилях, но и в языке хороших авторов, считаем возможным включить эти продуктивные, живые формы в состав парадигмы.

Примеры: «*а́ночкиного сме́ха*» (Федин, Необыкновенное лето), «*к авдо́тьиному неудово́льствию*» (Г. Николаева, Жатва), «три версты́... отделя́ли це́рковь от *тётушкиного до́ма*» (Л. Толстой, Воскресение), «во́зле *ма́тушкиного* кре́сла» (И. С. Тургенев, Первая любовь). Последние два примера заимствованы из книги акад. В. В. Виноградова, Русский язык, стр. 195.

Тип ма́мин, Пе́тин

	мужской род	средний род	женский род	множ. число
И.	ма́мин	ма́мин-о	ма́мин-а	ма́мин-ы
Р.	ма́мин-ого (ма́мин-а)		ма́мин-ой	ма́мин-ых
Д.	ма́мин-ому (ма́мин-у)		ма́мин-ой	ма́мин-ым
В.	= И. или Р.		ма́мин-у	= И. или Р.
Т.	ма́мин-ым		ма́мин-ой	ма́мин-ыми
П.	ма́мин-ом		ма́мин-ой	ма́мин-ых

Поскольку формы на *-ов (-ев)* являются достоянием более или менее индивидуального стиля авторов, считаем более целесообразным привести в качестве парадигмы вместо слов *отцо́в*, *учи́телев* (чуждых живому языку и особенно его теоретическим стилям) более употребительные фразеологические сочетания, вполне живые в теоретических стилях.

Тип анто́нов ого́нь, ке́сарево сече́ние, ада́мова голова́

	мужской род	средний род	женский род
И.	анто́нов ого́нь	ке́сарев-о сече́ние	ада́мов-а голова́
Р.	анто́нов-а огня́	ке́сарев-а сече́ния	ада́мов-ой головы́
Д.	анто́нов-у огню́	ке́сарев-у сече́нию	ада́мов-ой голове́
В.	= И.	= И.	ада́мов-у го́лову
Т.	анто́нов-ым огнём	ке́сарев-ым сечением	ада́мов-ой голово́й
П.	анто́нов-ом огне́	ке́сарев-ом сече́нии	ада́мов-ой голове́

Формы множественного числа (напр. *крокоди́ловы слёзы*, *Де́вгиевы деяния* — название известного средневекового романа) и т. п. склоняются по образцу *ма́мин-ы* (см. выше).

Прилагательные *бра́тнин*, *му́жнин*, малоупотребительные в современном языке, склоняются по образцу *ма́мин*.

Прилагательные типа *му́жний*, *сынбвний*, редкие в современном языке, склоняются по образцу «мягких» прилагательных на *-ий*, *-яя*, *-ее*.

Переход притяжательных имён прилагательных в относительные

К притяжательным прилагательным, выражающим «индивидуальную притяжательность», примыкают прилагательные на -ский, образуемые от фамильных имён на *-ов (-ёв, -ев)* и *-ин (-ын)*. В ряде случаев эти прилагательные на *-ский* соответствуют словацким прилагательным на *-ov*. Однако они далеко не всегда выражают принадлежность. Если в сочетании *пу́шкин-*

ский юбилéй налицо притяжательное значение, соответствующее словац. *Puškinovo jubileum*, то в сочетании *пýшкинский стих* может быть выражена и притяжательность *(стих Пýшкина — Puškinov verš)*, и простое отношение («стих, характерный для Пушкина, напоминающий стихи Пушкина» — *puškinský verš*). Именно такое более широкое значение налицо в сочетаниях типа *Лéнинский уголóк*, *Лéнинская прéмия* — *Leninova cena*, *Пýшкинский дом* (музей).

Переход притяжательных прилагательных в относительные наглядно иллюстрируется на слове *отцóвский*, которое может обозначать притяжательность («он вышел из *отцóвского* кабинета» »z otcovej pracovne«), но может выступать и в значении относительного прилагательного: *отцóвская любóвь* »otcovská láska«.

Относительно-притяжательные прилагательные

Если к притяжательным прилагательным в строгом смысле этого термина мы отнесли прилагательные типа *мáмин*, *Натáшин*, *Пётин*, выражающие «индивидуальную притяжательность», т. е. принадлежность одному отдельному существу (чаще всего лицу), то к разряду относительно-притяжательных мы относим такие прилагательные, которые выражают не принадлежность какому-нибудь определённому существу, а являются характеристикой целой группы: целого вида животных, целой профессиональной группы и т. п. Так, например, прилагательное *вóлчий* выражает принадлежность не какому-нибудь определённому волку; оно характеризует определяемый предмет, как свойственный волкам вообще, характерный для волков, как целому виду млекопитающих. Здесь явно стирается грань между притяжательным и относительным оттенком значения. В сочетаниях типа *телячьи котлéты*, *рыбий жир* прилагательные имеют такое значение: «сделанный из телятины, из рыбы» или «добытый из рыбы». Следовательно, между прилагательным *телячий* (в сочетании *телячьи котлéты*) и прилагательным относительным *железнóй* (в сочетании *железнáя рудá*) нет почти никакой разницы. Тем не менее считаем целесообразным выделить данные прилагательные в особый разряд, тем более, что современная словацкая грамматика также выделяет прилагательные типа *páví*, *orlí*, *vtáčí* в особый разряд «притяжательных видовых» (privlastňovacie prídavné mená druhové).

Разряд притяжательно-относительных прилагательных охарактеризован в русском языке целым рядом словообразовательных суффиксов. В первую очередь это суффиксы *-ий*, *-ья*, *-ье* и *-ачий*, *-ачья*, *-ачье*, которым в словацком языке соответствуют суффиксы *-í*, *-ia*, *-ie* и *-ací*, *-acia*, *-acie (-äcí*, *-äcia*,

-äcie). Большинство прилагательных разбираемого разряда образовано от названий животных, напр. *бара́ний жир, медве́жья шку́ра, верблю́жья шерсть, ко́зье молоко́, ове́чий сыр, бе́личий мех, оле́ньи рога́, быча́чий желу́док, коша́чьи глаза́* и т. п. Следует иметь в виду, что между типами словообразования в русском и словацком языке нет полного параллелизма:

ли́сий — lišací	*петуши́ный — kohútí*
ворóвий — kravský	*кури́ный — kurací*
орли́ный — orlí	*гуси́ный* и др. — *husací.*

В обоих языках относительно-притяжательные прилагательные образуются также от названий профессий, социальных групп и т. п., ср. *охо́тничье ружьё* »poľovnícka puška«, *поме́щичий быт, пло́тничья арте́ль* »tesárske družstvo«, *челове́чий го́лос*, словац. изолированное *kniežací.*

При образовании притяжательно-относительных прилагательных наблюдаются чередования последней согласной основы:

д — ж:	*медве́дь — медве́жий*	т — ч:	*теля́т-а — теля́чий*
	верблю́д — верблю́жий		*жеребя́т-а — жеребя́чий*
к — ч:	*рак — ра́чий*	х — ш:	*черепа́ха — черепа́ший*
	соба́ка — соба́чий		*пасту́х — расту́ший*
ц — ч:	*пти́ца — пти́чий*	з — ж:	*князь — кня́жий.*

Притяжательно-относительные прилагательные входят в состав целого ряда устойчивых фразеологических единиц: *во́лчий го́лод, соба́чий хо́лод, черепа́шьим ша́гом* »slimačím tempom« (*черепа́ха* — »korytnačka«), *пасту́шья су́мка* »pastierska kapsička«, *теля́чий восто́рг* »detinská radosť«, *медве́жья услу́га* »pomoc, ktorá viac škodí, ako osoží« (выражение имеет в виду сюжет известной басни Крылова «Пустынник и медведь») и мн. др.

В парадигматическом отношении прилагательные притяжательно-относительные представляют для словака известные трудности. Дело в том, что во всех падежных формах, кроме имен.-винит. падежа единственного числа мужского рода, перед окончанием появляется -ь-: *ли́сий хвост — ли́сьего хвоста́ — ли́сьему хвосту́* и т. д. Таким образом, притяжательно-относительные прилагательные в русском языке морфологически отличаются от остальных прилагательных «мягкого» типа (качественно-оценочных типа *хорбший*, качественных типа *си́ний*, относительных типа *после́дний*). Совпадают только формы именительного падежа единственного числа мужского рода. Следует иметь в виду:

хорбш-ий, *си́н*-ий, *после́дн*-ий — *ли́с*-ий, *бара́н*-ий,
но:
хорбш-его, *си́н*-его, *после́дн*-его — *лис*-ьего, *бара́н*-ьего.

В словацком языке, в отличие от русского, семантический разряд относительно-притяжательных прилагательных морфологически совпадает с «мягкими» типами остальных прилагательных во всех формах. Прилагательные *kozí, vtáčí, vlčí* склоняются так же, как прилагательные *cudzí, peší, nižší.*[1] Следовательно, для усвоения орфографических особенностей русских прилагательных типа *во́лчий — во́лчья — во́лчье* (мягкий знак!) необходимо учитывать их специфическую семантику.

Тип ко́зий

	мужской род	средний род	женский род	множ. число
И.	ко́з-ий	ко́з-ье	ко́з-ья	ко́з-ьи
Р.	ко́з-ьего		ко́з-ьей	ко́з-ьих
Д.	ко́з-ьему		ко́з-ьей	ко́з-ьим
В.	= И. или Р.		ко́з-ью	= И. или Р.
Т.	ко́з-ьим		ко́з-ьей	ко́з-ьими
П.	ко́з-ьем		ко́з-ьей	ко́з-ьих

Примечание. Прилагательное *бо́жий, бо́жья, бо́жье*, входящее в ряд фразеологических сочетаний *(бо́жья коро́вка; я́сно, как бо́жий день)*, употреблялось до революции в сочетании «зако́н бо́жий» (как название одного из школьных предметов). При склонении это прилагательное имело формы: *зако́на бо́жия, зако́ну бо́жию, зако́ном бо́жием.* Ср. также у А. С. Пушкина:

Веле́нью *бо́жию*, о Муза, будь послу́шна! (Exegi monumentum.)

В состав притяжательно-относительных прилагательных входят далее прилагательные, образованные при помощи суффикса **-иный**: *лошади́ный, ути́ный, орли́ный, гуси́ное перо́* »husacie brko«, *кури́ный суп* »slepačia polievka«, *голуби́ное яйцо́* »holubie vajce«, *змеи́ный, звери́ный, соловьи́ный* и т. п. Далее прилагательные на **-о́вый**: *слоно́вый, бобро́вый, морже́вый, кито́вый* »veľrybí«, в устойчивых сочетаниях: *слоно́вая кость* »slonovina«, *держа́ть кого-нибудь в ежо́вых рукави́цах* »držať niekoho nakrátko« и др.

Считать суффиксы *-и́ный, -о́вый* »полной формой« суффиксов *-ин* и *-ов* можно только по недоразумению (см. Академическая грамматика, стр. 302). Как мы уже знаем, прилагательные на *-ин* и *-ов* образуются почти исключительно от названий лиц, в то время как прилагательные на *-о́вый, -и́ный* — почти исключительно от названий животных. О краткой форме можно говорить лишь там, где ей противопоставлена полная форма. Между тем, слова типа *ма́мин, отцо́в* не имеют полной формы, точно так же, как слова типа *лошади́ный, слоно́вый* не имеют краткой формы. Это, конечно, не зна-

[1] Ср., однако, нарушение ритмического закона у притяжательно-относительных прилагательных: *vtáč-í — vtáč-ieho*, но *rýdz-i — rýdzeho.*

чит, что генетически суффиксы *-иный* и *-овый* не восходят к суффиксам *-ин* и *-ов*.

Разряд притяжательно-относительных прилагательных морфологически неоднороден. Это объясняется семантической расплывчатостью прилагательных, входящих в состав данного разряда и тяготеющих к переходу в чисто относительные прилагательные. Вот почему нет ярких морфологических граней, отделяющих данный разряд от остальных разрядов прилагательных; ср. прилагательное *свинóй*, семантически тождественное с прилагательными на *-ий*, *-ья*, *-ье: свинóе сáло — барáний жир.*

Взаимоотношения между именем прилагательным и другими частями речи

Грамматическая и семантическая связь между именем прилагательным и именем существительным восходит к глубокой древности и проявляется в ряде морфологических особенностей имени прилагательного (см. стр. 175). Прилагательные и существительные традиционно объединяются под общим грамматическим понятием «имени» в более широком смысле этого термина.

В ряде языков имело место слияние флексии местоимений с флексией прилагательных, ср. *нáш-его — сúн-его*, *нáш-ему — сúн-ему* и т. д. Грамматическая категория имени прилагательного продолжает пополняться в русском языке за счёт других частей речи.

Пополнение категории прилагательных протекает по разным линиям. От имён существительных образованы многочисленные прилагательные разного значения, напр. *желéзо — желéзный*, *лес — леснóй*, *болóто — болóтистый*, *волк — вóлчий медвéдь — медвéжий*, ср. др.-русск. *отьнь* «отеческий» от основы *от-*, имеющейся в существительном *от-ьць*. При помощи разнообразных суффиксов образованы прилагательные типа *плечúстый* (от *плечó*), *бородáтый* (от *борода́*), *кудрúвый* (от *кýдри*), *привéтливый* (от *привéт*), *воздýшный* (от *вóздух*), *медóвый* (от *мёд*), *клéтчатый* (от *клéтка*), *пионéрский* (от *пионéр*) и множество других. Подробный анализ приёмов словообразования, вскрытие их продуктивности, не входит в наши задачи.

Весьма значительна связь прилагательных с глаголом. В русском языке имеется большое количество отглагольных прилагательных, образованных при помощи разных суффиксов, напр. *зрéлый* (к *зреть*), *лúпкий* (к *лúпнуть*), *пренебрежúтельный* (к *пренебрéчь*), *возмутúтельный* (к *возмутúть — возмущáть*), *питáтельный* (к *питáть*), *вúдный* (к *вúдеть*) и мн. др.

Следует отметить, что русский суффикс *-áтельный*, *-úтельный* семантически не соответствует словацкому суффиксу *-ateľný*, *-iteľný*. Суффикс *-iteľný*, *-ateľný* в словацком языке имеет такое значение: способный под-

вергаться действию, выраженному в глагольной основе (ср. лат. *-bilis*, нем. *-bar*): *myslitеľný* «способный быть мыслимым», нем. *denkbar*. Значение соответствующего суффикса в русском языке гораздо менее конкретно: оно просто указывает на связь прилагательного с действием, выраженным в глагольной основе, ср. *мыслúтельная способность* »schopnosť myslieť«, *объяснúтельный* »vysvetľujúci, objasňujúci« (а не *objasniteľný!*), *разделúтельный* »deliaci, rozdeľovací« (а не *rozdeliteľný*!), ср. *разделúтельная чертá* »deliacia čiara«.

Словацкий язык обладает рядом суффиксов, выражающих отношение прилагательного к действию и соотнесённых с отглагольным именем существительным: *obrábací stroj — stroj na obrábanie* «обрабатывающий станок», *odvodzovacia prípona — prípona na odvodzovanie* «словообразовательный суффикс», *privlastňovacie zámeno — zámeno označujúce privlastňovanie* «притяжательное местоимение». Словацкие (и чешские) прилагательные этого типа чаще всего встречаются в фразеологических устойчивых единицах и соответствуют немецким сложным существительным, первая часть которых является отглагольным именем существительным, ср. *odmínovacia jednotka — Entminungstruppe*, *ohlasovacia povinnosť — Meldepflicht*, *ošacovacia akcia — Bekleidungsaktion*, *zatemňovacie zariadenie — Verdunklungsanlage* «светомаскировка», *obnovovací proces — Erneuerungsprozess*, *spojovacie ohnivko — Bindeglied*, *odkladacia plocha — Ablegefläche*. В русском языке нет стандартного суффикса, соответствующего разбираемому словацкому суффиксу и соотнесённого с отглагольным именем прилагательным на *-ание*, *-ение*, *-ование*. Соотнесённость с отглагольным именем существительным на *-бвка* имеется в прилагательном *упакбвочный* — «годный для упаковки» — словац. *baliaci*, *сортирбвочный* (к *сортирбвка*) — «roztrieďovací», *бомбардирбвочный* (к *бомбардирбвка*) — «bombardovací» и т. п. В русском языке имеется также суффикс *-бнный*, соотнесённый с отглагольными существительными на *-ация* и соответствующий словац. суффиксу *-ačný*: *мобилизацибнный — mobilizačný*, *организацибнный — organizačný*, *операцибнный — operačný* и др. Соотношения этих суффиксов в русском и словацком языках, вопросы их продуктивности, вопросы их фразеологического употребления, относятся к проблематике словообразования и не могут быть всесторонне освещены в рамках грамматического исследования.

Постоянным источником для пополнения категории имён прилагательных являются причастия. Исторически здесь можно различать несколько пластов. К наиболее древним прилагательным, образованным от причастий, относятся прилагательные типа *кипýчий*, *жгýчий*, *колю́чий*, *летýчий*, *могýчий*, восходящие ещё к восточнославянской эпохе, ср. словац. *vrúci*, *žiadúci*. Более новыми являются прилагательные типа *подавля́ющий (по-*

давля́ющее большинство́), потряса́ющий (потряса́ющее зре́лище); ср. терминологические сочетания типа *бре́ющий полёт* »prízemný let«, *трасси́рующая пу́ля* »svietiaci náboj«. Полный семантический и формальный отрыв от глагола наблюдается у прилагательных *настоя́щий* »ozajstný, skutočný«, *сто́ящий* »hodnotný«, *выдаю́щийся* »vynikajúci«, ср. словац. *veduca* úloha strany, *súci* človek.

Причастия настоящего времени страдательного залога переходят в прилагательные: *иско́мый* »hľadaný«, *неве́домый* »neznámy«, *невесо́мый* »nezváženiteľný«, *мни́мый* »zdanlivý«, *люби́мый* »obľúbený, milovaný«. Особенно многочисленны случаи такого перехода у «причастий», образованных от глаголов совершенного вида типа *победи́ть*, ср. *непобеди́мый* »nepremožiteľný«, *неповтори́мый* »neopakovateľný«, *недели́мый* »nedeliteľný«, *непостижи́мый* »nepostihnuteľný«, *непреодоли́мый* »nepremožiteľný«, *непоправи́мый* »napraviteľný« и мн. др. Как видно, эти прилагательные часто соответствуют словац. прилагательным с суффиксом *-teľný*.

Интересны случаи образования существительных с суффиксом *-аемость* от глаголов непереходных, при отсутствии промежуточного члена, представленного прилагательным на *-аемый*, ср. *сла́бая успева́емость учеников* »slabý prospech žiakov« (при отсутствии прилагательного* *успева́емый*; глагол *успева́ть* — непереходный!), ср. пародию на стиль официального акта: «Принима́я во внима́ние о́бщее состоя́ние коро́вы на тако́е-то число́ и сла́бую *поеда́емость* установленных рацио́ном корма́ов при сла́бом удо́е...» (В. Панова, Ясный берег).

Причастия прошедшего времени действительного залога свободно переходят в категорию прилагательных: *бы́вший, мину́вший, уве́дший, сумасше́дший, поту́хший, истёкший (за истёкший год), проше́дший (проше́дшее вре́мя), опусти́вшийся (опусти́вшийся челове́к)* и мн. др.

Переход причастий прошедшего времени страдательного залога в категорию прилагательных часто выражен графически: *копчёный* »údený« (через одно *н*!), *белёный, жа́реный, пи́саный (пи́саная краса́вица), варёный, печёный, учёный, кра́шеный*. Соответствующие глагольные формы пишутся через *-нн-: испечённый, изжа́ренный, напи́санный*. К глагольным формам восходят также прилагательные *би́тый (би́тый час; би́тый дура́к), откры́тый (откры́тое собра́ние), образованный (образованный челове́к), пре́данный, за́мкнутый* и мн. др.

Местоимения лишь спорадически переходят в категорию прилагательных, ср. *никчёмный* (из *ни к чему́*); ср. оценочное значение словац. *všelijaký, kadejaký, hocijaký, bohvieaký*.

Числительные связаны с категорией прилагательных целым рядом общих черт. Морфологически все порядковые числительные *(пе́рвый, второ́й, тре́тий, со́тый)* совпадают с именем прилагательным, сохраняя,

однако, в силу специфической семантики, свою самостоятельность, как отдельная часть речи.

Наречия связаны с относительными прилагательными такими формами, как *сегóдняшний, вчерáшний, здéшний* и т. д.

Имеется несколько случаев образования прилагательных от междометий, напр. *áховый.*

Связь имён прилагательных с синтагмами

Категория имён прилагательных в современном русском языке пополняется переходом синтагм (словосочетаний) разного типа в прилагательные, универбизацией синтагм. Возникшие таким образом прилагательные сохраняют синтаксические оттенки значения, присущего исходной синтагме. Сложные прилагательные можно разделить на несколько типов, в соответствии с типами синтагм, являющихся как бы их исходным материалом.

От синтагм определительных (детерминативных) образуются следующие типы прилагательных:

1. Прилагательные, в которых сливается сочетание существительного с атрибутом в одно целое: *краснощёкий (с крáсными щекáми), мягкотéлый, высококáчественный, высокочастóтный* »vysokofrekvenčný«, *простоволóсый* и т. п.

К этому типу сложных прилагательных примыкают прилагательные, образованные от фразеологических единиц, в которых прилагательное уже не является атрибутом, а сливается с существительным в одно цельное понятие: *железнодорóжный* (от *желéзная дорóга*), *каменноугóльный* (от *кáменный úголь*), *мелкобуржуáзный, узкоколéйный* и др. Сюда же относятся прилагательные типа *черномóрский (Чёрное мóре), тихоокеáнский (Тúхий океáн)*, а также *средневекóвый, правобережный, сельскохозя́йственный, горнопромы́шленный* и др.

2. Прилагательные, восходящие к определительной синтагме «наречие + прилагательное»: *я́рко-крáсный (я́рко крáсный), блéдно-голубóй* и др.

3. Прилагательные, восходящие к синтагме «числительное + существительное»: *пятилéтний, восьмичасовóй, односторóнний, двуслóжный, полугодовóй, четырёхмéстный* и др.

Особый тип сложных прилагательных представлен прилагательными, восходящими к сочинительной синтагме: *крáсно-бéлый (флаг*; т. е. *крáсный и бéлый*) *рýсско-словáцкий* (т. е. *рýсский и словáцкий*).

Весьма многочисленны примеры образования сложных прилагательных от сочетаний «предлог + существительное»: *послеоктя́брьский (пóсле Октя́бря), подшéфный, сверхсрóчный, подноóжный, внутрипартúйный,*

посме́ртный, дошко́льный, отглаго́льный, заграни́чный, внешта́тный и т. п.

Для современного русского языка характерны прилагательные, восходящие к синтагме «существительное отглагольное + родительный объекта»: *полезащи́тный* (*для защи́ты поле́й*, где *защи́та поле́й*, в свою очередь восходит к объектной синтагме *защища́ть поля́*); такие прилагательные в словацком языке довольно редки: ср. *drevoobrábací, služobukopajúci*. Ср. далее *углеперегру́зочный* (к *перегру́зка у́гля*; где *у́гля* является родительным объекта), *деревообраба́тывающий, землечерпа́льный, грузоподъёмный, китоббйный* и мн. др. Эти сложные прилагательные характерны для профессиональной и научной речи.

В русском языке легко образуются относительные прилагательные, соответствующие существительному в функции родительного субъекта: *шум ле́са* (восходит к синтагме *лес шуми́т*, где слово *лес* — подлежащее) легко переходит в сочетание *лесно́й шум*; *боль зу́ба (зуб боли́т)* легко переходит в *зубна́я боль*.

Естественно, что относительные прилагательные свободно образуются от существительных, употребляемых в функции родительного отношения: *реко́рд ско́рости — скоростно́й реко́рд, ка́пля дождя́ — дождева́я ка́пля, оболо́чка мо́зга — мозгова́я оболо́чка* и т. п. С другой стороны, в современном русском языке почти полностью отсутствуют прилагательные, соответствующие существительному, стоящему в родительном объекта. В старославянском (и древнерусском) языке сочетания типа *надъмение мѣшьное* (т. е. «надувание мехо́в», где *мехов* является родительным объекта) чрезвычайно часты, ср. *приставление домовьное* «управление домом». В современном русском языке синтагму *ру́бка ле́са* (где *ле́са* является родительным объекта) нельзя заменить сочетанием «лесна́я ру́бка». Прилагательные, восходящие к таким синтагмам, вроде *ры́бная ло́вля* (ср. *лови́ть ры́бу*), *за́ячья охо́та* (ср. *охо́та на за́йцев*), сравнительно редки. В словацком и чешском языках такие конструкции явно избегаются.

Субстантивация прилагательных

В русском языке имеется довольно значительная группа слов, сочетающих флексию прилагательного со значением и, следовательно, с синтаксическими особенностями существительного, напр. *рабо́чий* »robotník«, *слу́жащий* »úradník«, *заве́дующий* »vedúci«, *мостова́я* »vozovka, dlažba«, *трудя́щиеся* »pracujúci«, ср. словац. *cestujúci, hradská* «шоссе». Такой переход из одной части речи в другую (субстантивация) происходил первоначально посредством эллиптического опущения определяемого члена, т. е. имени существительного. Так современное *портно́й, -бго* »kraj-

čír«, ср. чеш. *krejčí, -ího*, возникло из сочетания *портно́й ма́стер*, ср. в Оксфордском словаре Ричарда Джонса (1619 г.) написание *porrnomaster* (т. е. *портно́й ма́стер*) — »a tailor«. Точно так же слово *столо́вая* »jedáleň« возникло из сочетания «столо́вая ко́мната», *трудя́щиеся* — из сочетания «трудя́щиеся ма́ссы» и т. п. Однако, с точки зрения современного языка, не всегда удаётся с точностью восстановить пропущенный член. Определением к какому существительному являлось некогда прилагательное *лёгкие* »pľúca«? К какому сочетанию восходит слово *запята́я, -о́й* »čiarka«? Какое существительное определялось прилагательным *вселённая* »vesmír«?[1] Из какого сочетания возникли словацкие формы *cestovné, -ého* «проездны́е», *vreckové, -ého* или *ošípaná* «свинья»? Следовательно, субстантивированные прилагательные могут быть немотивированными и мотивированными. Немотивированными они являются в том случае, если их соотнесённость с соответствующим сочетанием «прилагательное + существительное», с точки зрения современного языка, утрачена. Немотивированные субстантивированные прилагательные не могут служить образцом для образования новых субстантивированных прилагательных. По образцу *запята́я, -о́й* не возникали и не возникают новые слова, точно так же, как не возникают новые слова по образцу *ošípaná*. Мотивированными мы считаем те случаи, где связь с существительным в той или иной степени сохраняется и где позволительно говорить о бо́льшей или меньшей степени субстантивированности. Так в словах *де́тская* »detská izba«, *ва́нная* »kúpeľňa«, *приёмная* »prijímacia izba« ощущается ещё связь с существительным *ко́мната*. В словах типа *прямá́я* »priamka«, *крива́я* »krivka« вполне ощутима связь с существительным *ли́ния* и т. д. В словах типа *плясова́я, колыбе́льная* »uspávanka« можно говорить об эллиптическом опущении существительного, точно так же как в словац. выражении dám si *čiernu*, где подразумевается *kávu*. Поскольку, однако, само слово *čierna* может быть определяемо прилагательным, можно говорить в данном случае о полной субстантивации: *dal som si jednu veľkú čiernu*. Мотивированные субстантивированные прилагательные могут служить моделью для образования новых субстантивированных прилагательных, разумеется, только в очень узких семантических рамках. По тонкому наблюдению Л. Б. Перльмуттера, вновь возникающие слова этого типа, примыкающие к определённому семантическому ряду, субстантивируются сразу, минуя стадию сочетания с существительным. Название торгового заведения *бутербро́дная* »bufet, lahôdkárstvo«, появившегося в 1936 г. в Москве, по

---

[1] Субстантивированное прилагательное *вселённая* восходит к старославянскому, где оно являлось калькой с греческого сочетания (γῆ) οἰκουμένη, успевшего в свою очередь субстантивироваться; дословно: «(земля) населённая», »orbis terrarum«.

словам Л. Б. Перльмуттера, возникло на основании уже существующих в языке моделей типа *закýсочная*, *пивнáя*, *кондúтерская*. Само собой разумеется, что опущения какого-либо слова (напр. *лáвка*) здесь не происходило.[1]

Относительная продуктивность субстантивированных прилагательных теснейшим образом связана с их значением. Семантические группы, объединяющие субстантивированные прилагательные, в русском и в словацком языках не всегда совпадают. К тому же в русском языке их значительно больше, чем в словацком. Ввиду этого необходимо привести хотя бы важнейшие из этих семантических групп.

Мужской род.

Подавляющее большинство субстантивированных прилагательных мужского рода обозначает лицо. Здесь можно выделить следующие группы:

1. названия профессий: *рабóчий*, *портнóй*, *слýжащий*, *учёный*, *пожáрный* »hasič«, *пионервожáтый*, *вагоновожáтый* »vodič električky«, *мастеровóй* »remeselník«, *лесничúй* »hájnik«, дореволюционное *городовóй* »strážnik«, *полицéйский* »policajt«.

2. Названия должностей: *завéдующий* »vedúci«, *управляющий* »správca«, *дежýрный* »službukonajúci«, *звеньевóй* »skupinár«. Сюда же можно отнести слово *учáщийся* »študujúci« и разговорное *выходнóй* »ten, kto má voľno«, ср. «Завтра я выходнóй, — говорил он Марьяне, — готóвься» »zajtra mám voľno« (В. Панова: Ясный берег). Этот тип обнаруживает некоторую продуктивность и в словацком языке, ср. *osvetový* «работник по политической части», *triedny* «классный руководитель», *hlavný* «официант», ср. также *pán generálny*, *pán národný*, теперь уже вышедшие из употребления, но существовавшие одно время в разговорном языке.[2]

3. Названия военных и военно-морских должностей: *часовóй* »stráž«, *постовóй* »stráž«, *рядовóй*, *вестовóй* »ordonanc«, *рулевóй* »kormidelník«, *вáхтенный*. Сюда же можно отнести *воéнный* »vojak, vojenská osoba (opak civilista)«, *военноплéнный* или *плéнный* »zajatec«. Сюда же *штáтский* »civil« и мн. др. Эта группа представлена в русском языке очень богато. В Толковом словаре русского языка под ред. Ушакова насчитывается свыше 230 слов на *-овóй*.[3] По наблюдениям Б. Унбегауна эта группа постоянно пополняется новыми словами.[4]

---

[1] Л. Б. Перльмуттер: Переход прилагательных в существительные. Русский язык в школе, 1948, стр. 13.

[2] Ср. A. V. Isačenko: Neologizmus »pán národný« a gramatické kategórie. Slovo a tvar I, 1947, 124—125.

[3] B. O. Unbegaun: Création d'une catégorie grammaticale: L'adjectif substantivé russe en *-ovój*. Recueil linguistique de Bratislava I, 1948, 168.

[4] Там же.

4. Юридические термины: *обвиня́емый* »obžalovaný«, *подсуди́мый* »obžalovaný« (ср. *скамья́ подсуди́мых* »lavica obžalovaných«), далее устар. *мирово́й* »zmierovací sudca«.

5. Названия больных: *больно́й*, *тифо́зный*, *чахо́точный* »suchotinár«, *сумасше́дший* »choromyseľný«, *психи́ческий*, *ле́гочный* »tuberkulotik«, *ра́неный*. За исключением слов *сумасше́дший*, *больно́й* и *ра́неный*, слова, представленные в этой группе, можно отнести к больничному арго: *тифо́зный* — эллиптически вместо *тифо́зный больно́й*, ср. словац. разг. *žalúdkár*, *vredár*, *tuberák*.

6. Несколько более или менее архаических слов, обозначающих профессии: *зо́дчий* »staviteľ, architekt«, *ко́рмчий* »kormidelník« (теперь только в переносном смысле, ср. стилистически нейтральное *рулево́й*), *кра́вчий* »pohárnik« (феодальная придворная должность), *пе́вчий* »člen kostolného sboru«.

7. Почти неограничено употребление прилагательных с оттенком субстантивации типа *весёлый*, *сме́лый*, *то́лстый* и т. п., ср. «только *сме́лым* покоря́ются моря́», «*лежа́чего* не бьют», «она́ писа́ла своему́ *ми́лому*». В языке спортсменов намечается группа слов, представленных субстантивированными прилагательными *пра́вый*, *ле́вый* *кра́йний* »krídelník«, *полусре́дний* »spojka«.

Вне указанных групп стоят немотивированные формы типа *ру́сский* »Rus« (но: *францу́з*, *чех*, *слова́к*, *не́мец* и т. д.), *прохо́жий* »okoloidúci«, *пе́ший* »pešiak«, *верхово́й* »jazdec«, *ни́щий* »žobrák«, *ма́лый* »chlapík« (в выражении *до́брый ма́лый*), *домово́й* »zmok, škriatok«, *ле́ший*.

Субстантивированные прилагательные входят также в состав фразеологических единиц, ср. шутливое *зада́ть храпови́цкого* (ср. польское *ciąć chrapickiego*).

Вне значения лица субстантивированные прилагательные мужского рода употребляются более или менее эллиптически, ср. названия поездов *ско́рый* »rýchlik«, *пассажи́рский* »osobný vlak«, *това́рный* »nákladný vlak«, *курье́рский* »expres«.

В фонетической терминологии употребляются субстантивированные прилагательные типа *губно́й*, *задненёбный*, *взрывно́й*, *глухо́й*. Здесь явно опущено существительное *звук*. Те же прилагательные употребляются также в женском роде: *губна́я*, *взрывна́я*, *глуха́я* (подразумевается — *фоне́ма*). Ср. словац. *razená*, *trená*, *znelá*.

Переход прилагательных в категорию существительных связан, в первую очередь, с их значением. Субстантивированные прилагательные уже не обозначают признак, а самостоятельный «предмет». Они приобретают все морфологические категории имени существительного, сохраняя лишь флексию имени прилагательного. Совершенно естественно, что субстанти-

вированные прилагательные не образуют формы рода, не знают ни кратких форм, ни форм степеней сравнения. Соотношение между *ру́сский* »Rus« и *ру́сская* »Ruska«, *дежу́рный* и *дежу́рная*, *звеньево́й* и *звеньева́я* уже не грамматическое, а лексическое. Ведь от субстантивированных прилагательных типа *рабо́чий*, *портно́й*, *ни́щий* соответствующие слова женского рода представлены словами *рабо́тница*, *портни́ха*, *ни́щенка* (а не «рабочая», «портная», «нищая»). Здесь лишний раз сказывается отрыв форм субстантивированных прилагательных от грамматического разряда, от части речи, к которой они некогда принадлежали.

Женский род.

К субстантивированным прилагательным женского рода относятся слова со следующим значением:

1. Названия помещений (комнат и зал): *столо́вая* »jedáleň«, *гости́ная* »salón«, *убо́рная* »1. záchod; 2. šatňa«, *пере́дняя* »predsieň«, *ва́нная* »kúpeľňa«, *де́тская* »detská izba«, *кладова́я* »komora, špajza«, *приёмная* »prijímacia izba«, *душева́я* »sprcháreň«, *операцио́нная* »operačná sieň«, *коте́льная* »kotoľňa«. Сюда же относится шутливое *холо́дная*, в выражении *посади́ть в холо́дную* »dať niekoho do chládku«. Из профессиональных стилей: *центра́льная* »telefonická centrála«, *диспе́черская*, *перегово́рная* »hovorňa« и др.

2. Названия мастерских и цехов: *парикма́херская* »kaderníctvo« *упако́вочная* »baliareň«, *пра́чечная* »práčovňa« и др.

3. Названия торговых заведений: *бу́лочная* »pekáreň«, *заку́сочная* »bufet, lahôdkárstvo«, *конди́терская* »cukráreň«, *мясна́я* »mäsiarstvo«, *моло́чная* »mliekáreň«, *пивна́я* »výčap«, ср. *кре́ндельная* (у М. Горького). Наряду с этими названиями в больших городах возникают аналогичные названия среднего рода: *конди́терское*, *мясно́е*, *моло́чное* (подразумевается «отделение универмага»).

4. Дроби, начиная от $^1/_8$: *одна́ пя́тая* »jedna pätina«, *одна́ шеста́я* »jedna šestina« (ср. *шеста́я су́ши*), *одна́ деся́тая*, *одна́ со́тая*, *во́семь и две деся́тых*. Продуктивность этой группы, естественно, ограничена семантикой числительных.

5. Названия линий (геометрические термины): *прямо́я* »priamka«, *крива́я* »krivka«, *каса́тельная* »dotyčnica«. Сюда же относится *передова́я*, ср. *сража́ться на передово́й* »bojovať v prvých líniách«.

6. Названия песен и танцев: *плясова́я*, *ру́сская*, *засто́льная* »zdravica«, *велича́льная* »slávnostná pieseň«, *студе́нческая* »študentská pieseň«, *кама́ринская*, *колыбе́льная* »uspávanka«. Ср. словац. *ľudová*, *zbojnícka (pieseň)*. У этих слов связь с существительным *пе́сня* ещё не вполне утрачена.

7. Названия охотничьих собак: *борза́я* »chrt«, *лега́вая*, *гончая*.

8. Просторечные названия банкнотов: *бе́ленькая* (25 рублей), *си́ненькая* (5 рублей), *кра́сненькая* (10 рублей). Подразумевается *бума́жка*.

9. Субстантивированные эпитеты: *моя роднáя*, *моя ненагля́дная*, *моя ми́лая*, *моя люби́мая* и т. п.

10. Названия официальных бумаг: *накладна́я* »nákladný list«, *ку́пчая* »kúpna zmluva« и др.

11. Новообразования, связанные, по-видимому, с профессиональным языком: *убо́рочная* »žatevná kampaň«, *посевная* (имеется в виду *посевна́я кампа́ния*; ср. «весь район де́ржит экза́мен перед *посевной*», В. Панова: Ясный берег), сюда же относятся *похоро́нная* »smrtné oznámenie«, ср. «Писем оттуда не́ было. О́сенью пришла́ *похоро́нная*» (В. Панова: Ясный берег), *буровáя* »vrtná diera (pri ťažbe nafty), vrt«.

12. Названия улиц: *Садо́вая*, *Ленингра́дская*, *Пу́шкинская*. Эти слова употребляются полуэллиптически, ср. словац. *bývať na Štúrovej*, *ísť na Záhradnícku*. Слово *на́бережная* »nábrežie«, наоборот, может считаться полной субстантивацией.

Вне указанных групп остаются немотивированные субстантивированные прилагательные: *мостова́я* »vozovka«, *запята́я* »čiarka«, *вселе́нная* »vesmír«, *родосло́вная* »rodokmeň«.

Субстантивированные прилагательные женского рода входят в состав фразеологических единиц: «узна́ть всю *подного́тную*» »dozvedieť sa o všetkých podrobnostiach«, «принести́ *пови́нную*» или «прийти́ с *пови́нной*» »pokajať sa«, «*крича́ть* (или *храпе́ть*) во всю *Ива́новскую*».

Средний род.

В кругу субстантивированных прилагательных среднего рода можно выделить следующие группы:

1. названия блюд и кушаний: *жарко́е* »pečienka, pečené mäso«, *морбжено́е* »zmrzlina«, *пе́рвое* »prvý chod«, *второ́е* »druhý chod« (ср. *что у нас бу́дет на второ́е?* — »čo budeme mať po polievke?«), *тре́тье* »dezert, múčnik«, *пирбжное* »zákusok«, *заливно́е* »huspenina«, *сла́дкое* »dezert« и др.

2. Названия одежды: *шта́тское* »civilný oblek« (ср. *он был в шта́тском*), *чёрное* (ср. *весь в чёрном*), *се́рое* (ср. *не́кто в се́ром*) и т. п.

3. Лингвистические термины: *сказу́емое*, *подлежа́щее;* полуэллиптически употребляются *существи́тельное*, *прилага́тельное*, *числи́тельное* (подразумевается *и́мя*).

4. Названия лекарств: *слаби́тельное* »laxatívum, pudidlo«, *снотво́рное* »uspávací prostriedok«, *рво́тное* »prostriedok na vracanie«, *жаропонижа́ющее* »prostriedok proti horúčke«, *потогбнное* (подразумевается *сре́дство*).

5. Зоологические термины: *живо́тное* »živočích«, *млекопита́ющее* »cicavec«, *позвоно́чное* »stavovec«, *земле́во́дное* »obojživelník«, *насеко́мое* »hmyz« и мн. др.

6. Отвлечённые понятия со значением времени: *настоя́щее* »prítomnosť«,

прóшлое »minulosť«, *бýдущее* »budúcnosť«, *былóе*, *минýвшее*, *грядýщее* »budúcnosť«, *прóйденное* »prebratá látka«.

7. Отвлечённые понятия в самом широком смысле: *прекрáсное* »krásno«, *трагúческое* »tragično«, *молодóе*, *стáрое*, ср. «Пóэтому в жúзни всегдá существýет *нóвое* и *стáрое*, *растýщее* и *умирáющее*, *революцúонное* и *контрреволюцúонное*». Сюда относятся философские термины, как *óбщее и чáстное*. Эта группа очень продуктивна, ср. *всё лýчшее, что бы́ло в нём; то немнóгое, что он мог сдéлать* »to málo, čo mohol spraviť«.

8. Названия вин: *шампáнское*, *кахетúнское*, *крáсное*, *крымское*, *кавкáзское* и др.

К немотивированным следует отнести слово *придáное* »veno«, *ископáемое* »1. nerast; 2. skamenelina«, *содержúмое* »obsah«. Отметим некоторые фразеологические сочетания: *прийтú на всё готóвое* »prísť na hotové«, *из э́того не вы́йдет ничегó пýтного* »z toho nebude nič súceho«.

Множественное число.

Здесь имеются в виду, в первую очередь, такие субстантивированные прилагательные, которые употребляются только во множественном числе (pluralia tantum). Можно выделить следующие семантические ряды:

1. названия денег или сумм: *налúчные* »hotovosť«, *сýточные* »diéty«, *командирóвочные* »cestovný paušál«, устар. *чаевы́е* »prepitné«. Эта группа продуктивна, ср. «сколько *премиáльных* набежáло им зá год» (В. Панова, Ясный берег). В словацком языке этому соответствуют субстантивированные прилагательные среднего рода: *cestovné*, *vreckové*, *-ého*, *stravné*, *-ého*, *stojné*, *-ého*.

2. Ботанические и зоологические термины (употребляются преимущественно во множ. числе): *членистонóгие*, *травоя́дные*, *парнокопы́тные*, *тайнобрáчные*, *хвóйные* и мн. др.

3. Названия лиц: *родны́е* »príbuzní«, *блúзкие*, *молоды́е* (молодожёны; ср. словац. *mladé* в значении «детёныши»). По политическому признаку: *крáсные*, *бéлые*, *прáвые*, *лéвые*; сюда же — *трудя́щиеся*.

К немотивированным относится слово *дáнные* »údaje, dáta, fakty« (ср. по всем *дáнным;* привести все *дáнные*). Совершенно изолированно стоит слово *лёгкие* »pľúca«.

Примечание. Из старославянского в русский литературный язык перешло несколько субстантивированных прилагательных во множественном числе, но со значением единственного числа, ср. ироническое выражение *созерцáть зáдница*, т. е. «плестúсь в хвостé» (у В. И. Ленина). Эти прилагательные являются калькамп с греческого, где абстрактные субстантивированные прилагательные (и местоимения) образовывались не от единственного числа среднего рода, как в современном языке, а от множ. числа среднего рода. Ср. также лат. *omnia sua* в значении «всё своё».

Интересна судьба слова *пръисподьняя* »podsvetie«. Это субстантивированное прилагательное ощущается сейчас как форма женского рода. На самом деле, в старослав. языке, слово *пръисподьняя* было формой множ. числа среднего рода, ср. лат. *inferi*, *inferiores* в том же значении (*ad inferos* «в ад»).

Нетрудно заметить, что в русском языке субстантивированных прилагательных значительно больше, чем в словацком или чешском. Это связано, в первую очередь, с бóльшей стандартностью продуктивных словообразовательных приёмов в этих языках. Так, названия помещений образуются в словац. языке при помощи ряда суффиксов, ср. *jedáleň*, *kotolňa*, *sušiareň*, *aranžovňa*, *baliareň*, *šatňa*, *sborovňa*, названия профессий или должностей и т. п. оформляются как существительные: *učenec* «учёный», *jazdec* «верховóй», *kormidelník* «рулевóй, кóрмчий» и т. п.

С теоретической точки зрения весьма поучительно проследить случаи постепенной ликвидации субстантивированных имён прилагательных в славянских языках. Так, в словацком языке слово *vrátnik* «швейцар» восходит к более древнему субстантивированному прилагательному *vrátny*, ср. чеш. *vrátný*. Словацкое *krajčír* «портной» восходит, вне сомнения, к субстантивированному прилагательному типа *krajčí*, чеш. *krejčí*, *-ího*. В словацком языке это слово ещё сохранилось в качестве фамилии *Krajčí*. То же самое можно наблюдать и в русском языке: субстантивированное прилагательное *пожáрный* перешло в современном языке в *пожáрник*, т. е. и внешне приобрело форму имени существительного. В вышеприведённых случаях перехода субстантивированных прилагательных *vrátny*, *krajčí*, *пожáрный* в «полноправные» существительные *vrátnik*, *krajčír*, *пожáрник*, мы имеем дело с ликвидацией конфликта между старой формой и новым содержанием. В этом можно видеть наглядный пример восстановления относительного единства между формой и содержанием в языке.

Склонение русских фамильных имён на *-ов (-ёв)*, *-ев*, *-ин (-ын)*

К разряду субстантивированных прилагательных относятся, с исторической точки зрения, русские фамильные имена на *-ов (-ёв)*, *-ев*, *-ин (-ын)*, напр. *Иванóв*, *Соловьёв*, *Турге́нев*, *Пу́шкин*, *Сини́цын*. В современном языке эти формы больше не ощущаются как имена прилагательные, хотя морфологически они и сохраняют некоторые признаки имени прилагательного. Фамильные имена женского рода (*Иванóва*, *Соловьёва* и т. д.), а также фамильные имена во множественном числе сохраняют склонение прилагательных на *-ов* и *-ин* во всех падежах. Фамильные имена мужского рода склоняются в единственном числе по образцу первого склонения с той

только разницей, что в творительном падеже единств. числа вместо окончания *-ом* употребляется окончание *-ым*, восходящее к склонению прилагательных.

Тип Ива́нов, Пу́шкин

	мужской род		женский род	
И.	Ивано́в	Пу́шкин	Ивано́в-а	Пу́шкин-а
Р.	Ивано́в-а	Пу́шкин-а	Ивано́в-ой	Пу́шкин-ой
Д.	Ивано́в-у	Пу́шкин-у	Ивано́в-ой	Пу́шкин-ой
В.	Ивано́в-а	Пу́шкин-а	Ивано́в-у	Пу́шкин-у
Т.	Ивано́в-ым	Пу́шкин-ым	Ивано́в-ой	Пу́шкин-ой
П.	Ивано́в-е	Пу́шкин-е	Ивано́в-ой	Пу́шкин-ой

	множ. число	
И.	Ивано́в-ы	Пу́шкин-ы
Р.	Ивано́в-ых	Пу́шкин-ых
Д.	Ивано́в-ым	Пу́шкин-ым
В.	Ивано́в-ых	Пу́шкин-ых
Т.	Ивано́в-ыми	Пу́шкин-ыми
П.	Ивано́в-ых	Пу́шкин-ых

Нерусские фамильные имена на *-ов* или *-ин* склоняются как существительные первого склонения, напр. с *Ку́кучином*, с *Да́рвином*. Однако обрусевшие фамильные имена типа *Фонви́зин*, *Карамзи́н* приравниваются к исконно русским, напр. с *Фонви́зиным*, с *Карамзи́ным* (Академическая грамматика, стр. 141).

Субстантивированные прилагательные в качестве названий городов и населённых пунктов

У названий городов, сёл и других населённых пунктов следует отличать случаи полной субстантивации от случаев частичной субстантивации. Так названия городов типа *Кали́нин*, *Сара́тов*, *Псков*, *Львов* и т. п. представляют собой случаи полной субстантивации. Связь с прилагательным вполне утрачена (ср. *Ки́ев*) и, следовательно, эти названия склоняются всецело по образцу твёрдых имён существительных первого склонения: *в Кали́нине*, *перед Сара́товом* и т. п.

У названий населённых пунктов среднего рода типа *Бо́лдино*, *Бороди́но*, *Степа́нчиково* связь со словом *село́* ещё ощущается. Однако, по типу скло-

нения, эти названия полностью перешли в разряд существительных, ср. *в Степа́нчикове* (Ф. М. Достоевский).

Наоборот, у названий населённых пунктов всех родов на *-ый (-ий)*, *-ая* и *-ое* субстантивация не полная. Такие названия, как *Петро́вский*, *Константи́новский*, *Мелехо́вская*, *Бо́льше-Крепи́нская*, *Семикара́корская*, *Красноарме́йское*, *Новоэкономи́ческое* и т. п., сохраняют полностью связь с существительным *посёлок*, *ста́нция*, *станица*, *ша́хта*, *село́* и склоняются как прилагательные: *в Петро́вском*, *в Красноарме́йском* и т. п.

*

При анализе имени прилагательного и его форм нам неоднократно пришлось коснуться вопросов, связанных с образованием наречий. Прилагательные и наречия теснейшим образом связаны между собой. Можно прямо говорить о грамматической соотнесённости, например, качественных прилагательных *(хоро́ший учени́к)* и определительных наречий *(хорошо́ учи́ться)*. Правда, эта грамматическая и семантическая соотнесённость затрагивает только одну, хотя и значительную, часть как прилагательных, так и наречий. Считаем всё же целесообразным перейти от разбора имён прилагательных к разбору разряда наречий.

НАРЕЧИЕ

Является ли наречие самостоятельной «частью речи»?

В традиционном учении о частях речи категория наречия является до сих пор наименее разработанной и теоретически наименее обоснованной главой. Определения наречия, даваемые школьными грамматиками, сбивчивы и противоречивы. Состав слов, включаемых в категорию наречия, неоднороден и пёстр. Такое положение вещей тем более удивительно, что именно русской и советской науке о языке бесспорно принадлежит приоритет в углублённой разработке категории наречия. Труды таких учёных, как А. А. Потебни, проф. А. М. Пешковского, акад. Л. В. Щербы, проф. Е. М. Галкиной-Федорук и, в первую очередь, акад. В. В. Виноградова, вывели, казалось бы, раз навсегда традиционное учение о наречии из того тупика, в котором оно находилось на протяжении многих веков, чуть ли не от времён Дионизия Фракийского. Но косность традиционного подхода к категории наречия оказалась сильнее. Даже в таком капитальном труде, каким является Академическая грамматика, повторяются многие неточности и недоговорённости, появляются многие противоречия, которые столь характерны для старой традиционной трактовки категории наречия. Современная теория наречия, разработанная и проверенная передовым советским языкознанием, не нашла себе полного признания в школьной практике. Не следует, однако, забывать, что «упрощение» и «доступность изложения», на которые обыкновенно ссылаются лингвисты, склонные к уступкам научной истине, не могут оправдать отклонений от научной истины. Именно в связи с теоретической разработкой наречий уместно будет ещё раз напомнить мудрые слова акад. Л. В. Щербы, направленные против требований школьных рутинёров, стремящихся к схемам попроще, поотчётливее да попрактичнее: «К сожалению жизнь людей — не проста, и если мы хотим изучать жизнь — язык есть кусочек жизни людей, — то это не может быть просто и схематично. Всякое упрощение, схематизация грозит разойтись с жизнью, а главное, перестаёт учить

наблюдать жизнь и её факты, перестаёт учить вдумываться в её факты».[1] Если для науки пагубен отрыв от жизни, от практики, то для школьной практики также опасен отрыв от теории, от передовой научной мысли. Вот почему пора согласовать теоретические положения школьной грамматики с бесспорными достижениями передовой науки в деле разработки категории наречия.

На пути к адэкватному пониманию наречия, как самостоятельной части речи, в прошлом стояло немало препятствий. Теоретическая грамматика и особенно отдел, посвящённый морфологии, долгое время не могли освободиться от «тирании формы». Систематическому изучению сравнительно легко поддавались те отделы морфологии, в которых имелась богатая парадигматика (флексия), в частности имя и глагол. Наоборот, те отделы морфологии, в которых парадигматика представлена слабее или совсем не представлена — т. е. так называемые «неизменяемые» слова, — зачастую вызывали недоумение учёных. Под влиянием изучения классических языков с их богатой именной и глагольной флексией, внимание исследователей было сосредоточено на вопросах парадигматики. Семантический и синтаксический анализ, неотделимый от анализа чисто морфологического, в отношении категории наречия либо совсем не применялся, либо сводился к отожествлению наречия как части речи, с членом предложения, называемым обстоятельством (príslovkové určenie). Все неизменяемые слова, на основании одного лишь формального признака «неизменяемости», валились в одну кучу. Характерно, как А. С. Пушкин относился к неизменяемым словам:

Отныне в рифмы буду брать глаголы.
Не стану их надменно браковать,
Как рекрутов, добившихся увечья,
Иль как коней, за их плохую стать, —
А подбирать союзы да наречья;
Из мелкой сволочи вербуя рать.

(Домик в Коломне.)

«Союзы да наречья» Пушкин, в соответствии с господствующими грамматическими взглядами, иронически называет «мелкой сволочью», не заслуживающей серьёзного внимания.

Для характеристики отношения грамматистов прошлого века к вопросу о сути наречия и о формальном составе данного разряда слов можно привести взгляды хотя бы Ф. Буслаева. В своей «Исторической грамматике

---

[1] Л. В. Щерба: О частях речи в русском языке. «Русская речь», 1927—1928 гг., № 2, стр. 16. — Цитируется по пражскому гектографированному изданию, стр. 23. Дальнейшие цитаты относятся к пражскому изданию.

русского языка» (издание третье, М., 1868 г.). Ф. Буслаев даёт такое определение наречий: «Наречия суть слова производные или сложные за исключением весьма немногих, каковы суть: отрицательная частица *не*, приставки *наи-*, *ни-*, *не-* (напр. в речениях *наилучший*, *ни-кто*, *не-кто* и проч. и нек. друг.)» (стр. 161). Итак, такие разнородные слова, как наречия, частицы и даже приставки попали у Ф. Буслаева в одну общую категорию! Другой крупнейший языковед, Франц Миклошич, блестяще разработавший морфологию славянского имени и глагола, проявил в отношении категории наречия полную беспомощность. На основании одного лишь внешнего признака, — парадигматической неизменяемости — Ф. Миклошич объединил самые разнообразные разряды слов под общим понятием «частиц». По мнению Ф. Миклошича, эти «частицы» делятся на «наречия» (adverbia) и «союзы» (conjunctionen). Что же касается «предлогов» (praepositionen), то Миклошич их считает особым видом наречий (eine eigene art adverbia).[1] «Тирания формы», отсутствие ярко выраженных формальных показателей у неизменяемых частей речи, привели к предельному упрощению морфологии, получившему свое выражение в известном немецком школьном двустишии:

Was man nicht deklinieren kann,
Das sieht man als Adverbium an.

Другим существенным препятствием на пути к адэкватному толкованию категории наречий, как особой части речи, была неоднородность слов, включаемых грамматистами в этот разряд. Если у Буслаева к наречиям относились ещё частицы и приставки, если у Миклошича предлоги ещё считались особым видом наречий, то в современных грамматиках разряд наречий трактуется значительно у́же, хотя в него и попадают такие разнородные по своему значению и несоизмеримые по своей синтаксической функции слова, как *хорошо́*, *мастерски́*; *вслух*; *по-вóлчьи*; *где*, *иногда́*; *бчень*, *совсе́м*; *вдвóе*; *зимóй*, *временáми*; *нéгде*, *нéкуда*; и даже *мóжно*, *ну́жно*, *жаль*, *пора́* (Академическая грамматика).

В словацкой литературе раздел наречий разработан поверхностно. Например, в грамматике Й. Орловского и Л. Араня наречия рассматриваются как «несклоняемые имена», очевидно под влиянием традиционного взгляда венгерских грамматистов на наречие, как на имя.[2]

---

[1] Franz Miklosich: Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV, Wien 1883, 150.

[2] Ср. примечание переводчиков книги Й. Балашша «Венгерский язык», М., 1951: «Балашша причисляет к именам также и наречия, что является традицией в венгерском языкознании» (стр. 77).

В разряд наречий включаются слова типа *kde*, *tu*, *zdola*, *naľavo*, далее *pomaly*, *beztoho*, *stojmo*, а также *áno*, *hej*, *naozaj*, *azda*, *vari*, *predsa*, *veru*, *božechráň*.[1] Совершенно очевидно, что приведённые слова нельзя считать ни «именами», ни словами, относящимися к одной и той же грамматической категории.

В новейших грамматиках словацкого языка категории наречий уделяется уже бóльшее внимание. Однако и здесь сказывается теоретическая неразработанность этой части речи. В грамматике Паулини — Штольц — Ружичка в состав наречий попадают не только предикативные слова типа *slobodno*, *vidno*, *možno* (стр. 200), но и модальные слова типа *veru*, *vraj*, *vari* (стр. 201), а также слова типа *už* «уже», *až*, *asi* «приблизительно» и даже частицу *so* в сочетании *so päť* (стр. 199), ср. *с недéлю* »asi tyždeň«, *с полдю́жины* »asi poltucta« (стр. 199).[2]

Ввиду такого многообразия слов и форм, включаемых отдельными авторами в разряд наречий, уместно будет выяснить, из каких теоретических позиций исходили лингвисты при определении грамматической категории наречия.

Сам термин *наречие* (лат. *adverbium*, словац. *príslovka*) является переводом греческого *επίρρημα* (*ἐπι* «при, на» + *ρῆμα* «слово, глагол»). Очевидно, при образовании этого термина, греческими грамматистами учитывалось в первую очередь приглагольное употребление наречий (напр. *хорошó учúться*, *быстро рабóтать*). Именно такое, преимущественно приглагольное употребление наречий определяет теоретическое отношение многих лингвистов к наречиям. Так Й. Балашша пишет: «Наречиями называются слова, обозначающие те обстоятельства, при которых совершается действие или событие. Наречия в предложении всегда выступают в качестве обстоятельств к сказуемому».[3] Здесь с полной наглядностью сказывается смешение понятий морфологических с понятиями синтаксическими. «Обстоятельство» — термин синтаксический, а не морфологический. В качестве обстоятельства могут стоять слова и словосочетания, не являющиеся сами по себе наречиями, напр. «работать *с необыкновéнной быстротóй*». Смешение категорий морфологических и синтаксических привело к стушеванию грани между термином príslovka («наречие») и príslovkové určenie («обстоятельство») в словацкой грамматике. Как справедливо указывает Л. Дюрович, автор первой серьёзной теоретической работы, посвящённой

---

[1] Dr. J. Orlovský—Dr. L. Arany: Gramatika jazyka slovenského, Bratislava 1947, 212.

[2] Pauliny—Štolc—Ružička: Slovenská gramatika, Martin 1953.

[3] Й. Балашша: Венгерский язык, стр. 99.

наречиям в словацком языке, термин príslovkové určenie вызывает ряд возражений.[1]

Смешение синтаксических и морфологических категорий при толковании категории наречия сказывается у многих авторов. Ведь Ф. Буслаев считает наречия — «обстоятельственными» словами.[2] Из синтаксической функции исходил также К. С. Аксаков: «Наречие не есть часть речи. Часть речи то, что получило в слове особую форму, особый отдел; наречие своей особой формы не имеет. Оно выражает отношение, оно есть уже синтаксическое явление. Наречием могут быть разные части речи, в разных отношениях употребляемые».[3]

Синтаксический признак наречия, его «обстоятельственность», явился в конце концов решающим и для акад. А. А. Шахматова, определявшего наречие, как «часть речи, которая заключает слова, обозначающие как представления о качествах-свойствах, так и представления об отношениях, мыслимых не атрибутивно, а обстоятельственно».[4]

По тому же пути пошёл и И. И. Мещанинов. По его мнению, «наречие есть одна из разновидностей выражения обстоятельственных слов в составе группы сказуемого, т. е. является тою частью речи, которой свойственно занимать в предложении место обстоятельства».[5] Как видно, И. И. Мещанинов не внёс ничего нового в традиционное учение о наречиях.

Западное языкознание не могло дать удовлетворительного истолкования грамматической сути наречий. Один из наиболее оригинальных представителей «копенгагенской» лингвистической школы, Витго Брёндаль, пытался дать характеристику частей речи на основании самых общих логических категорий. Правильно отделяя «качественные» наречия типа *хорошо́*, *бы́стро* от наречий обстоятельственных типа *там*, *здесь*, *по́здно*, *ра́но*, В. Брёндаль исходил, как и И. И. Мещанинов, из некой «универсальной» логики, так или иначе преломляющейся в конкретных языках. С точки зрения универсальных логических категорий,

---

[1] »Názov *príslovkové určenie* v prvom rade neobstojí vecne. Príslovka je síce špecifickým, ale len jedným spomedzi mnohých spôsobov na vyjadrenie tejto funkcie. Ťažko hovoriť, že vo vete *Do dediny prišli vojaci* výraz *do dediny* je príslovkovým určením miesta, keď tam žiadnej príslovky niet a funkcia rozvíjacieho člena pri predikáte *prišli* je vyjadrená predložkovým pádom substantíva.« »K otázke neohybných čiastok reči v slovenčine«, Jazykovedný sborník, IV, Bratislava 1950, 114.

[2] Цит. произв., стр. 323.

[3] К. С. Аксаков: Полное собрание сочинений, т. II. «Сочинения филологические», ч. I, стр. 402. (Цитированно по В. В. Виноградову. Разрядка моя.)

[4] Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. (Учение о частях речи.) Москва 1952, стр. 129.

[5] И. И. Мещанинов: Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945, стр. 286.

перекликающихся с «понятийными категориями» И. И. Мещанинова, В. Брёндаль приписывал наречию выражение общей логической категории «качества».[1] Ошибка В. Брёндаля состоит в том, что конкретные языки не являются воплощением неких «универсальных» логических категорий. Язык теснейшим образом связан с мышлением. Но ошибочно думать, что в конкретных языках отражается или выявляется «универсальное» мышление. Конкретный язык связан с конкретным языковым мышлением так же, как и конкретное мышление связано с определённым языком. Грамматические отношения не могут быть вскрыты на основании «универсальных» формул. И прав проф. Й. Курылович, отмечающий по поводу универсальных логических построений В. Брёндаля: «Будучи лишённым поддержки со стороны анализа формального строя и синтаксического применения, языкознание уподобляется кораблю без парусов и без компаса».[2]

Современная теория наречий исходит из учения крупного русского учёного А. А. Потебни. Потебня отказался от односторонне синтаксического понимания наречия и признал за ним морфологическую самостоятельность как особой лексической группы, особой «части речи».[3] А. А. Потебня считал наречие «признаком признака». Подобную мысль высказал ещё Н. И. Греч в 1834 г. Греч писал: «Наречие есть слово, коли выражается качество или обстоятельство другого качества или действия».[4] Ср. также у О. Есперсена, считавшего наречие «словом третьего ранга» (word of the third rank). Для нас здесь важно то, что современное учение о наречии рассматривает этот разряд слов как самостоятельную часть речи, чётко отграничиваемую от других «неизменяемых» типов слов.

На данном этапе развития грамматической теории, основной задачей языковедов было отграничение наречий в собственном смысле слова от других частей речи, ошибочно включаемых традиционной грамматикой в этот разряд. Решающим событием в этом направлении явилась статья акад. Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке». Здесь впервые была выделена особая часть речи, обычно относимая к наречиям, но по своей функции чётко отличающаяся от этих последних. Акад. Л. В. Щерба назвал эту часть речи условно категорией состояния. Этот лексико-грамматический класс объединяет в современном русском языке такие слова, которые в традиционной грамматике трактовались в отделе наречий

---

[1] Viggo Brøndal: Les parties du discours (partes orationis). Études sur les catégories linguistiques. Copenhague 1948.

[2] Acta Linguistica VI, 1950—1951, стр. 107.

[3] А. А. Потебня: Из записок по русской грамматике, I—II, 1888, стр. 119—121.

[4] Н. И. Греч: Практическая русская грамматика, СПБ 1834, стр. 359.

(напр. *мо́жно, на́до, необходи́мо*), а также краткие формы имени прилагательного (напр. *я знако́м, я наме́рен*). Таким образом, целый ряд явлений, втесняемых традиционной грамматикой в прокрустово ложе категории наречий, получил своё новое, более адэкватное толкование. Правда, акад. Л. В. Щерба ещё сомневался в самостоятельности категории наречий, как особой части речи. Он был склонен видеть в наречиях лишь форму соответствующего прилагательного. Действительно, имя прилагательное *краси́вый* и наречие *краси́во* по лексическому значению не отличаются друг от друга; следовательно, допустимо рассматривать наречие *краси́во* как форму имени прилагательного, функцией которой является определение глагола, а не существительного. «Мы бы вероятно сознавали подобное наречие формой соответствующих прилагательных, — пишет акад. Л. В. Щерба, — если бы в той же функции не употреблялось большого количества неизменяемых слов, не являющихся производными от прилагательных: *о́чень, сли́шком, наизу́сть, сра́зу, кругом* и т. д.»[1] Остаётся выяснить, выступают ли слова типа *о́чень, сли́шком* и т. д. действительно в той же функции, как и *краси́во*. Как видно, даже после выделения из класса наречий слов, входящих, по терминологии акад. Л. В. Щербы, в категорию состояния, путь к окончательному выявлению специфической природы наречий не был ещё расчищен. Эту новаторскую работу проделал акад. В. В. Виноградов и его ученица Е. М. Галкина-Федорук.

Ещё в двадцатых годах академиком В. В. Виноградовым был намечен ряд дальнейших категорий внутри традиционной категории наречия.[2] Систематическое изложение новой концепции наречия и отграничения наречия от других частей речи было дано в монументальном труде «Современный русский язык. Грамматическое учение о слове» (1938), позднее в книге «Русский язык» (1947). Проф. Галкина-Федорук, со своей стороны, разработала вопросы отграничения от наречий других частей речи на страницах журнала «Русский язык в школе».[3] Эти работы, вместе с замечаниями акад. В. В. Виноградова, помещёнными в сборнике «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина» (1950 г., стр. 216), можно считать в настоящее время последним словом в области теоретической разработки категории наречий.

---

[1] Л. В. Щерба: Цит. произв.

[2] В одном из его докладов в Лингвистическом Обществе в Ленинграде.

[3] Е. М. Федорук: Отграничение от наречий других частей речи. Русский язык в школе, 1939 г., стр. 39—47.

Определение наречия как особой части речи

В лингвистической литературе неоднократно делалась попытка определить категорию наречия как категорию «негативную». Проф. С. О. Карцевский писал: «Вся структура наречия определяется его отрицательным характером. Можно было бы утверждать, что наречием является каждое слово, не являющееся ни именем существительным, ни именем прилагательным, ни глаголом».[1] И далее: «Для того, чтобы стать наречием, слово просто утрачивает свои формальные показатели (ses valeurs formelles), характеризующие его как имя существительное, прилагательное или глагол».[2] Такое чисто отрицательное определение наречия нам кажется малоудовлетворительным. В первую очередь необходимо иметь в виду, что наречие является автосемантическим словом и как таковое наделено самостоятельным вещественным значением. Этой своей самостоятельной семантикой наречие принципиально отличается от синсемантических («служебных») слов, предлогов, связок и союзов, а также от модальных слов и частиц. С морфологической точки зрения наречие лишено каких бы то ни было положительных формальных признаков, общих всем типам наречий. Единственным формальным признаком наречия можно, действительно, признать его неизменяемость, особенно ярко выделяющуюся на фоне принципиальной изменяемости (флексии) остальных автосемантических частей речи. Точно так же нельзя подвести все типы наречия под одну синтаксическую категорию. Мы не можем согласиться с теми авторами, которые отожествляют наречие, как часть речи, с определённым членом предложения (обстоятельством — příslovkovým určením), входящим в состав сказуемого. Совершенно очевидно, что внутри категории наречия существуют два основных типа, по своей синтаксической функции резко друг от друга отличающихся: наречия определительные (называемые также и «качественными», тип *бы́стро рабо́тать*) и наречия обстоятельственные *(до́ма, вчера́)*. Для более наглядного раскрытия семантических и синтаксических свойств каждого из этих основных типов наречий, необходимо проанализировать их в отдельности.

Определительные наречия

Определительные (или «качественные») наречия семантически и формально соотнесены с именем прилагательным. Это наречия — производные от имени прилагательного, ср. *весёлый — ве́село, и́скренний — и́скренне,*

[1] S. Karcevskij: Sur la nature de l'adverbe. TCLP VI., Praha 1936, 107.
[2] Там же.

мастерскóй — мастерскú, мертвéцкий — мертвéцки. Можно утверждать, что на фоне соответствующих прилагательных, могущих отражать категорию рода, числа и падежа, наречия на *-о, -е, -и* являются определительными словами, лишёнными возможности отражать данные категории. Тем не менее, наречия на *-о, -е, -и* являются по существу таким же определением, как и соответствующие прилагательные. Если имя прилагательное выражает признак имени существительного, определяя его *(весёлый смех)*, то наречие выражает тот же признак глагола *(вéсело смея́ться)*, имени прилагательного *(подчёркнуто вéжливый ответ)* или другого наречия *(подчёркнуто вéжливо отвечáть)*. Такой семантико-синтаксический параллелизм между именем прилагательным и определительным наречием сказывается, на наш взгляд, и формально. Как известно, имя прилагательное согласуется с определяемым им именем существительным в роде, числе и падеже. Таким образом, принцип согласования является для имени прилагательного показателем несамостоятельности данных категорий. Путём грамматического согласования имена прилагательные как бы повторяют или отражают грамматические категории определяемого ими существительного. В отличие от имени прилагательного, наречие определяет не имя существительное, а глагол, имя прилагательное или другое наречие. Можно утверждать, что суффиксы *-о, -е, -и* являются по существу показателями своеобразного «нулевого» согласования определительных наречий с такими частями речи, которые сами по себе лишены морфологических признаков, свойственных имени существительному, в частности рода, числа и падежа. Такое своеобразное согласование наречия с определяемыми им словами выражается, между прочим, и в том, что определительное наречие сочетается с глаголом, прилагательным и другим наречием в определительной синтагме, качественно не отличающейся от определительной синтагмы «прилагательное + существительное». Действительно, трудно усмотреть качественную разницу между синтагмой *бы́стрый полёт* и *бы́стро летéть, подчёркнутая вéжливость — подчёркнуто вéжливый ответ — подчёркнуто вéжливо отвечáть.*[1]

Для уточнения синтаксической функции определительного наречия необходимо изложить здесь наш взгляд на природу определения (атрибута) вообще. Прежде всего следует подчеркнуть, что определение (атрибут) мы не считаем самостоятельным членом предложения. Определение является всегда членом особой определительной синтагмы *(нóвая кни́га, весёлый смех)*. В предложении же такая определительная синтагма входит как одно целое в состав того или иного члена предложения. Так, например,

[1] Подобная мысль была высказана уже проф. Е. Паулини в его гектографированном курсе »Systém slovenského spisovného jazyka, II«.

в предложении «но́вая книга его́ пора́довала» подлежащим (podmetom) является сочетание *но́вая кни́га*, а не только существительное *кни́га*. Такое подлежащее мы называем подлежащным составом. В предложении «он полюби́л но́вую книгу» — сочетание *но́вую кни́гу* выступает в составе дополнения (predmetu). В предложении «это но́вая книга» сочетание *но́вая кни́га* выступает в сказуемостном составе. Следовательно, атрибут никогда не выступает в качестве самостоятельного члена предложения, а только в составе определительной синтагмы, могущей, в свою очередь, функционировать в качестве подлежащего, сказуемого и дополнения. Следовательно, если мы не считаем атрибут, выраженный именем прилагательным, самостоятельным членом предложения, то и адвербиальное определение, выраженное наречием *(хорошо́ рабо́тать, ве́село смея́ться)*, мы должны рассматривать как часть синтагмы, а отнюдь не как самостоятельный член предложения (например, «обстоятельство»). Далее. Если синтаксическая связь между атрибутом и определяемым им существительным формально выражена приёмом согласования (в роде, числе и падеже), то совершенно естественно, что связь определительного наречия с глаголом, прилагательным и другим наречием, т. е. со словами, лишёнными самостоятельной категории рода, числа и падежа, должна быть выражена другим формальным приёмом. Таким формальным приёмом выражения синтаксической связи определительного наречия с глаголом, прилагательным или другим наречием является примыкание. Понятие примыкания мы понимаем несколько у́же, чем это делается обычно: не всякое сочетание слов (juxtapozícia) рассматривается нами как примыкание (»adjunkcia«), а лишь такое, в котором своеобразной «нулевой» формой выражается согласование наречия с глаголом, прилагательным или другим наречием. Примыкание отнюдь не осуществляется только между непосредственно соседящими словами; определительная синтагма, осуществленная при посредстве примыкания, налицо и в таком предложении, как «он произнёс эти слова́ гро́мко, но неуве́ренно», где *гро́мко, но неуве́ренно произнёс* является детерминативной синтагмой, синтаксически оформленной посредством примыкания.

Если между определительной синтагмой типа *бы́стрый полёт, весёлый смех*, с одной стороны, и *бы́стро лете́ть, ве́село смея́ться*, с другой, существует синтаксический и семантический параллелизм, то совершенно естественно, что адъективный и адвербиальный способ выражения определительной связи взаимоисключаются. Определительные наречия не могут выступать в качестве определения к существительному. Как известно, некоторые обстоятельственные наречия могут стоять при существительном, напр. *Москва́ сего́дня, разговор по-ру́сски, та́нец вприся́дку, яйцо́ всмя́тку* и др., ср. словац. *Bratislava dnes, skok rozkročmo, obed narýchlo, vajce na mäkko.*

Некоторые грамматики считают такое сочетание «определением».[1] Однако характерно, что именно определительные наречия не могут вступать в такую связь с существительным: нельзя, например, сказать *прихóд внезáпно, полёт бы́стро, отвéт вéжливо*, как нельзя сказать по-словацки *príchod neočakávane, odpoveď zdvorile.* Невозможность сочетаний типа *прихóд внезáпно* объясняется тем, что определительная связь с именем существительным осуществляется в русском и словацком языках в рамках определительной синтагмы посредством согласованного имени прилагательного: *внезáпный прихóд, вéжливый отвéт, neočakávaný príchod, zdvorilá odpoveď.*

Определительные наречия чаще всего определяют действие, выраженное глаголом: *облегчённо вздохнýть, тяжелó дышáть, упóрно настáивать, охóтно ответúть, уны́ло петь, протя́жно выть, энергúчно дéйствовать* и мн. др.

Определительные наречия могут также определять прилагательное: *бесконéчно дóлгий разговóр, надмéнно гóрдый взгляд, снисходúтельно иронúческая улы́бка, самоувéренно нáглое поведéние.* Ср. словац. »Na prízemí bujnel život naoko *ideálne* abstraktný, *afektovane* povýšený, vždy čosi nového hľadajúci...« (J. Jesenský, Demokrati). Особенно часты сочетания определительного наречия с отглагольными формами (причастиями): *вéсело смею́щийся ю́ноша, легкó запоминáемое и́мя, тщáтельно вы́ученный урóк, небрéжно убрáнная кóмната.* Следует иметь в виду, что в подобных сочетаниях определительные наречия легко переходят в разряд градационных слов, выражающих степень признака: в сочетании *поразúтельно легкомы́сленное отношéние* слово *поразúтельно* почти лишено своего вещественного значения, т. е. утратило семантическую связь с глаголом *поразúть — поражáть* и по своему значению приближается к слову *óчень.* Ср. словац. *neuveriteľne* odvážny čin, *mimoriadne* výhodná príležitosť.

Наконец, определительные наречия сочетаются с другими наречиями: *исторически непрáвильно оценúть обстановку, неестéственно грóмко смея́ться, дружéски откровéнно говорúть, подозрúтельно тúхо сидéть* и мн. др. Ср. словац. *neočakávane* rýchlo sa vrátiť, *neodôvodnene* dlho zostať niekde, *odporne* nahlas rozprávať.

---

[1] «В современном литературном языке обстоятельственные наречия в роли определения относительно свободно сочетаются с именами существительными как отглагольными, так и чисто вещественными, напр. *парк лéтом, гóрод нóчью, трáгик поневóле, дверь сбóку, Москвá сегóдня*» (Академическая грамматика, стр. 630. Разбивка моя, *А. И.*).

Обстоятельственные наречия

В отличие от определительных наречий, выражающих внутренний признак глагола, прилагательного или другого наречия, обстоятельственные наречия являются выразителями временных, пространственных, причинных, целевых и других обстоятельств, при которых совершается предикация. Обстоятельственные наречия не являются определением к какому-нибудь отдельно взятому слову в предложении. Они указывают на дополнительные обстоятельства (okolnosti), при которых совершается предикация в целом. В таком предложении как «оте́ц и сын отпра́вились вме́сте на охо́ту» трудно сказать, относится ли обстоятельственное наречие *вме́сте* к сказуемому («вме́сте отпра́вились») или к подлежащему («оте́ц и сын вме́сте»). Следовательно, в данном случае можно утверждать, что обстоятельственное наречие *вме́сте* не входит в состав двухчленной определительной синтагмы, а присоединяется к предложению, как целому, в качестве самостоятельного члена. Таким самостоятельным членом является именно обстоятельство (так называемое »príslovkové určenie«).[1]

Особо стоят, по-видимому, сочетания обстоятельственного наречия с существительным типа *яйцо́ всмя́тку* »vajce na mäkko«, *хвост трубо́й*, *ша́шки наголо́* »vytasené šable«, *ша́пка набекре́нь* »na ucho nasadená čapica«. Здесь позволительно говорить об эллиптическом пропуске причастия: *яйцо́, сва́ренное всмя́тку*. С точки зрения современного языка подобные сочетания могут рассматриваться как определительные синтагмы, в которых наречие представляет собою несогласованное определение. В современном языке встречаются также сочетания типа *Москва́ сего́дня*, *го́род но́чью* и т. п. Основная сфера употребления подобных сочетаний — газетные заголовки, названия очерков, назывные предложения в начале повествования и т. п., т. е. стилистически квалифицированные предложения. Академическая грамматика считает обстоятельственные наречия в подобных случаях несогласованными определениями.[2] Нельзя отрицать, что такая трактовка приведённых фактов возможна. Возможно, однако, и другое толкование данного вопроса. Несогласованное определение стоит в русском языке

---

[1] Отсутствие тесной синтагматической связи между обстоятельственным наречием и другими членами предложения особенно наглядно сказывается, например, в английском языке, где обстоятельственные наречия стоят либо на первом, либо на последнем месте предложения. Русскому предложению «я сегодня встретил своего друга» соответствует в английском языке »*today* I met my friend« или »I met my friend *today*«. Другого словопорядка быть не может. Место обстоятельственного наречия в английском языке свидетельствует о том, что обстоятельство является показателем тех или иных отношений высказывания, как целого.

[2] Грамматика русского языка, стр. 630.

обыкновенно после определяемого существительного, например, *челове́к большо́го ума́*. Однако в русском языке (но не в словацком!) возможна и инверсия: *большо́го ума́ челове́к*. Подобная инверсия немыслима в разбираемых сочетаниях: вместо *го́род но́чью* нельзя сказать «но́чью го́род». Постановка школьных вопросов показывает, что в данном случае речь идёт не о качественном определении (нельзя спросить «како́й го́род?», ибо ответ на этот вопрос звучал бы — «ночно́й го́род»), а только «город когда?» — *го́род но́чью*. Может быть мы имеем здесь дело с особым «обстоятельственным определением», встречающимся в определённых языковых стилях.

Обстоятельственные наречия обыкновенно делятся на основании семантического признака на несколько разрядов.

а) Обстоятельственные наречия времени отвечают на вопрос *когда́?, с каки́х пор?, до каки́х пор?* К ним относятся такие слова, как *вчера́, за́втра, сего́дня, у́тром, но́чью, днём, давно́, ско́ро, по́здно, ра́но, встарь, неда́вно* и мн. др.

б) Обстоятельственные наречия места отвечают на вопросы *где?, отку́да?, куда́?, доку́да?* К ним относятся такие слова, как *нале́во, напра́во, до́ма, внутри́, внутрь, снару́жи, наза́д, вперёд, вдали́, спе́реди* и мн. др.

в) Обстоятельственные наречия образа действия отвечают на вопросы *как?, каки́м о́бразом?* К ним относятся слова *вме́сте, босико́м, ше́потом, нечая́нно, врозь, вперемёшку, ска́коро* и мн. др. От определительных наречий типа *ве́село* эти наречия отличаются тем, что они не соотносительны с прилагательными и, следовательно, не вступают с глаголом в тесную синтагматическую определительную связь.

г) Обстоятельственные наречия причины отвечают на вопросы *почему́?, отчего́?* К ним относятся слова *сгоряча́, сду́ру, спросо́нья* и мн. др.

д) Обстоятельственные наречяи цели отвечают на вопрос *с како́й це́лью?* К ним относятся наречия типа *наро́чно* »náročky«, *на́зло* и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что семантические разряды наречий не отделены друг от друга непроницаемой стеной. Наоборот, в современном языке легко осуществляется переход от определительных наречий к обстоятельственным. Если в сочетании «высоко поднять руку» наречие *высоко́* ещё можно считать определительным, то в сочетании «высоко́ лете́ть» несомненно уже преобладает оттенок обстоятельственности. О переходе наречий в другие части речи см. ниже.

Продуктивные типы образования наречий

Наиболее продуктивным типом наречий в современном русском языке являются наречия, соотнесённые с именами прилагательными. Наиболее свободно образуются определительные наречия от имён прилагательных,

названных нами качественно-оценочными, например, *дорогóй — дóрого, интерéсный — интерéсно* и т. п.

Правда, в ряде случаев качественно-оценочные прилагательные не имеют при себе наречий. Оценочные прилагательные типа *большóй, велúкий, тóлстый, худóй* и некоторые другие в силу своей семантики не образуют наречий. Иногда адвербиальная форма семантически и формально отрывается от прилагательного, ср. *мáленький* »malý«, но *малéнько* »trošku«, *хорóшенький* »peknučký«, но *хорошéнько* »poriadne«. Такой семантический отрыв от прилагательного сопровождается часто и акцентологическими изменениями, как, например, в приведённых случаях.

Некоторые наречия, образованные от качественно-оценочных имён прилагательных, опять-таки в силу своей семантики, являются наречиями обстоятельственными. Так, например, наречие *далекó*, будучи производным от прилагательного *далёкий*, уже не является наречием определительным, а наречием обстоятельственным. Это легко проверить в контексте. В предложении «он ушёл *далекó*» наречие не отвечает на вопрос «как он ушёл?», а скорее на вопрос «кудá он ушёл?»

От качественных прилагательных (в нашем понимании этого термина) наречия образуются менее свободно. Качественные прилагательные типа *лúсый, хромóй, больнóй, бéлый, чёрный* и мн. др. не образуют наречий, по своему значению соотносительных с прямым значением этих прилагательных. Зато в переносном (оценочном) смысле наречия от этих прилагательных образуются сравнительно свободно, ср. *слéпо вéрить, слéпо повинова́ться*, где наречие *слéпо* семантически соотнесено с одним из переносных (оценочных) значений прилагательного *слепóй*.

Некоторые наречия, образованные от качественных имён прилагательных типа *гóлый, мóкрый, мёртвый, живóй*, употребляются в художественной литературе со специфическим оттенком. Как указывает акад. В. В. Виноградов, эти наречия выступают одновременно в качестве обстоятельства и определения,[1] ср. «рекá *мёртво* лежáла под ледяным покрóвом», «из-под снега *гóло* торчáли ветки кустáрника». Сочетание *мёртво лежáла, гóло торчáли* характеризует наречие как обстоятельство, однако ощутима и смысловая связь с существительными *рекá, вéтки*.

Менее продуктивными являются наречия, производные от относительных прилагательных. К таким прилагательным, как *земнóй, морскóй, речнóй* или *ýличный, городскóй, окóнный, двернóй, кóмнатный* и т. п., не образуются определительные наречия. Однако стоит только относительному прилага-

---

[1] В. В. Виноградов: Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Москва 1950, стр. 216.

тельному приобрести семантический оттенок оценочности, как от него свободно образуются наречия, ср. *кни́жная по́лка, кни́жный стиль* (относительное прилагательное), но *кни́жно выража́ться* (определительное наречие).

Вполне продуктивной является группа наречий, соотнесённых с относительными прилагательными, обозначающими разные временные отношения *(ежего́дный — ежего́дно, помину́тный — помину́тно)*, а также отношения порядка или очереди *(поштучный — поштучно)* и т. п.

От относительных прилагательных на *-ский* или *-ско́й*, *-цкий* или *-цко́й* образуются в современном русском языке наречия определительные и наречия обстоятельственные. Определительные наречия образуются при помощи суффикса *-и: истори́чески пра́вильная оце́нка, мастерски́ вы́полнить рабо́ту, дру́жески жму ва́шу ру́ку, системати́чески рабо́тать* и т. п. Для выражения обстоятельственного оттенка значения в русском языке имеются другие приёмы образования наречий: приставка *по-* в сочетании с суффиксом *-и; вести́ себя́ по-това́рищески, подели́ться по-бра́тски с ке́м-нибудь* и т. п. Значение этих наречий имеет особый оттенок, а именно: как соответствует известным нормам, как подобает кому-либо, ср. *рабо́тать по-большеви́стски, взя́ться за де́ло по-уда́рнически.*

В отличие от словацкого языка, где возможны дублеты *rusky* и *po rusky*, в русском языке существуют только наречия типа *по-ру́сски, по-слова́цки, по-венге́рски* и т. п. В кулинарной терминологии такие наречия могут стоять и при существительном, ср. *шни́цель по-ве́нски*, ср. словац. *kapusta na kyslo, vajce na tvrdo.*

Вполне живым является разряд обстоятельственных наречий, образуемых при помощи приставки *по-* с дательным падежом единств. числа мужского рода прилагательного: *жить по-но́вому, поко́нчить де́ло по-хоро́шему*; в словацком языке этим наречиям соответствуют наречия, образованные от формы предложного падежа: *po starom, po novom, po dobrom*, ср. чеш. *po dobrém, po zlém*, при *po staru.*

Словацкий язык, в сравнении с русским, гораздо свободнее образует наречия от относительных прилагательных. Так, например, в словацком языке свободно образуются наречия со значением «в отношении чего-нибудь», «в смысле чего-нибудь», соотносительные с именами прилагательными. В русском языке такие наречия не вполне обычны и должны в большинстве случаев передаваться другими языковыми средствами, ср. *vekove* nevyhovujúci, «неподходящий по возрасту», *povahove* sa rozchádzať «расходиться по характеру», toto miesto je *platove* výhodnejšie «в смысле зарплаты это место выгоднее», *myšlienkove* bohatý «богатый в идейном отношении», je *študijne* preťažený «он перегружен в смысле занятий» и многие другие. В современном русском литературном языке аналогичные образо-

вания только намечаются, ср. *работать плáново;*[1] они далеко не так стандартны, как в современном словацком или чешском языках.

С другой стороны, в словацком языке тип наречий, соотносительных с притяжательно-относительными прилагательными типа *вóлчий — по-вóлчьи*, по-видимому, малопродуктивен, ср. пословицу *с волкáми жить — по-вóлчьи выть* »kto chce s vlkmi žiť, musí s nimi vyť«. В словацком языке встречаются такие наречия, как *psovsky, konsky*. Значение этих наречий такое: «так, как это свойственно определённому животному или группе лиц», «так, как это характерно для определённой группы лиц». Ср. *одéтый по-охóтничьи* »oblečený *ako* poľovník, po poľovnícky«, *по-старýшечьи сгóрбленная* »starecky zhrbená, zhrbená *ako* starena«.

Этим замыкается круг продуктивных адвербиальных образований, соотнесённых с именами прилагательными.

В русском языке имеется серия наречий, соотносительных с причастием настоящего времени действительного залога на *-щий, -щая, -щее*, напр. *дéйствовать разлагáюще* »rozkladne pôsobiť«, *посмотрéть на кого-нибудь вызывáюще* »vyzývavo sa pozrieť na niekoho«. Такие наречия имеются и в словацком языке, ср. pôsobiť *uspávajúco* «дéйствовать усыпля́юще», pôsobiť *povzbudzujúco* «дéйствовать возбуждáюще», ср. чеш. *působiti povzbudivě*. Следует строго различать между деепричастной формой, являющейся своеобразной адвербиальной формой глагола и могущей выступать в качестве обстоятельства (напр. «он бежал за ним, *угрожáя* емý кулáком» — »hroziac päsťou«) и формами на *-ще* (напр. «он взглянýл на него *угрожáюще*» — »výhražne, hrozivo, чеш. hrozivě«), где выражено определение к глаголу.

С точки зрения морфологической русские наречия образуются стандартно. Если в словацком языке в целом ряде случаев возможны двойные формы *(horúco — horúce)*, то в русском языке окончания *-о* и *-е* соотносительны «твёрдым» и «мягким» типам прилагательных. Наречия, соотнесённые с «твёрдыми» прилагательными имеют всегда окончание **-о**: *вéжливо* »zdvorilo«, *рáдостно* »radostne«, *сердéчно* »srdečne« и т. д. Наречия, соотнесённые с «мягкими» именами прилагательными, образуются, как правило, при помощи окончания **-е**: *односторóнний — односторóнне, внéшний — внéшне, внýтренний — внýтренне*. Ср. также *крáйне* (соотнесённое с одним из значений прилагательного *крáйний*). Наречие *úскренне* допускает дублет *úскренно* (ср. дублеты *úскренний* и *úскренный*). Наречия *давнó, недáвно* семантически больше не соотнесены с прилагательными *дáвний, недáвний* и перешли в разряд «твёрдых» наречий на **-о**.

---

[1] В. В. Виноградов: Русский язык, стр. 346.

Наречия, соотносительные с прилагательными на *-жий, -ший, -чий, -щий*, образуются при помощи суффикса *-е*, если ударение падает на основу, ср. *строжáйший — строжáйше, певýчий — певýче.* Если же ударение в наречии переносится на окончание, то после *ж, ч, ш, щ* пишется *-о*. *горя́чий — горячó, хорóший — хорошó, свéжий — свежó.*

«Аналитические» формы наречий

В современном русском языке широко распространены выражения, являющиеся заменителями или эквивалентами наречий и состоящие из прилагательного или местоимения с отвлечённым существительным, ср. *соответствующим óбразом* »príslušným spôsobom«, *надлежáщим óбразом* »náležite«, *протестовáть сáмым решúтельным óбразом* »čo najrozhodnejšie«. Ср. также вводные слова типа *глáвным óбразом* »najmä«, *рáвным óбразом* »taktiež«, *такúм óбразом* »takto«. В просторечии употребляются сочетания *такúм манéром* »takým činom«, *сáмым бесстúдным манéром.*

В словацком языке таким «аналитическим» формам наречия соответствуют сочетания типа *nehanebným spôsobom*, ср. чеш. *dvojím způsobem* «двоя́ким óбразом», *urážlivým způsobem* и т. д. Речь идёт здесь не о фразеологических сочетаниях, а именно о аналитических формах, где вещественное значение выражается прилагательным, а «адвербиальность» — словами *óбразом, манéром, spôsobom.* В языках аналитического типа такие формы наречий совершенно нормальны, ср. франц. *d'une manière persistante* «настойчиво», *d'une façon admirable* «удивительно, удивительным образом», или англ. *in a very pleasant way* «весьма приятным образом».

Если приведённые выше сочетания употребляются в качестве определительных наречий, то в качестве своеобразных обстоятельственных наречий, обозначающих «сопутствующее состояние», употребляются сочетания типа *в сырóм вúде.* Этим сочетаниям соответствуют в словацком языке конструкции со сказуемостно-именным приглагольным членом (doplnok). Ср. «он пришёл *в пья́ном вúде*» »prišiel *opitý*«, чеш. přišel *opilý*, «он спит *в одéтом вúде*» »spí *oblečený*«, фрýкты едя́т *в сырóм вúде* »ovocie jeme *surové*«, чеш. *syrové.*

Ударение продуктивных наречий

В принципе можно утверждать, что наречия, соотносительные с именами прилагательными, по месту ударения совпадают с краткой формой прилагательного среднего рода. Так как в кратких формах среднего рода прилагательных ударение может быть на основе или на окончании, то и у наречий приходится различать в основном два акцентологических типа.

1. Ударение на основе имеют наречия, соотнесённые с прилагательными, не меняющими в краткой форме места ударения: *наýчный — наýчно, краси́вый — краси́во, разбóрчивый — разбóрчиво, интерéсный — интерéсно.* Сюда относится подавляющее большинство наречий.

Ударение на основе имеют также наречия, соотнесённые с прилагательными, переносящими ударение на окончание только в краткой форме женского рода (тип *слаб — слабá — слáбо — слáбы*), напр. *блéдный (бледнá) — блéдно, блúзкий (близкá) — блúзко, вéрный (вернá) — вéрно, глýпый (глупá) — глýпо, грýбый (грубá) — грýбо, крéпкий (крепкá) — крéпко, слáдкий (сладкá) — слáдко, тóчный (точнá) — тóчно* и мн. др. (См. список на стр. 204.)

2. Ударение на окончании имеют наречия, соотнесённые с прилагательными, переносящими ударение на окончание в краткой форме всех родов (тип *высóк — высокá — высокó — высокú*), напр. *лёгкий — легкó, тяжёлый — тяжелó, хúтрый — хитрó, хорóший — хорошó.*

Отклонением от правила являются наречия *сúльно* (при *силён — сильнá*), *рóвно* (при *рóвен — ровнá*) и некоторые другие.

Колебание наблюдается у некоторых наречий типа *далекó* и *далёко, глубокó* и *глубóко, широкó* и *широ́ко, высокó* и *высóко.*

В некоторых случаях место ударения краткой формы среднего рода и наречия не совпадает: *пальтó мне малó — он мáло ест.* Наречие *мáло* семантически не соотносительно с краткой формой *малó.*

Наречия, соотнесённые с относительными прилагательными, не знающими краткой формы, сохраняют ударение на том слоге, на котором оно лежит у имён прилагательных: *дрýжеский — по-дрýжески, товáрищеский — по-товáрищески, мастерскóй — мастерскú* и т. п.

Образование форм степеней сравнения от определительных наречий

Семантическая и грамматическая соотносительность определительных наречий с именами прилагательными особенно наглядно сказывается в том, что определительные наречия, как и имена прилагательные, образуют формы степеней сравнения. Морфологические приёмы образования форм степеней сравнения от наречий в принципе совпадают с аналогичными приёмами у имён прилагательных.

Сравнительная степень наречия совпадает в словацком языке с формой сравнительной степени прилагательного среднего рода: *pevnejšie spojenie* (прилагательное) — *pevnejšie spojiť* (наречие). Форма сравнительной степени наречий образуется в словацком языке стандартно при помощи суффикса *-ejšie (prîjemnejšie, zaujímavejšie, dôslednejšie).* Исключениями

являются наречия, соотнесённые с прилагательными на *-oký*, *-chý*, *-ký* и образующие форму сравнительной степени на *-šie (širšie, kratšie, hlbšie, vyššie, nižšie, bližšie, jednoduchšie)*, а также непродуктивные наречия с формой сравнительной степени на *-ej: menej, viacej* (при *viac*), *radšej* «скорей, лучше» (radšej to nerob! — «лу́чше э́того не де́лай!»), *skorej* «ра́ньше» (prišiel skorej, ako som myslel — «он пришёл ра́ньше, чем я думал»). Интересны колебания в образовании формы сравнительной степени от наречия *pomaly* «медленно»: наряду с формой *pomalšie* существует и своеобразная областная форма *pomenšie* «ме́дленнее». Вне системы стоят формы *viac* «бо́льше», *skôr* «ра́ньше» (однако в значении вводного слова — «скорее»: »Ivan to nevie; skôr (to bude vedieť) jeho brat« — «Ива́н э́того не зна́ет; скоре́е его́ брат»). В чешском языке формы сравнительной степени имени прилагательного и наречия не совпадают, ср. *pěknější* (имя прилагательное), *pěkněji* (наречие), *vyšší — výše, nižší — níže (níž), lepší — lépe.*

Для выражения сравнительной степени наречия в русском языке имеются две формы: первая полностью соответствует простой форме сравнительной степени прилагательного *(лу́чше, ху́же, про́ще, гро́мче, я́рче, ясне́е, быстре́е, веселе́е)*, другая, сложная форма, состоит из слова *бо́лее* в сочетании с положительной степенью наречия: *бо́лее внима́тельно, бо́лее убеди́тельно, бо́лее пове́рхностно* и т. п.

В принципе обе формы могут употребляться в любом сочетании, однако в современном языке намечаются тенденции, отдающие в одних случаях предпочтение простым формам, в других случаях — сложным.

В качестве определения к глаголу предпочтительно употребляются простые формы сравнительной степени, если эти наречия применяются в прямом, а не в переносном смысле: *на́до копа́ть глу́бже, ши́ре расста́вить но́ги, э́то мо́жно сде́лать про́ще, кричи́ гро́мче, слу́шать внима́тельнее.* При употреблении тех же слов в переносном смысле, предпочтение, по-видимому, даётся сложным формам: *бо́лее глубоко́ изуча́ть, бо́лее широко́ охва́тывать, бо́лее внима́тельно относи́ться к де́лу, бо́лее кра́сочно выража́ться* и т. п. Естественно, что такие сложные формы с *бо́лее* преобладают в книжных и публицистических стилях. В ряде случаев простая (несложная) форма сравнительной степени является единственно возможной: *лу́чше* (трудно сказать «бо́лее хорошо́»), *ху́же* (трудно сказать: «бо́лее пло́хо» или «бо́лее скве́рно»). Это полностью относится и к количественным словам *ма́ло — ме́ньше* (нельзя сказать: «бо́лее ма́ло»), *бо́льше* (нельзя сказать: «бо́лее мно́го»).

Наречия на *-и* образуют только сложную форму сравнительной степени: *бо́лее систематѝчески, бо́лее практѝчески*, хотя здесь имеются дублеты: *бо́лее систематѝчно, бо́лее практѝчно.*

Для выражения объекта сравнения употребляются те же конструкции,

как и у имён прилагательных: *он пи́шет лу́чше меня́* (родительный сравнения) или *он пи́шет лу́чше, чем я.*

Обращает на себя внимание своеобразный идиоматизм: *я лу́чше твоего́ зна́ю* вместо «я лу́чше тебя́ зна́ю», *сего́дня она́ вы́глядит лу́чше вчера́шнего* «лу́чше, чем вчера́», ср. также оборот *пу́ще пре́жнего* »horšie ako *predtým*«.

Наряду с простой формой сравнительной степени в русском языке имеется ещё форма с приставкой *по-: полу́чше, поскоре́е, попро́ще, посла́ще, повесели́й.* По своему значению эта форма соответствует сравнительной степени в словацком языке («на́до излага́ть свои́ мы́сли попро́ще» — »svoje myšlienky treba vykladať jednoduchšie«), причём часто привносится оттенок предельной степени: *возвраща́йся поскоре́й* »vráť sa *čím skôr*«.

В ряде случаев сравнительная степень наречия соответствует в словацком языке положительной степени: в повелительных предложениях типа *ти́ше!, скоре́й!, живе́й!* сравнительная степень соответствует словацкому *ticho!, rýchle!* (а не »tichšie«, »rýchlejšie«), ср. «де́ти, *ти́ше*, оте́ц спит!» — »deti, *ticho*, otec spí!«.

Превосходная степень наречий образуется в словацком языке при помощи приставки *naj-*, присоединяемой к форме сравнительной степени: *najlepšie, najdôkladnejšie, najviac.*

В русском языке форма превосходной степени наречия образуется аналитически: она может быть выражена сочетанием с *наибо́лее (наибо́лее уда́чно)* или сочетанием со словами *всех* и *всего́ (уда́чнее всех, уда́чнее всего́).*

Сочетания с *наибо́лее* преобладают в книжных стилях, ср. *наибо́лее подро́бно описа́ть, наибо́лее внима́тельно отнести́сь к де́лу, наибо́лее рациона́льно испо́льзовать маши́ну.*

Сочетания со словами *всех* и *всего́* преобладают в разговорных стилях, причём между сочетаниями типа *бо́льше всех* и *бо́льше всего́* имеется своеобразная разница в значении, не сразу улавливаемая иностранцами. Если сравнить предложения *Пе́тя бо́льше всех люби́л свою́ сестру́*, с одной стороны, и *Пе́тя бо́льше всего́ люби́л шокола́д*, то окажется, что в пе́рвом слу́чае превосходная степень характеризует действие, сравниваемое с действием других агентов (т. е. все остальные её любили меньше), в то время как во втором случае превосходная степень выделяет объект действия (т. е. всё, кроме шоколада, Петя любил меньше).

От превосходной степени определительных наречий следует отмежевать количественные наречия, тем более что в русском языке эти формы не совпадают. В предложении «Najviac sa bojí požiarov» мы имеем дело с определительным наречием, соответствующим в русском языке форме *бо́льше всего́* («он бо́льше всего́ боится пожа́ров»). В предложении «Budem tam *najviac* dve hodiny« мы имеем дело с количественным наречием, синони-

мичным со словом «максимум», чеш. *nejvýš*, *nanejvýš*, и передаваемым в русском языке сочетанием *са́мое бо́льшее* («я там пробу́ду *са́мое бо́льшее* два часа́»). Ср. также«он *ме́ньше всего́* ду́мал о своём ране́нии» (определительное наречие) и «на э́то потре́буется *са́мое ме́ньшее* две́сти рубле́й», »aspoň, prinajmenej, чеш. nejméně« (количественное наречие).

Непродуктивные типы наречий

Обстоятельственные наречия в своем подавляющем большинстве являются, с точки зрения современного языка, непродуктивными. Исторически они связаны со всеми автосемантическими частями речи: с существительными, прилагательными, с глаголом, с числительными и местоимениями. В ряде случаев эта связь, с точки зрения современного языка, больше не ощущается. Если у обстоятельственных наречий времени *сегодня*, *сейча́с* связь с устаревшим местоимением *сей* и существительным *день* и *час*, вероятно, еще ощущается большинством говорящих, то связь словац. *zajtra* со словом *jutro* «утро» осознается только языковедами. Однако решающим не является здесь та или иная степень «прозрачности» образования данного наречия. Совершенно очевидно, что наречие *до́ма* связано со словом *дом*, но утрачены те словообразовательные элементы, на основании которых могло возникнуть это наречие. Отрыв от существительного *дом* сказывается также в семантике: *до́ма* не значит просто «в доме», а только «в моём доме, в моём жилище, в родном краю». Словацкое наречие *naoko* «на вид, с ви́ду» осмысляется без малейших затруднений, но словообразовательный приём, на основании которого оно возникло, мёртв: нельзя сказать »nauchо«.

В подавляющем большинстве случаев обстоятельственные наречия исторически являются формами других частей речи или предложными сочетаниями, утратившими грамматическую связь со своей парадигмой, выпавшими из парадигмы. Утрата связи с парадигмой сказывается, между прочим, и в утрате всех грамматических категорий, свойственных той части речи, к которой исторически восходит наречие. Такие обстоятельственные наречия, как *мо́лча* »mlčky« не являются больше формами глагола. Они утратили категории времени и вида, наклонения и залога, они не допускают при себе объекта: нельзя сказать *мо́лча о чём-нибудь*. А между тем эти слова некогда были деепричастными формами глагола.

Из всего сказанного вытекает, что обстоятельственные наречия не соотнесены, с точки зрения современного языка, с другими частями речи. Поэтому мы не считаем возможным говорить, с точки зрения современного языка, об «образовании» обстоятельственных наречий, ибо в современном языке такие наречия не «образуются», в том смысле, как «образуются»,

например, падежные формы существительного. Эти наречия являются единичными случаями отрыва отдельных грамматических форм от соответствующей парадигмы. Если в дальнейшем приводятся некоторые образцы обстоятельственых наречий, то это делается лишь для того, чтобы более наглядно сопоставить русский материал с словацким. В нашем понимании отделов лингвистики эта глава полностью относится к исторической лексикологии.

Процессы, в результате которых та или иная часть речи начинает функционировать как наречие, называются адвербиализацией. Наиболее распространённой разновидностью адвербиализации является отрыв одной из флективных форм от парадигмы и употребление этой формы в качестве обстоятельства. В ряде случаев адвербиализация сопровождается и некоторыми формальными изменениями. Так, например, нем. наречие *nachts* «ночью» имеет окончание *-s*, свойственное только существительным мужского и среднего рода, между тем как соответствующее существительное *die Nacht* «ночь» относится к женскому роду. Но часто наречие своей формой не отличается от соответствующей парадигматической формы. Русское *у́тром*, *ве́чером*, *ле́том*, *весно́ю* формально совпадает с формой творительного падежа единственного числа существительных *у́тро*, *ве́чер*, *ле́то*, *весна́*. Словац. наречие *večer*, *ráno* по форме совпадает с имен.-винит. падежом единственного числа существительных *večer*, *ráno*. Но это совпадение чисто внешнее. Наречие *večer* не является формой именительного или винительного падежа, оно лишено категории рода, оно не может быть определено прилагательным. Следовательно, наречие *večer* и имя существительное *večer* являются в словацком языке омонимами.

В русском языке адвербиализуются формы творительного падежа существительных, обозначающих отрезок времени: *у́тром*, *ве́чером*, *днём*, *но́чью*, *весно́й*, *ле́том*, *о́сенью*, *зимо́й*. Эта адвербиализация, однако, не полная. Можно сказать *ра́но у́тром* »zavčas ráno« (наречие) и *ра́ннim у́тром* (творительный времени).

Очень распространённым в русском языке является приём адвербиализации формы творительного сравнения или образа действия: *е́здить верхо́м*, *межа́ть пласто́м*, *гляде́ть во́лком*, *лете́ть стрело́й*. Словацкий язык больше не знает таких форм, т. к. в словацком языке утрачен творительный сравнения. Окаменелыми формами такого творительного сравнения являются, по-видимому, словацкие наречия *stáť dupkom*, *tiecť cícerkom*.

В русском, как и в словацком языке, имеется значительное число наречий, восходящих к разнообразным предложным сочетаниям. В этих наречиях сохранились старые «именные» формы склонения прилагательных, исчезнувшие, например, в словацком языке полностью, ср. *свысока́*, *сы́змала*, словац. *zvysoka*, *od malička* и т. п.

Типы наречий, восходящих к предложным сочетаниям, в русском и словацком языках почти полностью совпадают, ср. *потихóньку* »potichučky«, *дóбела* »do biela«, *напрáво* »napravo«, *свéрху* »zhora«, *позадú* »pozadu«.

Своеобразную и в словацком языке не представленную серию наречий составляют слова, восходящие к сочетанию предлога *в* с формой винительного падежа единств. числа женского имени прилагательного: *подойтú вплотнýю* »tesne sa priblížiť«, *заня́ться вплотнýю* »poriadne sa pustiť do niečoho«, *вслепýю* »naslepo«, *вничью́* »nerozhodne«.

На фоне словацкого материала выделяется также серия наречий, восходящих к сочетанию предлогов *в* или *с* с формами множественного числа существительных, утраченных в самостоятельном виде в современном русском языке: *второпя́х* »v náhlosti« (существительного «второпи» в русском языке нет), *впопыха́х* »v rýchlosti« (существительного «попыхи» нет), *впотёмках*, *спросóнок* »v rozospanosti« (существительного «просонки» нет).

Многие наречия имеют весьма ограниченную сферу действия и встречаются почти исключительно в устойчивых сочетаниях: *отказа́ть наотрéз* »kategoricky zamietnuť«, *надéть ша́пку набекрéнь* »nasadiť si čiapku na ucho«, *убúть наповáл* »zabiť na mieste«, *всю ночь напролёт* »od mrku do svitu«, *разбúть вдрéбезги* »rozbiť na márne kúsky« и некоторые другие. Ср. словацкое *utekať ozlomkrky* «бежáть сломя́ гóлову», *prísť navnivoč* «погúбнуть, разорúться», *priviesť navnivoč* «погубúть, разорúть» и т. п.

Словообразовательные приёмы, связанные с процессами адвербиализации, не поддаются обобщению. Ведь обстоятельственные наречия не «образуются» (как формы парадигмы), [а] «возникают» исторически, как самостоятельные слова. Нельзя предвидеть, какое слово или какая форма (существительного, глагола, прилагательного и т. д.) перейдёт в обстоятельственное наречие. Неудивительно, поэтому, что отдельные славянские языки прибегают к таким приёмам адвербиализации, которые неизвестны в других славянских языках. Приведём в качестве примера серию наречий в словенском языке, исторически восходящих к форме творительного падежа двойственного числа, напр. *nenadoma* «случайно, náhodou«, *popolnoma* «совершенно, úplne», *pisati zdržema* «писать слитно», *oziroma* »respektíve« и др. В словацком языке обращает на себя внимание серия наречий на *-mo: koňmo* «верхóм», *vozmo* «на возý», *kradmo* «укрáдкой», *kolmo* «вертикáльно», *šikmo* «кóсо» и др. Суффикс *-mo* широко использован в чешской гимнастической терминологии, откуда он перешёл в словацкий язык: *ležmo* «лёжа», *drepmo* «на кóрточках» и т. д. Этимологически этот суффикс несомненно связан с русским суффиксом *-мя* в таких наречиях, как *плашмя́* »naplocho« (ср. *удáрить плашмя́* »udrieť plochou stranou«), *кишмя́ кишéть* »hemžiť sa, hmýriť sa« (устойчивое сочетание), *стоймя́* »stojačky«. Любопытно, что

в словацком языке, на основании наречий *kolmo* «вертикально», *šikmo* «косо», возникли вторичные качественно-оценочные прилагательные *kolmý*, *šikmý* — редкий случай образования качественно-оценочных прилагательных от наречий.

В русском языке не представлены суффиксы, при помощи которых в словацком языке возникли отглагольные обстоятельственные наречия типа *idúcky* «на ходу́; по доро́ге», *stojačky* «сто́я», *posediačky* «си́дя», *kolenačky* «на коле́нях», *mlčky* «мо́лча» и др.

Некоторые приёмы адвербиализации

Несмотря на непродуктивность формальных способов «образования» обстоятельственных наречий, этот разряд наречий в современных славянских языках постоянно обогащается. В разряд обстоятельственных наречий вовлекаются всё новые слова и даже целые обороты.

Существование в современном русском языке творительного сравнения («упасть *ка́мнем*» »padnúť ako kameň«) и творительного образа действия («стоять *лицо́м* к чему-нибудь») создаёт предпосылки для перехода форм творительного падежа в наречия. В процессе отрыва формы творительного падежа от парадигмы возникли такие наречия, как *е́хать ша́гом*, *е́хать ры́сью* »ísť klusom«, *бежа́ть бего́м*, *жить ба́рином* »žiť si po pansky« и др. Однако адвербиализация этих форм в русском языке ещё не полная, т. к. можно сказать *идти́ ме́дленным ша́гом*, *е́хать ле́гкой ры́сью*, *говори́ть ти́хим ше́потом*. В словацком языке, где творительный падеж не имеет названных функций, такие формы как *šeptom*, *cestou* являются, по-видимому, вполне адвербиализированными: нельзя сказать *hovoriť tichým šeptom* и т. п. С другой стороны, форма *náhodou* «случайно», по-видимому, ещё не вполне адвербиализировалась, ибо можно сказать *čírou náhodou*, *veľkou náhodou*.

Другим источником пополнения разряда обстоятельственных наречий являются сочетания имени существительного с предлогом. Естественно, что среди таких сочетаний существительного с предлогом легче всего переходят в наречия сочетания с переносом ударения на предлог типа *на́ ночь*, *по́д вечер*, *со́ смеху*. Эти сочетания, связанные одним общим ударением, не допускают вставки определительного слова между предлогом и существительным: нельзя сказать *под э́тот ве́чер*, как в словацком языке нельзя в выражении *nad ránom* вставить определительное слово, напр. *nad týmto ránom*. Перенос ударения на предлог часто является, с точки зрения современного русского языка, формальным показателем, которым отличается адвербиализованный оборот от объектного сочетания, ср. «брать рабо́ту *на́ дом*» »domov« (наречие) — «смотре́ть *на до́м*» (объект), «испу-

га́ться *до́ смерти*» »na smrť« (наречие) — «он *до сме́рти* жил в деревне» »do smrti«. См. также стр. 134.

В разряд наречий переходят также фразеологические сочетания типа *и́з году в год, изо дня́ в день, нога́ в но́гу (идти́)* »držať krok«, *сло́во в сло́во* »doslovne«, *кре́ст-на́крест*, ср. словац. *zo dňa na deň, od buka do buka, krížom-krážom*, а также многочисленные адвербиальные выражения: *то́ и де́ло* »ustavične«, *того́ и гляди́*; *ни с того́ ни с сего́* »z ničoho nič«, *не на шу́тку (испуга́ться)* »vážne sa zľaknúť«, *из рук вон (пло́хо)* »vonkoncom (zle)«; *ни свет ни заря́ (встать)* »vstať pred svitaním«, *(упи́сывать, уплета́ть) за о́бе щеки́* »s chuťou si ujedať« и мн. др.

В состав адвербиальных выражений перешли и многочисленные сочетания с деепричастием: *бежа́ть сломя́ го́лову* »bežať ozlomkrky«, *рабо́тать спустя́ рукава́* »robiť ledabolo« и т. п.

Могут ли наречия употребляться в функции сказуемого?

Вопрос о синтаксическом характере наречий теснейшим образом связан с вопросом, могут ли наречия выступать в предложении в функции сказуемого. Мы уже указывали на то, что с синтаксической точки зрения определительные наречия типа *ве́село смея́ться* и обстоятельственные наречия типа *вчера́ мы были в музе́е* неоднородны. Определительные наречия не являются членом предложения, а входят в определительные синтагмы, принципиально тождественные с определительными синтагмами типа *весёлый смех*. В рамках определительной синтагмы эти наречия выражают признак глагола, прилагательного или другого наречия. Обстоятельственные наречия не входят с другими словами в синтагматическую связь и функционируют в предложении в качестве особого члена — обстоятельства (príslovkové určenie).

В русском языке имеются случаи, когда слова, внешне тождественные с определительными наречиями, могут выступать в предложении в предикативной функции. Имеем в виду такие безличные предложения, как *мне тепло́, мне бо́льно, мне ску́чно* и т. п. Слова *тепло́, бо́льно, ску́чно* могут быть осмысленны как краткие формы имени прилагательного среднего рода. На этой точке зрения стоят авторы книги «Русский язык» Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров.[1] Современная лингвистическая теория рассматривает эти слова как особую грамматическую категорию, омонимную с наречиями, но отличающуюся от них своей предикативной функцией. Эту особую грамматическую категорию, особую «часть речи», названную акад. Л. В. Щербой «категорией состояния», мы будем условно называть «пре-

[1] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров: Русский язык, 1935, стр. 68.

дикативами» (см. ниже). Смотря по синтаксической функции, следует различать определительные наречия *тепло́ одева́ться*, *бо́льно уда́риться*, *ску́чно напи́санный рома́н* и предикативы *мне тепло́*, *мне бо́льно*, *там бы́ло ску́чно*. У слов типа *тепло́*, *бо́льно*, *ску́чно* следует принципиально различать две синтаксические функции: определительную и предикативную.

С другой стороны, на основании традиционного синтаксического разбора, обстоятельственные наречия типа *до́ма*, выступающие в предложениях как *оте́ц был до́ма*, следует признать сказуемым. Акад. А. А. Шахматов посвящает в своем «Синтаксисе» несколько параграфов разбору предложений, в которых сказуемым является, по его мнению, наречие.[1] Такое толкование синтаксической функции наречия в предложении *оте́ц был до́ма* построено на предположении, что форма глагола *быть* является в данном случае связкой, а сочетание *был до́ма* — сказуемостным составом. Нетрудно, однако, заметить, что слово *был* в приведённом примере не является связкой. Ведь связка лишена какого бы то ни было вещественного значения, её единственной синтаксической функцией является осуществление предикации, ср. *оте́ц был рабо́чим*, *оте́ц был бо́лен*. С формальной точки зрения связка лишена в русском языке видовых оттенков, что объясняется её семантической «опустошённостью». В данном же случае глагол *был* имеет своё, хотя и очень отвлечённое, значение. Вместо *оте́ц был до́ма* можно сказать *оте́ц находи́лся до́ма*. Такое значение глагола *быть* мы называем «бытийным». Глагол *быть*, употребляющийся в этом значении (синоним: «находиться»), ни по своему значению, ни по своей синтаксической функции, ни, наконец, по своей форме не совпадает полностью со связкой *быть* (синоним: «являться»). Глагол *быть*, выступающий в качестве «бытийного» глагола, в отличие от связки может выражать видовые оттенки, ср. «оте́ц *про́был* до́ма не́сколько ча́сов, но пото́м ушёл». Более того: глагол *быть*, выступающий в «бытийном» значении, допускает образование отрицательной формы, отличной от образования отрицательной формы связки. Отрицательная форма предложения *оте́ц был до́ма* может звучать *оте́ц не́ был до́ма*, но возможен и вариант *отца́ не́ было до́ма*. Подобная конструкция отрицательного предложения невозможна, если в нём имеется связка. Предложения *оте́ц был рабо́чим*, *оте́ц был бо́лен* имеют только одну отрицательную форму: *оте́ц не́ был рабо́чим*, *оте́ц не́ был бо́лен*.[2] Если же

---

[1] А. А. Шахматов: Синтаксис современного русского языка, Ленинград 1925, напр. §§ 136, 137, 247, 253, 262, 281.

[2] Совершенно аналогичные отношения имеем и в словацком языке: *otec je robotníkom — otec nie je robotníkom*, где форма *je* является чистой связкой, и *v rieke sú ryby — v rieke niet rýb*, где слово *sú* имеет «бытийное» значение.

в предложении *отéц был дóма* глагол *был* выполняет функцию сказуемого, то обстоятельственное наречие *дóма* не может быть ничем иным, как обстоятельством (príslovkové určenie). На это же самое указывают школьные вопросы: *отéц был где?* Следовательно, нам придётся признать, что обстоятельственные наречия типа *дóма* не могут выступать в предложении в качестве сказуемого.

Точно так же следует рассматривать предложения типа *гóрод был ещё далекó*. Здесь обстоятельственное наречие (отвечающее на вопрос: *гóрод был где?*) является не сказуемым, а обстоятельством, хотя «бытийное» значение глагола *быть* здесь сказывается менее отчётливо. При сопоставлении с такими обстоятельственными оборотами, как *гóрод был в двух километрах*, *гóрод был в двух шагáх*, *гóрод был не за горáми* особенно выпукло выступает обстоятельственный характер наречия *далекó*. Наконец, достаточно сопоставить предложение *гóрод был далёк* и *гóрод был далекó*, чтобы убедиться в том, что в первом случае налицо предикат, во втором — обстоятельство. Из сказанного заключаем, что обстоятельственные наречия не могут выступать в качестве сказуемого.

В русском и словацком языках имеется ряд слов, обычно относимых к обстоятельственным наречиям, но никогда не выступающих в качестве обстоятельства. Это такие слова, которые употребляются только в предикативной функции со связкой *быть* и без неё: *(быть) навеселé* »byť podnapitý«, *(быть) в состоянии* »byť schopný«, *(быть) налицó*, *(быть) не в дýхе* »mať zlú náladu«, разговорное *(быть) в удáре* »byť dobre disponovaný«, ср. словац. *byť zajedno s niekým*, *byť na dosah ruky*. Эти слова и сочетания не могут быть определением к глаголу, прилагательному или другому сказуемому, но они не могут быть и обстоятельством в предложении. Следовательно, они не подпадают ни под одно из возможных определений наречия. Их единственной синтаксической функцией является функция сказуемого. При этом они могут выступать либо как простое сказуемое («он был *навеселé*» »bol podnapitý«), либо как приглагольно-сказуемостный именной член (doplnok): *он вернýлся навеселé* »vrátil sa podnapitý«.

В соответствии с нашим пониманием наречий, как слов определительных и обстоятельственных, к приведённому выше определению наречия, как части речи, можно присоединить ещё один синтаксический признак. Этот признак будет, правда, опять отрицательным: определительные и обстоятельственные наречия не выступают в предложении в функции сказуемого.

Количественные и градационные слова

Традиционная грамматика обычно приводит в составе наречий такие слова как *ма́ло*, *мно́го*, с одной стороны, *бчень*, *сли́шком* »príliš«, *чересчу́р* »príliš«, *почти́* »temer, skoro«, *гора́здо* »omnoho«, с другой. Эти слова выделяются в особый разряд под общим названием «количественных наречий».

Нетрудно, однако, заметить, что слова типа *мно́го*, *ма́ло* по своему значению существенно отличаются от слов типа *бчень*, *сли́шком*, *гора́здо*.

Слова типа *мно́го*, *ма́ло* являются автосемантическими словами, обозначающими неопределённое количество чего-либо. С одной стороны, такие слова функционируют наравне с числительными, количественно определяя существительное: *мно́го рабо́ты*, *ма́ло воды́*. С другой стороны, они функционируют наравне с наречиями, количественно определяя, главным образом, глагол: *он мно́го рабо́тает*, *он ма́ло спит*. В сочетании с прилагательным в русском языке обычно происходит универбизация: *малоупотреби́тельный* »málo používaný«, *малоопытный* »málo skúsený«, *маловразуми́тельный* »málo zrozumiteľný«, *малора́звитый* »málo vyvinutý«, *малоизве́стный* и т. п. За этими словами можно сохранить термин «количественное наречие».

Слова типа *бчень*, *сли́шком*, *гора́здо* отличаются по значению от количественных наречий; они ведь не выражают «количество», а только степень признака (напр. *бчень хоро́ший*, *гора́здо дешёвле*) или интенсивность процесса *(он бчень бои́тся, он совсе́м отказа́лся)*. Таким образом, эти слова, в отличие от наречий типа *мно́го*, *ма́ло*, не называют количество, а вносят лишь градуальные оттенки в основное значение тех слов, к которым они относятся. С определительными наречиями их роднит синтаксический признак: они входят в состав определительных синтагм и могут характеризовать глагол, прилагательное или другое наречие, напр. *почти́ не замеча́ет*, *почти́ незаме́тный*, *почти́ незаме́тно*. Но от определительных наречий, соотносительных с именем прилагательным (типа *ве́село смея́ться*), они отличаются тем, что не раскрывают признак процесса или определения, а только указывают степень, градацию этого признака. Предлагаем назвать этот разряд слов «градационными словами». Именно к ним более всего подходит термин О. Есперсена «слова третьего ранга».

Семантическая нагрузка этих слов настолько отвлечённа, что можно сомневаться в том, являются ли они автосемантическими словами. Во всяком случае, наречиями их можно считать только условно. Ещё акад. В. В. Виноградов отметил, что у многих из них развивается своеобразный оттенок модальности, роднящий их с модальными (вводными) словами и частицами.[1]

[1] В. В. Виноградов: Русский язык, стр. 370.

В разговорных стилях к этим словам примыкают слова, носящие эмоционально-оценочный характер. Ярко экспрессивная окраска таких слов, как *стра́шно до́брый, невероя́тно смешно́й, абсолю́тно непра́вильный* и т. п., объясняет постоянное появление в языке новых выражений этого типа и отмирание старых. Градационные слова типа *шика́рно, феномена́льно, колосса́льно, умопомрачи́тельно, сногсшиба́тельно* относятся, по-видимому, к недалёкому прошлому. В современном языке бытуют такие градационные слова как *здо́рово* («здо́рово уда́рить», «здо́рово интере́сный»), *кре́пко* («кре́пко полюби́ть», «кре́пко пове́рить»), в письменных стилях такие слова, как *чрезвыча́йно, необыча́йно, исключи́тельно* («исключи́тельно ре́дко»), *порази́тельно, удиви́тельно, кра́йне* и т. п. По своему значению все эти слова более или менее синонимичны со словом «очень». Такое же разнообразие эмоционально-оценочных градационных слов наблюдается и в современном словацком языке: *strašne ťažký, hrozne bledý, neuveriteľne hlúpy, naprosto nevhodný, úžasne zaujímavý, nadmieru, príšerne drahý, vonkoncom nesprávny.*

На грани между количественными наречиями типа *мно́го, ма́ло* и градационными словами типа *о́чень, гора́здо* стоят слова типа *немно́жко* »trochu, trošku«, *чу́точку* »trošku«, *ка́пельку* »byľku«, *ни ка́пельки* »ani byľku«, функционирующие то как количественные наречия, то как градационные слова, ср. *он немно́жко поспа́л* (количественное наречие) — *он стал немно́жко то́лще* (градационное слово), *чу́точку отдохну́ть* (колич. наречие) — *чу́точку бо́льше* (градационное слово).

Отграничение наречий от других частей речи

Одним из основных препятствий на пути к адэкватному истолкованию грамматической природы категории наречий было, как мы уже указывали, включение в состав этой категории весьма разнородных по своему значению и по своим грамматическим функциям слов. Пестрота, разнокачественность слов, относимых традиционной грамматикой к наречиям, не давала возможности выявить общие черты, присущие этой грамматической категории. В общем разряде «наречий» объединялись, как мы видели, самые разнообразные лексические элементы. Здесь уместно напомнить слова Фридриха Энгельса: «...мысль, если она не делает промахов, может объединить элементы сознания в единство лишь в том случае, если в них или в их реальных прообразах это единство уже *до этого существовало*. От того, что сапожную щётку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими, — от этого у неё ещё не вырастут молочные железы».[1] Но именно так

[1] Фридрих Энгельс: Анти-Дюринг. Госполитиздат. Москва 1950, стр. 40.

поступала и продолжает поступать школьная грамматика. Строго придерживаясь определённого, как бы раз и навсегда данного числа частей речи, она рассматривает категорию наречий как свальное место, на которое отбрасываются все грамматически «беспризорные» слова, не нашедшие себе места в других частях речи. Первым шагом к преодолению этого положения вещей было выделение и теоретическое обоснование новых частей речи. Это обозначало разрыв с грамматической традицией классических языков, это обозначало подведение нового теоретического базиса под современный языковой материал. «Трудность определения частей речи, — пишет проф. Е. М. Галкина-Федорук, — обусловливается, во-первых, и тем, что в давно созданные грамматические категории мы не можем втиснуть категории мысли современного человека, и наоборот, старые, несвойственные нам формы мышления древнего человека мы хотим выразить в категориях современного языка».[1]

Стремление к максимальному соответствию между теорией языка и языковой действительностью требует от нас, однако, решительной операции. Руководствуясь основополагающими указаниями акад. Л. В. Щербы и акад. В. В. Виноградова и развивая их мысли, мы должны будем изъять из категории наречий довольно значительное количество разрядов слов, обыкновенно относимых к этой категории. Разряды слов, включаемых отдельными авторами в категорию наречия и подлежащие исключению из этого класса, сводятся к следующим:

1. Слова-предложения или слова-реплики, выступающие в качестве самостоятельных высказываний и обладающие самостоятельной предикативностью. К этим словам-репликам относятся утвердительные и отрицательные слова *да* и *нет* (относимые, например, Орловским и Аранем к разряду наречий), а также вся богатая шкала слов-реплик, по своему значению стоящих между *да* и *нет*: *несомне́нно* »isteže«, *коне́чно* »pravdaže, samozrejme«, *вря́д ли* »sotva«, *неуже́ли* »naozaj?« и мн. др. Эти слова-реплики частично примыкают к одной из групп междометий (напр. *спаси́бо*, *проща́й*). Во всяком случае эти слова являются законченными и самостоятельными предложениями диалогической речи и никоим образом не подходят под наше определение наречий. К этим словам-репликам примыкают по своей функции такие идиомы, как *то́-то и оно́* »o to práve ide«, *ка́к бы не та́к* »horkýže«, *да ну́?* »ale choď!« и ряд других. Ср.

— Ты думаешь о станках... Но ты совсем не хочешь думать о муже! Валя, ведь я человек...

— Коне́чно... *(Г. Николаева, Жатва.)*

---

[1] Русский язык в школе, 1939, стр. 42.

— Я человек простой, — тихо и обиженно вставил Диомидов.
— И́менно, — согласился Клим.

(М. Горький, Жизнь Клима Самгина.)

Многие из приведённых слов могут при иных обстоятельствах выступать и в других функциях, например, в качестве вводных слов («ты, *коне́чно*, чита́л эту книгу») или в качестве выделительных и отграничительных частиц («почему́ ты чита́ешь *и́менно* э́ту книгу», см. ниже). Такая синтаксическая «поливалентность» неизменяемых частей речи облегчает их переход из одного морфологического разряда («части речи») в другой и создаёт своеобразные «омонимные» ряды.

2. От наречий следует принципиально отграничить все те слова, которые не только не обладают самостоятельной предикативной функцией, но которые лишены также самостоятельного вещественного значения и не могут, следовательно, рассматриваться наравне с автосемантическими словами, к которым относятся наречия. В предложении «Почему́ ты чита́ешь и́менно э́ту книгу?« »Prečo čítaš práve túto knihu?« слово *и́менно* »práve« не выступает в качестве самостоятельного члена (определения). Слово *и́менно* не «определяет» местоимение *э́ту (кни́гу)*, а только выделяет, подчёркивает слово, к которому оно относится. Ср. «Почему́ ты чита́ешь и́менно кни́гу (а не журна́л)?», или «Почему́ ты и́менно чита́ешь (а не рису́ешь)?», или «Почему́ и́менно ты чита́ешь э́ту книгу (а не твой брат)?». Как видно, слово *и́менно* здесь выступает в качестве «своеобразного качественного показателя смыслового веса слова».[1] Слова, «которые служат в речи для выражения различных смысловых оттенков отдельного слова или целого предложения» (Акад. грамм., стр. 639), называются частицами. Поэтому необходимо выделить из категории наречий все слова, по своему значению являющиеся несамостоятельными (синсемантическими), а по своей функции служащие для выделения смысловых оттенков других, автосемантических слов. К таким выделительным и отграничительным частицам относим *то́лько* »len, iba«, *ещё* »ešte«, *да́же* »dokonca«, *исключи́тельно* »výlučne«, *по кра́йней ме́ре* »aspoň«, *как ра́з* »práve«, *и́менно* »práve« и мн. др.

Если сравнить предложение «Он говори́л споко́йно и *про́сто*» с предложением «Он э́того *про́сто* не по́нял», то окажется, что в первом случае мы имеем дело с наречием, соотносительным с прилагательным *просто́й* и выражающим определительное отношение к глаголу *говори́ть*. Во втором же случае слово *про́сто* выражает совсем иное. Слово *про́сто* здесь ни усиливает, ни ослабляет значения всего высказывания, а является как бы до-

---

[1] В. В. Виноградов: Русский язык, стр. 666.

полнительным пояснением говорящего к высказыванию. Возьмём другой пример: «он пошёл *прямо* к выходу» и «это *прямо* непонятно». В первом случае налицо определительное наречие, во втором — усиление значения всего высказывания.[1] Вместе с проф. Е. М. Галкиной-Федорук относим эти слова к разряду отграничительных и выделительных частиц.[2]

3. От наречий следует отграничить слова типа *наоборот*, *однако*, *следовательно*, *итак*, стоящие на грани между наречиями, союзами и модальными словами. При этом следует иметь в виду случаи возможной омонимии: «он делает всё *наоборот*» (наречие) при «он не провалился, а, *наоборот*, отлично сдал экзамен». В словацком языке сюда относятся такие слова, как *naopak*, *predsa*, *teda*, *jednako*, *totiž*.

4. Из состава наречий ещё академиком В. В. Виноградовым были исключены слова, приобретшие в современном языке функцию предлогов, ср. *относительно чего-н.* »ohľadne niečoho, o niečom«, *касательно чего-н.*, *согласно чему-н.* »podľa niečoho«, *сообразно чему-н.* Ср. также *применительно к нашим условиям* »vzhľadom na naše pomery, v našich pomeroch«. Подобные случаи перехода наречий в категорию предлогов имеются и в словацком языке, ср. *ohľadne niečoho*.

5. Из общей массы слов, включаемых традиционной грамматикой в разряд наречий, выделяются слова, не примыкающие ни к глаголу, ни к прилагательному, а стоящие вне членов предложения и придающие всему высказыванию определённую модальную окраску. Имеем в виду слова типа *конечно* »pravda, samozrejme«, *вероятно* »asi, pravdepodobne«, *действительно* »skutočne« и др., употребляемые в таких сочетаниях, как «ты, *конечно*, читал эту книгу», «он, *вероятно*, не придёт», «это, *действительно*, неожиданно». В синтаксическом отношении такие слова стоят вне связи с членами предложения, не «примыкая» ни к одному из данных членов. Семантически они сообщают всему высказыванию, как целому, определённый субъективно-объективный оттенок. В русской научной литературе эти слова получили название модальных или вводных слов. Этот новый класс слов (эта новая «часть речи») фигурирует и в школьных учебниках по русскому языку. В чешской научной литературе вводные слова получили название parenthese или vsuvka.[3] В словацкой теоретической грамматике они рассматриваются по-разному. Проф. Э. Паулини считает слова типа *iste*, *pravda*, *podistým* «односоставными адвербиальными предло-

---

[1] Характерно, что в словацком языке наблюдается тенденция к устранению «омонимии»: drží sa *priamo* «он держится прямо» (наречие) при to je *priam* neuveriteľné «это прямо невероятно» (усилительная частица).

[2] Русский язык в школе, 1939, стр. 45—47.

[3] V. Šmilauer: Novočeská skladba, 1947, str. 397—405.

жениями.»[1] Возражая проф. Э. Паулини, Л. Дюрович правильно подчёркивает, что эти слова являются не «предложениями», а лексическими единицами, особыми словами, за которыми он сохраняет термин modálne slová.[2]

Руководствуясь, по-видимому, требованием «простоты изложения», Э. Йона зачисляет слова типа *reku*, *vraj*, *pravda* в разряд »spôsobových častíc«[3], хотя ни по своей функции, ни по своему значению эти вводные слова ничего общего с частицами не имеют.

К вводным словам относятся слова, являющиеся модальным показателем всего высказывания (тип *конéчно*, *вероя́тно*), вводные слова, выражающие авторство высказывания (тип *дéскать* »vraj, reku«, *я́кобы* »vraj«, *бу́дто бы* »údajne«), слова, выражающие колебание мысли или неуверенность (тип *со́бственно говоря́* »vlastne«, *так сказа́ть* »takrečeno«, словац. *prípadne, respektíve*), слова, выражающие модальное отношение говорящего к самому высказыванию (тип *пожа́луй* »asi«, *авóсь* »azda, dúfajme«) и некоторые другие.

6. В составе обстоятельственных наречий обыкновенно выделяются слова типа *где*, *как*, *куда́*, *сейча́с*, *тепе́рь*, *всегда́*, *ско́лько*, *оттого́* и т. п. Эти слова обыкновенно именуются «местоименными наречиями». Местоименными они называются потому, что этимологически они восходят к местоименным корням *къ-* (*где* из *къ-де*), *тъ-*, *съ-* (*здесь* из *съ-дѣ-сь*), *вьсь-*, *ин-*, *он-* и др. По своей синтаксической функции эти слова являются обстоятельственными, относительными или вопросительными словами. По своей семантике они всецело соответствуют местоимениям не в этимологическом смысле этого слова, а в смысле их функционирования в системе языка. Если к разряду местоимений относятся слова, «которые указывают на предметы и признаки, но не называют их и не определяют их содержания» (Академическая грамматика, стр. 387), то слова типа *где*, *как*, *куда́*, *тепе́рь* и т. д. полностью подходят под это определение. Если обстоятельственные наречия места, напр. *до́ма*, называют признак прямо, то слова типа *где*, *везде́*, *нигде́*, *где́-то*, *где́-нибудь*, *ко́е-где́* и т. п. именно только указывают на признак, не называя его прямо. Традиционная грамматика относит местоимения к общему отделу «имён», но мы уже знаем, что «именем», в строгом понимании этого термина, является только имя существительное и имя прилагательное. Общей и основной особенностью местоимения является его семантическая несамостоятельность, его способность «замещать» другие слова (ср. термин «место-имение», лат. pro-nomen, словац. zá-meno).

---

[1] E. Pauliny: Systém slovenského spisovného jazyka. II. časť. Cyklostylované vydanie. Bratislava 1947, str. 109.

[2] L. Ďurovič: Jazykovedný sborník IV, 129.

[3] Eugen Jóna: Slovenská reč XVII, 1951—52, 236.

Если это так, то нет никаких оснований отделять слова типа *кто* и *како́й* от слов типа *как*, *куда́* или *где*, слова типа *весь*, *вся́кий* от слов типа *всю́ду*, *всегда́* и т. д. Другими словами: вместо того, чтобы включать слова типа *как*, *где*, *куда́* по синтаксическому признаку в разряд «местоименных» наречий, мы предпочитаем отнести их по семантическому признаку к разряду адвербиальных местоимений. Отрыв «местоименных наречий» от местоимений влечёт за собой и некоторые практические затруднения: приходится говорить о «неопределённых» словах типа *кто́-то* — *како́й-то* — *чей-то*, *кто́-нибудь* — *како́й-нибудь* — *чей-нибудь*, *кое-кто́* — *кое-како́й* и т. д. в отделе местоимений, а о словах типа *ка́к-то*, *ка́к-нибудь*, *кое-ка́к* в отделе наречий, причём семантика этих двух серий слов и их функционирование в языке абсолютно тождественны. Совершенно очевидно, что слова типа *кто́-то* — *како́й-то* — *чей-то* — *ка́к-то* — *куда́-то* — *где́-то* — *отку́да-то* и т. д. составляют одну серию, объединяемую общим семантическим признаком, свойственным именно местоимениям. Вот почему из слов, включаемых традиционной грамматикой в состав наречий, считаем возможным исключить адвербиальные местоимения типа *где*, *когда́*, *почему́*, *ско́лько* и т. п.

7. В составе наречий фигурируют в традиционных грамматиках слова типа *вдвое*, *вдвоём*, *по-одному́*, *на́двое*, *два́жды*. Академическая грамматика относит их к разряду «количественных наречий» (стр. 607). Таким образом эти слова, имеющие определённо-числовую семантику, попадают в общий разряд с градационными словами типа *о́чень*, *совсе́м* и даже *сли́шком*, *приблизи́тельно*, лишёнными такой числовой семантики.

Разряд числительных сформировался исключительно на основании их специфической семантики. Если в составе числительных могут фигурировать такие слова, как *ты́сяча* или *миллио́н*, сохраняющие некоторые признаки существительного, наряду со словами *пе́рвый*, *второ́й*, *тре́тий*, имеющими морфологические признаки имени прилагательного, т. е. если в состав числительных входят слова не по формальному, а только по семантическому признаку, то нет оснований исключать из состава числительных слова *вдвое*, *по-одному́*, *два́жды*, *вдвоём*, охарактеризованные той же специфической семантикой, как и числительные *два*, *второ́й*. Поэтому эти слова мы относим к числительным.

8. Традиционная грамматика долгое время трактовала слова типа *хо́лодно*, *гру́стно*, *темно́*, *ску́чно*, выступающие в безличных предложениях типа *мне хо́лодно*, *здесь темно́*, а также слова типа *на́до*, *ну́жно*, *нельзя́*, *мо́жно* в разряде наречий. Эта группа слов была выделена акад. Л. В. Щербой в особую лексическую группу («часть речи») под условным названием «категории состояния». Слова типа *темно́* или *на́до* не являются ни определением, ни обстоятельством, следовательно, не подходят под наше

определение наречий. Они функционируют исключительно в качестве сказуемого (предиката). Поэтому считаем возможным назвать их предикативами.[1]

Следует различать предикативы, выражающие состояние природы *(хóлодно, тумáнно)*, чувства, переживаемые человеком *(мне грýстно)*, и предикативы, выражающие модальность, напр. *нáдо, нельзя́, мóжно, необходúмо* и т. п. Эти последние назовём модальными предикативами. Они соответствуют словацким предикативам *treba, slobodno, možno* и модальным глаголам словацкого языка *(musím, mám, smiem, potrebujem, dá sa)*, а также модальным глаголам германских языков, нем. *müssen, können, sollen, mögen, dürfen*, англ. *I can, I should, I may, I ought to.* В связи с весьма неопределённым и расплывчатым содержанием термина »doplnok«, эти слова относились некоторыми авторами к наречиям, употребляющимся в качестве приглагольно-именного члена (»doplnku«).[2] Надо было сперва теоретически обосновать существование связки в словацком языке, чтобы доказать, что слова типа *ľúto, treba* являются предикативами, а не «доплнком».[3] В настоящее время вопрос предикативов (в том числе и модальных) в словацком языке достаточно разработан и обоснован Л. Дюровичем.[4]

В школьной практике предлагается назвать эти слова «предикативными наречиями» или «наречиями-предложениями» (»vetné príslovky«).[5]

Так как в русском и словацком языках разряд предикативов объединяет не только слова, внешне схожие с наречиями, но и целый ряд других слов и выражений, необходимо будет выделить эту лексическую группу в особую главу и попытаться дать сопоставительный анализ предикативов в русском и словацком языках.

---

[1] Академическая грамматика называет их «предикативными наречиями» или «категорией состояния», но включает их в разряд наречий (стр. 632).

[2] Напр. в грамматике Й. Орловского и Л. Араня, стр. 171.

[3] A. V. Isačenko: K teórii dvojčlennej vety v slovenčine, Slovo a tvar II, 1948, 65—74.

[4] Jazykovedný sborník IV, str. 125—129.

[5] E. Jóna: Slovenská reč XVII, str. 236.

ПРЕДИКАТИВЫ

(«Категория состояния»)

Предикативы как особая часть речи

Со времён А. Х. Востокова русские грамматисты выделяют в особый класс слова типа *мóжно, дóлжно, жаль* и т. п. Эти слова, по своей внешней форме обычно совпадающие либо с краткими формами имён прилагательных среднего рода или с наречиями *(мóжно, дóлжно)*, либо с существительными *(лень, порá)*, обнаруживают в русском языке целый ряд признаков, сближающих их с глаголом. Прежде всего это проявляется в их синтаксическом употреблении: они фигурируют исключительно в функции сказуемого, т. е. как раз в той функции, которая является основной синтаксической функцией глагола, ср. *мне мóжно прийтú, емý порá домóй*. Далее, слова указанного типа образуют аналитические формы времени: *мне мóжно было прийтú, емý порá было домóй*. Некоторые из этих слов могут, как переходные глаголы, управлять винительным падежом, т. е. иметь при себе прямой объект: *мне жаль эту дéвочку*, разг. *для этого нáдо дéсять рублéй*. Эта черта опять-таки сближает слова разбираемого типа с глаголом. Семантически эти слова выражают либо необходимость *(нáдо, нýжно, дóлжно, необходúмо)*, возможность *(мóжно, нельзя́)*, намерение *(я намéрен, я непрóчь)*, т. е. являются выразителями модальных отношений, либо они выражают какое-либо физическое, психическое или атмосферическое состояние *(мне бóльно, мне смешнó, здесь хóлодно)*. Как известно, состояние может выражаться также глаголом, но в отличие от глагольного выражения состояния (*я лежý, в далú белéлись домá*, где состояние выражается в категориях процессуальности) данная группа слов выражает состояние как некий признак, лишённый значения процессуальности, но мыслимый нами во времени. На основании именно этого последнего семантического признака акад. Л. В. Щерба и назвал данную группу слов, правда, с некоторыми оговорками[1] — «категорией состояния». Этот термин

[1] Акад. Л. В. Щерба писал: «Может быть, мы имеем здесь дело о особой категорией состояния» (разрядка моя, *А. И.*). Ср. «О частях речи в русском языке». Литографированное издание, Прага, 1949, стр. 13.

широко применяется в советской лингвистической литературе и не было бы, конечно, никакой надобности заменять его другим, если бы сам термин «грамматическая категория» не был многозначен. К тому же термин «категория состояния» исходит прежде всего из семантического признака данного ряда слов, причём слова типа *мóжно*, *нáдо*, *нельзя́*, а также такие слова как *порá* только с известной натяжкой подводятся под общее значение «состояния». Предлагаемый же здесь условный термин «предикатив» выявляет прежде всего грамматическую (синтаксическую) природу, свойственную данной группе слов в целом. Термин «предикатив» начинает также прививаться в словацкой специальной литературе.[1]

Близость русских предикативов к глаголу вскрывается с особой наглядностью в сопоставительном плане. Целому ряду русских предикативов в словацком языке соответствуют глаголы:

мне нельзя́ курúть — nesmiem fajčiť
мне нáдо было бы поéхать в Прáгу — mal by som ísť do Prahy
мóжно войтú? — smiem vojsť?
мне стúдно — hanbím sa и т. п.

В германских языках русским предикативам с модальным значением *мóжно*, *нáдо*, *нýжно* отвечают модальные глаголы типа нем. *dürfen*, *können*, *sollen*, *müssen*, *mögen* или *brauchen*[2], англ. *I can*, *I may*, *I must*, *I should*, *I shall* с инфинитивом, а также сочетания *I ought to*, *I have to*, *I am to do something*.

Семантическая и синтаксическая близость предикативов к глаголам в русском языке объективно сказывается и в том, что многие представители русского языка, не обременённые лингвистическими теориями, воспринимают предикативы именно как глаголы. Описывая душевное состояние защитников Сталинграда, Илья Эренбург пишет в «Буре»: «Из всех *глаго́лов* оста́лся то́лько оди́н: до́лжен». Такое же отожествление предикативов с глаголами имеем ещё у Д. И. Фонвизина в его сатирической «Всеобщей придворной грамматике», написанной в конце 1770-х или в 1780-х годах. Там мы читаем:

---

[1] Известным недостатком данного термина является его «синтаксичность», ибо в качестве основного признака морфологической категории (высшего порядка, т. е. «части речи») выдвигается её синтаксическая функция. Сам термин «предикатив» употребляется применительно к западоевропейским языкам для обозначения приглагольно-именного сказуемостного члена, так наз. doplnku (напр. у О. Есперсена).

[2] Ср. du darfst kommen, du mußt antworten, при du brauchst dich nicht *zu* sorgen.

О Глаголах

Вопр. Какой глагол спрягается чаще всех и в каком времени?

Отв. Как у двора, так и в столице никто без долгу не живёт, для чего чаще всех спрягается глагол: *быть должным.* (Для примера прилагается здесь спряжение *настоящего времени*, чаще всех употребительного):

Настоящее:

Я должен	Мы должны
Ты должен	Вы должны
Он должен	Они должны

Историческая справка. Уже в старославянском языке намечается небольшой круг слов, выступающих исключительно в качестве сказуемого (со связкой и без нее). Это, в первую очередь, модальные предикативы типа лѣть нѣстъ «нельзя, лат. non libet», льзѣ «можно», нѣстъ льзѣ «нельзя», неволѣ естъ «необходимо», годѣ естъ. Ср. «нѣстъ ми лѣть сътворити... еже хощѫ» (Мар.), «неволѣ бо естъ прити сканьдаломъ» (Мар.), «Естъ ли годѣ игоуменъ и братриѣ всѣ?» (Синайский требник). К предикативам можно отнести в старославянском языке также формы сравнительной степени типа оуне или оунѣе «лучше», выступающие только в качестве сказуемого, ср. «оуне естъ намъ да единъ члвкъ оумретъ за люди» (Мар.).

В древнерусском языке число предикативов значительно возрастает, обогащаясь новыми типами. В первую очередь следует отметить многочисленные предикативы, обозначающие модальность допущения, необходимости или возможности, типа льзѣ, нельзѣ, надобе, неволѣ «необходимо», трѣбѣ и др. Ср. «не лзѣ рчи» (Русская Правда по Троицк. сп.), «задниця еи мужня не надобе» (там же), «и неволя быть выдати я» (Лавр. 1097). В функции модального предикатива употреблялось также выражение не веремя в значении «не следует, не годится», ср. «Не веремя ныне погубити смерды от рольи» (Ип. 1111).

Наряду с модальными предикативами в древнерусском языке употребляются предикативы типа жаль, бѣда, ср. «жаль ми своея отцины» (I Новг. лет.), «жаль бо ему мила брата Всеволода» (Слово о полку Игореве). Эти предикативы употребляются без связки.

В безличных конструкциях появляются предикативы типа любо, нелюбо, лѣпо, дивно, угодно, борзо, тяжко, зло, гобино, достоино, чюдно, лютѣ и др. Эти предикативы употребляются преимущественно без связки, ср. «Аче не любо ти, то ворочюся дому моему» (Ип. 1110), «негодно нынѣ весньѣ ити, хочем погубити смерды и ролью их» (Лавр. 1103), «лютѣ бо граду тому, в нем же князь уи» (Лавр. 1015), «понеже не борзо обрѣсти добры мены» (Моление Даниила Зат. по Акад. сп.), «да аще истребивѣ сих, будет гобино» (Лавр. 1071), «Дивно ли, оже мужь умерл в полку ти?» (Лавр. 1096), «невѣдомо, камо ю дѣша» (I Новг. лет.) и т. д. В специальных исследованиях по истории русского языка неоднократно отмечалось, что с наличием предикативов («категории состояния») следует считаться уже в древнерусском языке. Проф. В. И. Борковский писал: «По-видимому, уже в древнейших русских памятниках любо по своим синтаксическим функциям — слово категории состояния» (Синтаксис древнерусских грамот, 1949, стр. 71).

В древнерусском языке имеются также предикативы, выступающие в личных предложениях. По своей форме они тождественны с краткими формами прилагательных. Сюда следует отнести слова типа рад, готов, жив, прав, виноват, противен,

недуж и др. Ср. «Кто сему не рад?.» (Лавр 1024), «И рече Святополк: Се из готов уже» (Лавр. 1103), «аз им противен всѣм» (Лавр. 1078), «Бирель правъ, а Арманович виновать» (Правая грамота 1284 г.), «мы недужи противу вам стати» (Лавр. 971) и т. д. Эти предикативы встречаются преимущественно без связки.

Из приведённых примеров видно, что предикативы, как особый лексико-грамматический класс, складывались еще в древнерусском языке и что, следовательно, о них не приходится говорить как о категории, «которая появляется довольно поздно» (ср. Е. М. Федорук; журнал Русский язык в школе, 1939, стр. 43). Развитие предикативов, как самостоятельной части речи, легко прослеживается на протяжении всей истории русского языка. Меняется наличный состав предикативов. В современном языке уже не существуют предикативы типа льзѣ, неволѣ, гобино и т. п. С другой стороны, в древнерусском языке еще нет предикативов типа можно, нужно, пора, досуг. Предикатив нужно появляется, по-видимому, лишь в XVII в., но первоначально в значении «тяжко, грустно», ср. «нужно было гораздо» (в житьи Аввакума), «ныне пора домои» — »Tempus jam domum repetendi«, (в грамматике Лудольфа 1696 г.), «не досуг мне было» — »Non vocabat mihi« (там же). История предикативов в русском языке, теснейшим образом связанная с судьбами глагола *быть*, заслуживает подробного и внимательного изучения.

В отдельных славянских языках предикативы сформировались в особую часть речи, не будучи охарактеризованными особыми формальными (морфологическими) показателями. Довольно многочисленная и разнородная по своему составу, эта группа объединяет прежде всего такие слова, которые встречаются исключительно в функции сказуемого, оторвались от своих основных парадигм и приобрели особые формы времени. В составе предикативов оказываются слова, выделившиеся из разряда имён существительных (ср. *жаль* »ľúto«, при словацком существительном *žiaľ* «скорбь»); *нельзя́*, чеш. *lze*, восходящее к тому же корню, как существительное *по-льза*); *лень* (в выражении *мне лень перепи́сывать всю страни́цу* »ťaží sa mi prepisovať celú stranu«), *пора́* »je načase« и т. п. К предикативам отошли оторвавшиеся от парадигмы краткие формы имён прилагательных, напр. *должно отме́тить* »treba poznamenať«, не соотносительное с полной формой *должный* в значении »náležitý, patričný« *(отнести́сь к чему-либо с должным внима́нием)*, многие наречия типа *не́зачем*, *невдомёк*, инфинитивы типа *о нём ничего́ не слыха́ть* и т. д. Разряд предикативов в русском языке постоянно пополняется не только за счёт кратких форм прилагательных, но и за счёт цельных фразеологических оборотов, ср. *мне неохо́та туда́ ходи́ть* »nechce sa mi«, *нели́шне бу́дет отме́тить* »nebude od veci poznamenať«, *он сего́дня не в ду́хе* »dnes nemá náladu« и т. п.

Точно так же и в других славянских языках предикативы не представляют собою формально остро очерченного класса слов. В словенском языке имеется ряд слов, употребляющихся исключительно в функции сказуемого, как напр. *treba* «надо», *všeč* «по вкусу» в выражениях типа *knjiga mi ni všeč* «книга мне не нравится», *lahkô* в выражениях типа *lahkô pridem* «я могу

прийти», разг. *žiher* в том же значении, ср. *žiher mi prinesete knjigo* «вы можете мне принести книгу», *res* в значении «правда» (*res je, da ga nisem videl* «правда, что я его не видел») и т. п. При всей своей внешней разнородности, приведённые слова объединяются общей синтактико-семантической чертой, позволяющей нам выделить их в особую, пусть немногочисленную, группу предикативов.[1]

В чешском языке к предикативам следует отнести такие слова, как *lze* «можно», *nelze* «нельзя», *nutno* «необходимо», *jsem s to* «я в состоянии, я способен» и др. За пределами славянских языков предикативы намечаются, по-видимому, в венгерском языке, где имеются формы типа *kell* «надо», *lehet* «можно», *nem szabad* «нельзя».[2] ср. словац. *neslobodno*. Предикативы имеются и в романских языках, ср. итал. *bisogna* «надо» и т. п.

Традиционная словацкая грамматика не поднимала вопроса о предикативах, как об особой части речи. Односторонняя установка на форму приводила к тому, что слова типа *vidno*, *možno* рассматривались в одном плане с прилагательными типа *dlžen*, *hoden*, *vinen*, *rád* и даже с местоимениями *žiaden* и *sám*. Именно такую трактовку предикативов *vidno*, *možno* находим в грамматике Орловского-Араня.[3] Авторы сочли возможным объединить совершенно разнородные явления на основании того, что во всех случаях налицо «краткое окончание». Авторы утверждают, что все приведённые слова (рассматриваемые ими как имена прилагательные!), выступают только в функции приглагольного именного сказуемого (doplnku), совершенно не замечая, что в отношении местоимений типа *žiaden* это ни в какой степени не соответствует действительности.

Грамматика Б. Летца трактует о словах типа *možno*, *vidno* в отделе имён прилагательных, причём вопрос синтаксической функции этих слов в ней даже не затрагивается.[4]

Но ведь еще Само Цамбель указал на существование особого типа слов, употребляющихся в безличных предложениях. К этим словам он относил *tma (bolo tma)*, *zima*, *radosť (radosť bolo vidieť)*, *hanba (hanba bolo)*.[5]

Вопрос о предикативах в современном словацком языке был поднят

---

[1] Словенская традиционная грамматика не выделяет эти слова в особую группу. — Слово *res* имеет, кроме того, ещё и другие функции.

[2] Обращает внимание употребление этих слов с инфинитивом (*nem szabad írni* «нельзя писать») или же с особой спрягаемой формой (*nem szabad írnom, írnod...* «мне, тебе нельзя писать»).

[3] Ср. Dr. J. Orlovský—Dr. L. Arany: Gramatika jazyka slovenského, Bratislava 1947, 171.

[4] Ср. Belo Letz: Gramatika slovenského jazyka, Bratislava 1950, 284—285.

[5] S. Czambel: Rukoväť spisovnej reči slovenskej, T. Sv. Martin 1919, 206.

автором этих строк в лекциях по русскому языку, читанных в 1946/47 гг.[1] К предикативам были отнесены слова типа *treba*, *neslobodno*, *načim*, *vidno*, *hodno* «стóбит» (*hodno o tom uvažovať* — «стóбит об этом подумать»), *tma (bolo tma)*, *zima (bolo zima)*, *škoda (bolo škoda)*, *dusno*, *ľúto* и др.

Нельзя не заметить, что у предикативов, генетически восходящих к именам существительным, отнесённость к разряду предикативов осуществляется непоследовательно. Наряду с формами *bolo zima* «было холодно», *je veľmi škoda* «очень жаль», где утрачены категории имени существительного (напр. грамматический род), в словацком языке допустимы параллельные формы типа *bola veľká zima*, *je veľká škoda*, где категория грамматического рода ещё полностью ощущается. На отрыв от парадигмы существительного указывает, с другой стороны, возможность образования формы сравнительной степени от предикатива *je zima* «холодно», ср. *dnes je zimšie* «сегодня холоднее». Естественно, что от имени существительного формы сравнительной степени не образуются.

Близость предикативов к глаголам проявляется также в том, что в ряде языков существуют «оглаголенные» формы типа сербохорватского *требало је* «надо было», ср. в словацких диалектах *trebalo*, итал. *bisognava* «надо было». Предикатив здесь приобретает глагольный показатель времени: *-lo*, итал. *-va* (окончание имперфекта).

Вопрос о предикативах в словацком языке был далее разработан и теоретически обоснован Л. Дюровичем в его исследовании, посвящённом неизменяемым словам в словацком языке.[2] На богатом материале Л. Дюрович показал самостоятельную грамматическую природу словацких предикативов, отметив при этом, что этот разряд слов ещё не вполне конституировался.

Модальные предикативы

Из общей массы предикативов выделяются в русском и в словацком языках предикативы, выражающие модальные отношения, т. е. возможность, долженствование, необходимость и т. п. Выражение такого рода модальных отношений осуществляется по языкам разнообразными грамматическими средствами. Так, в русском языке, наряду с модальными предикативами типа *нáдо*, *мóжно*, *нельзя́*, выступающими либо в безличных конструкциях *(нáдо поторопи́ться)*, либо в сочетании с дательным лица

[1] См. литографированный курс А. В. Исаченко: Части речи в русском языке, Братислава 1946/47.

[2] Ср. Ľ. Ďurovič: K otázke neohybných čiastok reči v slovenčine, Jazykovedný sborník IV, 1950, 113.

(мне на́до с ним поговори́ть), модальные отношения могут выражаться личными формами модальных глаголов *я хочу́*, *я могу́*, формами возвратных глаголов *(мне хо́чется)*, а также формами предикативов, согласуемых в роде и числе с подлежащим в сочетании с личными местоимениями: *я до́лжен*, *я наме́рен* и т. п.

В словацком языке, как было уже указано, преобладают в данном случае глагольные выражения модальности: *musím*, *mám*, *smiem*, *hodlám*, *mienim*, *potrebujem*. Наряду с личными формами имеются формы безличные (обыкновенно возвратные), не имеющие параллели в русском языке: *nemôže sa povedať* «нельзя́ сказа́ть», *nesmie sa fajčiť* «нельзя́ кури́ть», *za takýchto podmienok sa nedá pracovať* «при таких усло́виях невозмо́жно рабо́тать», *nemá sa chodiť neskoro* «не сле́дует опа́здывать» и т. п. Наряду с приведёнными формами в словацком языке имеются особые модальные предикативы типа *treba*, *neslobodno*, *možno*, *nemožno*, *načim*, обл. *nadbe*, *nemôž*. Характерно, что эти предикативы не имеют формы инфинитива: нельзя сказать »*byť treba*«, »*byť neslobodno*« и т. п. Ср. также неупотребительность инфинитива у глагола *я могу́*.

К модальным безличным предикативам типа *на́до*, *ну́жно*, *мо́жно*, *нельзя́*, *необходи́мо*, *невозмо́жно*, *до́лжно*, устар. *на́добно* и др. теснейшим образом примыкают сочетания типа *я до́лжен*, *я должна́*, *мы должны́* в значении »musím« или »mám (niečo urobiť)«. Модальный предикатив *я до́лжен (поторопи́ться)* омонимичен с предикативной формой *я до́лжен ему сто рубле́й* »som mu dlžen 100 rubľov«. Аналогичные формы предикативов имеются также в восточнословацких и украинских говорах: *ja nehoden to zrobic* «я не могу этого сделать», «я не в состоянии этого сделать».

Общей формальной характеристикой модальных предикативов в русском языке является особый способ выражения категории времени и наклонения. Дело в том, что время выражается у модальных предикатов аналитически, при помощи вспомогательного глагола *был (была, было, были)*, *будет (буду, будешь...)*. Формы вспомогательного глагола в сочетании с предикативом становятся чисто формальным показателем, что выражается в их акцентологическом ослаблении и в их энклитическом употреблении. Другими словами: временные показатели стоят при модальных предикативах обычно после данного предикатива и не имеют полного ударения, ср. *ему́ мо́жно_было кури́ть*, *мне на́до_будет сходи́ть в сброд*, *ему на́до_будет позанима́ться*, *я до́лжен_был верну́ться*, *она́ должна́_была́ верну́ться*. Энклитически-неполноударное употребление временных показателей при предикативах выпукло выступает при сопоставлении таких предложений, как *ему́ на́до_будет позанима́ться* и *ему́ пальто́ бу́дет мало́*. Правило об энклитически-неполноударном употреблении временных показателей при предикативах в русском языке необходимо учитывать

в речевой практике, т. к. словаки и чехи часто допускают в этом отношении ошибки: по-русски не говорят «мне было нельзя́ прийти», а только *мне нельзя́ было прийти́*![1] Модальные предикативы в русском и словацком языках имеют не только особые постпозитивные формы времени, являющиеся формальной характеристикой данной части речи, но образуют также формы наклонения: *на́до бы сходи́ть в го́род, об э́том мо́жно было бы поговори́ть в друго́й раз*, ср. словац. *bolo by treba* ísť do mesta, *bolo by možné* počkať. Возможность образования форм наклонения резко отличает предикативы от наречий, не знающих таких форм.

Словацко-русские соответствия в употреблении модально-предикативных выражений

Если приёмы, служащие для выражения модально-предикативных отношений в русском и словацком языках в общих чертах совпадают, то в частностях имеются некоторые расхождения, заслуживающие нашего внимания.

Семантика модально-предикативных выражений допускает тонкие оттенки значения, иногда связанные с личным или безличным их употреблением, а иногда зависящие от их сочетания с глаголами совершенного или несовершенного вида. Небесполезно поэтому сопоставить основные словацкие конструкции — русским, исходя при этом из словацкого языкового материала.

В первую очередь следует различать безличные, возвратные и личные выражения модально-предикативных отношений.

1. Безличным предикативам *treba, možno, netmožno, neslobodno* соответствуют в русском языке безличные предикативы *на́до, ну́жно, необходи́мо, до́лжно, мо́жно, нельзя́:* предикативы *на́до* и *ну́жно* вполне синонимичны; слово *необходи́мо* относится преимущественно к книжным стилям; слово *до́лжно* имеет чисто книжную и, в современном языке, даже несколько архаическую окраску.

Примеры:

treba sa poponáhľať — *на́до, ну́жно поторопи́ться;*
treba zdôrazniť — *необходи́мо подчеркну́ть;*
treba dodať, že... — *до́лжно доба́вить, что...*

---

[1] Наряду с нормальным порядком слов *ему́ нельзя́ было помо́чь* в русском языке возможна инверсия, мотивированная смысловым ударением: *помо́чь ему было нельзя́*. Но и в этом случае временной показатель *было* употребляется энклитически с ослабленным ударением.

Слово *до́лжно* в качестве безлично-модального предикатива по месту ударения отличается от формы *должно́* в таких сочетаниях, как *это должно́ вам понра́виться* »to sa vám musí páčiť«, *между на́ми не должно́ быть недоразуме́ний* »medzi nami nesmú byť nedorozumenia«.

Безличному предикативу *možno* соответствует в русском языке предикатив *мо́жно*, сочетающийся с глаголами совершенного или несовершенного вида:

možno povedať	— *мо́жно сказа́ть;*
možno hovoriť	— *мо́жно говори́ть.*

Словацкому безличному предикативу *nemožno* соответствует в русском языке только безличный предикатив *нельзя́*:

nemožno tvrdiť	— *нельзя́ утвержда́ть;*
naňho sa nemožno spoľahnúť	— *на него́ нельзя́ положи́ться.*

(Русское выражение *невозмо́жно* соответствует словацкому *nie je možné* или *nedá sa.*)

Словацкому предикативу *neslobodno* соответствует в русском языке предикатив *нельзя́*:

neslobodno fajčiť	— *нельзя́ кури́ть;*
neslobodno zabúdať, že...	— *нельзя́ забыва́ть, что...*

2. Словацким безличным оборотам, выраженным возвратной формой модальных глаголов, в русском языке соответствуют следующие обороты:

môže sa namietnuť	— *мо́жно возрази́ть;*
nemôže sa tvrdiť	— *нельзя́ утвержда́ть;*
tu sa smie fajčiť	— *здесь мо́жно кури́ть;*
nesmie sa podceňovať	— *нельзя́ недооце́нивать;*
musí sa mať na zreteli	— *необходи́мо име́ть в виду́;*
nemusí sa ísť do mesta	— *не на́до идти́ (е́хать) в го́род.*

Словацкой безлично-возвратной конструкции с *dá sa* соответствует в русском языке конструкция с предикативом *мо́жно*:

to sa dá opraviť	— *э́то мо́жно испра́вить;*
to sa dalo očakávať	— *э́того мо́жно было ожида́ть.*

Отрицательная форма *nedá sa* соответствует русскому *нельзя́* или, при более категорическом оттенке значения — *невозмо́жно*:

bola taká tma, že sa *nedalo* čítať	— было так те́мно, что *нельзя́ было* чита́ть;

cudzí jazyk *sa nedá* naučiť za niekoľko týždňov — иностра́нному языку́ *невозмо́жно* научи́ться за не́сколько недель.

Ср. идиоматический оборот: *nedá sa nič robiť* «ничего не поде́лаешь».

Словацкой безлично-возвратной конструкции *má sa* соответствует русское безличное выражение *сле́дует* или предикатив *на́до, ну́жно*:

to *sa malo* spraviť už dávno — э́то *сле́довало* сде́лать уже́ давно́; или: э́то *на́до было* сде́лать уже́ давно́;

to sa nemá podporovať — *э́того не сле́дует поддержива́ть.*

3. Словацкие лично-модальные глаголы типа *musím, mám, smiem, potrebujem* соответствуют в русском языке следующим модально-предикативным выражениям:

musím — *я до́лжен, я должна́* или *мне на́до;*

musím tam byť o piatej — я до́лжен быть там в 5 часо́в; или: мне на́до там быть в 5 часо́в;

mám — *я до́лжен, я должна́;*

mám prísť zajtra — я до́лжен прийти за́втра.

Словацким конструкциям с *mám* соответствуют также русские инфинитивные конструкции, ср. *čo mám robiť? — что мне де́лать?, kam mám ísť? — куда́ мне идти́?; na koho sa mám obrátiť? — к кому́ мне обрати́ться?*

smiem — *(мне) мо́жно;*

smiem znovu fajčiť — *мне опя́ть мо́жно кури́ть;*

smiem vás odprevadiť? — *мо́жно вас проводи́ть?*

nesmiem — *(мне) нельзя́;*

nesmiem jesť mäso — *мне нельзя́ есть мя́са;*

nesmieme zabúdať, že... — *нельзя́ забыва́ть, что...*

potrebujem с инфинитивом — *мне необходи́мо, мне на́до;*

potrebujem tam byť ešte dnes — *мне необходи́мо быть там ещё сего́дня;*

potrebujem niekoho, niečo — *мне ну́жен (нужна́) кто, что;*

potrebujem pokoj — *мне ну́жен поко́й;*

potrebujem izbu — *мне нужна́ ко́мната;*

potrebuje peniaze — *ему́ нужны́ де́ньги.*

Эти сопоставления помогут выяснить круг применения русских и словацких предикативов.

Местоименные предикативы типа *не́чего, не́когда*

Традиционная грамматика относит, как известно, слова типа *не́чего* к отрицательным местоимениям, а слова типа *не́когда, не́куда* — к наречиям. Такого рода разобщение слов, структурно между собою связанных, нам кажется малооправданным. Нельзя не заметить, что слова указанного типа функционируют в предложении в одной единственной функции, а именно — исключительно в функции сказуемого. Они могут употребляться в безличных конструкциях (*сейча́с не́когда занима́ться пустяка́ми* »teraz nie je na to čas, aby sme sa zaoberali malichernosťami«) или же в сочетании с дательным падежом лица (*мне не́когда сейча́с с ва́ми разгова́ривать* »teraz nemám kedy sa s vami rozprávať«). Всё это несомненно роднит разбираемую группу слов с модальными предикативами типа *на́до, мо́жно*. По своей семантике слова типа *не́чего, не́когда* близки к модальным предикативам, т. к. они выражают модальность (невозможность или, вернее, отсутствие возможности или необходимости). Эта близость к модальным предикативам проявляется и формально: как и модальные предикативы, слова типа *не́чего, не́когда* образуют аналитические формы времени, причём временные показатели *было, будет* употребляются энклитически, с неполным ударением: *не́чего_было де́лать, не́куда_было идти́, не́зачем_будет спра́шивать*. От модальных предикативов типа *мо́жно* слова типа *не́чего, не́кому* отличаются своеобразной «изменяемостью» по падежам, роднящей их с местоимениями. Здесь мы имеем дело с типичным случаем конфликта старой формы (местоименной) с новой функцией (предикативной).

К числу предикативов данного типа относятся неизменяемые слова (восходящие к наречным местоимениям) типа *не́куда, не́откуда, не́где, не́когда* и адвербиализованные формы типа *не́зачем* »je zbytočné«, *не́чего* »je zbytočné«. В словацком языке им в большинстве случаев соответствуют конструкции с *nemám kam, nemám odkiaľ, nemám kedy*.

Кроме того, в эту группу входят падежные формы типа *не́кого — не́чего, не́кому — не́чему, не́чем* »nemám čím«, а также своеобразные предложные сочетания типа *мне не́ с кем поговори́ть* »nemám sa s kým porozprávať«, *мне не́ у кого спроси́ть, мне не́ на что купи́ть, мне не́ от кого узна́ть, мне не́ из чего пить* и т. п. В этих формах ударение падает всегда на частицу *не́*, а предлог вставляется между отрицанием и падежной формой, которая, в свою очередь, произносится с неполным ударением. Важно отметить, что местоимения *не́кто, не́что*, с точки зрения современного языка, не соотнесены с предикативами *не́кого, не́кому, не́чего, не́чему* и т. д. и что эти последние не являются «падежными формами» местоимений *не́кто, не́что*.

Как видно, разряд предикативов в русском языке продуктивен и жив; в него втягиваются из разных других частей речи всё новые и новые слова.

Предикативы, восходящие к именам существительным типа *пора́, жаль*

В современном русском языке имеется несколько предикативов, генетически восходящих к именам существительным. У многих из них связь с соответствующим существительным ещё ощущается (ср. *мне лень идти́ на конце́рт* »nechce sa mi, ťažší sa mi ísť na koncert«, но: *он не мог преодоле́ть свое́й ле́ни*). Менее ощутима связь между предикативом *пора́* (напр. *пора́ встава́ть* »treba už vstávať«, *пора́ домо́й* »je čas ísť domov«) и существительным *пора́* »čas, doba« *(наста́ла ле́тняя пора́)*. У предикативов *жаль, недосу́г* (*мне недосу́г* »nemám kedy«) и некоторых других ни о какой связи с существительным в синхроническом плане не может быть и речи; эти слова, правда, исторически восходят к соответствующим существительным (ср. словац. существительное *žiaľ*), но в современном языке уже не воспринимаются как таковы. Подобные отношения наблюдаются также у словацких предикативов *je škoda, zima, tma, je mi súra, ďaka*, ср. škoda *bolo* hovoriť, *bolo* mi zima.

Предикативы этого типа образуют формы времени при помощи энклитических неполноударных показателей *было, будет*: *пора́_было встава́ть, ле́нь_было идти́, жа́ль_было расстава́ться*; ср. «И *охо́та было* не слу́шаться» (Пушкин).

К предикативам, восходящим к именам существительным, в русском языке можно далее отнести *охо́та, неохо́та* »že sa vám chce...« *(охо́та вам с ним вози́ться), не след* »nemal by som, nemal by si...« (напр. «Вам от основно́го отрыва́ться *не след*», Вл. Добровольский: Женя Маслова), *не вре́мя* («Шутить *не вре́мя*»), разг.-устар. *лафа́*, соответствующее словацкому предикативу »hej« (*там ему́ бу́дет лафа́* »tam mu bude hej«) и некоторые другие. Характерной чертой этих предикативов, восходящих к именам существительным, является, по словам акад. В. В. Виноградова, утрата основных свойств имени существительного, их «обеспредмечение».[1]

Предикативы «чувственного восприятия» типа *ви́дно, вида́ть*

В русском и словацком языках имеется небольшая группа предикативов, обозначающих чувственные восприятия. Предикативы, входящие в эту группу, по своему морфологическому составу неоднородны. Сюда принадлежат предикативы типа *ви́дно* »vidno«, *слы́шно*, а также формы *вида́ть, слыха́ть*, внешне совпадающие с формами соответствующих инфинитивов.

---

[1] Ср. В. В. Виноградов: Русский язык, стр. 417.

ничены определёнными, более или менее замкнутыми семантическими группами.

В первую очередь выделяются предикативы, обозначающие состояние окружающей среды. Они употребляются в безличных конструкциях: *здесь хо́лодно, сего́дня тепло́, жа́рко, прохла́дно, со́лнечно, па́смурно, дожди́во, тума́нно, сы́ро* »je sychravo« и т. п. К ним примыкают формы типа *здесь ую́тно* »tu je útulno«, *здесь удо́бно, здесь те́сно* и т. п.

Вторую группу составляют предикативы, выражающие физическое ощущение или душевное состояние. Они употребляются с дательным лица: *мне тепло́, мне хо́лодно* »je mi zima«, *мне ве́село, мне жу́тко* »je mi úzko«. В ряде случаев русским предикативам этого типа соответствуют в словацком языке конструкции с личными формами глагола:

мне бо́льно	— bolí ma (to)
мне сты́дно	— hanbím sa
мне ску́чно	— nudím sa
мне вку́сно	— chutí mi (to)
мне стра́шно	— bojím sa
мне удо́бно	— hodí sa mi

В пределах этой второй группы обращают на себя внимание особые приёмы «управления». Ср. «очень *бо́льно нбгу* в бедре́» (Шишков: Угрюм-река), а также своеобразные конструкции с двойным дательным падежом: *мне нога́м хо́лодно* »je mi zima na nohy«.

Предикативы «состояния» отличаются от предикативов с модальным оттенком значения тем, что формы грамматического времени *(было, будет)* не употребляются обязательно в энклитическом положении: можно сказать *мне сты́дно было* и *мне было сты́дно*.

В отличие от модальных предикативов, а также от предикативов типа *пора́, не́чего* и т. п., предикативы «состояния» могут сочетаться с неполнозначными глаголами: *мне ста́ло хо́лодно* »začalo mi byť zima«, *мне сде́лалось стра́шно* »začal som sa báť«, *мне сде́лалось ду́рно* »prišlo mi zle«.

Вопрос о грамматическом характере кратких форм прилагательных

Краткие формы прилагательных относятся несомненно к парадигме прилагательных и неотделимы от них. По своей функции в современном русском языке краткие формы прилагательных, однако, связаны исключительно с предикативным употреблением и, следовательно, тяготеют к переходу в разряд предикативов.

В русском языке имеется только несколько слов типа *я рад, я намéрен, я прáв, я непрáв*, исторически являющихся краткой формой прилагательных, но уже не соотнесённых с полными формами. В словацком языке им соответствуют такие формы, как *rád, dlžen, hoden*, при отсутствии соотносительных полных форм »rády«, »dlžný«, »hodný« в значении «достойный». Именно эти изолированные формы и образуют «грамматическое ядро» предикативов,[1] объединяя вокруг себя всё больший круг слов. К этой же группе следует отнести и формы *вúден, видна́, вúдны, слы́шен, слышна́, слы́шны*. Прилагательное *вúдный* в полной форме преимущественно употребляется в значении «значительный, важный», ср. *занима́ть вúдное мéсто* »mať dôležité miesto«, *вúдный учёный* »vynikajúci vedec«. Краткая форма *вúден, видна́* имеет оттенок модальности: в словацком языке ей соответствует предикатив *vidieť*, ср. *из окна́ вúдны были гóры* »z obloka bolo vidieť hory«. С формальной точки зрения эти формы примыкают к предикативам, поскольку прошедшее и будущее время образуются при помощи энклитических неполноударных временных показателей: *вúден ˌбыл, вúдны ˌбудут* и т. п.

К этим словам примыкают слова типа *я дóлжен, он нýжен*, о которых уже говорилось в отделе модальных предикативов. Ведь форма *я дóлжен* семантически не соотнесена с прилагательным *дóлжный* »náležitý«. Семантический отрыв от полных форм наблюдается также у прилагательных типа *мал, вели́к, широ́к* и т. п., обозначающих в краткой форме чрезмерность признака (ср. стр. 201).

Особое место занимают формы кратких прилагательных среднего рода: *мне интере́сно, мне прия́тно* или в безличном употреблении *интере́сно, прия́тно* »je zaujímavé, príjemné«. В словацком языке им соответствуют формы прилагательных среднего рода. Названные прилагательные чаще всего стоят в качестве вводных безличных предложений, ср. *интере́сно, что автор об э́том ума́лчивает; любопы́тно, что...* »je pozoruhodné, že...«, *есте́ственно, что...* »je prirodzené, že...«, *удиви́тельно, что...* »je zarážajúce, že...« и т. п. Обладая лишь формальным семантическим и грамматическим весом, эти вводные слова-предложения легко переходят в модальные (вводные) слова, ср. *есте́ственно, что тако́е отноше́ние к де́лу должно́ было отрази́ться на его́ рабо́те* или *тако́е отноше́ние к де́лу должно́ было, есте́ственно, отрази́ться на его́ рабо́те.*

В словацком языке в аналогичных случаях употребляется, естественно, полная форма прилагательного среднего рода на *-é (-e): je zaujímavé, je pozoruhodné, je pcešujúce*. В ряде случаев в словацком языке появляются

---

[1] В. В. Виноградов: Русский язык, стр. 404.

особые предикативные формы на *-o*, не соотнесённые с именем прилагательным, ср. *nie je radno* «не рекомендуется», при отсутствии соответствующего прилагательного *radný*.

Предикативы наличия

Под этим термином рассматриваются здесь слова типа *есть*, *нет*, выражающие либо наличие (prítomnosť, výskyt), в узком смысле этого слова, либо, в сочетании с показателем лица, — посессивные отношения. Трудно сомневаться в том, что в предложении *В садý есть фруктóвые дерéвья* словом *есть* выражено именно наличие данного предмета, а в предложении *У меня́ есть велосипéд* — посессивное отношение. Менее ясным представляется грамматический характер данных слов. Какую роль они играют в предложении, к какой части речи их следует отнести?

Прежде всего необходимо отметить, что в современном языке слова *есть* и *нет*, употребляемые в данной функции, не являются глаголами. Глагольный характер слова *есть* в значении «имеется, наличествует» был утрачен русским языком ещё в XIII веке.[1] Это вытекает хотя бы из отсутствия согласования с именем существительным: *у меня́ есть кни́га — у меня́ есть кни́ги.*[2] В разных языках слову *есть* соответствуют безличные выражения типа фр. *il y a*, англ. *there is, there are*, венг. *van* и т. п. В словацком языке ему соответствует форма *je, sú (v potoku je voda, v potoku sú ryby)*. Нетрудно показать, что в данном случае слова *je, sú* семантически и синтаксически отличаются от своих омонимов, *je, sú*, выступающих в качестве связки: ср. *voda je v potoku — v potoku je voda; ryby sú v potoku — v potoku sú ryby*. В значении «имеется, наличествует» слова *je, sú* синонимичны с выражением *jesto*, которое уже никак нельзя считать глагольной формой. Утвердительному предложению *v potoku sú ryby* соответствует отрицательное предложение *v potoku niet rýb*. Совершенно очевидно, что в словацком языке так же, как и в русском, слово *niet* не является глагольной формой. На наш взгляд, слова *есть, нет*, а также *jesto, niet* (*je, sú* в значении «имеется») — безличные предикативы.[3]

---

[1] Ср. *а та правда есть промѣжи васъ и насъ* в грамоте рижского архиепископа к смоленскому князю Феодору 1284 г. Для отрицательной формы сравни: *а иное грамоты оу насъ нѣтоуть* в грамоте Александра Невского 1262—1263 гг. (А. В. Исаченко: Судьбы формы «есть». Древнерусские этюды, Любляна 1941, стр. 24—27.)

[2] Слово *есть* со значением «имеется, наличествует» не следует смешивать со связкой *есть* в таких предложениях, как *Сою́з Сове́тских Социалисти́ческих Респу́блик есть социалистическое государство рабочих и крестьян* (Конституция СССР).

[3] Определение грамматической природы таких предикативов, как русское *есть*, фр. *il y a*, теснейшим образом связано с определением грамматической природы

А. М. Пешковский относил слова *есть* и *нет* к сказуемостным словам. Он писал: «Можно сказать, что глагольность, поскольку мы пока отвлекаемся от интонационного момента, лежит в основе сказуемости. Но, быть может, есть еще слова в языке *не* собственно-глагольные и *не* присвязочные, которые способны были бы выражать мысль? Нам известно в регулярном употреблении только три таких в русском языке: «есть (в смысле «имеется»), «нет» (в смысле «не существует») и «на!» (в смысле «возьми!»).[1] Эти неглагольные сказуемостные выражения *есть* и *нет* мы и называем предикативами наличия.

Вопрос о грамматическом характере слов типа *есть*, *нет* осложняется ещё и тем, что они не образуют прямых форм прошедшего или будущего времени: при предикативах *есть*, *нет* имеются формы *был (была́, бы́ло, бы́ли)*, *бу́дет (бу́дут)* в прошедшем и будущем, ср. *в саду́ бы́ли фрукто́вые дере́вья, у меня́ бу́дет велосипе́д, в ручье́ не́ было воды́*. По-видимому, мы здесь имеем дело с безличным употреблением форм глагола *быть*.

Предикативы *есть*, *нет* занимают в системе предикативов особое место. Им не свойственны оттенки модальности, они почти лишены вещественного значения. Это, по-видимому, предикативы с самым общим значением «наличия», употребляющиеся в русском языке также для выражения посессивных отношений.

В сочетании с личными показателями *у меня́*, *у тебя́*, *у него́* предикативы *есть (нет)* соответствуют глаголам со значением «иметь» в других языках, ср. фр. *avoir*, нем. *haben*, англ. *to have*. В венгерском языке безличная форма *van* «есть» употребляется для выражения посессивных отношений, ср. *van ceruzám* «у меня есть карандаш» (дословно: «есть карандаш мой»). Исходя из словацкого *mám ceruzu* «у меня есть карандаш», можно было бы на первый взгляд подумать, что слово *каранда́ш* является в данном случае прямым дополнением. Этому противоречит тот факт, что оно стоит в именительном падеже *(у меня есть кни́га)*. Трудно также считать это слово подлежащим,

---

предикативного существительного *(есть лю́ди, которые..., il y a des gens, qui...)*. Школьная грамматика считает эти существительные подлежащими предложения Однако в безличном предложении не может быть подлежащего. Швейцарский лингвист Сешеэ (Séchehaye) считает слово *des gens* в приведённом предложении «внешним дополнением» (complément extrinsèque), в другом месте — «прямым дополнением» (complément direct), приписывая ему сказуемостный характер. Такая концепция связана с его тезисом, будто *il y a* не является сказуемым, а только «членом отношения» (terme de relation). Ср. La structure logique de la phrase, Paris, 1926, 146. Оставляя в стороне вопрос о синтаксической природе данного члена предложения, отметим, что мы не видим основания отказывать безличным оборотам типа *есть*, фр. *il y a* в явно предикативной природе.

[1] А. М. Пешковский: Русский синтаксис в научном освещении, 1928, стр. 194.

ибо тогда пришлось бы в отрицательной форме («у меня нет карандаша́») слово *каранда́ш* тоже признать подлежащим, что по меньшей мере неубедительно. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с особым членом предложения, обозначающим «носителя состояния» и согласующимся с предикативом там, где это допускает форма, но по своей функции не совпадающим ни с подлежащим, ни с дополнением.

К числу предикативов наличия относится в русском языке предикатив *налицо́*, соответствующий в разных контекстах нескольким словацким предикативным выражениям:

здесь налицо́ оши́бка — tu je chyba
здесь налицо́ преступле́ние — tu ide o zločin
доказа́тельства налицо́ — dôkazy sú poruke и т. п.

Интересно, что конструкции с *есть*, *нет*, а также конструкции с *у меня́ есть*, *у тебя́ есть* трактуются в учебниках как особые словарные или фразеологические элементы, так называемые «русизмы». Относя *есть*, *нет*, *налицо́* к разряду предикативов, мы этим самым подводим под них грамматическую базу.

Слова и обороты, втягиваемые в круг предикативов

Необходимо отметить, что многие предикативы относятся несомненно к основному словарному фонду русского языка. Это, в первую очередь, слова типа *на́до*, *нельзя́*, *ну́жно*, *мо́жно*, далее слова типа *не́куда*, *не́чего*, *не́зачем*, предикативы типа *пора́*, *жаль*, *есть*, *нет* и др. Эта группа слов в русском, да и в словацком языке, настолько обособлена от других частей речи, что обладает способностью вовлекать в свою орбиту всё новые и новые слова. Объединяющим признаком является, естественно, синтаксическое употребление слова в качестве сказуемого. Особенно легко вовлекаются в круг предикативов слова и выражения с отрицательным значением: именно по этому признаку слова типа *не́чего*, *не́куда* вошли в разряд предикативов. В русском языке имеется значительное количество предикативов с отрицательным значением, не имеющих соответствующих положительных форм, ср. *мне невтерпёж* »je mi na nevydržanie«, *мне невдомёк* »nemôžem pochopiť«, *мне непочём* »pre mňa je maličkosťou«, *я не про́чь* »nie som od toho« (при отсутствии соответствующих форм «втерпёж», «вдомёк», «почём», «я прочь»). Предикатив *нели́шне* в таких сочетаниях как *нели́шне бу́дет напо́мнить, что...* »nebude od veci pripomenúť«, не имеет положительного соответствия «лишне». Вот почему среди фразеологических оборотов, примыкающих к классу предикативов, так часты

обороты и выражения с отрицательным значениям: *мне не по себе́* »som nesvoj« (нельзя сказать: «мне по себе»), *он не в ду́хе* »má zlú náladu«, *он сего́дня не в го́лосе* »nie je disponovaný«, *они́ не в лада́х* »neznášajú sa«, ср. своеобразное предикативное употребление слова *дура́к* в сочетании *он не дура́к вы́пить* »vyzná sa v pijatike«. То же явление наблюдается в словацком языке: предикативы и предикативные выражения *nie je od veci, nie som od toho, som nesvoj* и т. п. не имеют положительной формы »je od veci«, »som od toho«, »som svoj« и т. п. Тот факт, что именно отрицательные обороты легче всего попадают в круг предикативов, объясняется, по-видимому, тем, что значительной части предикативов свойственны разнообразные модальные оттенки, а отрицание является одним из основных проявлений модальности в языке.

Круг предикативов постоянно расширяется за счёт устойчивых фразеологических оборотов, ср. *он не в свое́й таре́лке* »cíti sa nesvoj«.

К кругу предикативов примыкают также такие обороты, которые являются эквивалентами сказуемых, присоединяемых при помощи союза *и* к другим предложениям, ср. *и был тако́в* »a bol tam«, *и де́ло с конце́м* »a basta«, разг. *и на́ших нет* »a je to«.

*

На основании всего сказанного можно прийти к заключению, что разряд предикативов в русском языке объединяет значительное количество слов разного типа. Сфера употребления предикативов не ограничивается безличными конструкциями, как это думают авторы учебника «Современный русский язык. Морфология».[1] Существование категории предикативов, как особой части речи в русском языке, нагляднее всего проявляется в том, что предикативы, не будучи глаголами, приобрели морфологические показатели времени и наклонения, выражаемые аналитически: *на́до-было, на́до_бы; пора́_было, пора́_бы; хорошо́_было, хорошо́_бы; я до́лжен_был, я до́лжен_был-бы* и т. п.

[1] Современный русский язык. Морфология. Издательство Московского университета, М. 1952, стр. 349—404.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию 6

ГЛАВА I. МОРФОЛОГИЯ И ЕЕ МЕСТО В КРУГУ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Грамматический строй языка как предмет грамматики 7
Взаимосвязанность между грамматическим строем и звуковой стороной языка . 10
Грамматический строй и словарный состав 12
Предмет морфологии как особого раздела грамматики 13
Учение о частях речи 20
Учение о морфологических категориях 25
Формы слова 27
Продуктивные и непродуктивные формы 31
Связь морфологии с синтаксисом 34
Синтаксис и фразеология 37
Морфология и стилистика 40
О сопоставительном методе 41

ГЛАВА II. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Семантические, морфологические и синтаксические признаки имени существительного 47
Грамматическая категория рода 50
Трактовка грамматического рода иностранных слов в русском, словацком и чешском языках 54
Род несклоняемых имён существительных 58
Перебои в грамматическом роде иностранных слов 60
Род уменьшительных и увеличительных существительных 61
Семантико-грамматические классы внутри категории грамматического рода . . 61
Класс живых существ („одушевлённых“) в русском языке 65
Вопрос о „подклассе лиц“ в русском языке 66
„Общий“ род в русском языке 70
Утрата категории рода во множественном числе 72
Грамматическая категория числа 73
Следы двойственного числа 77
„Двойные“ формы именительного (винительного) падежа множественного числа и их значения 78
Pluralia tantum 79
Singularia tantum 82
Вопрос о „категории вещественности“ в русском языке 85
Singularia tantum с вещественным значением 87
Сингулятивы 89
Употребление имён собственных во множественном числе 90
Грамматическая категория падежа 91
Формальный состав падежей в русском языке 91
Вопрос о „значении“ падежных форм 94
Реализация падежных форм в языках аналитических и синтетических . . . 96
Основные типы падежных конструкций 98
Адвербиальное употребление падежных форм 100
Синтаксические функции падежей 102

Склонение имён существительных

Принципы парадигматической классификации имён существительных 105
Продуктивные типы склонения 108
Непродуктивные типы склонения 108
Правописание падежных окончаний 110
Первое склонение (мужской род) 111
Формы родительного падежа единственного числа 114
Формы предложного („местного") падежа единственного числа 120
Окончание -а́ в именительном падеже множественного числа 123
Окончание -я́ в именительном падеже множественного числа 125
Окончание -ья́ ударяемое в именительном падеже множественного числа . . 126
Окончание -ья безударное в именительном падеже множественного числа . . 126
Окончание -и в именительном падеже множественного числа „твёрдых" основ 126
Формы родительного падежа множественного числа 127
Беглые гласные о, е, ё 128
Акцентологические типы 129
Оттяжка ударения на предлог 134
Реликты старославянского склонения 136
Первое склонение (средний род) 137
Общие примечания к падежным формам 137
Формы именительного падежа множественного числа 138
Формы родительного падежа множественного числа 139
Беглые гласные в родительном падеже множественного числа среднего рода 140
Акцентологические типы 141
Склонение личных имён на -о 143
Оттяжка ударения на предлог 144
Склонение имён существительных на -ие и -ье 145
Второе склонение 147
Творительный падеж единственного числа 149
Формы родительного падежа множественного числа 149
Беглые гласные о, е, ё 151
Акцентологические типы 152
Оттяжка ударения на предлог 156
Склонение существительных на -ья 157
Склонение существительных на -ия 158
Склонение существительных мужского и „общего" рода на -а, -я, -ья и -ия . 158
Третье склонение 159
Акцентологические типы 161
Оттяжка ударения на предлог 162
Иррегулярные формы творительного падежа на -ию, -ми 162
Склонение слов вошь, ложь, рожь, любо́вь, це́рковь 162
Склонение существительных де́ти, лю́ди и других pluralia tantum 163
Четвертое склонение 163
Существительные типа телёнок — теля́та 164
Существительные типа горожа́нин — горожа́не 165
Существительные мать и дочь 166
Существительные типа вре́мя 167
Изолированные существительные 167
Склонение существительных pluralia tantum 168
Несклоняемые имена существительные 169
Субстантивированные прилагательные 171
Соотношения между типом склонения и грамматическим родом 172

ГЛАВА III. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Семантические, морфологические и синтаксические особенности имён прилагательных 173
Семантические разряды имён прилагательных 175
Качественные имена прилагательные 176
Относительные имена прилагательные 179
Притяжательные имена прилагательные 179
Относительно-притяжательные имена прилагательные 180

Переходы из одного разряда в другой 180
Нейтрализация семантических разрядов в комплексных лексических единицах . 182
Суффиксы субъективной оценки 182
Парадигматический состав качественных и относительных прилагательных
Твёрдый тип 184
Мягкий тип прилагательных 186
Краткие формы прилагательных 189
Сфера употребления кратких форм прилагательных 197
Предикативные безличные формы прилагательных среднего рода 200
Значение кратких форм некоторых качественных прилагательных 201
Вставные гласные в кратких формах прилагательных мужского рода 201
Акцентологические типы кратких форм 203
Вопрос о грамматическом характере степеней сравнения 205
Типы образования степеней сравнения 206
Формы сравнительной стелени с приставкой по- 212
Непродуктивные типы образования сравнительной степени 212
Значение слов типа лу́чший, бо́льший 215
Ударение форм сравнительной степени 216
Значение слов на -а́йший, -е́йший и на наи- 217
Парадигматический состав притяжательных прилагательных 218
Притяжательные прилагательные в русском и словацком языках 221
Склонение притяжательных имён прилагательных 224
Переход притяжательных имён прилагательных в относительные 225
Относительно-притяжательные прилагательные 226
Взаимоотношения между именем прилагательным и другими частями речи . . . 227
Связь имён прилагательных с синтагмами 232
Субстантивация прилагательных 233
Склонение русских фамильных имён на -ов, (-ёв), -ев, -ин (-ын) 240
Субстантивированные прилагательные в качестве названий городов и населённых
пунктов 241

ГЛАВА IV. НАРЕЧИЕ

Является ли наречие самостоятельной „частью речи“? 243
Определение наречия как особой части речи 250
Определительные наречия 250
Обстоятельственные наречия 254
Продуктивные типы образования наречий 255
„Аналитические“ формы наречий 259
Ударение продуктивных наречий 259
Образование форм степеней сравнения от определительных наречий 260
Непродуктивные типы наречий 263
Некоторые приёмы адвербиализации 266
Могут ли наречия употребляться в функции сказуемого? 267
Количественные и градационные слова 270
Отграничение наречий от других частей речи 271

ГЛАВА V. ПРЕДИКАТИВЫ („Категория состояния“)

Предикативы как особая часть речи 278
Модальные предикативы 283
Словацко-русские соответствия в употреблении модально-предикативных выра-
жений 285
Местоименные предикативы типа не́чего, не́когда 288
Предикативы, восходящие к именам существительным типа пора́, жаль 289
Предикативы „чувственного восприятия“ типа ви́дно, вида́ть 289
Предикативы „состояния“ 290
Вопрос о грамматическом характере кратких форм прилагательных 292
Предикативы наличия 294
Слова и обороты, втягиваемые в круг предикативов 296

UNIV. PROF. DR. ALEXANDER V. ISAČENKO, DRSC.

GRAMATICKÁ STAVBA RUŠTINY V POROVNANÍ SO SLOVENČINOU

Morfológia I

Technická redaktorka T. Madárová

Korektúry robil Eugen Vitkevič

Druhé vydanie. Vydalo Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied v Bratislave 1965
ako svoju 999. publikáciu
Strán 304

Vytlačil Tisk, knižní výroba, n. p., Brno, provoz 1
AH 23,09, VH 23,81, K — 09*51061, Náklad 1600 výtlačkov
1549/I. — 1964

71 — 037 — 65
12/9 — VI — 2

35,— Kčs